

А.М. ХАЗАНОВ

**СОЦИАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ
СКИФОВ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ

А. М. ХАЗАНОВ

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СКИФОВ

**ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ДРЕВНИХ
КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

Ответственный редактор
А. И. ПЕРШИЦ

В книге раскрывается социальная история скифского общества в сопоставлении с социальной историей других индоевропейских народов и древних кочевников Евразии. Исследуются общие закономерности возникновения и функционирования кочевых обществ, формирования в них классов и государства, взаимоотношения кочевников и земледельцев. Предлагается новая периодизация истории кочевничества в Евразии. Много внимания уделено исследованию общетеоретических проблем кочевничества и раннеклассовых обществ.

10604-136

X----- 130-75

013(02)-75

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена трем основным проблемам. Как видно уже из ее названия, по степени их важности для меня и соответственно по уделяемому им месту эти проблемы следующие: 1) социальная история и социальная организация скифов; 2) основные закономерности функционирования и развития обществ древних кочевников евразийских степей; 3) общее и особенное в социальной организации и истории кочевников евразийских степей в целом. Кроме того, довольно много места уделено трансформации социальной организации общества с комплексной скотоводческо-земледельческой экономикой в связи с переходом к кочеванию — проблеме, для исследования которой только скифское общество представляет необходимый, хотя и недостаточный, материал.

Впрочем, скудость источниковедческой базы по древним кочевникам при работе над книгой ощущалась почти постоянно. Поэтому нередко приходилось прибегать к дедукции и к аналогиям. В. А. Гордлевский заметил однажды, что «аналогия, конечно, объясняет, облегчает понимание фактов, однако, как ни убедительна она, в ней исчезает осязательность» [Гордлевский, 1960, стр. 32]. Когда же фактов не хватает, возможности аналогий становятся еще более ограниченными. И все же иного выхода не было. Поэтому я стремился максимально широко использовать сравнительно-этнографический и исторический материал по кочевникам евразийских степей не только для того, чтобы выявить общие и специфические черты в их социальной организации и истории, но также чтобы с его помощью попытаться выяснить некоторые особенности скифского общества. В первом случае правомерность подобного подхода едва ли нуждается в особом обосновании, во втором — она во многом зависит от решения намеченных выше проблем. Более подробное обоснование конкретных параллелей и аналогий приводится в тексте. Хочу лишь сразу подчеркнуть, что по изложенным причинам некоторые выводы относительно скифского общества представляются гипотетическими мне самому.

К тому же надо учитывать, что скифы, сарматы и некоторые другие кочевники являлись иранцами, а хунну и более поздние номады — тюрками и монголами. Это, с одной стороны, побуждает к определенной осторожности в поисках аналогий, но с другой — облегчает выявление общих черт в кочевых обществах с разными этническими и культурными традициями.

Написанию этой книги предшествовала работа над некоторыми более частными проблемами номадизма в евразийских степях. Именно она утвердила меня в той мысли, что социальную организацию и историю скифов нельзя изучать в отрыве от социальной организации и истории остальных кочевников евразийских степей, а специфику кочевников средневековья и

даже нового времени нельзя понять в полной мере без детального сравнения их с кочевниками древности. После этого оставалось самое трудное — найти время и написать книгу. Теперь она написана, и не мне судить о ее недостатках и достоинствах. *Feci, quod potui, faciant meliora potentes.*

На мою же долю остается только приятный долг поблагодарить всех помогавших мне словом и делом, консультациями и советами, предоставлением неопубликованных материалов и полевых записей. Первая признательность— моей жене И. А. Хазановой, сделавшей все, чтобы облегчить мне работу над этой книгой. Рукопись книги, полностью или частично, читали и сделали ряд полезных замечаний С. А. Арутюнов, Ю. Г. Виноградов, С. Г. Кляшторный, И. В. Куклина, А. М. Лесков, Е. М. Мелетинский, А. И. Мелюкова, Д. С. Раевский, Е. В. Черненко, М. А. Членов, А. И. Шкурко. Им я приношу особую благодарность. И конечно, я не могу не упомянуть всех своих коллег и товарищей по совместной работе в Секторе по изучению истории первобытного общества Института этнографии АН СССР, постоянной поддержке которых я обязан очень многим.

Но больше всего я признателен своему покойному учителю Борису Николаевичу Гракову. Он не только всегда щедро делился со мной своими огромными знаниями, оригинальными замыслами и идеями. Он учил меня большему — этике и эстетике научного исследования, необходимости искать собственные пути в науке и просто преданности любимому делу.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИИ НОМАДИЗМА В ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЯХ

Прежде всего надлежит знать, что в каждом поясе земли существует отдельное [друг от друга] население, [одно] оседлое, [другое] кочевое. Особенно в той области [или стране], где есть луга, много трав, [в местностях], удаленных от предместий городов и от домов...

Рашид ад-Дин

Слово «кочевники» и его международный синоним «номады» в этнографической литературе до сих пор не имеют однозначного употребления. Наряду с подвижными скотоводами под кочевниками — номадами подчас подразумеваются бродячие охотники-собиратели и конные охотники. Такое расширительное употребление терминов иногда приводит к сознательному или бессознательному смешению различных понятий и всегда — к необходимости особо оговаривать вкладываемый в эти термины смысл. Поэтому представляется целесообразным закрепить термины «кочевники» и «номады» лишь за специфическими формами подвижного скотоводства, а остальные роды хозяйственной деятельности, также сопряженные с (подвижностью, именовать «бродячими».

Такое ограничение, однако, еще не содержит в себе определения кочевого скотоводства как рода хозяйственной деятельности. Определений, правда, предложено довольно много, но иногда они весьма сильно расходятся друг с другом. Причина заключается в том, что кочевое скотоводство не отделено от других родов хозяйственной деятельности непроеходимой стеной, а, напротив, связано с ними различными переходными формами [Шенников, 1971, стр. 90—91; Вайнштейн, 1972, стр. 9—10, 74]. Кроме того, некоторые из существующих определений абсолютизируют лишь одну или

несколько особенностей кочевого скотоводства, хотя по возможности должны учитывать все основные. К числу таких особенностей кочевничества относятся: 1) скотоводство как преобладающий род хозяйственной деятельности; 2) экстенсивный характер хозяйства, связанный, с круглогодичным вносовой-ловым содержанием скота на подножном корму; 3) периодическая сезонная подвижность в пределах определенной пастбищной территории; 4) участие в перекочевках большей части населения (в отличие от отгонно-пастбищного скотоводства); 5) преобладание натуральных форм хозяйства (в отличие от современного капиталистического ранчо). Именно эти особенности кочевого скотоводства являются основными и определяют его специфику.

Таким образом, кочевничество, или номадизм, можно определить как особый род производящего хозяйства, при котором преобладающим занятием является экстенсивное подвижное скотоводство, а большая часть населения вовлечена в периодические перекочевки.

Номадизм на земном шаре представлен пятью главными формами: североафриканско-переднеазиатской, в которой в (составе стада преобладают овцы и козы, а основным верховым и транспортным животным является верблюд; африканской к югу от Сахары, в которой разводят преимущественно коров, а всадничество не получило сколько-нибудь, широкого распространения; евразийской, в которой в составе стада преобладают овцы, имеется также крупный рогатый скот, основным верховым животным является лошадь, а транспортным — лошадь и до недавнего времени вол; тибетской высокогорной с яком в качестве важнейшего животного и североазиатской — сугубо оленеводческой.

Конечно, такое разделение до некоторой степени условно — кое-где в Передней Азии лошадь имела большее значение, чем верблюд, и наряду с племенами верблюдоводов там известны племена, разводящие овец и коз. В отдельных районах евразийских полупустынь и пустынь верблюд был важнее лошади. Киргизы Памира разводили яков. В смежных областях вообще нельзя провести четкой грани между различными формами номадизма ни в географическом, ни в хозяйственном отношении. И все же, если пытаться дать наиболее обобщенную характеристику кочевников выделенных регионов, первых можно назвать верблюдоводами, вторых — коровопасами, третьих — коневодами, четвертых — яководами и, наконец, пятых — оленеводами. Более того, учитывая различия в составе стада, определявшиеся экологией указанных регионов, и связанные с ними различия в образе жизни и материальной культуре, можно, по-видимому, говорить о нескольких хозяйственно-культурных типах

или подтипах кочевников [Patai, 1951; Bacon, 1954, стр. 44 и сл.; Андрианов, Чебоксаров, 1972, стр. 14—15; Вайнштейн, 1973, стр. 1 и сл.].

Правда, и верблюд и лошадь в численном отношении обычно всегда уступают мелкому рогатому скоту [Krader, 1955, стр. 309 и сл.]. Но военное и хозяйственное значение верховых животных было во многом определяющим. Не случайно длительное военное преобладание кочевников над земледельцами было характерно только для Северной Африки, Передней Азии и евразийских степей, т. е. тех регионов, где кочевники располагали достаточно выносливыми верховыми животными [Jettmar, 1966, стр. 1 и сл.]. В Африке южнее Сахары оно выглядело значительно более слабым, а в Северной Азии вообще отсутствовало. Чукчи, еще сравнительно недавно занимавшиеся присваивающим хозяйством, были тем не менее сильнее оленеводов-коряков и перешли к разведению оленей, отобрав у коряков большую часть необходимых для этого животных (Богораз, 1934, стр. XXIII; Вдовин, 1965, стр. 10 и сл.).

Кроме того, численные показатели нельзя рассматривать в данном случае как определяющие.

В Монголии, по свидетельству различных источников, лошадь по стоимости приравнялась к одной корове, или 7—10 овцам, или к 10—14 козам. Верблюд стоил две лошади [ср.: Майский, 1921, стр. 135; Рошин, 1971, стр. 19, прим. 10]. В Монгольской Народной Республике в 50-х годах были приняты такие коэффициенты всех видов скота: овца=1, крупный рогатый скот и лошадь = 6, верблюд=12 и коза = 0,75. По численности животных в переводе на овец коневодство в МНР даже в 1950 г. занимало первое место [Шульженко, 1954, стр. 43]. В Туве до революции 10 овец или 20 коз приравнялись по стоимости к одной корове или лошади, две-четыре лошади — к одному верблюду [Вайнштейн, 1972, стр. 41, 288, прим. 5]. У казахов в XIX в. один верблюд стоил 20 годовалых баранов (Зиманов, 1958, стр. 87). По подсчетам С. И. Руденко, у казахов и киргизов в XIX в. взрослая лошадь приравнялась к 6 овцам или козам и к $\frac{6}{5}$ головы крупного рогатого скота [Руденко, 1961а, стр. 5]. В Малой Азии на протяжении веков цена одной коровы равнялась цене 10 баранов [Гордлевский, 1960, стр. 157]. Поэтому, если сравнивать соотношение численности отдельных видов скота у кочевников евразийских степей в XIX — начале XX в.¹, то нетрудно убедиться, что и в стоимостном выражении лошади часто играли более важную роль, чем мелкий рогатый скот.

Сходное положение, вероятно, существовало и в древности. Когда в 83 г. н. э. на сторону Хань перешла одна из групп хунну, она пригнала с собой свыше 100 тыс. голов овец

и крупного рогатого скота и 20 тыс. лошадей [Таскин, 1968, стр. 24]. И в данном случае соотношение было явно в пользу лошадей.

Наконец, универсальные возможности хозяйственного использования лошади, в частности ее способность к тебеневке, опять-таки делали ее наиболее важным животным в составе стада кочевников умеренной зоны Евразии. Разбивая на пастбищах снежный покров, лошадь облегчала доступ к корму и другим животным.

Сами кочевники отлично понимали значение лошади в своей жизни. Казахский хан Касим говорил: «Мы — жители степи; у нас нет ни редких, ни дорогих вещей, ни товаров, главное наше богатство состоит в лошадях... Людям степей без коня и жизнь не в жизнь» [Материалы по истории казахских ханств, 1969, стр. 226].

Верблюд играл аналогичную роль во многих районах Северной Африки и Передней Азии и в южной части умеренной зоны Евразии [Les Prolégomènes d'Ibn Khaldoun, 1863, стр. 255—257; Фиельструп, 1927, стр. 89 и сл.; Першиц, 1961 стр. 27 и сл.; Першиц, 1965, стр. 323 и сл.; Иванов Н. А., 1963; Sweet, 1965, стр. 130 и сл.; Оразов, 1973, стр. 71].

Данная монография посвящена кочевникам одного из отмеченных регионов — евразийских степей, полупустынь и пустынь. Учитывая преобладание степного ландшафта [Берг, 1947; Берг, 1955; Борисов, 1967], этот регион в дальнейшем для краткости будет именоваться евразийскими степями. Время возникновения здесь кочевого скотоводства все еще является дискуссионным вопросом. Предложенные даты варьируют очень сильно: эпоха неолита [Nami Egami, 1968, стр. 324]; вторая половина IV тысячелетия до н. э. [Бибилова, 1972, стр. ПО]; IV—III тысячелетия до н. э. [Toynbee, 1934, стр. 404]; III тысячелетие до н. э. [Мерперт, 1968, стр. 201; Мерперт, 1974, стр. 112 и сл.]; II тысячелетие до н. э. [Черников, 1953, стр. 29; Либеров, 1960, стр. 152; Шилов, 1964, -стр. 102; Шилов, 1970; Плетнева, 1967, стр. 180; Археологія Української РСР, 1971, т. I, стр. 426]; рубеж II— I тысячелетий до н. э. [Тереножкин, 1952а, стр. 8; Грязнов, 1955; Лесков, 1971, стр. 3]; начало I тысячелетия до н. э. [Левин и Чебоксаров, 1955, стр. 9; Грязнов, 1957, стр. 27; Krader, 1959, стр. 499; Руденко, 1961а, стр. 10—11; Жданко, 1968, стр. 275; Акишев, 1972, стр. 45] и даже I тысячелетие н. э. [Андрианов, Мурзаев, 1964, стр. 95—96; Андрианов, Чебоксаров, 1972, стр. 13]. Подобный разноречивый связан отчасти со скудостью источниковедческой базы, отчасти с неоднозначным пониманием сущности номадизма и предпосылок, необходимых для его возникновения.

Возникновение кочевого скотоводства в евразийских степях — результат адаптации обществ с производящей эко-

номикой в определенных экологических нишах. Это явилось следствием синхронного действия различных факторов естественно-географического, социально-экономического и конкретно-исторического порядка ².

Необходимыми предпосылками номадизма как хозяйственно-культурного и социального феномена в данном регионе являются: соответствующая географическая среда (аридная зона, где занятие земледелием без ирригации экономически малоэффективно); видовой состав стада, оптимально приспособленный к условиям степной зоны; наличие верховых животных и колесно-упряжного транспорта; определенная степень имущественной дифференциации, влекущая за собой частно-семейную собственность на скот; возможность общественного разделения труда между скотоводами и земледельцами.

Преобладание скотоводства над земледелием в отдельных районах евразийских степей наметилось не позднее неолита [Пассек, Черныш, 1970, стр. 131—133; Массон, 1970, стр. 111; Археологія Української РСР, 1971, т. 1, стр. 84], и уже в IV тысячелетии до н. э. в Северном Причерноморье были известны все основные виды домашних животных, за исключением верблюда [Цалкин, 1970, стр. 265]. Однако вплоть до конца эпохи бронзы здесь преобладали не чисто скотоводческие, а скотоводческо-земледельческие культуры. Отсутствие верховых животных и характерные для многих культур долговременные поселения указывают на то, что скотоводство было скорее пастушеским, чем кочевым. К тому же, судя по остеологическим материалам, на протяжении нескольких тысячелетий не было заметных изменений видового состава стада и его процентного соотношения в направлении, характерном для кочевого хозяйства [там же, стр. 253].

Освоение лошади как верхового животного, по имеющимся пока достоверным данным, произошло лишь около середины II тысячелетия до н. э. [Смирнов К. Ф., 1961, стр. 46; Yadin, 1963, стр. 218—220; Zeuner, 1963, стр. 337; Акишев, 1972, стр. 44], хотя вполне вероятно, что в дальнейшем эту дату надо будет удревнить [Мерперт, 1974, стр. 115, 134]. Но колесно-упряжный транспорт проник в степи с Ближнего Востока не позднее конца III тысячелетия до н. э. [Мерперт, 1968, стр. 203]. Археологические и лингвистические материалы свидетельствуют, что во II тысячелетии до н. э., а скорее всего и значительно раньше население степной зоны находилось уже на этапе разложения первобытнообщинных отношений (Латынин, 1957; Лагодовська, Шапошникова, Макаревич, 1962, стр. 161; Киселев, 1965, стр. 18 и сл.; История Сибири, 1968, стр. 178 и др.; Мерперт, 1968, стр. 1091 и сл.; Мерперт, 1974, стр. 129 и сл.; Грантовский, 1970,

стр. 359; Археологія Української РСР, 1971, т. I, стр. 292 и др.]. К I тысячелетию до н. э. непосредственно к югу от евразийских степей возникли цивилизации, оказавшие определенное экономическое и, возможно, политическое давление на своих северных соседей [Lattimore, 1951, стр. 59 и др.].

Все эти факторы сделали возможным переход к новому роду хозяйственной деятельности. Когда же на рубеже II и I тысячелетий до н. э. достигло максимума длившееся более тысячи лет усыхание степи вследствие постепенного изменения климата, этот переход стал необходимым [Шнитников, 1957; Гумилев, 1966, стр. 67; Марков, 1973, стр. 110—112].

Таким образом, представляется, что массовый переход населения евразийских степей, полупустынь и пустынь к кочевому скотоводству начался на рубеже II и I тысячелетий до н. э. и в основном завершился в I тысячелетии до н. э. Однако в одних районах он мог начаться и раньше — уже во II тысячелетии до н. э., в других, наоборот, позднее. Археологические материалы далеко не всегда позволяют отличить отгонно-пастбищное скотоводство от кочевого.

Примечательно, что переход к номадизму в евразийских степях и в Передней Азии совершался приблизительно в одно и то же время. В последней для II тысячелетия до н. э. констатируется лишь наличие скотоводческо-земледельческого или полукочевого хозяйства, а начало специализации на разведении верблюдов, позволившей скотоводам полностью порвать с земледелием и превратиться в обитателей пустыни — бедуинов, датируется рубежом II—I тысячелетий до н. э. [Кленгель, 1963, стр. 64, 68; Kiengel, 1968, стр. 75 и сл.; Kiengel, 1972, стр. 168 и сл.; Krader, 1968, стр. 323; Першиц, 1961, стр. 27—28, прим. 7].

На обширных пространствах евразийских степей, полупустынь и пустынь с их весьма сильными вариациями в естественно-климатических условиях кочевое скотоводство всегда было представлено различными типами и вариантами. Для систематизации их можно избирать разные критерии; многие из них уже были предложены различными исследователями [Bacon, 1954, стр. 54; Krader, 1955, стр. 302; Руденко, 1961а, стр. 3—4; Жданко, 1961; Сорокин С. С, 1961, стр. 28—29; Roucha, 1968, стр. 121; Вайнштейн 1972, стр. 69 и сл.; Марков, 1973, стр. 2]. В данной работе за основу систематизации взят характер кочевания, потому что, с одной стороны, он определяется экологией конкретных районов, а с другой — был тесно связан с социальными процессами, происходившими в кочевых обществах.

Если иметь в виду только самые основные типы кочевания, то в зоне евразийских степей, полупустынь и пустынь можно выделить следующие.

1. Все население кочует, не имея стабильных маршру-

тов перекочевков и нигде подолгу не задерживаясь. Это экстраординарный случай, известный лишь при переселениях, завоеваниях и последующем освоении новых территорий. В качестве примеров можно привести аваров IV в., венгров VIII—IX вв., торков (огузов в Южной России) X в., татаро-монголов XIII в. и т. д. Не случайно археологические памятники соответствующих этносов в периоды «таборного» кочевания крайне малочисленны и их бывает очень трудно выделить [Плетнева, 1967, стр. 102, 181, 182; Амброз, 1971, стр. 122—123].

2. Все население круглогодично кочует по относительно неустойчивым меридиональным или радиально-круговым маршрутам. Стабильные зимники отсутствуют. В новое время такой тип кочевания был отмечен в наиболее засушливых и бесснежных районах Казахстана, Туркмении и Монголии.

3. Все население кочует по стабильным маршрутам, имея постоянные зимники. Земледелие отсутствует. Примером могут служить калмыки и часть казахов в новое время.

4. Все население кочует весной, летом и осенью в меридиональном или вертикальном направлениях, возвращаясь на зиму к постоянным жилищам. Наряду с кочевым скотоводством практикуется земледелие, но лишь как подсобный вид хозяйства.

5. Часть населения кочует большую или меньшую часть года в меридиональном или вертикальном направлениях, тогда как другая живет оседло и в основном занимается земледелием.

Два последних типа кочевания являются собственно разновидностью не кочевого, а полукочевого хозяйства. Но именно они были наиболее характерны для населения степной зоны Евразии. Таким образом, многие из тех, кого традиционно называют кочевниками, в строго научном смысле слова являлись полукочевниками, хотя скотоводство у них чаще всего играло значительно большую роль, чем земледелие.

Вывод о преобладании в евразийских степях полукочевого хозяйства распространяется на кочевников не только нового времени, но и средневековья и древности, в том числе и на таких, за которыми прочно установилась репутация чистых номадов.

В Дешт-и-Кыпчаке и в золотоордынском Северном Причерноморье земледелие, которому был нанесен тяжелый урон монгольским нашествием, все же полностью не исчезло [Ти-зенгаузен, 1884, стр. 230, 233; Меховский, 1936, стр. 59; Путешествия Платона Карпини и Рубрука, 1957, стр. 98; Zajaczkowski, 1968, стр. 229; Барбаро и Контарини, 1971, стр. 150]. Ранее, в IX в., Тамим ибн Бахр упоминает «селения

и возделанные земли» в стране кимаков [Minorsky, 1948, стр. 284; Кумекон, 1972, стр. 94—95]. Имеются сведения о земледельческом укладе у огузов [Каррыев, Мошкова, Насонов, Якубовский, 1954, стр. 41—42; Агаджанов, 1969, стр. 260]. Даже хунну, судя по письменным и археологическим источникам, в какой-то мере «занимались обработкой полей» [Гаскин, 1968а, стр. 24, 121]. Про сарматские племена Предкавказья Страбон (XI, 2, 1) свидетельствует: «Одни из них кочуют, другие живут в шатрах и занимаются земледелием». Земледельческий уклад имелся также у усуней [Акишев, 1969, стр. 29; Акишев, 1970, стр. 69] и у древних кочевников Алтая [Грязнов, 1947, стр. 14—15].

В то же время во многих районах степной зоны земледельческое хозяйство даже в позднее время имело черты, роднящие его с полукочевым [Голобуцкий, 1956, стр. 58, 269—271; Голобуцкий, 1957, стр. 55—56; Шенников, 1971, стр. 84—85]. До самого недавнего времени направление хозяйственного развития в евразийских степях, полупустынях и пустынях во многом определялось экологией, а в известной мере определяется ею и сейчас [Федянович, 1973; Назаревский, 1973].

В связи с предложенной систематизацией надо сразу же подчеркнуть три обстоятельства, важных для дальнейшего изложения.

Во-первых, видовой состав стада и даже процентное соотношение различных видов скота, определявшиеся преимущественно природно-климатическими условиями различных районов и лишь отчасти социальными градациями, культурной традицией или спросом соседних обществ, мало менялись у кочевников с течением времени. Это прослежено на: примере древних сарматов и калмыков нового времени [Хазанов, 1972б], населения Северной Каракалпакии в XI—XIV вв. и в самом недавнем прошлом [Цалкин, 1966, стр. 154], кочевников Тувы I тысячелетия н. э. и XIX — начала XX в. н. э. [Вайнштейн, 1972, стр. 22], жителей Каракорума — монгольской столицы XIV в. и современных монголов [Цалкин, 1968, стр. 22—23].

Во-вторых, поскольку отмеченные типы кочевания в евразийских степях были не только связаны с социальной историей кочевников, но в то же время во многом зависели от природной среды, все они, по-видимому, существовали не только в новое время и в средние века, но и в древности, хотя ограниченность имеющихся источников не всегда позволяет проследить их с желаемой полнотой. Так, скифы прошли путь от первого типа кочевания до четвертого и пятого, а маршруты и протяженность перекочевков сарматов близко соответствовали калмыцким (третий тип). Страбон: (VII, 3, 17) писал про древних номадов европейских степей,

что «они следуют за своими стадами, выбирая всегда местности с хорошими пастбищами; зимою в болотах около Меотиды, а летом — и на равнинах». То же самое Плано Карпини говорил о кочевниках Золотой Орды, утверждая, что «все они зимою спускаются к морю, а летом по берегу этих самых рек поднимаются на горы» [Путешествия Плано Карпини и Рубрука, стр. 70]. Наблюдатели XIX — начала XX в. также отмечали, что калмыки уходят на зимовки из открытой степи к поросшим камышом лиманам и озерам в долине Маныча и прилегающих местностях [Дуброва, 1898, стр. 187; Очиров, 1925, стр. 15]. Поэтому мнение о том, что отмеченные типы кочевания являются лишь последовательными этапами развития кочевнического хозяйства [Плетнева, 1967, стр. 180], представляется неточным.

В-третьих, седентаризация и номадизация в Евразии происходили в основном в маргинальных районах, в которых возможны оба рода хозяйственной деятельности — и скотоводство и земледелие. Там они являлись двумя обратимыми и встречными процессами, совершавшимися на протяжении всей истории кочевничества в евразийских степях. Они могли происходить даже одновременно, в рамках одного и того же общества. Например, у туркмен и южных групп казахов в XIX в. кочевники, лишившиеся скота, оседали на землю, а разбогатевшие земледельцы нередко обзаводились скотом и переходили к кочеванию.

Но интенсивность этих процессов находилась в зависимости от конкретной исторической ситуации. В Северном Причерноморье сильная тенденция к оседлому образу жизни, господствовавшая в конце скифской эпохи, сначала была существенно ослаблена продвижением сарматов, а затем, едва успев восстановиться в отдельных районах, надолго прервана вторжением гуннов. В VIII—X вв. н. э. на территории Хазарского каганата кочевники вновь начали оседать на землю, но в X в., после вторжения печенегов, опять перешли к кочеванию. В XIII в. хозяйство половцев снова стало приобретать полuosедлые черты, но почти полностью утратило их после монгольского нашествия. Затем тенденция к седентаризации вновь пробила себе дорогу в Золотой Орде.

В целом тенденция к седентаризации обычно определялась внутренним социально-экономическим развитием кочевых обществ (обнищанием части кочевников, политикой социальной верхушки, заинтересованной в продуктах земледелия и ремесла), а также рядом иных факторов (неблагоприятной политической ситуацией, сокращением количества пастбищ, влиянием соседей-земледельцев и т. д.). Противоположная ей тенденция чаще всего была связана с политическими событиями (переселениями, вторжением новых масс кочевников) и рядом внутренних причин (например, попыт-

ками решить социальные противоречия за счет внешней экспансии или стремлением господствующего слоя сохранить кочевой образ жизни).

Возможная роль климатических изменений в процессах седентаризации и номадизации остается пока не вполне ясной [иное мнение см.: Гумилев, 1967; Гумилев, 1970]. Но экология, безусловно, являлась фактором, благоприятствующим или, напротив, препятствующим развитию этих процессов.

Таков был экологический фон, на котором в особом культурно-историческом регионе — евразийских степях, полупустынях и пустынях, протянувшихся от Дуная до Северного Китая,— зарождались, расцветали и гибли, сменяя друг друга, различные кочевые этносы и созданные кочевниками политические образования, совершались далекие миграции, происходили события, оказавшие важное воздействие на историю по меньшей мере трех континентов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

Выбор источников, использованных в данной монографии, находился в зависимости от ее троякой цели. По скифскому обществу привлекалось все, что можно было привлечь: в первую очередь письменные и археологические, а также лингвистические, нумизматические и иные материалы. По остальным древним кочевникам использованы преимущественно сведения античной и китайской исторических традиций, в меньшей мере данные археологии; по кочевникам средневековья и нового времени — исторические хроники, записки путешественников и другие документы, а также этнографические материалы и героический эпос.

Кочевники Северного Причерноморья, киммерийцы и скифы, впервые появляются в поле зрения переднеазиатской исторической традиции [сводку материала см.: Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Восточные тексты, 1947; более полно — Дьяконов И. М., 1951]. Особенности этой традиции (в частности, значительно менее развитой характер по сравнению с античной), а также чисто утилитарный интерес к неизвестным доселе северным народам, неожиданно ставшим реальной угрозой и важным фактором во всевозможных политических комбинациях, препятствовали фиксации подробностей об их быте или общественном строе. Некоторые исторические и этнографические сведения о киммерийцах и скифах содержатся в Библии (Второзаконие; Книга пророка Иереми; Книга пророка Софонии), но в данном случае особенно необходимо учитывать специфику источника.

Вот, пожалуй, и все. Конечно, по объему информации это несравнимо со сведениями античной традиции. Но зато сама информация более ранняя.

За многовековое существование античной цивилизации сотни ее ученых, писателей, поэтов, политических деятелей и путешественников писали или упоминали о племенах и народах, населявших Северное Причерноморье и степи Во-

сточной Европы¹. От этого обширного наследства до наших дней дошла лишь незначительная часть. В новое и новейшее время она обросла обширнейшей филологической и исторической литературой — исследованиями, комментариями, переводами и т. д., — по объему в тысячи раз превышающей оригинальные тексты.

Несмотря на многочисленные неясности и расхождения во мнениях, большую часть работы по критике источников все же, по-видимому, можно считать уже проделанной. Это избавляет меня от необходимости делать общий разбор античной традиции о народах Северного Причерноморья, к которому я, не будучи специалистом в области классической филологии, и не чувствую себя достаточно (подготовленным, а позволяет сосредоточиться на тех сведениях, которые можно извлечь из нее для исследования социальной истории скифов. В данном разделе дается только самая общая характеристика источников. Более подробно многие из известий будут анализироваться дальше в тексте.

Стройная концепция развития античной традиции о Северном Причерноморье была создана М. И. Ростовцевым [Ростовцев, 1925, стр. 1 —144]. Несмотря на истекшие с тех пор полвека, несмотря на существенные уточнения и дополнения, сделанные за это время, ее основные положения сохраняют свое значение и в наши дни.

Интерес античных авторов к Северному Причерноморью, отмечает М. И. Ростовцев, то повышался, то понижался в зависимости от роли, которую оно играло в исторических судьбах античного мира. Наибольший интерес проявлялся в VII— V вв. до н. э., «когда собрано было наибольшее количество положительных реальных сведений о нашем юге. В это время сложилась раз навсегда та картина распределения племен и народов, соседствовавших с греческими городами северного и восточного побережий Понта, которая затем только «изменяется в деталях, продолжая влиять даже тогда, когда реальная действительность в корне изменилась» (Ростовцев, 1925, стр. 2—3].

Реальную Скифию, пишет М. И. Ростовцев, хорошо знали также в Афинах V—IV вв. до н. э. Однако с IV в. до н. э. усиливается тенденция к идеализации скифов и далеких северных варваров вообще, свое наибольшее выражение получившая у Эфора. Связанная с критикой пороков античной цивилизации стоиками, а затем и киниками, она сохранялась и проявлялась вплоть до гибели этой цивилизации.

Несмотря на отрицательное влияние идеализирующей тенденции, накопление сведений о странах и народах Северного Причерноморья продолжалось, хотя и не с такой интенсивностью, как в VII—V вв. до н. э. Так, новые и ценные сведения содержатся у историков раннеэллинистического

времени и эпохи войн с Митридатом, кое-что новое внесли и наблюдения римлян. «Но пространство нынешней центральной и восточной России, равно как и этнография южнорусских степей, и для римлян была terra incognita, и географы римского времени — Мела, Плиний, даже Марин и Птоломей— повторяют для этих мест по большей части старые ионийские сведения» [Ростовцев, 1925, стр. 10].

Известна только одна попытка опровергнуть концепцию М. И. Ростовцева в целом, предпринятая Д. П. Каллистовым [Каллистов, 1945; Каллистов, 1949, стр. 81 —100]. В его работах имеется много интересных мыслей и наблюдений. Например, хорошо показан более сложный, чем казалось М. И. Ростовцеву, состав античной традиции. Наряду с реалистической и идеализирующей тенденциями в описании скифов Д. П. Каллистов выделяет тенденцию, преувеличивавшую жестокость и дикость скифов, а также более позднюю христианскую тенденцию. Интересны его наблюдения, показывающие, что идеализирующая тенденция возникла еще до Эфора². Однако с основным положением Д. П. Каллистова — об отсутствии единой ионийской традиции, оказавшей существенное влияние на позднейшую литературу о Северном Причерноморье,— согласиться нельзя.

Речь идет о логографгах — составителях различных описаний стран и народов VI—V вв. до н. э., основоположниках греческой научной прозы³. В отличие от Д. П. Каллистова в настоящее время подавляющее большинство исследователей единодушно признают, что по своему методу и целям, не говоря уже о преемственности и зависимости друг от друга, логографы представляли единое направление. «Страны и народы, экономически и политически связанные с Грецией,— писал про логографов А. И. Доватур,— интересовали греков с точки зрения географической, этнографической, исторической. Этот интерес в своих истоках — результат практических потребностей, и то обстоятельство, что ранние прозаические произведения, насколько мы можем судить о них по сохранившимся отрывкам, не имеют узкоутилитарного характера, не может служить доказательством противного: практическая в широком смысле слова и узкоутилитарная точки зрения плохо мирятся одна с другой» [Доватур, 1957, стр. 11].

Кстати, тот факт, что ранние ионийские авторы представляли единое направление, был осознан еще в древности. Фукидид (I, 21) называл их логографами. Дионисий Галикарнасский в своем сочинении «О Фукидиде» (5) подчеркивал, что «всех этих людей объединял общий метод и в этом отношении они не очень отличались друг от друга». Страбон (XII, 3, 21) ставил в один ряд Гелланика, Геродота и Евдокса.

Сведения, которыми располагает наука о большинстве логографов, крайне скудны. Не всегда можно даже установить годы их жизни. Сохранившиеся отрывки их произведений также незначительны. Однако не подлежит сомнению, что, выражаясь современным языком, они были представителями одной научной школы.

Затронуть проблему ранней ионийской прозы более подробно меня побуждает то обстоятельство, что позднейшие александрийские ученые, благодаря которым и сохранилась большая часть информации, содержащейся в произведениях ранних ионийцев [Pearson, 1939, стр. 9—11], а вслед за ними и римские авторы далеко не всегда ссылались на свои источники. Поэтому выделение в их трудах раннего ионийского пласта — задача очень важная, хотя и сопряженная со значительными трудностями.

Я не буду останавливаться на многочисленных спорных проблемах, связанных с именами Аристея Проконесского и Гекатея, а также Гелланика, Дамаста и Евдокса. Хотя принадлежность всех этих авторов к ионийской традиции несомненна, то немногое, что уцелело от их произведений, мало чем полезно для целей настоящего исследования. Важно лишь отметить предполагаемое влияние этих ученых на более поздних авторов, вплоть до римских [см., например: Plezia, 1959/60].

Вершины своего развития ионийская научная проза достигла в труде Геродота, единственном полностью (или почти полностью) уцелевшем произведении ионийской историографии. Дорийское происхождение Галикарнасца в данном случае значения не имеет — он полностью усвоил и ионийскую культуру, и достижения своих предшественников.

Д. П. Каллистов, пытавшийся оторвать Геродота от остальных ионийцев, определил его следующей фразой: «Геродот — это не направление; Геродот есть Геродот, во многих отношениях никем в античности не превзойденный писатель» [Каллистов, 1945, стр. 187]. Это определение верно в том смысле, что отцом истории были не Аристей или Гекатей, а именно Геродот. Однако у него были предшественники среди логографов, причем не только по методу и традиции [Muges, 1953, стр. 66 и сл.], но и в отношении информации. Двух из них — Аристея и Гекатея — Геродот прямо называет по имени, и, возможно, к ним восходит часть его сведений о социальной истории скифов [Harmatta, 1941, стр. 56 и сл.; Volton, 1962, стр. 178 и сл.].

Для исследователя социальной и политической истории скифов труд Геродота бесценен. Далек еще не вся информация извлечена из него и интерпретирована надлежащим образом. В. В. Струве доказал это применительно к Ирану [Струве, 1968, стр. 67 и сл.], но в еще большей степени,

это относится к Северному Причерноморью. Необходимо только учитывать ряд особенностей, присущих Геродоту как писателю и ученому, равно как и источники информации, которой он располагал.

Представления о сознательной лживости известий Геродота, бытовавшие с древних времен, давно и справедливо отброшены. Но все же окружавшие Грецию народы интересовали его не столько сами по себе, хотя и этот момент, несомненно, присутствовал, а прежде всего как важный фактор тогдашней мировой политики. Не страдавший чрезмерным эллиноцентризмом, Геродот при всем его широком и непредубежденном отношении к варварам всегда и во всем оставался греком, особое внимание уделяя тому, что могло удивить и поразить его соотечественников [Лурье, 1947, стр. 130]. Селективное отношение к собранному материалу, безусловно, было свойственно Геродоту как ученому (например, он явно и тенденциозно умалчивает о Боспорском царстве), а как писатель он ориентировался на определенную аудиторию.

В отношении своих источников, однако, Геродот располагал сравнительно небольшой свободой выбора. Иностранных языков, тем более скифского, он не знал [Meuser, 1892, стр. 192—195] и в глубь Скифии, по всей видимости, не путешествовал. Единственным возможным источником его познаний о Скифии, если не считать предшествующей традиции, были рассказы ольвиополитов, а также связанных со скифской знатью греков и эллинизированных скифов. В первом случае надо считаться с возможностью того, что переданные Геродотом известия о скифах дошли до него, уже подвергнувшись обработке и переработке в эллинском духе, во втором — нельзя исключить, что Геродоту иногда сообщались официальные скифские версии по поводу того или иного события или обряда, не всегда совпадавшие с истиной. Наконец, возможно и простое непонимание Геродотом сущности некоторых из отмеченных им явлений. Поэтому многие главы IV книги нуждаются в этнографическом комментарии. Однако неоднократные попытки произвольных исправлений сведений Геродота никому успеха не принесли. «Геродота нужно не дополнять, а объяснять» — это старое положение Б. Нисе полностью сохраняет свое значение и в наши дни [Niese, 1907, стр. 422].

В ряду ранних авторов, писавших о Скифии, вторым после Геродота по ценности информации стоит Псевдо-Гиппократ. Личность автора и даже время написания трактата «О воздухе, водах и местностях», в числе приблизительно 70 других трактатов на медицинские темы входящего в состав сборника, которому александрийские ученые дали имя «гиппократова», не поддаются точному определению. По наиболее распространенному мнению, трактат написан одним из

учеников или последователей Гиппократ в конце V или на рубеже V и IV вв. до н. э. [А1у, 1929, стр. 52—54; Diller, 1934, стр. 61 и сл.]. В нем не содержится никаких следов прямого использования труда Геродота. Можно только допустить, что оба автора были знакомы с одним и тем же более ранним сочинением (Ростовцев, 1925, стр. 22; Diller, 1934, стр. 74 и сл.; Куклина, 1971а, стр. 44—47].

Д. П. Каллистов выступал против преувеличения роли трактата Псевдо-Гиппократ как источника по истории Скифии на том основании, что его рассуждения о влиянии климата на организм являются схоластическими и надуманными [Каллистов, 1945, стр. 185—186]. Такого же мнения придерживается И. В. Куклина, полагающая к тому же вслед за Г. Диллером, что трактат не содержит новой информации о скифах [Diller, 1934, стр. 79; Куклина, 1970; Куклина, 1971а, стр. 215].

Однако содержащиеся в труде Псевдо-Гиппократ сведения о локализации савроматов или о положении женщин у них, а также о скифских энареях определенно дополняют известия Геродота. Это свидетельствует о достоверности и другой информации Псевдо-Гиппократ и придает ценность его сообщениям, например, о скифских перекочевках, о рабстве в Скифии, о наличии в ней имущественной дифференциации.

Интерес к Северному Причерноморью разделяли с ионийцами и жители материковой Греции, особенно афиняне. Этот интерес был обусловлен двумя важными событиями: греко-персидскими войнами и возрастающим импортом хлеба с Боспора. Но все же тема, связанная с народами Северного Причерноморья, почти никогда не была здесь основной и сводилась к разрозненным упоминаниям, источники которых не поддаются точному установлению. Частично они могли восходить ко все той же ионийской традиции, частично базироваться на новых наблюдениях.

Для социальной истории Скифии очень важно замечание, вскользь брошенное великим лириком Пиндаром (522—ок. 422 гг. до н. э.),— о наличии у скифов обедневших и неполноправных прослоек населения. Некоторые новые данные содержат также упоминания о скифах Фукидида (470—400 гг. до н. э.), Исократа (436—338 гг. до н. э.), Ксенофонта (ок. 434—ок. 355 гг. до н. э.), Аристотеля (384—322 гг. до н. э.) и его ученика Клеарха Солийского (IV в. до н. э.). У Аристофана (450—385 гг. до н. э.), Андокида (IV в. до н. э.) и того же Клеарха из Сол можно почерпнуть кое-что относительно рабства и других форм зависимости в Скифии.

В IV в. до н. э. интерес к Скифии уменьшился, во всяком случае до времен Филиппа и Александра. Ведущей фигурой

среди авторов, писавших в это время о северных номадах, был Эфор, отрывки из произведений которого сохранились, больше всего у Страбона и Николая Дамасского. М. И. Ростовцев доказал, что Эфор под влиянием этической доктрины стоиков нарисовал идеализированную картину скифов — варваров, не испорченных разлагающим воздействием цивилизации [Ростовцев, 1925, стр. 5—6, 88—96].

Важные новые сведения о политической и отчасти социальной истории Скифии содержались, по-видимому, в трактате Феопомпа, посвященном войнам Филиппа Македонского. Сам трактат до нас не дошел, но его использовали, прямо или через вторые руки (в этой связи наиболее часто называют имя Дуриса), многие из позднейших авторов, писавших о Скифии, и особенно о царе Атее. Впрочем, в установлении конкретного списка писателей, использовавших данный источник, исследователи не единодушны. Чаще других называют имена Полиена и Фронтинуса, из других возможных авторов — Помпей Трога, Страбона и Оросия [Ростовцев, 1925, стр. 117, 121 и др.; Каллистов, 1949, стр. 212—213; Граков, 1954, стр. 21].

В. В. Струве выделял в античной традиции еще одного историка, жившего в конце IV — первой половине III в. до н. э. и оставившего сочинение, посвященное боспорским царям [Струве, 1968, стр. 147 и сл.]. По мнению ученого, отрывки из этого сочинения через того же Дуриса сохранились у Диодора Сицилийского, а в значительно меньшей мере также у Овидия, Полиена и Афинея. Хотя главные интересы анонимного, но хорошо информированного историка были связаны с Боспором, он сообщал также кое-какие данные и о Скифии. Если гипотеза В. В. Струве верна, то значительно повышается ценность сведений тех авторов, которых можно подозревать в знакомстве с трудом «древнейшего историка СССР».

Из авторов I в. до н. э. наиболее важные сведения о Скифии сообщает Диодор Сицилийский. Часть их, безусловно, восходит к каким-то ранним источникам, хотя, к каким именно, точно определить невозможно [Ростовцев, 1925, стр. 115—116].

Много нового о Скифии содержится у Страбона (ок. 63 г. до н. э.— 23 г. н. э.). Однако некоторые его данные с трудом поддаются точному хронологическому приурочению. Дело в том, что Страбон компилировал самые разновременные источники, известные ему прямо или из вторых и даже третьих рук. В числе подобных источников чаще других называют произведения Эратосфена, Аполлодора, Артемидора Эфесского, Посидония, Феофана Митиленского, Феопомпа, Эфора, историков войн Митридата и т. д., вплоть до логографов [Ростовцев, 1914; Ростовцев, 1925, стр. 38 и сл.; Граков,

1954, стр. 21; Aly, 1957, стр. 103 и сл.; Ельницкий, 1961, стр. 159; Каллистов, 1969]. Можно согласиться с М. И. Ростовцевым, отметившим про Страбона, что «если в контаминации своих источников он не проявил ни особого таланта, ни особого желания скрыть швы, то в выборе источников он сделал все, что мог» [Ростовцев, 1925, стр. 41].

Из более поздних авторов, писавших о Скифии, самым важным для изучения ее социальной истории, своеобразным и вместе с тем нелегким для интерпретации представляется Лукиан Самосатский (ок. 125—180 гг. н. э.). Его диалоги, касающиеся скифской тематики, носят чисто литературный характер. В то же время они изобилуют важными этнографическими подробностями, внушающими определенное доверие к использованным сатириком более ранним источникам, пусть и переработанным им в соответствии со своими целями. Например, Лукиан рисует скифский быт еще в очень архаических чертах: самовольные набеги, отсутствие сильной центральной власти и т. д. Не исключено, что здесь имеет место нарочитая примитивизация скифской жизни, связанная с противопоставлением ее порокам античной цивилизации [Галеркина, 1959]. В то же время Лукиан упоминает о сильной стратифицированности скифского общества и сообщает о нем много важных подробностей.

Т. В. Блаватская сближает Лукиана и неизвестного автора романа I—II или II в. н. э., отрывки из которого найдены в числе папирусов, открытых в XX в. В обоих источниках фигурирует имя Евбиота и чувствуется отрицательное отношение к савроматам. Однако исследовательница допускает, что и автор романа о Евбиоте пользовался какими-то ранними источниками [Блаватская, 1959, стр. 143—146].

М. И. Ростовцев предполагал, что источник Лукиана восходит к эллинистическому времени, так как отраженная в нем «картина Боспорского царства и его отношения к соседям ближе всего подходят к эпохе позднего эллинизма» [Ростовцев, 1925, стр. 108, прим. 4]. Но некоторые географические и исторические детали, приводимые Лукианом, мало соответствуют эпохе эллинизма. Так, наряду с аланами — явной модернизацией для эллинистического времени — у Лукиана выступают савроматы, а не сарматы, и, главное, их от скифов еще отделяет Танаис. Наконец, отмечается старая вражда скифов с синдами. Поэтому, возможно, прав Б. Н. Граков, полагавший, что «описания некоторых скифских обычаев у Лукиана по меньшей мере современны Геродоту, а отчасти восходят к каким-то другим столь же древним источникам» [Граков, 1971, стр. 9]. Важно подчеркнуть, что эти источники совершенно независимы от традиции, связанной с Геродотом. Последнее обстоятельство придает сведениям Лукиана особую ценность.

Что касается римских источников, то, как уже отмечалось, они важны для моей темы преимущественно лишь постольку, поскольку сохранили ранние известия. Больше других это относится к Плинию [Жебелев, 1953, стр. 350].

Источник Плиния в данном случае не вполне ясен. Ж. Дюмезиль одно время полагал, что им является Геродот [Dumézil, 1962, стр. 188; Dumézil, 1968, стр. 451], но согласиться с этим невозможно, так как известия Плиния об авхатах и катиарах, по существу, не имеют ничего общего с геродотовыми. Гораздо убедительнее предположение М. Плезя о том, что Плиний пользовался сведениями, восходящими через Саллюстия к принадлежавшей Гекатею диатесе северных народов и таким образом отражавшими картину догеродотова времени [Plezia, 1959/60, стр. 33—37]. По мнению И. В. Пьянкова, Плиний пересказывает Демодама, автора начала III в. до н. э., который перечислил все известные ему народы, в греческой традиции фигурировавшие как «скифские» [Пьянков, 1968, стр. 13]. Но и в этом случае сведения Плиния могли восходить к весьма древнему времени. М. И. Ростовцев также полагал, что Плиний пользовался источниками, восходящими к ионийским авторам [Ростовцев, 1925, стр. 43].

Некоторые данные о социальной истории скифов можно почерпнуть из эпиграфического материала [см.: IOSPE, I²; см. также: Корпус боспорских надписей, 1965; Надписи Ольвии, 1968; Граков, 1939; Соломоник, 1964]. Наиболее важен декрет в честь Протогена.

Правда, дискуссия о его датировке длилась многие десятилетия и едва ли уже закончена, но для моих задач точная дата решающего значения не имеет [см.: Schmidt, 1835—1836, стр. 357, 571 и сл.; Zeuss, 1837, стр. 61 и сл.; Rostovtzeff, 1922, стр. 87; Patsch, 1932, стр. 86; Моммзен, 1937, стр. 257; Латышев, 1887, стр. 86; Браун, 1899, стр. 102; Слюсаревко, 1925, стр. 268 и сл.; Шафранская, 1951, стр. 14; Книпович, 1966, стр. 149; Каришковский, 1968; Harmatta, стр. 10]. Хуже другое: неясно, кого следует понимать под фигурирующими в декрете «саями», название которых чаще всего переводится как «господствующие», «царские» [Браун, 1899, стр. 92—93; Harmatta, 1970, стр. 94—95],—то ли царских скифов, как полагают одни исследователи, то ли какую-то сарматскую группу, как думают другие [Браун, 1899, стр. 92—93; Harmatta, 1970, стр. 12; Мачинский, стр. 47—48; Карышковский, 1971, стр. 44—45].

Этот вопрос связан с еще одной проблемой — установлением начала сарматской гегемонии в Северном Причерноморье. Если следовать современным датировкам декрета рубежом III—II вв. до н. э., то в саях скорее надо видеть сарматов, так как в конце III в. до н. э. они уже господст-

вовали в причерноморских степях [Карышковский, 1972, стр. 33]. Однако нельзя полностью исключить и возможность того, что скифский царь, опираясь на нижнеднепровские городища, кочевал поблизости от Ольвии. Ведь даже позднее город временами находился в зависимости от скифских царей. Поэтому вопрос остается открытым.

Археологический материал по Скифии начал накапливаться уже со второй половины XVIII в. и в настоящее время чрезвычайно велик. Но при тех возможностях его социологической и этнографической интерпретации, которыми располагает современная наука, он все же остается второстепенным и вспомогательным в сравнении с письменными источниками. Ряд обстоятельств еще больше ограничивает возможности использования данных скифской археологии. Документация дореволюционных раскопок весьма несовершенна. Большинство скифских погребений было ограблено уже о древности, что делает почти невозможным многие важные статистические подсчеты. Наконец, ранних скифских памятников VII—V вв. до н. э. обнаружено пока очень мало.

Ограниченность прямых источников по социальной истории Скифии побуждает меня использовать также фольклорный материал. Анализу его будет посвящена следующая глава.

Таково положение дел с источниковедением по социальной истории и социальной организации скифов. Для сарматов и европейских гуннов важнейшим письменным источником остается античная традиция; для древних кочевников Средней Азии и Казахстана — отчасти античная, отчасти китайская; для хунну — исключительно китайская традиция⁴.

История изучения социальной организации скифов

Идеи, как и книги, имеют свои судьбы. Все четыре главные концепции о характере скифского общества были предложены много десятилетий назад. Временами некоторые из них объявлялись опровергнутыми полностью и окончательно, решительно отбрасывались; другие, наоборот, становились чрезвычайно популярными, получали почти всеобщее признание. Но тем не менее все четыре концепции, правда в видоизмененном и модифицированном в соответствии с общим уровнем науки виде, дожили до наших дней.

Научное изучение социальной организации и социальной истории скифов началось во второй половине XIX в. Тогда же впервые было высказано мнение, что скифы еще не достигли уровня классового общества, хотя и приблизились к нему.

Из работ того времени заметно выделяются «Скифские

древности» А. С. Лаппо-Данилевского [Лаппо-Данилевский, 1887]. Их автор находился под ощутимым влиянием эволюционизма— ссылки на Спенсера и Тейлора довольно часты в его исследовании. Часто встречающиеся утверждения о том, что А. С. Лаппо-Данилевский отстаивал наличие у скифов родовых отношений, не совсем точны. Различая дикость, варварство и цивилизацию, он полагал, что «скифы были народом варварским, но гораздо ближе при этом к цивилизации, чем к дикости» [Лаппо-Данилевский, 1887, стр. 523]. Если бы А. С. Лаппо-Данилевский был знаком с работами Моргана, он, по всей видимости, поместил бы скифов на высшую ступень варварства; недаром он сравнивал их со славянами и германцами времен Цезаря и Тацита.

Сходные взгляды высказывал Д. И. Багaley. Он полагал, что «государственный строй у скифов носил характер деспотической монархии; цари решали все дела по своей воле», но в то же время отмечал, что «скифы по своему культурному развитию стояли на рубеже варварских и цивилизованных народов» [Багaley, 1909, стр. 53, 56].

Иную концепцию выдвинул М. И. Ростовцев (Ростовцев, 1913, стр. 23 и сл.; Ростовцев, 1914; Ростовцев, 1918, стр. 35 и сл.; Ростовцев, 1925; Rostovtzeff, 1922, стр. 8 и сл.; Ros-tovtzeff, 1941, стр. 595 и сл.; Rostovtzeff, 1954, стр. 572 и сл.). Ученый полагал, что уже в VII—V вв. до н. э. в результате завоевания возникла мощная скифская держава, которую он сравнивал с Хазарским каганатом и Золотой Ордой. Общественный строй Скифии определялся как «военно-феодальный». Являясь сторонником циклической теории исторического процесса, М. И. Ростовцев был склонен к определенной модернизации социальной истории Скифии. Кроме того, он, по-видимому, несколько переоценивал сходство ее социальных институтов с собственно иранскими. Но его заслуги в ее исследовании нельзя преуменьшать. М. И. Ростовцев был первым, кто стал рассматривать Скифию как классовое общество со сложившейся государственностью. Он же впервые наметил путь сопоставления скифов с другими кочевниками евразийских степей.

В советское время взгляд на скифское общество как на доклассовое продолжали развивать С. А. Семенов-Зусер и В. И. Равдоникас.

По мнению С. А. Семенова-Зусера, у скифов господствовали первобытнообщинные отношения [Семенов-Зусер, 1931; Семенов-Зусер, 1939; Семенов-Зусер, 1947, стр. 151 и сл.]. Даже процесс оформления этноса в племя или племена не был еще завершен. Собственность, за исключением предметов личного потребления, была коллективной. Имевшаяся социальная дифференциация еще не подорвала основ родо-племенного общества. В целом работы С. А. Семенова-Зусе-

ра написаны на невысоком уровне, для них характерна произвольная трактовка письменных источников, а археологический материал привлекается лишь для иллюстрации уже сформулированных положений. По сравнению с исследованием А. С. Лаппо-Данилевского это был в известной мере шаг назад.

В. И. Равдоникас больше подчеркивал элементы разложения первобытнообщинных отношений, наметившиеся в скифском обществе, в частности социальное и имущественное неравенство, выделение родо-племенной знати [Равдоникас, 1932, стр. 62—78]. Он решительно отрицал наличие у скифов рабовладельческой формации, верно отметив основные причины, по которым рабы у кочевников не могли стать основной силой в хозяйстве. Отношения земледельцев лесостепи к кочевникам степи в Скифии он характеризовал как меновые и даннические. В то же время ученый полагал, что у земледельцев, живших на Нижнем Буге, Нижнем Днепре и в некоторых районах Крыма, т. е. по соседству с греками, «сложилось уже классовое общество рабовладельческого типа». Таким образом, ряд неверных положений и общая недооценка уровня развития скифского общества сочетаются у В. И. Равдоникаса с интересными мыслями и наблюдениями.

Концепция М. И. Ростовцева в 20-х—40-х годах почти не имела приверженцев среди советских ученых. К числу ее последователей обычно причисляют Ю. В. Готье и С. В. Юшкова, обоих необоснованно.

Ю. В. Готье писал: «Скифская держава не была похожа на греческие государства, ни на персидское царство. Вероятнее всего, что она своим устройством напоминала особый тип государства, неоднократно образовывавшийся именно здесь, в южнорусских степях. Это господство кочевой орды, хорошо организованного конного войска, над остальными, более слабыми и, быть может, более древними степняками, с одной стороны, над оседлым населением прилегающих к степи местностей — с другой. Таково было позднее государство хазар; такова же была и Золотая Орда...

Мы не можем сказать точно, какие отношения существовали между кочевниками-покровителями и покоренными оседлыми жителями степного пограничья. Вероятнее всего, и они напоминали отношения между хазарами и татарами, с одной стороны, и русскими — с другой. Одни были властители и собирали дань, другие были подвластные и платили дань ценностями, натуральными продуктами, а иногда просто поставляли властителям живую силу — воинов...

Власть... деспотическая и неограниченная в принципе, на самом деле смягчалась сложной системой племенных и социальных отношений и далеким расстоянием от царской ставки, кочевавшей по центру державы, по стране царских

скифов, до отдаленных уголков, где пахари мирно занимались своим трудом, по целым годам не видели грозных отрядов кочевых властителей и встречали их с данью в определенные сроки, когда представители царской власти выезжали¹ на „полюдь"» [Готье, 1925, стр. 247—248].

Я намеренно привел эту длинную цитату, чтобы показать, что взгляды Ю. В. Готье, ныне незаслуженно забытые, по существу, выражали новую концепцию о скифском обществе как основанном на даннической, а не на феодальной эксплуатации кочевниками земледельцев.

С. В. Юшкову Скифия представлялась варварским государством, прообразом таких держав кочевников, как гуннская, Тюркский каганат и т. д. Это была не добровольная федерация племен, а объединение, в котором верхушка царских скифов эксплуатировала подвластные племена, собирая с них дань. В скифском государстве происходила борьба трех укладов патриархального, рабовладельческого и феодального, причем С. В. Юшков по аналогии с другими кочевыми народами предполагал, что победу в будущем должны были одержать феодальные отношения [Юшков, 1944, стр. 3; Юшков, 1947, стр. 24—25].

В 30-х годах в советской скифологии возобладала еще одна концепция — о господстве в Скифии рабовладельческих отношений. Впервые выдвинутая почти одновременно С. П. Толстовым [Толстов, 1934, стр. 168 и сл.] и А. П. Смирновым [Смирнов А. П., 1934], она нашла подробное обоснование в работе последнего. Начиная со второй половины 30-х годов наличие и господство в Скифии рабовладельческих отношений стало казаться чем-то само собой разумеющимся. Спор шел о времени их становления, но не об их наличии. К сторонникам «рабовладельческой концепции» с некоторыми оговорками примкнул в конце концов и С. В. Юшков [Юшков, 1961, стр. 36, 38].

Существенную роль в утверждении подобных взглядов сыграло характерное одно время для советской исторической науки представление об универсальности рабовладельческой стадии развития. Допускалось, правда, что отдельные народы могли непосредственно перейти от первобытнообщинных отношений к феодальным, но лишь после гибели рабовладельческого способа производства во всемирно-историческом масштабе, т. е. конкретно после IV—V вв. н. э. У скифов же становление классовых отношений и государства могло датироваться только I тысячелетием до н. э. Следовательно, делалось заключение, их общество просто не могло быть никаким иным, кроме как рабовладельческим.

Правда, в самом понимании характера рабовладельческих отношений у скифов не было единодушия. Все-таки картина, (которая рисовалась исследователям в причерномор-

ских степях, слишком разительно отличалась от той, ей современной, которая восстанавливалась в Греции и Риме, и это, естественно, бросалось в глаза. Кроме того, существенные разногласия оставались по вопросу о времени возникновения государства у скифов.

В 40-х годах с рядом интересных и оригинальных работ, посвященных общественному строю скифов, выступил М. И. Артамонов (Артамонов, 1947; Артамонов 1947а; Артамонов, 1948; Артамонов, 1948а; см. также: Артамонов, 1949]. По его мнению, в скифском обществе времен Геродота рабство было домашним и не играло важной роли в производстве. Основной экономической единицей у кочевников были патриархальные семьи, объединенные в родовую общину. Ученый отмечал определенную дифференциацию в скифском обществе, разделение его на богатых и бедных, знатных и незнатных, однако полагал, что эти различия были еще далеки от превращения в классовые.

Скифия представлялась М. И. Артамонову слабоцентрализованным разноэтническим племенным объединением с военно-демократическим строем. Государством он соглашался признать только Скифское царство в Крыму, в котором «преобладающее значение имела экономическая кабала, под маской патриархальности граничащая с рабством, а в значительной мере и ничем не прикрытое рабство» [Артамонов, 1948а, стр. 68—69]. Новый этап общественного развития связывался им с процессами седентаризации, охватившими в последних веках до нашей эры кочевых скифов. Но и Скифское царство в Крыму определялось как государство варварского типа, не изжившее до конца старой родовой организации.

В работах, опубликованных в начале 70-х годов, М.И.Артамонов несколько изменил свои взгляды на скифское общество (Артамонов, 1971; Артамонов, 1972]. Теперь он полагал, что уже во времена переднеазиатских походов у скифов сложилась централизованная организация, предназначенная для ограбления подчиненных народов. Вернувшись в Северное Причерноморье, скифы подчинили себе кочевые и оседлые племена степи и лесостепи. В результате к третьей четверти V в. до н. э. сложилось царство во главе с племенем царских скифов.

Относительно уровня социально-экономических отношений, достигнутого в Скифии, воззрения М. И. Артамонова не отличались особой последовательностью. С одной стороны, он отмечал, что она была царством с организованным аппаратом господства и принуждения, что эта организация имела основные признаки государства. Но с другой — он полагал, что Скифское царство являлось лишь одной из форм военной демократии, стоявшей на грани превращения в го-

сударство, а государство у скифов возникло позднее, в крымский период их истории.

По мнению ученого, в Скифском царстве эксплуатация развертывалась не внутри общества, а между племенами, одни из которых подчинили себе другие. Поэтому он не усматривал классовых делений в скифском обществе, а следовательно, и возможности возникновения государства. Это положение представляется спорным, так как оно основано на перенесении критериев, характерных для развитых классовых обществ, на раннеклассовые, где процессы формирования классов еще не были завершены⁵.

Мнение М. И. Артамонова о том, что государство у скифов возникло лишь в III—II вв. до н. э., разделяли и некоторые другие ученые [Гайдукевич, 1949, стр. 5; Жебелев, 1953, стр. 88]. Наиболее крайнюю позицию в этом вопросе занял Д. П. Каллистов (Каллистов, 1949, стр. 103 и сл.; Каллистов, 1952, стр. 25 и сл.; Каллистов, 1968, стр. 200 и сл.; Каллистов, 1969, стр. 124 и сл.). Скифы у него в героическое время, да и позднее, выступали как разобщенный конгломерат племен, не способный создать даже сколько-нибудь прочное объединение. Вопрос о развитии у северопричерноморских варваров рабовладельческих отношений и вопрос о времени появления у них первых государственных образований, по мнению ученого, сливаются в одну общую проблему. Рабство было развито мало. Скифы-земледельцы и особенно скифы-пахари являлись свободными общинниками, мелкими производителями, за медные деньги продававшими свой хлеб греческим купцам. Архаизация социальной жизни Скифии у Д. П. Каллистова, таким образом, сочеталась с определенной ее модернизацией, а ничем не аргументированное утверждение, что первые бесспорные признаки государственности обнаруживаются у скифов в III в. до н. э., звучало диссонансом.

Выдающуюся роль в исследовании социальной организации и процессов классовобразования у скифов сыграли работы Б. Н. Гракова. Его концепция окончательно сложилась в начале 50-х годов, но многие существенные положения ее были изложены и в более ранних работах ученого [Граков, 1939; Граков, 1947б; Граков, 1947; Граков, 1950; Граков, 1950а; Граков, 1954; Граков, 1968; Граков, 1971; см. также: Гпаков, Мелюкова, 1954].

По Б. Н. Гракову, в первой половине VII в. до н. э. возник скифский племенной союз как объединение родственных одноэтнических племен с преобладанием кочевых элементов над земледельческими. Вплоть до конца V в. до н. э. скифское общество было военно-демократическим, но с сильной царской властью, имевшей черты деспотической. В нем постоянно усиливалось значение кочевых племен, выразив-

шееся в уплате им земледельцами всевозможного рода даней и кормлений.

В конце V — начале IV в. до н. э. в Скифии возникло рабовладельческое государство, основной эксплуатируемый слой которого составляли общественные рабы типа илотов-или пенестов, появившиеся в результате порабощения племенем царских скифов всех остальных, прежде всего земледельцев. Образование государства у скифов форсировалось, торговыми и иными сношениями с греческими колониями Северного Причерноморья.

Рабовладельческим оставалось скифское государство и в крымский период своей истории. Однако оно все больше приобретало черты эллинистического торгового государства. Скифия была чем-то промежуточным между варварскими и греческим мирами, и эта промежуточность в конечном счете явилась одной из причин ее гибели.

Взгляды Б. Н. Гракова получили широкое распространение у его учеников и последователей [Мелюкова, 1950; Шелов, 1956; Яценко, 1959; Елагина, 1962; Елагина, 1963; Раевский Д. С., 1970 и др.]. Сходные идеи выдвигались и другими учеными [Соломоник, 1952; Блаватский, 1954, стр. 32; Шульц, 1953, стр. 6; Шульц, 1971, стр. 133; Высотская, 1972, стр. 15; см. также: Погребова, 1954, стр. 28 и сл.]. В то же время А. П. Смирнов [Смирнов А. П., 1966] и А. И. Тереножкин [Тереножкин, 1966], рассматривая скифское общество как рабовладельческое, предположили, что государство у скифов сформировалось еще в догеродотово время.

Поворот в изучении общественного строя скифов начался с конца 60-х годов. Тогда впервые за долгое время появились работы, в которых отрицалось господство в Скифии рабовладельческих отношений. И почти одновременно были высказаны иные соображения относительно общественного строя скифов.

Правда, А. Я. Брюсов еще раньше отказывался признавать скифское общество классовым [Брюсов, 1957, стр. 15—16], а Н. Л. Членова полагала, что скифы находились всего лишь на том социально-экономическом уровне, что и ирокезы [Членова, 1967, стр. 110]. Но это были лишь отдельные замечания без развернутой аргументации. Однако в 1967 г. Л. П. Лашук уже более обстоятельно доказывал, что скифское общество на всем протяжении его истории было военно-демократическим, лишь с зачатками раннеклассовой структуры и государственности [Лашук, 1967, стр. 111 и сл.].

В 1971 г. В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин высказали мнение, что скифское общество являлось патриархально-феодалным и одновременно раннеклассовым, а скифское государство было подобно тем государствам, которые склады-

вались у средневековых кочевников [Археолопя Української РСР, 1971, т. I, (стр. 44, 46—47)]⁶.

В 1972 г. Д. Б. Шелов пришел к выводу, что примитивная скифская государственность основывалась на различных формах эксплуатации и что рабство было лишь одной из таких форм, притом не основной [Шелов, 1972, стр. 73 и сл.].

Наконец, в том же году я предположил, что скифское государство было государством раннеклассового типа, подразумевая под последним «первичные политические образования с недостаточно развитыми классовыми структурами, в которых отношения эксплуатации представлены различными, еще окончательно не устоявшимися формами, без отчетливого и, главное, необратимого преобладания какой-либо из них» [Розанов, 1972, стр. 170].

За рубежом, несмотря на большой интерес, проявляемый к скифской истории, специальные работы, посвященные социальной организации скифов, почти отсутствуют. В высказанных же мнениях подчас явственно ощущается влияние концепции М. И. Ростовцева. В той или иной степени наличие феодализма у скифов признавали М. Эберт [Ebert, 1921, стр. 102, 341], К. Кречмер [Kretschmer, 1923, стр. 923—946] и Н. П. Толль [Толль, 1928, стр. 17 и сл.]. Г. Вернардский сравнивал Скифию с Хазарским каганатом и Золотой Ордой, полагая, что общее у них — господство кочевой орды над соседними земледельческими племенами. Скифское государство, по его мнению, возникло в конце VII в. до н. э. и было основано на «клановом законе» [Vernardsky, 1943, стр. 51—52; Vernardsky, 1959, стр. 59].

Особого внимания заслуживают исследования иранистов, хотя они не всегда непосредственно связаны со скифской тематикой, и в первую очередь труды Ж. Дюмезиля [Dumézil, 196-2; Dumézil, 1968; подробно о взглядах Ж. Дюмезиля см.: [Хазанов, 1974]. По (мнению этого ученого, скифское общество развивалось по феодальному пути, но еще не достигло уровня государственности. Оно походило на общество черкесов до их присоединения к России. «Нельзя еще говорить о феодализме у скифов начала нашей эры, но „кадры" кажутся уже готовыми», — писал Ж. Дюмезиль [Dumézil, 1962, стр. 198—199].

Таким образом, в настоящее время все основные проблемы, связанные с социальной историей и социальной организацией скифов, являются дискуссионными. В первую очередь это, конечно, объясняется скудостью источниковедческой базы. Но следует обратить внимание и на еще одно обстоятельство.

Исторически сложилось так, что изучением общественного строя скифов больше всего занимались археологи, специалисты по истории античного мира и иранисты, но толь-

ко не этнографы — кочевниковеды. Поэтому параллели и сравнения скифского общества в основном проводились с обществами Передней Азии, Ирана, наконец, античной средиземноморской цивилизации. Детального сопоставления скифского кочевого общества с обществами других древних и средневековых кочевников евразийских степей не производилось.

Впрочем, на этом пути имеется существенная трудность. Дело в том, что все основные проблемы кочевниковедения также являются дискуссионными.

История изучения социальной организации кочевников евразийских степей и некоторые дискуссионные проблемы кочевниковедения

Большие исторические труды, посвященные кочевникам евразийских степей, стали появляться с XVIII в. Главное место в них уделялось политической истории. Наличие классового общества у кочевников иногда вообще отрицалось, возникновение же государственности приписывалось объединяющей деятельности сильной личности вождя. Обычно подчеркивался неизменный и статичный характер кочевых обществ [Deguignes, 1756—1758; d'Ohsson, 1834—1835; Howorth, 1876—1927; Cahun, 1896; Вамбери, 1884]. Работы со сходными взглядами публикуются за рубежом и в XX в. И в них часто игнорируется внутренняя дифференциация в кочевых обществах, а возникновение кочевых государств и империй приписывается исключительно завоеванию кочевниками земледельческих областей. И даже в тех исследованиях, в которых констатируется наличие классов (сословий) и государства в некоторых кочевых обществах, часто отсутствует развернутый анализ их возникновения и функционирования [Toynbee, 1934; Lattimore, 1935; Grousset, 1948; Pritsak, 1952; Spuler, 1955; Spuler, 1961; Krader, 1959; Sahlins, 1968, стр. 32—39]. Мнение о том, что в своем самостоятельном развитии кочевники не достигают государственного уровня, содержится также в некоторых зарубежных марксистских исследованиях [Sellnow, 1968].

В то же время за рубежом был опубликован ряд ценных работ, посвященных экологии номадизма, родо-племенной структуре и системам родства кочевых обществ и т. д., не говоря уже о более частных вопросах [см., например: Bacon, 1958; Krader, 1963].

В русской дореволюционной науке социальная организация кочевников обычно рассматривалась как основанная на родо-племенных связях [Гродеков, 1889; Потанин, 1883; Харузин А. Н., 1883] Возникновение государственных образо-

ваний приписывалось субъективному фактору. Так, Н. А. Аристов писал, что «возникали они вследствие усиления одного из племен, во главе которого стояли храбрые, умные и счастливые в своих предприятиях родоначальники, успевшие подчинить своему влиянию роды своего племени и покорить остальные племена» [Аристов, 1896, стр. 284]. Под влиянием подобных взглядов находился В. В. Бартольд, хотя он и отмечал наличие социальной и имущественной дифференциаций у кочевников [Бартольд, 1964, стр. 27—28; Бартольд, 1968а, стр. 278].

Следует отметить, что уже в это время высказывались важные мысли о роли завоевания земледельческих областей в формировании государственности у кочевников, об особенностях их родо-племенной организации и т. д. [Григорьев, 1875; Гродеков, 1889, стр. 12; Бартольд, 1964, стр. 28].

Широкое исследование общественного строя кочевников и его особенностей впервые началось в советской науке.

В 20-е годы в одних работах отрицался классовый характер кочевых обществ и указывалось на преобладание в них родового уклада [Чулошников, 1924; Соколовский, 1926], в других отстаивался противоположный тезис — о наличии у кочевников развитых феодальных отношений [Погорельский, Батраков, 1930]. Тогда же впервые наметилась и промежуточная точка зрения, не получившая, однако, широкого распространения: общественный строй кочевников характеризовался как зачаточный феодализм, «племенное государство» [Кушнер, 1924; Кушнер, 1929].

Важную роль в изучении социальной организации кочевников сыграли исследования С. П. Толстова и Б. Я. Владимирцова, опубликованные в 30-х годах.

По С. П. Толстову, кочевники, как и земледельцы, в своем развитии обязательно проходят сперва рабовладельческую, а затем феодальную стадии развития. Рабовладельческая стадия у кочевников «развивается в своеобразной форме военно-рабовладельческой демократии или патриархальной монархии». «Для феодализма в кочевых районах основным зерном, откуда вырастает вся система феодальных отношений, является суан (саун.— А. Х.)—отдача скота на выпас». Ближайшую аналогию сауну С. П. Толстов усматривал в западноевропейском прекарии, но в то же время именно его наличием и недостаточной прочностью территориальных связей он объяснял сохранение кочевниками родовой организации. «Номинально территория кочевий продолжает долго оставаться родо-племенной собственностью. Но фактически она становится владением того слоя, который монополизирует в своих руках владение скотом» [Толстов, 1934].

Монография Б. Я. Владимирцова [Владимирцов, 1934]

была посвящена формированию и развитию классовых, конкретно — феодальных отношений у монголов. По мнению ученого, у них существовала феодальная собственность как на землю (пастбища и др.), так и на скот, и рядовые кочевники представлялись ему скорее (крепостными, (пастухами чужих стад, чем свободными скотоводами. Отношения, вытекающие из сохранения родо-племенной структуры общества, Б. Я. Владимирцов явно недооценивал. В результате некоторые важные различия между «кочевым» и «земледельческим» феодализмом фактически им игнорировались.

Таким образом, в 30-х годах возобладало мнение о господстве у кочевников евразийских степей феодальных отношений, практически мало отличающихся от западноевропейских или представленных особым своеобразным вариантом [Потапов, 1933; Козьмин, 1934; Кабо, 1934; Бернштам, 1934; Штейнберг, 1934; Токарев, 1936; Чулошников, 1936].

Та же точка зрения преобладала в советской науке и в 40-х — начале 50-х годов. В большинстве работ подчеркивались черты сходства между «кочевым» и «земледельческим» вариантами феодализма. В то же время термин «кочевой феодализм» постепенно выходил из употребления, и его заменил термин «патриархально-феодальные отношения» [Бернштам, 1946; Вяткин, 1947; Батраков, 1947; Батраков, 1949; Потапов, 1947; Потапов, 1947а; Потапов, 1953; Абрамзон, 1951].

Но уже к середине 50-х годов обнаружилось, что между различными исследователями существуют значительно более глубокие разногласия по вопросу об общественном строе кочевников, чем это казалось раньше. Согласно наиболее распространенному мнению, у кочевников евразийских степей преобладали феодальные отношения, осложненные более или менее значительными родовыми пережитками или же облекавшиеся в родо-племенные формы, а основу таких отношений составляла феодальная собственность на землю [Материалы объединенной научной сессии..., 1955; Потапов, 1955; Златкин, 1955; Першиц, 1955; Зиманов, 1958; Еренов, 1961; Ильясов, 1963; Ахмедов, 1965; Абрамзон, 1971а]. Согласно другому мнению, классовые отношения у кочевников основывались на частной собственности на скот, в то время как пастбища оставались в общинной собственности. Придерживавшиеся этой концепции ученые также полагали, что общественный строй кочевников евразийских степей можно в целом обозначить как патриархально-феодальный, но они значительно ниже оценивали общий уровень их развития. Так, по мнению С. Е. Толыбекова, казахское ханство XV—XVIII вв. представляло собой лишь начальную стадию государственности [Материалы объединенной научной сессии..., 1955; То-

лыбеков, 1959; Толыбеков, 1971; ср.: Каррыев, Мошкова, Насонов, Якубовский, 1954; Шахматов, 1964].

Обе точки зрения имеют своих приверженцев вплоть до настоящего времени. Более того, расхождения во мнениях о характере общественного строя евразийских кочевников скорее даже усилились. На одном полюсе находятся И. Я. Златкин, Л. П. Лашук и Г. А. Федоров-Давыдов, которые стремятся к дальнейшему сближению и отождествлению «кочевого» и «земледельческого» феодализмов и поэтому даже перестали пользоваться термином «патриархально-феодальные отношения» [Златкин, 1971; Златкин, 1971а; Златкин, 1973; Лашук, 1967; Лашук, 1967а; Лашук, 1973; Федоров-Давыдов, 1973]. На другом полюсе — Г. Е. Марков, обосновывающий положение о том, что кочевые общества являли собой систему, основанную на таких признаках, как «частная собственность на скот, племенная на пастбища; имущественная дифференциация; эксплуатация наемного труда пастухов, военной силы соплеменников; недоразвитость сословных и классовых отношений; племенная организация». Наиболее обычным состоянием кочевых обществ, по мнению Г. Е. Маркова, было «военно-демократическое», и лишь «кочевые империи» приобретали на время характер государственных образований ([Марков, 1967; Марков, 1971; Марков, 1973].

В последнее время было высказано еще одно мнение, согласно которому самостоятельно кочевники достигают только раннеклассового уровня, а их дальнейшее развитие во многом определяется взаимоотношениями с оседло-земледельческими обществами [Першиц, 1973; Хазанов, 1973; Хазанов, 1973а]. Такое мнение в известной мере является развитием уже давно высказывавшихся мыслей о том, что кочевников нельзя изучать изолированно от соседнего земледельческого и городского населения [Бартольд, 1964, стр. 28; Толстов, 1934, стр. 195 и сл.; Жданко, 1961; Жданко, 1968; Златкин, 1971а].

Таким образом, в настоящее время многие важные проблемы социальной организации кочевников евразийских степей, по-видимому, еще далеки от своего разрешения. В связи с этим важно обратить внимание на одно обстоятельство. Дискуссия в основном ведется на материалах кочевников средневековья и нового времени. Материалы по древним кочевникам привлекаются сравнительно мало; к тому же они сами еще нуждаются в обобщении. Между тем только комплексный подход в пространстве и времени с обязательным учетом взаимоотношений между кочевыми и оседлыми обществами может, на мой взгляд, способствовать решению сложной проблемы социальной организации кочевников евразийских степей.

ГЛАВА II

СКИФСКИЕ ЭТНОГОНИЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Реконструкция некоторых сюжетных линий скифского эпоса является задачей очень трудной, но, по-видимому, не безнадежной. В первую очередь это относится к этногоническим легендам и генеалогическим преданиям. Для их исследования имеются: две версии, записанные Геродотом (IV, 5—7 и 8—10), версия Диодора (II, 43), любопытный рассказ Страбона (XI, 2, 10) и еще некоторые сведения античных авторов, а также определенный эпиграфический, ономастический и иконографический материал. Предварительная работа должна заключаться в анализе каждого из дошедших до нас источников с их последующим сравнением, привлечением внешних критериев и т. д. [о методических принципах реконструкции см.: Иванов, Топоров, 1966]. Однако структурно-типологический анализ скифских легенд — предмет особого исследования. Моей же задачей является лишь использование их в качестве дополнительного источника по социальной истории Скифии. Поэтому их анализ будет в основном проведен на материале наиболее информативной для этой цели первой версии Геродота. Данные остальных версий будут привлекаться лишь в той мере, в какой они необходимы для правильного понимания рассматриваемого текста.

Источники

Первая версия легенды, переданная Геродотом (IV, 5—7), гласит следующее. Скифы — самый юный из всех народов. Первым человеком в их стране, тогда еще пустынной, был Таргитай, родившийся от Зевса и дочери реки Борисфена. У него было три сына: Липоксай, Арпоксай и младший Колаксай. При них на скифскую землю упали с неба золотые плуг, ярмо, секира и чаша. Старшие братья не смогли завладеть ими и, поняв значение этого чуда, передали младшему все царство.

«И вот от Липоксая-де произошли те скифы, которые носят название γένος¹ авхатов; от среднего брата Арпоксая — те, которые называются катиарами и траспиями; а от младшего, царя,— те, что называются «паралатами; общее же название всех их «сколоты, по имени одного царя; скифами назвали их эллины...

Вышеупомянутое священное золото цари их очень ревностно охраняют и ежегодно чтут богатыми жертвами. Кто с этим священным золотом во время праздника заснет под открытым небом, тот, по словам скифов, уже не проживет года; поэтому ему дается столько земли, сколько он сам объедет на коне в один день.

Так как страна была обширна, то Колаксай разделил ее на три царства для своих сыновей и одно из них сделал больше других; в нем-то и сохраняется золото».

«Живущие у Понта эллины» рассказывали скифскую этногоническую легенду по-иному (Her., IV, 8—10). Геракл, гоня быков Гериона, прибыл в тогда еще не населенную страну, которую позднее занимали скифы. Ночью у него пропали кони, и герою пришлось отправиться на их поиски. В местности Гилея он встретился с Ехидной — существом смешанной породы, полуженщиной-полузмеей, которая заявила, что кони у нее, но она возвратит их Гераклу не раньше, чем тот вступит с нею в связь. В результате Геракл прижил с нею трех сыновей, а когда отправился дальше для совершения очередного подвига, он оставил Ехидне свой лук и пояс с условием, что ее земля должна достаться тому из сыновей, который сможет натянуть лук и опоясаться поясом.

Когда родившиеся у Ехидны сыновья возмужали, она «дала им имена, одному — Агафирс, следующему — Гелон, младшему — Скиф, а потом, помня завет Геракла, исполнила его поручение. Двое из ее сыновей, Агафирс и Гелон, оказавшись неспособными исполнить предложенный подвиг, были изгнаны родительницей и удалились из страны, а самый младший, Скиф, исполнив задачу, остался в стране. От этого-то гераклова сына Скифа и произошли нынешние скифские цари» (τοὺς αἰεὶ βασιλέας γινόμενους Σκυθέων).

У Диодора (II, 43, 3, 4), сообщающего еще одну версию этногонической легенды, она соединена с рассказом о реальных событиях начальной скифской истории. Сперва скифы приобрели себе область в районе Предкавказья и Азовского моря. «Впоследствии, по скифским преданиям, появилась у них рожденная землей дева, у которой верхняя часть тела до пояса была женская, а нижняя — змеиная. Зевс, совокупившись с ней, произвел сына по имени Скиф, который, превзойдя славой всех своих предшественников, назвал народ по своему имени скифами. В числе потомков этого

царя были два брата, отличавшиеся доблестью, один из них назывался Пал, а другой — Нап.

Когда они совершили славные подвиги и разделили между собой царство, по имени каждого из них назвались народы, один палами, а другой напами».

Анализ

Попытки интерпретировать скифские этногонические легенды, главным образом первую версию Геродота, предпринимались неоднократно. В советской литературе наибольшее распространение получили ее хозяйственно-этническая и этническая трактовки. Все придерживающиеся их ученые, хотя и в разной мере и по-разному аргументируя свои положения, утверждают преобладание в этой версии местных земледельческих элементов над пришлыми кочевыми Варнеке, 1928; Семенов-Зусер, 1939, стр. 170, прим. 1; Артамонов, 1948, стр. 4—5; Артамонов, 1949, стр. 166—170; Граков, 1950, стр. 8—9; Граков, 1971, стр. 21—22; Штителман, 1956, стр. 266; Болтенко, 1960, стр. 38—55; Петров, Макаревич, 1963, стр. 20—31; Блаватский, 1974, стр. 40]. За рубежом со времени опубликования работы А. Кристенсена господствуют иные взгляды, трактующие данную версию в этно-социальном или даже в чисто социальном плане [Christensen, 1918, стр. 136—139; Dumézil, 1930, стр. 109—130; Dumézil, 1941, стр. 49—57, 220—225; Dumézil, 1962, стр. 187—188; Benveniste, 1938, стр. 534 и др.; ср. Hérodote, 1949; Brandenstein, 1953].

Но во всех предпринимавшихся до сих пор попытках интерпретации за основу брались только отдельные части версии, остальные же, по существу, игнорировались. В методическом отношении это, конечно, неверно. Ведь в таком случае даже самые интересные догадки и аналогии не объясняют легенды в целом.

Переходя к анализу самой версии, хотелось бы прежде всего отметить, что многое в ней производит впечатление недоговоренного или неясного. Ее хронологические основания противоречивы, отдельные детали логически не увязаны друг с другом. Например, ни слова не сказано о супруге Таргитая. Между тем в этногоническом предании ее происхождение не могло не играть существенной роли, особенно учитывая, что Таргитай был первым человеком в тогда еще пустынной стране². Неясно, как происходило управление царством до падения с неба золотых даров и испытания трех братьев³. Неясны положение и роль Липокся и Арпокся после того, как они уступили младшему брату все царство⁴.

Трудно определить, кто такие авхаты, катиары, траспии и паралаты. Непонятно и многое другое.

Объяснение, конечно, легче всего отнести за счет неполноты источников самого Геродота. И действительно, если сравнивать скифскую версию этногонической легенды с эллинской, то в последней детали лучше увязаны друг с другом. Но стоит ли во всем винить только Геродота или его информаторов?

В этой связи обращают на себя внимание структурно-типологические особенности рассматриваемой версии. Вся она довольно четко подразделяется на пять эпизодов, пять составных частей, пять сюжетных линий, обладающих значительной самостоятельностью. Первая — обстоятельства рождения Таргитая, вторая — предание о священных дарах, третья — возникновение Скифского царства и происхождение царской династии, четвертая — организация скифского общества, пятая — установление триединого характера Скифского царства.

Любопытно, что большинство неясностей и противоречий, имеющих в скифской версии легенды, находится как раз на стыках ее различных сюжетных линий. Уже одно это наводит на мысль об их неоднородности и разновременности. Удивляться не приходится. В представлениях современной фольклористики имеются два очень существенных момента. Первый заключается в том, что смысл мифа (а скифская этногоническая легенда в своих основных частях обладает всеми признаками мифа) отнюдь не сводится к смыслу, извлекаемому из простого сопоставления происходящих в нем событий [Иванов В. В., 1965, стр. 87—88]. Второй — что в мифе центральное место занимают отдельные эпизоды, объединенные в единый текст весьма формально и даже способные меняться местами [Мелетинский, 1963]. Если подходить к скифской этногонической легенде с подобных позиций, то в ней можно увидеть и отдельные эпизоды (блоки), подчас весьма формально организованные в текст (в семиотическом понимании этого термина), и несводимую только к ним исключительно общую смысловую нагрузку. Однако, прежде чем говорить о ней, представляется необходимым рассмотреть каждый из выделенных эпизодов с точки зрения его происхождения и содержания.

Происхождение Таргитая. Ж. Дюмезиль и другие зарубежные исследователи этого эпизода легенды не касались. В советской литературе прочно укоренилось мнение, что он возник в Северном Причерноморье, в аборигенной оседло-земледельческой среде.

Наиболее серьезный аргумент был выдвинут Б. Н. Граковым, полагавшим, что автохтонная основа прослеживается в образе матери Таргитая — дочери Борисфена, т. е. божества

явно местного, которое первоначально не могло не быть чуждым для пришлых скифов. Правда, Б. Н. Граков допускал, что здесь же в легенде содержится и намек на присутствие пришлого элемента в виде упоминаний о том, что Таргитай появился в необитаемой для него стране, а скифы считали себя молодым народом.

Действительно, пустынная страна, в которой появился Таргитай, на первый взгляд хорошо согласуется с другим рассказом Геродота (IV, 11)—о том, что «вторгнувшиеся скифы заняли страну пустынную». Но если видеть хоть какое-то реальное основание под утверждением того же Геродота (IV, 7), что от «царя Таргитая до похода Дария прошло круглым счетом не более тысячи лет», то связь между обстоятельствами происхождения героя-первопредка и появлением скифов в Северном Причерноморье, которое от времени Дария было отделено самое большее несколькими веками, представляется куда более сомнительной. Пустынную землю, в которой появился Таргитай, в таком случае тоже можно рассматривать как намек на исконность, авто-хтонность обитания его потомков на территории Приднепровья и шире — Северного Причерноморья, на которой до них якобы никто не жил.

Еще одно противоречие версии заключается в том, что, с одной стороны, скифы, по словам Геродота, считали себя самым юным из всех народов, но с другой — со времени рождения их первопредка прошло более тысячи лет. Тысяча лет — срок немалый даже для мифа и легенды. Римляне, например, возводившие свое происхождение к Энею, а основание города всего-навсего к 754—753 гг. до н. э., в своих хронологических изысканиях были гораздо скромнее, да и многие другие народы тоже. Если во времена Геродота скифская традиция насчитывала более тысячи лет, скифы никак не могли быть самым молодым народом. Савроматы, по тому же Геродоту (IV, 110—117), были значительно моложе их. Отец истории должен был все это сознавать и сам. Может быть, поэтому он и оговорил, что самым молодым народом себя считают сами скифы. Но противоречие такой оговоркой не снимается.

В данной связи опять обращает на себя внимание структура анализируемой версии. Слова о том, что скифы считают себя самым юным народом, как бы предваряют изложение Геродотом этногонической легенды. Непосредственно с ней они не связаны. В то же время упоминание о времени рождения Таргитая хотя и помещено в тексте после рассказа о его сыновьях, но логически относится к первому эпизоду. Если так, то противоречие можно объяснить. Обе хронологические выкладки оказываются основанными на разных традициях. Та, в которой речь идет о тысячелетии и которая

находится в противоречии со сведениями о приходе скифов из Азии, должна быть отнесена за счет аборигенной северопричерноморской.

В таком случае можно было бы думать, что генетически Таргитай принадлежит населению той части будущей Скифии, за которой и во времена Геродота сохранялось наименование древней или исконной (*ἀρχαία Σχυθη*), где находились многие скифские реликвии и святилища (Her., IV, 81, 82). Как и образ первопредка, они могли стать общескифскими только после создания скифского племенного объединения.

Вероятно, в не дошедших до нас частях эпоса Таргитай выступал не только как первопредок, но и как герой-богатырь, и как культурный герой. Помимо общих соображений, основанных на сравнительной типологии героического эпоса, об этом может свидетельствовать интересный рассказ Страбона (XI, 2, 10) и иконографический материал, собранный Б. Н. Граковым. По мнению ученого, Таргитая следует отождествлять с Гераклом эллинской версии скифской этногонической легенды [Граков, 1950а, стр. 13 и сл.]. В Авесте родоначальник ариев Хушенг выступает как первый царь и законодатель и одновременно борец с дивами. В Шахнаме образ Хушенга, внука и преемника Кеюмарса и основателя царской династии, имеет отчетливые черты культурного героя. Хушенг открывает свойства железа, изобретает мотыгу, топор и пилу, учит людей земледелию [Фирдоуси, 1957, стр. 28—29]. Интересные параллели (только ли типологические?) обнаруживаются также в тюрко-монгольском эпосе [Мелетинский, 1964].

Получается, что предание о Таргитае целиком восходит к местным земледельческим племенам Северного Причерноморья эпохи бронзы, вероятно киммерийского происхождения, и в основе своей является этиологическим мифом — древнейшей разновидностью мифологии. Пришлые же элементы в нем отчетливо заметных следов не имеют. Собственно говоря, это в первую очередь и предполагалось Б. Н. Граковым, писавшим про несомненную древность образа Таргитая, ставшего патриархом в глубоких недрах бронзовой эпохи Приднепровья [Граков, 1950а, стр. 18].

Такая древность находит подтверждение и в обстоятельствах происхождения героя. Сейчас господствующее мнение склоняется к мысли об ираноязычности киммерийцев, во всяком случае, их индоевропейская принадлежность почти не вызывает сомнений [исключение см.: Членова, 1971, стр. 22]. В то же время выяснилось, что в древнейших индоиранских и, шире, индоевропейских представлениях небо и земля, «два великих родителя», как они названы в Ригведе, образуют пару связанных мифологических образов, в которой небу

приписывается функция мужского (мужа или отца), а земле — женского (жены или матери) производящего начала. Более того, образ женской богини-матери оказывается связанным с представлениями о сырости и влаге. Рождение Таргитая от небесного бога и дочери Борисфена, олицетворяющей земное и влажное начало, полностью соответствует тому, что было установлено на индийском, иранском, римском, германском, скандинавском и славянском материале [ом., например: Иванов, Топоров, 1965, стр. 101—103; Иванов В. В., 1969, стр. 49].

Однако одно обстоятельство если не подрывает полностью предположение о местных корнях предания о Таргитае, то все же зарождаёт определенные сомнения. Версия Диодора локализует Ехидну не в Приднепровье, а в Предкавказье, в области, где начиналась скифская история в Восточной Европе («см. гл. VI). Поэтому (возможны еще два объяснения. Скифы могли изменить локализацию своего божества по мере продвижения на запад, или же произошла контаминация образа их богини с аналогичным местным, приднепровским. Но тогда и происхождение образа самого Таргитая становится не столь очевидным.

Как бы то ни было, ясно одно: древняя основа рассматриваемого эпизода не осталась неизменной. Таргитай, герой-первопредок, выступает в нем как предок всех скифов. Показательно, что в других версиях легенды общность происхождения скифов утверждается не столь очевидно. В эллинской версии говорится лишь о происхождении царской династии (Her., IV, 10). По Диодору (II, 43, 1—3), царь Скиф не был ни скифским родоначальником, ни даже первым царем. В рассказе о Таргитае же, как и во всей рассматриваемой версии, последовательно проводится одна и та же тенденция, подчеркивающая кровное родство всех, кто считался скифом. Ясно, что она могла появиться лишь в процессе оформления скифского этноса, слияния его аборигенных элементов с пришлыми, т. е. значительно позднее, чем образ самого Таргитая. К тому же в самой тенденции можно усмотреть определенный политический расчет.

Как идеологическое обоснование Скифского царства она была на руку его центростремительным силам, тем, кто был заинтересован в его существовании и укреплении. Если вспомнить про господствующее положение в нем скифов царских, то нетрудно, вероятно, будет и определить конкретную среду, в которой миф о Таргитае претерпел свою окончательную обработку.

Предание о священных дарах. Хозяйственная интерпретация этого предания [Артамонов, 1948, стр. 4—5; Ильинская, 1951, стр. 31; Смирнов А. П., 1966, стр. 21—22; Шелов, 1972, стр. 67], равно как и этническая [Brandenstein, 1953, стр. 183

и сл.; Kothe, 1967, стр. 65; Ельницкий, 1970, стр. 67], сталкивается с многочисленными трудностями. Секира и чаша никак не годятся в символы хозяйственной деятельности. отождествление секиры (ὁ σάγαις) с топором, якобы необходимым, по мнению М. И. Артамонова, для земледельца, вынужденного отвоевывать от леса землю под пашню, произвольно [Powell, 1938, s. v.; см. также: Kothe, 1967, стр. 61, прим. 4]. К тому же непонятно, почему здесь имеется в виду земледелие лесной полосы, если конкретное авторство приписывается скифам-пахарям, жившим в степи или лесостепи?

Еще труднее согласиться с В. П. Петровым, полагавшим, что рассматриваемая версия является генеалогическим преданием скифов — земледельцев и волопасов, вооруженных секирой, в то время как эллинская версия принадлежала скифам — конным лучникам [Петров, 1962, стр. 232]. Уже в силу своей функциональной нейтральности секира и чаша едва ли подходят для олицетворения каких-либо этнических групп, будь то пришлых или местных. Поэтому наиболее вероятной представляется интерпретация упавших с неба золотых даров как символов социального членения общества на три сословия⁶.

Не случайно для социальных и идеологических систем скифов очень характерными оказываются именно тернарные структуры [о них см.: Сыркин, Топоров, 1968]. Три сына героя-первопредка (Her., IV, 5 и 9), три сына Колаксия (Her., IV, 7), троичное административно-политическое деление Скифии (Her., IV, 7 и 120), троичная корпорация гадателей (Her., IV, 68), три общественных прослойки, о которых упоминает Лукиан (Scyth., 1) — вся эта подчеркнутая и многосторонняя троичность едва ли случайна. Б. Н. Граков обратил внимание, что даже городища в некоторых районах лесостепной Скифии являются тройными, и связал это с воздействием скифо-европейской легенды о трех братьях-основателях [Граков, 1971, стр. 163].

Однако с неба упало четыре дара, а предполагаемых сословий всего три. Чтобы обойти противоречие, А. Кристенсен предположил, что секира и ярмо символизируют один и тот же слой воинов, но разные рода войск: первая — конницу, второе — колесничих [Christensen, 1918, стр. 137]. Позднее Э. Бенвенист и присоединившийся к его мнению Ж. Дюмезиль предложили иную, гораздо более убедительную интерпретацию даров. У них чаша символизирует жречество, секира — воинское сословие, плуг и ярмо вместе — непосредственных производителей [Benveniste, 1938, стр. 535 и сл.]⁶. Однако и такая гипотеза должна объяснить, почему среди священных символов скифского общества, в котором политически преобладали кочевые элементы, оказались явно

земледельческие плуг с ярмом? Ведь даже во времена Геродота их ревностно почитали скифские цари — выходцы из кочевой среды.

Но прежде всего о тех ирано-индийско-среднеазиатско-осетинских параллелях и аналогиях, которые сделали возможной социальную интерпретацию самих даров. Они приведены в указанных работах А. Кристенсена, Э. Бенвениста и Ж. Дюмезиля⁷. Так, в Авесте (Вендидат, фаргард II) имеется упоминание о том, что один из первых царей Йима получил от самого Ахура Мазды священные золотые орудия, с помощью которых он трижды расширял землю.

В Ригведе, обнаруживающей определенную близость с Авестой, упоминается о трех жертвенных огнях, трех ипостасях бога Агни, трех местах его рождения, символизирующих тройную природу этого бога [Ригведа, 1972, стр. 106]:

В первый раз с неба родился Агни, Во второй раз — от нас, знаток (всех) существ, В третий раз — в водах. Его, неослабевающего, Воспевает, зажигая, тот, чья мысль мужественна, чьи намерения прекрасны.

В различных пехлевийских текстах также несколько раз упоминается о трех огнях божественного происхождения, являвшихся символом деления общества на жрецов, воинов и земледельцев. Так, в Бундахишне — жреческой книге о сотворении мира — говорится (XVII, 4—9), что в правление Йимы именно с помощью этих трех огней к все дела шли лучше, чем когда-либо». Известно, что в сасанидском Иране почитались три священных огня, находившиеся в храмах, расположенных в разных частях страны, и олицетворявшие собой каждый одно из сословий. В Шахнаме Джемшид, образ которого восходит к авестийскому Йиме, делит людей на четыре сословия: жрецов, воинов, земледельцев и ремесленников [Фирдоуси, 1957, стр. 36—37]. Однако очевидно, что сословие ремесленников появилось позднее трех остальных.

«Неважно — различные предметы или просто огонь,— писал Ж. Дюмезиль,— и то и другое — талисманы, пришедшие из иного мира и гарантирующие в Иране и Скифии процветание царю и народу при условии социальной тройственности» [Dumézil, 1941, стр. 225].

Наконец, Ж. Дюмезиль неоднократно обращал внимание на три сокровища нартов, выступающие в эпосе как средство испытания героев.

М. Я. Чиковани отмечает, что в Грузии до сих пор сохранился аналогичный скифскому сюжет о происхождении плуга с той лишь разницей, что золотой плуг становится собственностью не скифа, а грузина [Чиковани, 1960, стр. 44; Чиковани, 1966, стр. 59].

Но, пожалуй, наиболее интересной аналогией к рассказу Геродота являются слова послов среднеазиатских скифов, обращенные к Александру (Curt., VII, 8, 17—18)⁸: «Знай, нам, скифам, даны такие дары: упряжка быков, плуг, копье, стрела и чаша (*Dona nobis sunt, ne Scytharum gentem ignores, iugum boum⁹, aratrum. hasta, sagitta, patera*). Этим мы пользуемся в обращении с друзьями и против врагов. Плоды, добытые трудом быков, мы подносим друзьям; из чаши вместе с ними мы возливаем вино богам; стрелой мы поражаем врагов издали, а копьем — вблизи».

Как известно, Курций Руф пользовался многими не дошедшими до нас источниками. В частности, он сам недвусмысленно намекает (VII, 8, 11—12), что речь скифских послов взята им из источников, восходящих ко времени Александра. Невозможно сказать, у кого именно он заимствовал свое интереснейшее свидетельство; как считает Ж. Дю-мезиль, во всяком случае, не у Геродота. Действительно, несмотря на несомненное и близкое сходство, в обеих версиях имеются и различия. Но важнее другое. Во-первых, рассказ Курция Руфа доказывает, что предание о священных дарах божественного происхождения в различных вариантах широко бытовало в скифско-сакской среде. Во-вторых, он подтверждает предположение, что дары являлись символами социального членения общества. В-третьих, он еще раз убеждает в правильности предположения, что и в рассказе Геродота ярмо следует объединять с плугом.

Итак, в иранской и индоиранской среде с глубокой древности бытовали различные варианты мифа о священных дарах, огнях или других символах, олицетворявших собой модель общественного устройства. Едва ли можно сомневаться в том, что божественное происхождение этих символов как бы санкционировало и само существование различных социальных слоев, и их неравноправное положение.

Насколько соответствовала реальная скифская действительность идеальной общественной модели, которую символизировали упавшие с неба золотые дары? Ведь помимо всего прочего их разделяли многие века исторического развития. Ответить на этот вопрос можно лишь с помощью детального изучения социальной организации скифов, чему будут посвящены следующие главы. Но, конечно, при всех обстоятельствах незачем полностью отождествлять миф и реальную действительность.

Когда и где впервые зародился миф о священных дарах божественного происхождения? Ответ на первый вопрос не вызывает особых затруднений. Материалы Авесты, Ригведы и другие аналогии показывают, что своими корнями и он уходит в глубины бронзового века¹⁰. Широкое распространение мифа, в различных вариантах зафиксированного от

причерноморских степей до Северной Индии, гораздо легче объяснить тем, что он восходит ко временам иранской или даже индоиранской общности, чем одними заимствованиями.

Второй вопрос значительно сложнее. Дары, которые занимают такое важное место в скифской этногонической легенде, генетически могут быть связаны как с местными [ср.: Kothe, 1968, стр. 108, прим. 40], так и с пришлыми элементами скифского этноса. Если киммерийцы — иранцы, то отпадает одно из препятствий к допущению, что в их среде мог появиться вариант общеиранского мифа. Дары, как явствует из контекста легенды, упали с неба именно на причерноморскую землю. Это также может указывать на местные корни мифа. Плуг с ярмом в таком случае могут свидетельствовать о важной роли земледелия, характерного для оседлых племен Северного Причерноморья, — на это уже обращалось внимание. Наконец, в других версиях скифской этногонической легенды представление о священных дарах божественного происхождения отсутствует или значительно ослаблено.

И все же подобное решение вопроса не кажется бесспорным. Ведь и в самом мифе, и в рассказе Геродота все время подчеркивается связь священного золота с царской династией и через нее с царскими скифами. Плуг с ярмом, колья скоро они отмечены и в сакском варианте, свидетельствуют лишь о живучести традиции, восходящей к бронзовому веку. В конце концов и скифы и саки стали кочевниками значительно позднее того времени, когда у их предков зародился миф о священных символах. А то, что плужное земледелие было распространено уже в бронзовом веке, — факт, известный слишком хорошо, чтобы на нем стоило останавливаться. К тому же любопытно отметить, что, по Ферекиду Лерийскому (Theog., fr. 113), плуг у скифов символизировал не занятие земледелием, а владение землей. Наконец, само наличие сакского варианта мифа, очень близкого к скифскому, говорит о том, что его следует скорее связывать с пришлыми элементами, чем с древним автохтонным оседло-земледельческим населением Северного Причерноморья.

Можно предположить, что пришедшие в Северное Причерноморье кочевники принесли с собой миф о священном золоте, лишь впоследствии привязав его к вновь освоенной территории. При этом не исключено и наличие какого-то местного варианта, вероятно не столь уж сильно отличавшегося от конкурирующего и поэтому легко слившегося с ним, хотя, возможно, и дополнившего его какими-то деталями. Важнее, однако, другое: во времена Геродота этот миф имел важную смысловую нагрузку. Священное золото олицетворяло собой единство скифского общества и божественную санкцию его социальной организации. И кроме того,

оно должно было обосновывать божественное происхождение и сакральный характер царской власти потомков Колаксай. Именно поэтому оно так чтилось скифскими царями, именно поэтому в честь него совершались торжественные ежегодные празднества.

В празднестве в честь священного золота у скифов имеется одна любопытная сторона. Языческое восприятие жизни опирается на миф, миф же предполагает возможность повторения изначального состояния, которому придается особая значимость. Это изначальное время, когда был создан мир и заложены образцы поведения человека, возвращается при воспроизведении мифа, в моменты празднеств и жертвоприношений [Гуревич, 1972, стр. 39; Гуревич, 1972а, стр. 87]. Не сталкиваемся ли мы с чем-то подобным и в скифском празднике в честь священного золота?

Его ритуально-мифологическая основа кажется несомненной. Иначе не понятны ни неизбежная смерть заснувшего у золота человека, ни его кратковременная прижизненная награда, ни, наконец, сама причина празднества, устраиваемого в честь упавших с неба предметов божественного происхождения. Но за этой основой проступает стремление сакрализировать или напомнить (или восстановить в воспроизведении мифа во время празднества) «изначальное» устройство скифского общества. Миф, таким образом, как и подобает мифу, является формой осознания не только исторического прошлого, но и настоящей действительности.

Наличие у скифов представлений о божественном происхождении царской власти подтверждается не только анализом мифа о священном золоте. Об этом же свидетельствует ряд изображений со сценами адорации, когда царь приобщается вином из ритона или другого сосуда перед сидящей на троне богиней или перед конным богом [Ростовцев, 1913]. Сюжет подобных изображений указывает на Передний Восток, откуда он, вероятно, и был заимствован скифами [Граков, 1971, стр. 37]. Но едва ли следует думать, что само представление о божественном происхождении царской власти появилось у скифов только после их переднеазиатских походов. Правильнее, на мой (взгляд, предполагать лишь его дальнейшее развитие. Во всяком случае, царь Иданфирс во время войны с Дарием в полном соответствии с рассматриваемой версией легенды называет Зевса своим предком (Her., IV, 127).

Возникновение Скифского царства. В момент падения с неба священных даров на сцене действуют три брата: Липоксай, Арпоксай и Колаксай. Получается даже, что какое-то время они царствуют совместно. О Таргитае упоминаний больше нет — немаловажная деталь, которая подтверждает предположение о позднем включении этого героя в рассмат-

риваемую версию легенды. Но вот с неба падает священное золото, которым смог завладеть только Колаксай. Старшие братья, поняв значение этого чуда, добровольно уступают ему все царство.

Здесь опять прослеживается определенная тенденция, особенно заметная в сравнении с эллинской версией легенды. В последней нет намека на добровольность. Напротив, Ага-фирс и Гелон, не способные решить предложенную им задачу, изгоняются собственной матерью из страны. В рассматриваемой же версии не только говорится о том, что Колаксай и его потомки-паралаты отнюдь не узурпаторы, что они по праву занимают господствующее положение в Скифии, ибо имеют на это божественную санкцию. В ней подчеркивается, что такое их положение *добровольно* признано братьями Колаксайа, а следовательно, и их потомками¹¹.

Следовательно, и устройство скифского общества вместе с присущими ему отношениями господства и подчинения не только имеет божественное происхождение; оно оформилось, в результате мирного согласия всех родоначальников скифов.

Кем бы ни были паралаты, их связь с царскими скифами несомненна. Поэтому получается, что царские скифы не только считают всех прочих скифов своими рабами (Her., IV, 20). Они имеют на это неоспоримое божественное право, всеми осознанное и признанное еще в момент основания скифского общества.

Однако Липоксай и Арпоксай передают Колаксайю не просто верховную власть, но и все неделимое царство. В то же время из следующего эпизода легенды недвусмысленно явствует, что в отличие от Агафирса и Гелона эллинской версии они не выселяются из Скифии, а остаются в ней и становятся родоначальниками каких-то ее подразделений, в этническом отношении также скифских. Ж. Дюмезиль усматривает в этом противоречие¹². Прав он или нет, зависит от понимания дальнейших событий.

Организация скифского общества. От Липоксайа произошел γένος авхатов, от Арпоксайа — катиаров и траспиев, от Колаксайа — паралатов. Кто они такие? Этот вопрос является наиболее трудным для интерпретации. Отвлекаясь от деталей, все предложенные объяснения сводятся к пониманию четырех γένη версии в этническом, социальном или смешанном этно-социальном плане.

К этническому пониманию склонялся Э. Бенвенист и одно время Ж. Дюмезиль, взгляды которого в этом вопросе не отличаются постоянством [Benveniste, 1938, стр. 535 и сл.; Dumézil, 1958, стр. 9—10]¹³. Паралаты отождествлялись с царскими скифами. Следовательно, остальные γένη также должны были быть племенами, возможно соответствовавшими-

ми скифам-пахарям, скифам-земледельцам и скифам-кочевникам.

К социальному пониманию склоняются Ж. Дюмезиль и Э. А. Грантовский (Dumézil, 1930, стр. 109 и сл.; Dumézil, 1941, стр. 151—152 и др.; Dumézil, 1962, стр. 187 и др.; Грантовский, 1960]. Они полагают, что четыре γένη вполне соответствуют символике священных даров и отражают социальное членение скифского общества. Одним из основных аргументов служат этимологические изыскания, якобы позволяющие видеть в авхатах, катиарах, траспиях и паралатах наименования скифских социальных слоев или каст. Но показательно, что один и тот же метод, использующий к тому же один и тот же материал, приводит исследователей к весьма различным выводам.

По Ж. Дюмезиллю, паралаты представляют высший, царско-жреческий слой, авхаты — воинский, катиары и траспии вместе — рядовых членов общества (катиары символизируют разведение крупного рогатого скота, а траспии — специально коневодство). По Э. А. Грантовскому, паралаты — цари и военная аристократия, авхаты — жрецы, катиары и траспии — рядовые скотоводы и земледельцы¹⁴. Такие различия уже сами по себе заставляют усомниться если не в эффективности этимологического метода применительно к столь скудному материалу, как скифский, то по крайней мере в сделанных на его основе выводах¹⁵.

В социально-этническом плане четыре γένη версии понимали А. Кристенсен, иногда все тот же Ж. Дюмезиль, в последнее время М. Молэ [Christensen, 1918; Dumézil, 1941, стр. 152; Mole, 1952, стр. 455—466]¹⁶. Они полагали, что в скифской версии, переданной Геродотом, сочетаются рассказ о происхождении этнических подразделений Скифии от трех братьев-родоначальников, очень распространенный среди индоевропейских и особенно иранских народов, и символизация троичного социального деления скифского общества.

Геродот для характеристики авхатов, катиаров, траспиев и паралатов употребляет слово γένος. Но в силу своей многозначности оно не может помочь решению проблемы (подробно об этом см. гл. IV). Как переводить γένος в данном случае, зависит от понимания контекста¹⁷.

В указанных работах А. Кристенсена, Ж. Дюмезиля, М. Молэ и Э. А. Грантовского приведены некоторые иранские и даже более широкие аналогии в подтверждение выдвинутых гипотез. Но и они не дают окончательного решения вопроса.

Так, Ж. Дюмезиль, отстаивая социальное понимание четырех γένη, ссылается на нартский эпос, в котором фигурируют три семьи или рода — Ахсартакката, Алагата и Бората с присущими им соответственно мудростью, силой и

богатством [Dumézil, 1960]; на зороастрийскую традицию, приписывающую основание классов трем сыновьям Зороастра; на Бируни, сообщавшего, что основателями различных социальных слоев были два брата — Хушенг, известный еще по Авесте, и Вегерд.

М. Молэ ссылается на другую иранскую традицию — о разделе мира между сыновьями Феридуна, — сохранившуюся в пехлевийских источниках — Бундахишне, Денкарде — «Деянии веры», своего рода энциклопедии зороастризма, и наиболее подробно в одном недавно восстановленном тексте. В нем повествуется о том, как Феридун спросил своих сыновей, что хотел бы получить каждый из них. Старший, Сельм, попросил богатство, средний, Тур, — воинскую доблесть, младший, Иредж, — закон и религию. Соответственно просьбам Феридун отдал Сельму земли Рима, Туру — Туркестан и пустыню, а Иреджу — Иран и верховную власть над братьями.

Интересный вариант той же традиции сохранился в Шах-наме. Прежде чем разделить свои владения, Феридун решает испытать сыновей, возвращающихся из Йемена, и для этого превращается в дракона. Сельм бросается в бегство, Тур принимает бой, Иредж усмиряет животное разумом и благородством. Феридун дает имена сыновьям соответственно их поведению, а затем делит между ними мир описанным выше образом [Фирдоуси, 1957, стр. 99—100]:

Мир натрое царь Феридун разделил:

Часть — Запад и Рум, часть — Китай и Туран,

А третья — Пустыня бойцов и Иран.

Когда же Иреджа черед наступил, Ему во владенье отец уступил
Иран и Страну копьеносных бойцов, Престол и венец миро-
держных отцов. Он знал, что избранник достоин дворца, Печати
и перстня, меча и венца.

Сам М. Молэ отмечал, что приведенная им традиция наиболее близка к скифской. В обоих случаях испытание выдерживает только младший брат, в обоих случаях он получает верховную власть, в обоих случаях братья являются родоначальниками неравноправных этнических групп. Поскольку в иранской традиции отчетливо видно, как социальное членение общества переплетается с этническим, то же предполагается для скифской. Любопытно отметить, что Тур и Сельм недовольны произведенным разделом и вероломно убивают Иреджа, в то время как Липоксай и Арпоксай добровольно признают верховную власть Колакся.

Поэтому можно думать, что в рассматриваемом эпизоде наблюдается уже знакомая тенденция, цель которой — под-

черкнуть единство происхождения всех скифов и их отдельных подразделений. Известно, как широко распространены у кочевников чисто фиктивные представления о происхождении от общих предков, облегчающие общественную интеграцию и инкорпорацию иноплеменных групп с их последующей генеалогической ассимиляцией. Но коль скоро отношения между различными племенными группами в скифском объединении не были равноправными, то допустимо предположение, что на домыслы об их мнимом родстве наложилось сознание их фактического неравенства, отраженное в легенде сквозь призму традиционных иранских представлений о троичности социальной организации.

Вероятно, ядро данного эпизода — популярный образ Колакساء, царя-основателя скифского племенного объединения, тесно связанный к тому же с преданием о священном золоте, — восходит к собственно скифской мифологии¹⁸. С остальными братьями дело обстоит сложнее. Скифы могли принести с собой предание о трех братьях-родоначальниках и в дальнейшем связать двух из них с местными племенными группировками, могли, напротив, местных героев-родоначальников связать генеалогическим родством с Колаксаем. Но при всех обстоятельствах окончательное оформление разбираемого эпизода версии не могло произойти раньше создания скифского объединения и его социальной организации.

Если принять предложенную трактовку, то авхаты, катиары, траспии и паралаты должны были быть какими-то первоначальными этническими подразделениями скифского объединения, возможно отличавшимися по своим социальным позициям. Последнее можно было предполагать а priori, исходя из того, что паралаты происходили непосредственно от Колакساء¹⁹. Но что-нибудь большее сказать о них на основании рассматриваемой версии легенды трудно.

Э. Бенвенист, отождествлявший паралатов с царскими скифами²⁰, полагал, что авхаты, катиары и траспии соответствовали скифам-пахарям, скифам-земледельцам и скифам-кочевникам. Но для характеристики последних Геродот (IV, 17—20) употребляет иной термин — не γένος, а ἔθνος, причем этих этносов у него в рассказе не четыре, а семь. Кроме того, вообще неясно, говорится ли в легенде о четырех γένη или о трех²¹.

Наиболее вероятным поэтому представляется, что по крайней мере между авхатами, катиарами и траспиями и этническими подразделениями Скифии, которые были зафиксированы Геродотом, не было полного соответствия. Удивляться этому не приходится. Если в легенде нашли отражение названия тех племен или племенных групп, которые составили первоначальную основу скифского объединения, то

4*

за истекшие до времени Геродота столетия этно-племенная структура Скифии не могла не претерпеть существенных изменений²². Поэтому связь γένη рассматриваемой версии легенды с конкретными племенами V в. до н. э. могла быть неясной не только для Геродота, но и для его скифских современников.

Но следует еще раз подчеркнуть, что все это не более чем догадки. В данном случае и анализ терминологии, употребляемой Геродотом, и иранские параллели, и тем более этимологические сопоставления бессильны помочь решить все вопросы, неясности и противоречия, связанные с рассмотренным эпизодом. Четкое осознание этого обстоятельства, на мой взгляд, совершенно необходимо. Иначе, уверовав в непогрешимость своих построений, исследователь рискует переступить незримую, но все же реально существующую грань, отделяющую допустимые, хотя и недоказуемые полностью гипотезы от малообоснованных домыслов и свободного полета фантазии.

Установление триединого характера Скифского царства. В отличие от предшествующего эпизода здесь все более или менее ясно. Даже объяснение причин раздела власти довольно правдоподобно. Скифское царство было триединым еще во времена войны с Дарием (Her., IV, 120). Здесь легенда смыкается с реальной действительностью.

Легенда дает все основания для предположения, что цари всех трех царств (βασιλῆῖν) принадлежали к одной и той же династии потомков Колаксия, выходцев из среды царских скифов. Ведь в отличие от Колаксия его братья в легенде царями не названы²³. Тогда, вопреки мнению Ж. Дюмезиля, нет противоречия в том, что Колаксий делит свое царство между сыновьями, а не между братьями. Это означает, что верховная власть над различными этническими подразделениями Скифии, родоначальниками которых считались Липоксий и Арпоксий, все равно принадлежала прямым потомкам Колаксия, поскольку все племена Скифии входили в одно из трех царств-басилей. Таким образом, в случае правильности предложенного толкования легенда дает дополнительные сведения о высших звеньях социальной организации скифского общества.

Подтверждение предложенного толкования можно усмотреть в сообщении Геродота (IV, 120) о том, что во время войн с Дарием три войска, находившиеся под командованием царей Иданфирса, Скопасиса и Таксакиса, состояли из царских скифов. Царские скифы не могли оказаться под началом тех, кого считали своими рабами. Следовательно, и Скопасис и Таксакис также были выходцами из среды царских скифов, а скорее всего принадлежали к одному с Иданфирсом царскому роду.

Выводы

Проведенный анализ легенды о происхождении скифов позволяет сделать следующие выводы. Эта легенда в той ее версии, которая являлась главным предметом рассмотрения, действительно неоднородна и разновременна. Наиболее древними ее частями являются, с одной стороны, миф о первопредке Таргитае, с другой — предание о священных дарах как символах общественного устройства, восходящее к временам иранского единства.

Тот вариант предания, который нашел отражение в легенде, сохранялся в собственно скифской, т. е. пришедшей и кочевой, среде. В ней же родился образ легендарного царя Колаксяя.

Окончательное оформление легенды произошло после создания Скифского царства под главенством племени царских скифов. Именно тогда Таргитай был объявлен перво-предком всех скифов, а сама легенда дополнена новыми эпизодами, в которых нашли отражение особенности общественного устройства Скифии. Главной тенденцией при этом было стремление подчеркнуть общность происхождения всех скифов, обосновать божественное установление присущих Скифии социальных отношений, особенно подчинение всех ее племен царским скифам и их династии, и утвердить мысль, что скифское объединение возникло в результате добровольное признания главенствующего положения потомков Колаксяя.

Древнейшие части рассмотренной версии легенды в стадильном отношении относятся к ранней ступени развития эпоса, представленной Калевалой, нартским эпосом, богатырскими поэмами тюрко-монгольских народов Сибири и другими памятниками [Мелетинский, 1968, стр. 212]. Все они развивались в ходе этнической консолидации, начавшейся еще в догосударственный период. Поэтому историческое прошлое в них передавалось и осмысливалось языком мифологических концепций. Однако наиболее поздний слой легенды должен датироваться уже временем создания Скифского царства с характерным для него неравноправным положением отдельных племен и различных социальных слоев.

В целом из трех версий наиболее ранней кажется та, которую изложил Диодор, поскольку действие в ней разворачивается еще в Предкавказье, а не в Поднепровье. Она, по-видимому, была опосредствована греческим источником или источниками историка, но все же древнейший пласт в ней прослеживается достаточно ощутимо. По интересному предположению Л. А. Ельницкого, в версии Диодора сохранился легендарный отголосок борьбы, приводившей к подчинению

одних племен другими [Ельницкий, 1970, стр. 68]. Может быть, в ней же в образах братьев Пала и Напа, давших начало различным скифским народам или племенам, отражен следующий этап возникновения скифского объединения, представленный в идеологии генеалогической ассимиляцией побежденных, соединением их с победителями узами фиктивного родства.

Что касается эллинской версии скифской этногонической легенды, то в ней не содержится упоминаний об отношениях внутри скифского общества, зато отчетливо ощущаются притязания скифов на гегемонию над соседними нескифскими народами. Рассказ об испытании трех братьев подчеркивает легитимный характер таких притязаний. Исследованная М. Молэ иранская традиция, отраженная в Шахнаме, в некоторых отношениях ближе к эллинской версии, чем к собственно скифской.

О взаимоотношениях скифов с гелонами трудно сказать что-либо определенное, но давление на фракийцев, к числу которых обычно причисляют агафирсов, отмечено еще в догеродотово время.

Происхождение эллинской версии нередко связывают с отдельными племенами скифского объединения, то ли земледельческими, то ли кочевыми [ср.: Миллер, 1887, стр. 128—130; Артамонов, 1948, стр. 4—5; Граков, 1950а, стр. 9; Траков, 1971, стр. 21; Болтенко, 1960, стр. 54]. Однако подчеркнутые внешнеполитические притязания, которые отражены в ней весьма явно, скорее были свойственны царским скифам. Следовательно, можно согласиться с Д. С. Раевским, что именно им принадлежал первоначальный вариант легенды, подвергшийся затем греческой обработке [Раевский Д. С., 1970, стр. 101].

Самое трудное — определить отношение эллинской версии к собственно скифской. Эллинская могла быть наиболее поздней по времени. Или же она могла составлять лишь часть того предания, которое дошло до Геродота в неполном и расщепленном виде.

СЕМЬЯ И БРАК

Из дореволюционных исследователей только А. С. Лаппо-Данилевский уделил внимание скифской семье. По его мнению, она была полигинической и характеризовалась деспотической властью отца. В то же время у скифов существовала возможность раздела движимого имущества и выделения сыновей [Лаппо-Данилевский, 1887, стр. 495—496].

В советской литературе бытуют три основные точки зрения относительно характера скифской семьи. Согласно первой у скифов господствовала большая патриархальная семья [Артамонов, 1947а, стр. 73; Артамонов, 1948, стр. 10 и сл.; Граков, 1954, стр. 57, 63, 170; Граков, 1971, стр. 34; Смирнов А. П., 1966, стр. 142], согласно второй — малая индивидуальная, которая вела обособленное хозяйство на правах частной собственности [Тереножкин, 1966, стр. 35—38; Шелов, 1972, стр. 70]. При этом допускается, что у некоторых оседлых племен Скифии могли сохраняться более архаические формы семьи. Наконец, существует мнение, согласно которому малая семья была характерна для кочевых скифов, а (большая — для оседлых земледельцев [Яценко, 1959, стр. 77—78].

Формы и численность семьи

Данные письменных источников. В письменных источниках содержится очень мало сведений о форме и численности скифской семьи. Геродот (IV, 114—115), передавая легенду о происхождении савроматов, сообщает, что скифские юноши беспрепятственно выделяются из семей своих отцов и образуют новые с амазонками. Лукиан (Тох., 61) рассказывает о скифе Абавхе, который пришел в Ольвию с семьей, состоявшей кроме него самого из жены, грудного мальчика и семилетней девочки.

Сообщение Геродота относится к кочевникам — к свободным, т. е. царским скифам. Именно в их земле находились Кремны, куда прибило корабли с амазонками (Н е г., IV,

110). После заключения браков со скифскими юношами амазонки удаляются за Танаис, а согласно все тому же Геродоту (IV, 20), владения царских скифов на востоке простирались «до торжища на Меотидском озере, называющегося Кремнами», и частично до р. Танаиса. К кочевникам относятся и сведения Лукиана.

О предположительной дате источника Лукиана говорилось в гл. I. Однако сведения о семье Абавха вполне могли быть вымыслом самого новеллиста. События, происходящие в легенде о происхождении савроматов, датировать еще труднее. К. Ф. Смирнов обратил внимание на то, что в ней упоминается о сражении амазонок с эллинами на р. Термодонт, которое согласно греческой традиции произошло еще в героический период. По его мнению, это приблизительно соответствует времени передвижения срубных племен к Приднепровью [Смирнов К. Ф., 1964, стр. 192]. Однако основное в легенде — образование савроматского объединения, и, как обоснованно отметил Д. А. Мачинский, нет оснований датировать это событие временем ранее рубежа VII—VI вв. до н. э. [Мачинский, 1971, стр. 37].

Определенного внимания заслуживает также порядок наследования царской власти у скифов, которая, насколько можно судить по имеющимся источникам, чаще всего переходила от отца к сыну. Подобный порядок наследования характерен именно для малой семьи, в то время как в большой преобладает наследование от брата к брату. При этом необходимо отметить, что большесемейно-родовые традиции у кочевников, да, пожалуй, и не только у них, дольше сохраняются в аристократической среде, чем у рядового населения. У скифов же их не удастся проследить даже применительно к царской семье или роду.

Конечно, нельзя судить о форме семьи рядового населения только по порядку наследования царской власти. Но в соединении с другими данными и намеками и такие сведения, возможно, являются небесполезными.

Примечательно также, что принцип коллективной ответственности у скифов распространялся только на сыновей виновного (Her., IV, 69). В Иране он охватывал значительно более широкий круг родственников [Периханян, 1968, стр. 36—37].

Таким образом, имеются некоторые основания предполагать, что у кочевых скифов уже в ранний период их истории, в VI—IV вв. до н. э., известное распространение получила малая нуклеарная семья¹, но насколько широкое — сказать трудно. Поэтому приходится обращаться к археологическим источникам — к погребениям и жилищам.

*Анализ погребальных памятников*². Ранние скифские погребения VII—V вв. до н. э. практически ничего не дают

для решения вопроса о форме и численности семьи. Их известно очень мало — всего несколько десятков³. К тому же они разбросаны на большой территории и не образуют компактных могильников, а представлены преимущественно впускными одиночными погребениями в курганы эпохи бронзы [Яценко, 1959, стр. 50, 70, 77—78]. Только с конца V в. до н. э. появляются отдельные курганные группы, а для IV—III вв. до н. э. известны и крупные могильники рядового населения.

Однако и в это время скифские погребальные памятники варьируются весьма сильно и по своей топографии, и по формам погребальных сооружений [Граков, 1964], и по количеству покойников, захороненных под одной курганной насыпью или в одном погребении. В IV—III вв. до н. э. преобладают одиночные погребения под отдельной курганной насыпью. Однако раскопки последнего десятилетия показывают, что такое преобладание было не столь значительным, как казалось раньше. Достаточно часто под одной насыпью хоронили несколько покойников или в одном погребении, или в различных. Иногда впускные погребения отделены от основного значительным промежутком времени, что делает допущение о наличии родственной связи между покойниками сомнительным⁴. Но значительно чаще археологический материал не дает оснований полагать, что между различными погребениями под одной курганной насыпью имеется значительный хронологический разрыв.

Так, по наличию мощного самостоятельного выкида из впускного погребения в курган № 11/4/ могильника Солоха установлено, что оно было вырыто на открытой поверхности до сооружения первой внутренней насыпи, т. е. вскоре после устройства основного захоронения [Архив ИА АН УССР инв. № 1962/44]. Аналогичная картина наблюдалась и в кургане № 21 могильника Красный Перекоп-4 [там же, инв. № 1970/36]. В курганах № 3 у Старинской птицефабрики [там же, инв. № 1962/8] и № 30 могильника у Гаймановой могилы [там же, инв. № 1968/16] камеры погребений были преднамеренно обращены одна к другой. В кургане № 71 могильника Широкое-II все четыре погребения расположены в одну линию [там же, инв. № 1970/46]. В кургане № 8 могильника Шевченко-III четыре погребения расположены в одну линию и лишь пятое выдается из нее [там же].

В кургане № 1 группы I могильника Красный Перекоп-4 впускное погребение впущено в насыпь у самой границы выкида из основного погребения, внутри рва [там же, инв. № 1969/22]. В кургане № 2 того же могильника впускные погребения расположены вокруг центра, внутри рва [там же]. Число подобных примеров легко можно умножить.

Не так уж редки и совместные захоронения в одной мо-

гиле. Б. Н. Граков на основании материалов Никопольского могильника предполагал, что они всегда одновременны [Граков, 1962, стр. 88], но теперь известны достоверные случаи разновременных захоронений в одном погребальном сооружении. Например, иногда вырывали новую входную яму, вместо того чтобы разрывать старую, и через нее в камеру вносили покойника, умершего позднее⁵. В других случаях, для того чтобы освободить место для нового покойника, сдвигались в сторону кости предыдущего⁶. Все это позволяет думать, что разновременными были и многие из тех скифских парных и коллективных захоронений, в которых сама разновременность археологически с точностью не устанавливается.

Таким образом, скифский погребальный обряд был в IV—III вв. до н. э. гетерогенным во всех своих основных проявлениях. Хорошо известно, что во многих первобытных и традиционных обществах погребальный обряд, не говоря уже о его отдельных чертах, зависит от множества факторов, таких, как возраст, пол, социальный статус индивида, его принадлежность к различным кровнородственным и ассоциативным организациям, обстоятельства смерти, время года и т. д. [см., например: Kroeber, 1927, стр. 308 и сл.; Vendann, 1930, стр. 197 и сл.; Уско, 1969, стр. 270—276; Binford, 1971, стр. 11 и сл.]. Б. А. Литвинский справедливо отметил, что многие археологи считают погребальный обряд более устойчивым и важным признаком, чем он являлся на самом деле, и привел соответствующие примеры [Литвинский, 1972а, стр. 70—73].

Пестрота погребального обряда всегда создает большие препятствия на пути социологической интерпретации погребальных памятников. В случае же со скифами исследователь должен считаться с дополнительными трудностями. Во-первых, в условиях кочевого и полукочевого быта далеко не все члены той или иной кровнородственной или социальной единицы (семьи, линии, рода и т. д.) могли быть погребены вместе. Во-вторых, нет полной уверенности в том, что в пределах одного курганного могильника не хоронили иногда выходцев из разных семей, родов и пр., тем более что датировки погребений рассматриваемого периода, как правило, слишком широки, в пределах IV—III вв. до н. э. В-третьих, отсутствие дробной периодизации затрудняет любые попытки реконструкции еще и потому, что вместе или поблизости могли хоронить не одно поколение, а несколько. По изложенным причинам погребальные памятники способны дать только весьма ограниченную информацию относительно численности и типа скифской семьи.

Совместные захоронения в одном погребальном сооружении, как правило, содержат двух-трех покойников и только

в очень редких случаях четыре-пять. Обращает на себя внимание и половозрастной состав погребенных. Не менее 50% из учтенных мною подобных погребений содержали совместные захоронения мужчин и женщин, а катакомбы с двумя входными ямами в тех случаях, когда антропологическое или археологическое (по составу инвентаря) определение оказалось возможным, содержали почти исключительно захоронения мужчины и женщины. Из оставшихся 50% погребений большинство падает на совместные захоронения женщин с детьми или двух детей отдельно, реже мужчины, женщины и одного ребенка. Очевидно, все такие погребения использовались сравнительно недолго: теоретически — в пределах жизни одного поколения, практически же — еще меньше.

Можно сделать вывод, что в одном погребении скорее всего хоронили членов одной семьи (мужа с женой, мать с детьми, несовершеннолетних детей), притом малой, так как совместные захоронения нескольких взрослых мужчин встречаются крайне редко. Но какой именно тип малой семьи — нуклеарный или обособленный — нашел отражение в подобных захоронениях, установить невозможно.

Семейный характер захоронений, по-видимому, преобладал у скифов и в том случае, когда под одной насыпью хоронили нескольких покойников в различных погребальных сооружениях⁷.

Число погребенных под одной насыпью только в очень редких случаях достигает десятка. Четыре и более покойников содержало только 10—12% таких курганов, зато примерно в половине их было всего двое, притом чаще всего мужчина и женщина. В остальных случаях чаще других под одной курганной насыпью хоронили мужчин и женщин с детьми и подростками, порознь или вместе.

В подобных захоронениях опять-таки заманчиво видеть членов одной и той же семьи, но половозрастной состав погребенных указывает, что нередко вместе хоронили не всех членов семьи, а лишь некоторых, преимущественно тех, кто был при жизни связан наиболее тесными узами (мужья с женами, женщины с детьми). Остальных, вероятно, хоронили в погребениях, устроенных в других курганах⁸.

К тому же рассматриваемые курганы, как правило, расположены не изолированно, а находятся в составе более или менее компактных групп. Как показывают сравнительные материалы, могильники тех кочевников и полукочевников евразийских степей, которые имели замкнутый и устойчивый цикл кочевания, обычно принадлежали отдельным семейно-родственным группам [см., например: Путешествия Платона Карпини и Рубрука, 1957, стр. 108; Толыбеков, 1959, стр. 359; Абрамзон, 1961, стр. 115; Федоров-Давыдов, 1966, стр. 132—133; Вайнштейн, 1972, стр. 71]. У туркмен иногда

еще и сейчас покойников везут издалека, чтобы похоронить на кладбищах, принадлежащих мелким племенным подразделениям. Примечательно, что родственников хоронят рядом, в результате чего на кладбищах создаются отдельные семейные участки [Поляков, 1973, стр. 22—23, 27, 29, 30—31]. Задача, следовательно, заключается в том, чтобы выделить в скифских могильниках курганы, которые могли принадлежать отдельным семьям. Однако полностью это неосуществимо.

Прежде всего нет никакой уверенности в том, что семейный принцип захоронения, прослеженный на материалах совместных погребений в одном кургане, был у скифов господствующим. Напротив, имеется много оснований полагать, что в рассматриваемый период он сочетался с другими, например с кровнородственным или ассоциативным. Кроме того, как уже отмечалось, нельзя исключать вероятность того, что из-за смены населения или по иным причинам отдельные могильники в разное время принадлежали различным группам кочевников. Правда, чем меньше и компактнее могильник, тем меньше такая вероятность.

С точки зрения топографии и размеров скифские курганные могильники IV—III вв. до н. э. можно разделить не менее чем на пять основных типов: 1) одиночные курганы с основными и (или) впускными погребениями; 2) небольшие группы впускных погребений в курганы эпохи бронзы (иногда в таких группах встречаются и основные погребения скифского времени); 3) небольшие группы курганов с основными и впускными погребениями (иногда расположенные вокруг курганов эпохи бронзы); 4) большие курганные группы, распадающиеся на отдельные подгруппы; 5) большие курганные группы, в которых подгруппы четко не прослеживаются. Очевидно, что могильники (первого, второго и пятого типов сколько-нибудь существенной информации о семье дать не могут. Более перспективны в этом отношении могильники третьего и четвертого типов.

Небольшие, отдельно расположенные курганные могильники IV—III вв. до н. э. обычно не насчитывают и десяти курганов. Курганная группа Любимовка I состояла из семи компактно расположенных курганов скифского времени. Всего в них обнаружено около девяти покойников скифского времени, и еще четыре покойника были обнаружены во впускных погребениях одного из курганов, основное погребение которого относится к эпохе бронзы [Архив ИА АН УССР, инв. № 1968/15]. В группе Красный Перекоп Р-I/II три скифских кургана, содержавших приблизительно шесть покойников [там же, инв. № 1970/36]. Могильник у с. Кирово на Никопольщине состоит всего из восьми курганов, причем шесть из них расположены скученно, всего в 40—50 м друг

от друга, а два находятся на расстоянии более чем 1 км от остальных. Из шести раскопанных курганов пять оказались скифскими, содержащими приблизительно девять покойников [Черненко, 1967, стр. 179 и сл.]. Скифские курганы у Борисполя также расположены небольшими группами [Ильинская, 1966; Архив ИА АН УССР, инв. № 1962/8; там же, инв. № 1963/8]. Например, группа Боярище состоит из восьми курганов. В пяти раскопанных курганах оказалось около девяти покойников скифского времени [Яковенко, 1965].

На левом берегу Днестра несколько скифских могильников IV—II вв. до н. э. были раскопаны еще до революции И. Я. и Л. П. Стемпковскими [Мелюкова, 1962]. Некоторые из них также насчитывают всего по несколько курганов. Например, в дневниках раскопок у с. Чобручи отмечено, что «курганы были расположены небольшими группами, по пять в каждой, редко поодиночке» [там же, стр. 115]. В самих курганах превалировали одиночные погребения. В каждой курганной группе преобладал какой-нибудь один тип и вид погребальных сооружений. А. И. Мелюкова заключает из этого, что «каждая семья или небольшая группа родственников при сооружении могил для умерших близких руководствовалась определенными традициями, что и нашло свое выражение в появлении различных типов и вариантов погребальных сооружений» [там же, стр. 144].

Рассмотренные небольшие могильники скорее всего принадлежали отдельным небольшим семьям или семейно-родственным группам. В свою очередь, их заманчиво сопоставлять с отдельными курганными группами внутри больших могильников.

На несколько курганных групп распадается Никопольский могильник. Наиболее крупные из них насчитывают несколько десятков погребений, наиболее мелкие — от одного до пяти. Обычно в кургане одно погребение, а в нем один покойник. Б. Н. Граков высказал обоснованное предположение, что подобные отдельные группы курганов принадлежат небольшим группам родственников, состоящим из 3—10 человек [Граков, 1962, стр. 88—89].

Могильник Широкое III распадается на три курганные группы, каждая из которых насчитывает приблизительно от пяти до восьми покойников [Архив ИА АН УССР, инв. № 1968/17]. Некоторые другие могильники — Солоха [там же, инв. № 1961/30 и 1962/44], Любимовский II [там же, инв. № 1968/15 и 1969/22], Красный Перекоп-4 [там же, инв. № 1969/22 и 1970/36] — возможно, также состоят из отдельных курганных групп, но эти группы практически сливаются друг с другом и поэтому не выделяются сколько-нибудь четко.

Многие курганные группы, на которые распадаются могильники IV—III вв. до н. э., «слишком малы, чтобы быть кладбищами более крупных единиц, чем отдельная семья или семейно-родственная группа. Трудно усматривать в них и кладбища отдельных ветвей больших расширенных семей, так как подобные группы нередко расположены на довольно значительном расстоянии друг от друга. Скорее всего в них хоронили своих умерших численно небольшие самостоятельные коллективы, входившие в состав более крупных родственных подразделений, которым принадлежал весь могильник в целом или даже его наиболее крупные группы. О типе подобных семей что-либо определенное сказать трудно, так как неизвестно, сколько времени функционировали их кладбища, а в большинстве случаев невозможно точно установить даже половозрастной состав погребенных.

Подводя итоги анализу погребальных памятников IV—III вв. до н. э., по-видимому, можно отметить, что в это время у кочевых скифов уже существовали небольшие малые или расширенные семьи. Но остается неясным, насколько они были распространенными.

Дальнейшая судьба скифской семьи в условиях развивающейся седентаризации должна прослеживаться на материалах могильников земледельческого населения степной зоны. Из подобных могильников IV—III вв. до н. э. выделяется Николаевский [Мелюкова, 1976; Мелюкова, 1966, стр. 93—96; Мелюкова, 1967, стр. 204—205; Мелюкова, 1969, стр. 279—280]. Основная часть погребений в нем расположена семью компактными группами, насчитывающими от 2—3 до 28 погребений в каждой. Наличие в большинстве групп мужских, женских и детских погребений и принадлежность взрослых покойников к различным поколениям делают очень правдоподобным предположение А. И. Мелюковой о семейном характере захоронений в группах. Вполне вероятен и другой ее вывод — о том, что едва ли эти семьи были малыми.

На первый взгляд подобному выводу противоречит тот факт, что в некоторых группах насчитывалось всего по нескольку покойников. Но следует иметь в виду, что не всех обитателей Николаевского поселения хоронили в погребениях, образующих обособленные могильные группы. Наиболее знатных покойников и большую часть детей хоронили отдельно. К тому же могильник исследован не полностью и в некоторых группах выявлены не все погребения.

Можно предположить, что семьи обитателей Николаевского поселения различались своей численностью, но преобладающими все же были семьи расширенных типов⁹.

Остальные погребальные памятники искони земледельческого или осевшего на землю населения степной Скифии в

основном происходят из Крыма и Нижнего Приднепровья [Артамонов, 1948а, стр. 56 и сл.; Яковенко, 1970, стр. 133—134; Дашевская, 1971, стр. 153—154; Шульц, 1971, стр. 127—128]. Взятые в целом, они еще более разнообразны, чем погребальные памятники кочевников. Наряду с курганными встречаются грунтовые могильники, наряду с катакомбами — ямы, земляные (грунтовые) склепы, каменные склепы и ящики, скальные склепы, подбои. Однако, несмотря на такую сложность погребального обряда, одна его черта прослеживается достаточно четко. Уже с конца V—IV вв. до н. э. и особенно в последние века до нашей эры — первые века нашей эры преобладавшие прежде в Скифии, в том числе и в Крыму, одиночные погребения [см., например: Спицын, 1918а, стр. 172; Троицкая, 1957, стр. 67 и сл.] хотя и продолжают встречаться, но отходят у земледельцев на задний план. На смену им приходят коллективные. Большинство их является составной частью компактных грунтовых или курганных могильников, которые нередко располагаются неподалеку от поселений. Разновременный характер подавляющего большинства подобных погребений хорошо установлен.

Коллективные погребения позднескифского времени с наибольшей вероятностью определяются как семейные. Количество покойников в них хотя и варьирует весьма сильно — от 2—3 до почти 200, но чаще всего не превышает 20—30. К тому же захоронения в них происходили в течение долгого времени, что свидетельствует о стабильных и прочных связях внутри оставивших их коллективов. Наконец, напрашивается аналогия с более ранним временем, когда, по-видимому, также выделяются семейные группы внутри некоторых могильников.

Более трудно определить по данным погребений тип семьи, характерный для позднескифского времени. В ранней своей работе я предположил, что у поздних скифов происходил распад больших семей, из которых начали выделяться малые [Хазанов, 1960]. Д. С. Раевский, приняв мою гипотезу в принципе, счел возможным пойти значительно дальше. По его мнению, основной ячейкой позднескифского общества следует признать «неразделенную семью», включающую два последовательных поколения. Наряду с ней существовали и малые семьи [Раевский Д. С., 1971].

Попытка Д. С. Раевского установить конкретный тип семьи по археологическим материалам очень интересна, но методика автора представляется не совсем верной, а выводы, сделанные на слишком ограниченном материале, чрезмерно смелыми. Нельзя судить о позднескифской семье только по материалам Неаполя. Условия городской жизни, к тому же столичной, а также особенности социального со-

става населения Неаполя могли вносить существенные коррективы в численность обитавших в нем семей и присущие им особенности.

Пытаясь определить численность и состав семьи по материалам грунтовых склепов Неаполя, Д. С. Раевский исходит из предположения, что каждый из них бытовал на протяжении одного или обоих из выделенных им хронологических периодов. Однако нет уверенности в том, что по мере заполнения некоторых склепов [Сымонович, 1963, стр. 36] или по каким-то другим причинам¹⁰ некоторые семьи не переходили к использованию других склепов. Кроме того, нельзя упускать из виду, что детей в Неаполе хоронили не только в семейных склепах, но и в отдельных погребениях¹¹. По изложенным причинам все представления о половозрастном составе и численности семей скифского населения Неаполя являются весьма неопределенными.

Наконец, Д. С. Раевский не учитывает, что в конкретных обществах состав и численность семьи даже в пределах таких основных понятий, как «большая семья» и «малая семья», варьируются очень сильно. Тот же самый материал, который Д. С. Раевский рассматривает как доказательство наличия в Неаполе «неразделенной семьи», допустимо интерпретировать и по-другому. Напомню, например, про ограниченно-расширенную семью¹², сразу же оговорившись, что я вовсе не намерен противопоставлять одну теоретически возможную интерпретацию другой. Данные некрополя Неаполя скифского не позволяют идти дальше самых общих и предварительных суждений о типе скифской семьи и обрекают на неудачу любые попытки их детализации.

Даже мои прежние взгляды на характер позднескифской семьи, более осторожные, чем взгляды Д. С. Раевского, представляются мне сейчас далеко не полностью оправданными имеющимся материалом.

В Крыму имеется ряд коллективных погребений, преимущественно подкурганых, которые, исходя из предположения о семейном характере последних, трудно трактовать иначе, как усыпальницы расширенных семей, хотя нельзя полностью исключить возможность того, что они принадлежали не отдельным семьям, а семейно-родственным группам. К числу таких погребений относятся курган № 2 в бывшем имении Черкеса близ Симферополя, насчитывающий 173 покойника [ОАК за 1895 г., стр. 9] и относящийся к III—II вв. до н. э.¹³; курган № 1 в бывшем имении Пастака (ныне совхоз «Красный»), содержащий свыше 100 покойников [там же, стр. 10; Троицкая, 1951, стр. 96] и датированный II—I вв. до н. э.; два кургана I в. до н. э.—II в. н. э. в Тавеле (Красноселье) к юго-востоку от Симферополя, в каждом из которых было обнаружено около 100 покойников

[ОАК за 1897 г., стр. 36—38; Троицкая, 1951, стр. 95]; кур-, ган I—II вв. н. э. у с. Крынчка близ г. Старый Крым, раскопанный А. М. Лесковым в 1957 г., в котором находилось свыше 100 погребений. Возможно, к этой же группе относятся еще несколько разграбленных курганов [Троицкая, 1951, стр. 96].

Расчеты показывают, что, даже если определить продолжительность захоронений в таких курганах в 150—200 лет, оставившие их коллективы в численном отношении должны были быть более крупными, чем малые семьи. Однако они недостаточно велики, чтобы вслед за Т. Н. Троицкой считать их родовыми кладбищами [Троицкая, 1951, стр. 153]¹⁴. Скорее всего они принадлежали отдельным расширенным семьям. Любопытно, что подобные курганы иногда расположены вблизи скифских городищ и, по-видимому, принадлежали той части земледельческого населения, которая полностью еще не утратила традиции подкурганых погребений.

Наряду с большими коллективными усыпальницами в позднескифский период, как и раньше, известны совместные захоронения в одной могиле или реже под одной курганной насыпью, насчитывающие менее 10 покойников. Они раскопаны как в Крыму [Троицкая, 1951, стр. 99 и др.; Крис и Веймарн, 1958, стр. 65—71; Щепинский, Черепанова, 1967, стр. 181—182; Дашевская, 1969, стр. 299; Дашевская, 1971, стр. 264—265; Яковенко, 1970, стр. 119; Яковенко, 1971, стр. 161—162; Раевский Д. С., 1971, стр. 61—62; Высотская, 1972, стр. 69 и сл.], так и на Нижнем Днепре [Ebert, 1913, стр. 80 и сл.; Сымонович, 1967, стр. 232—233; Вязьмитина, 1972]. Их, конечно, легче всего трактовать как принадлежавшие малым семьям, особенно в сравнении с рассмотренными выше коллективными погребениями. И все же подобный подход представляется слишком поспешным. Теоретически можно допустить, что один и тот же семейный коллектив хоронил своих членов в нескольких одновременных или разновременных усыпальницах, тем более что археологический материал не позволяет датировать многие из них в узких пределах. Тогда любое определение типа семьи, основанное на подсчете численности покойников в совместных погребениях, в значительной мере окажется неправомерным.

Предположение о том, что для погребения членов одной семьи иногда могли использовать несколько усыпальниц, кажется, находит подтверждение в материалах Золотобалковского могильника, раскопанного и опубликованного гораздо полнее других. По мнению М. И. Вязьмитиной, преобладавшие в могильнике катакомбы являлись семейными усыпальницами, что свидетельствует «об увеличении роли патриархальной семьи и выделении из нее индивидуальной как от-

дельной хозяйственной единицы» [Вязьмитина, 1972, стр. 170, см. также стр. 101]. Что имеется в виду под «патриархальной» и «индивидуальной» семьями, в работе не разъясняется. Из контекста, по-видимому, следует, что под первой автор подразумевает большую семью, а под второй — малую. Однако подобные выводы не подтверждаются конкретным материалом.

Из 71 погребения, относительно которых имеются более или менее полные археологические определения¹⁵, 20 являлись одиночными погребениями мужчин или женщин, в 28 отдельно от взрослых погребены дети, в одном — женщина с ребенком, в пяти — только женщины. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что женских погребений в могильнике в два с лишним раза больше, чем мужских, причем мужчина в возрасте 20—30 лет встретился только один раз. Возможно, мужчин этой возрастной группы (воинов?) хоронили где-то отдельно.

Все это плохо согласуется с представлением об исключительно семейном характере погребений Золотобалковского могильника. Гораздо логичнее предположить, что в каждом или на худой конец почти в каждом из погребений хоронили только некоторых членов семьи, руководствуясь при этом какими-то сложными и не вполне понятными правилами. Но в таком случае вывод, что у жителей поселения Золотая балка преобладала «индивидуальная» семья, повисает в воздухе. Поскольку в некоторых катакомбах вместе похоронены несколько взрослых мужчин и женщин, к тому же принадлежавших к разным поколениям, а сами погребения на территории могильника располагаются группами [Вязьмитина, 1972, рис. 46], скорее можно предположить, что среди оставившего его населения преобладали какие-то типы расширенной семьи¹⁶.

Остается еще одна группа позднескифских погребений, в каждом из которых содержалось от 10 до 50 покойников. В нее входят грунтовые и скальные склепы Неаполя скифского [ОАК за 1889 г., стр. 12 и сл.; Бабенчиков, 1957, стр. 94 и сл.; Сымонович, 1963, стр. 32 и сл.], земляной склеп I в. до н. э.— III в. н. э. Усть-Альминского могильника [Высотская, 1971, стр. 80, 91], земляная могила с двумя катакомбами III—I вв. до и. э. [Дашевская, 1969а, стр. 299] и склеп I в. н. э. из Беляусского могильника [Дашевская, 1969, стр. 67 и сл.], курган 1889 г. около Симферополя Троицкая, 1951, стр. 97], курган 1949 г. [Бабенчиков, 1957, стр. 132 и сл.] и еще несколько погребений. Все они, вероятно также семейные, являются как бы промежуточными между двумя рассмотренными группами. Но по уже изложенным причинам невозможно установить, с каким именно типом семьи они связаны, тем более что даты большинства

погребений очень широки. Впрочем, относительно склепа № 2 Беляусского могильника, где обнаружено 22 покойника, отмечается, что «повторные захоронения совершились · стечение непродолжительного времени» [Дашевская, 1969, стр. 73].

В целом материалы погребений позднескифского времени не позволяют определить с уверенностью тенденцию развития семьи. И все же создается впечатление, что по сравнению с предшествующим периодом большее распространение получают расширенные семьи. Интересно также, что вероятное отражение этого события в погребальном обряде — распространение коллективных захоронений — становится массовым или преобладающим в тех районах, где происходило оседание кочевников. Не означало ли оно в таком случае укрепление семейных связей и рост численности отдельных семей — новые явления, связанные со спецификой земледельческого хозяйства?

Наблюдения и выводы, полученные в результате анализа погребальных памятников, в известной мере подтверждаются анализом другого вида археологических источников — жилищ.

Анализ жилищ. В некоторых отношениях жилища дают более надежные сведения о численности оставивших их коллективов, чем погребальные памятники. Но и этот вид археологических источников имеет свои изъяны и трудности для интерпретации, которые далеко не всегда учитываются. Многие исследователи исходят из постулата, что жилища малых размеров должны были обязательно принадлежать парным или на более поздних этапах развития малым нуклеарным семьям, а больших — расширенным [см., например: Массой, 1964, стр. 303 и сл.; Ляпушкин, 1968, стр. 166; Ширинский, 1970, стр. 191; Хлобыстин, 1972, стр. 30—32]. Такого мнения придерживаются иногда и скифологи, делая на основе размеров, жилищ ответственные выводы о типе и размерах семьи в степной и лесостепной зонах скифского времени [Синицин, 1960, стр. 105—108; Петренко, 1961, стр. 81; Шелов, 1972, стр. 70].

На самом деле все гораздо сложнее. На размеры и форму жилища большое влияние оказывали уровень экономического и социального развития, формы хозяйства, техника строительства, соображения обороны и другие факторы [Чайлд, 1949, стр. 98—105; Кларк, 1953, стр. 136—173; Семенов С. А., 1968, стр. 182 и сл.].

Расширенные, а также малые полигинические семьи могли занимать несколько отдельных жилищ, обычно принадлежавших в таком случае отдельным брачным парам или женам с детьми. Например, у западных бурят в XIX в. члены расширенной семьи жили в отдельных юртах, расположен-

ных около юрты отца [Щапов, 1875, стр. 129]. В домах русского типа, получивших распространение на зимниках, часто вся семья жила вместе, но все же и там старались построить отдельные дома для женатых сыновей [Басаева, 1972, стр. 36]. В этнографии известны даже примеры, когда одна расширенная семья занимала целый поселок [Косвен, 1963, стр. 49]. М. И. Артамонов был совершенно прав, когда писал: «Тот факт, что уже известные до некоторой степени скифские жилища явно рассчитаны на небольшую семью, еще не может считаться решающим в этом отношении, так как большесемейная община вовсе не всегда и не везде связывается с большим домом. Она может состоять из малых семей, живущих в разных домах, но ведущих общее хозяйство» [Артамонов, 1948, стр. 19].

Наличие жилищ больших размеров тоже не позволяет с абсолютной уверенностью утверждать, что их непременно занимали расширенные семьи. Не говоря уже о ранних этапах первобытнообщинного строя, когда в одном жилище нередко помещалась вся община, иногда в нем могло селиться несколько семей, правда обычно родственных. Впрочем, в предклассовых и раннеклассовых обществах это случалось не так уж часто и преимущественно там, где сооружение жилья требовало больших сил и средств. На этнографическом материале связь больших и особенно многокомнатных домов с расширенными семьями устанавливается достаточно прочно [Whiting, Ayres, 1968, стр. 117 и сл., табл. 8].

В целом можно следующим образом сформулировать отношение к жилищу как источнику по реконструкции древней семьи. Жилища малых размеров, как правило, не дают надежных оснований судить о типе и размерах семьи; большие жилища в эпоху классовообразования и в раннеклассовый период позволяют допустить с известными оговорками наличие расширенных семей. Последнее не относится к условиям развитой городской жизни, когда размеры жилищ во многом определяются социальными факторами. Дома в городских центрах античной цивилизации являются в этом отношении достаточно наглядным примером [Леви и Карасев, 1955].

Столь же трудно судить о размерах и типе семьи по жилищам кочевников — кибиткам и юртам, прежде всего потому, что члены одной семьи могли обитать в нескольких жилищах. Надо также учитывать социальные факторы, нередко определявшие размеры жилища и количество обитавших в нем людей. Например, у средневековых монголов каждая из жен имела одну или несколько кибиток в зависимости от социального и имущественного положения мужа [Путешествия Плано Карпини и Рубрука, 1957, стр. 36, 92]. У калмыков нового времени бедняки владели одной кибит-

кой, богачи — несколькими [Небольсин, 1852, стр. 35; Дарбакова. 1968, стр. 37]. Число людей, живших в одной кибитке площадью 18—22 кв. м, могло достигать у калмыков 8-12 [Эрдниев, 1970, стр. 134], однако подобные кибитки были сравнительно редкими. По Д. Пюрвееву, площадь обычного калмыцкого гера равнялась приблизительно 13—19 кв. м [Пюрвеев, 1971, стр. 10]. Средние размеры монгольского и тувинского жилищ равнялись 12—13 кв. м. и обычно на этой площади размещались 5—6 человек¹⁷. В то же время С. И. Вайнштейн видел в Туве юрту площадью до 40 кв. м. Поэтому, хотя античные авторы оставили довольно подробное описание скифских кибиток, судить по ним о размерах и типах семьи трудно.

Только одно обстоятельство может служить косвенным указанием на небольшой размер семьи у рядовых скифов. Лукиан (Scyth., 1) упоминает о наличии в Скифии прослойки «восьминогих» — владельцев пары волов и одной повозки. Из его слов явствует, что подобные лица могли владеть лишь одной кибиткой, к тому же небольшой. Плано Карпини писал про монгольские жилища: «Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, сообразно достоинству и скудости людей... Для меньших при перевезении на повозке достаточно одного быка, для больших — три, четыре или даже больше, сообразно с величиной повозки» [Путешествия Плано Карпини и Рубрука, 1957, стр. 27—28]. Поэтому можно предположить, что численность семей рядовых скифов была невелика.

В земледельческой части степной Скифии наиболее ранние жилища известны на поселениях VI—V вв. до н. э. неподалеку от Ольвии, которые обычно связываются с каллипидами: Широкая балка [Рабичкин, 1951, стр. 114—120] и Викторовка 1 [Славин, 1955, стр. 143—144; Капошина, 1956, стр. 241—242; Рудык, 1957, стр. 64]. Они представлены небольшими полуземлянками площадью 10—16 кв. м с расположенными поблизости зерновыми и хозяйственными ямами. Для суждений о семье этих данных недостаточно. Правда, И. В. Яценко предполагает, что на поселении у Широкой балки жили одна или несколько большесемейных общин. Главный аргумент исследовательницы — наличие на поселении большого общественного зернохранилища, которое она рассматривает как принадлежавшее большесемейной общине в целом. В то же время наличие хозяйственных ям у каждого из жилищ, по ее мнению, свидетельствует о том, что домашнее хозяйство велось самостоятельно составлявшими общину малыми семьями, занимавшими отдельные полуземлянки [Яценко, 1959, ст. 103—104].

Но подобная трактовка материала не является бесспорной. Другие исследователи, например, рассматривают боль-

шое зернохранилище, вмещавшее до 20 т зерна, вместе с печью для его быстрой сушки как доказательство того, что зерно на поселении у Широкой балки хранили не для внутреннего потребления, а для вывоза [Рабичкин, 1951, стр. 124; Славш, 1955, стр. 132—133; Доманский, 1961, стр. 40].

В IV—III вв. до н. э. размеры жилищ, да и сам характер домостроительства значительно изменяются. На поселениях Бугского лимана (Закисова балка, Петуховка I, Дидова хата, Чертоватое) получают распространение большие каменные наземные дома, состоящие из нескольких жилых и хозяйственных помещений [Леви, 1951, стр. 182—183; Славин, 1955, стр. 137 и др.; Штителъман, 1956, стр. 258; Штителъман, 1958; Русяева, 1968]. Существует мнение, что перечисленные поселения принадлежали не каллипидам, а ольвиополитам [Доманский, 1961, стр. 32; Зуц, 1965, стр. 42; Зуц, 1969]. Но укрупнение жилищ прослеживается и там, где местные элементы определенно преобладают.

Большие многокамерные дома IV—III вв. до н. э. площадью 50—60 кв. м вскрыты на Лузановском поселении под Одессой [Раевский К. А., 1939, стр. 140; Синицын, 1957, стр. 71—72] и на поселении Викторовка I на Березанском лимане [Рудык, 1957, стр. 64]. На Варваровском поселении, которое, как бы ни решался вопрос о других поселениях ольвийского окружения, едва ли можно связывать с ольвиополитами, наряду с отдельными землянками и полуземлянками обнаружены следы наземного здания, а также комплекс землянок IV—III вв. до н. э., по мнению П. Н. Шульца, «жилых ям», соединенных подземными переходами и печным дымоходом и имеющих единый выход наружу. Площадь той части комплекса, которая была вскрыта в 1938 г., достигает 36—40 кв. м, но раскопками 1939 г. было открыто еще несколько ям. Описанный комплекс «жилых ям» был к тому же на Варваровском поселении не единственным [Шульц, 1940; Синицын, 1959а, стр. 113 и сл.]. Впрочем, остаются некоторые сомнения в том, действительно ли они были жилыми.

На поселении у с. Николаевка, на левом берегу Днестровского лимана, раскопана большая, состоявшая из двух помещений землянка IV в. до н. э. площадью 11X4,5 м. Любопытно, что помещения хотя и сообщались друг с другом, но имели отдельные входы. На том же поселении были открыты крупные наземные каменные дома IV—III вв. до н. э., состоявшие из двух и более помещений. Длина одного из них была не менее 10 м, ширина — свыше 4 м [Мелюкова, 1967, стр. 56; Мелюкова, 1976].

К IV—III вв. до н. э. относятся и большие наземные каркасные дома, открытые на Каменском городище на Днепре, площадью до 240 кв. м, нередко разделенные на две

или три комнаты. Жилые помещения землянок, обнаруженных на том же городище, также имели большие размеры [Граков, 1954, стр. 60 и сл.]¹⁸.

Большие наземные жилища, нередко каменные, преобладают и на поселениях Нижнего Днепра, датируемых последними веками до нашей эры — первыми веками нашей эры: Знаменском [Погребова, 1958, стр. 122 и сл.], Золотой балке [Вязьмитина, 1962, стр. 57—64, 72—74 и др.], Гавриловском [Бреде, 1960, стр. 195—197; Погребова, 1958, стр. 189 и сл.], Козацком [Гошкевич, 1913, стр. 120—124], а также в Днестровско-Бугском междуречье: на Петуховском II [Синицын, 1952, стр. 246—247; Синицын, 1959, стр. 24 и сл.; Синицын, 1960, стр. 106—108], Отбедо-Васильевском [Добровольский, 1950, стр. 168 и сл.], Любимовском [Фабрициус, 1930, стр. 114; Дмитров, Зуц, Копилов, 1961, стр. 84 и сл.], у совхоза «Радсад» [Славин, 1955, стр. 130] и других поселениях. Площадь их составляет от 40 до 180 кв м. Часто подобные здания состоят из нескольких комнат.

Домостроительство в Крыму в последние века до нашей эры — первые века нашей эры изучено плохо¹⁹. На городищах Кара-Тобе [Шульц, 1937, стр. 253—254; Шульц, 1941, стр. 273] и Южно-Донузлавском Дашевская, 1967, стр. 69—70, рис. 20] раскопаны остатки небольших круглых жилищ I в. н. э., которые в публикациях именуются юртами. Землянки и полуземлянки открыты на поселениях Тарпанчи Восточное (раскопки А. Н. Щеглова, 1966 г.) и Владимировка I (раскопки П. Н. Шульца; 1948 г., и А. Н. Щеглова, 1965 г.). Размеры их установить не удалось, но землянка на поселении Владимировка I, очевидно, была довольно большой — ее длина равнялась 7,1 м. Небольшая полуземлянка конца III—II вв. до н. э., площадь которой не превышала и 5 кв. м, была обнаружена в Неаполе [Карасев, 1953, стр. 84].

Преобладающими в Крыму, по-видимому, были каменные наземные жилища. Они открыты на городищах Чайка [Яценко, 1970, стр. 31 и сл., рис. 10], Южно-Донузлавском [Дашевская, 1967, стр. 65 и сл.; Дашевская, 1972, стр. 63 и сл.], Красном [Дашевская, 1972, стр. 111] и др. В Неаполе открыто несколько больших каменных зданий, но они, вероятно, были общественными [Шульц, 1949, стр. 118—119; Шульц, 1957, стр. 70; Карасев, 1953, стр. 82; Архив НА АН СССР, р. 1, д. № 1182, 1364, 1667]. На городище Тарпанчи была раскопана усадьба II—III вв. н. э. площадью 9X15 м. Общая полезная площадь ее (внутри стен) равнялась 87 кв. м. из которой 40,5 кв. м занимал двор. По мнению А. Н. Щеглова, археологические материалы позволяют в данном случае проследить процесс выделения самостоя-

тельных семей из одной разрастающейся большой семьи [Щеглов, 1965, стр. 145 и сл., рис. 50]. Каменные здания различных размеров, в том числе большие, известны и в Юго-Западном Крыму [Высотская, 1972, стр. 21, 28].

Таким образом, с IV—III вв. до н. э. вплоть до позднескифского времени в различных районах степной Скифии, на различных поселениях, принадлежавших оседлому или оседающему населению, отмечается устойчивая и длительная традиция сооружения больших жилищ с прилегающими к ним хозяйственными комплексами. Подобные жилища представлены не только наземными каменными зданиями, но, возможно, и землянками; они открыты как на селищах, так и на городищах. Поэтому можно допустить, что практика сооружения больших жилищ связана не только с определенными техническими навыками и традициями, но в первую очередь с конкретными социальными явлениями.

По-видимому, можно предположить, что характер домостроительства в земельческой части степной Скифии начиная с IV в. до н. э. отражает наличие и преобладание в ней каких-то форм расширенной семьи. Если судить по размерам жилищно-хозяйственных комплексов на Гавриловском, Золотобалковском и некоторых других поселениях [Погребова, 1958, стр. 228; Вязьмитина, 1962, стр. 31 и сл.], такие семьи могли быть весьма многочисленными.

В этой связи определенный интерес представляют данные по жилищам лесостепной зоны европейской части СССР. К настоящему времени в лесостепи раскопано более 100 землянок, полуземлянок и наземных жилищ [Моруженко, 1968; Моруженко, 1968а, стр. 154 и сл.]. Среди них преобладают жилища средних размеров, площадью в несколько десятков квадратных метров, и малые, едва насчитывающие 10—15 кв. м. По мнению А. А. Моруженко, сравнительно небольшие размеры жилищ в лесостепи указывают на выделение «малых патриархальных семей» [Моруженко, 1968, стр. 238; Моруженко, 1968а, стр. 269—271]. Однако подобный вывод представляется слишком прямолинейным, и не только по уже рассмотренным причинам общего порядка. У нас нет возможности восстановить абсолютные размеры семей, занимавших лесостепные жилища. Сравнительные материалы здесь опорой служить не могут. В различных обществах жилая площадь, приходящаяся на одного человека, варьируется очень сильно в зависимости от множества самых различных факторов. Но можно попытаться установить относительные размеры таких семей, исходя из соотношения жилищ различных размеров.

Как уже отмечалось, и в степи и в лесостепи открыто некоторое количество очень небольших жилищ, преимущественно землянок, площадью 10—15 кв. м, а иногда и еще

меньше. Их жилой характер не вызывает сомнений: в них имеются очаги, нередко вблизи от них обнаружены хозяйственные помещения. Следовательно, на подобной площади в скифское время могли разместиться отдельные семьи или их составные части, по меньшей мере 2—5 человек. Но поскольку в лесостепи преобладают более крупные жилища, то, по-видимому, и семьи были более крупными. При этом надо еще учитывать, что для лесостепи характерно сооружение отдельных кухонных помещений и вынесение хозяйственной деятельности вне жилищ, многие из которых в первую очередь являлись помещениями спального типа. В подобных жилищах полезная площадь увеличивалась за счет подсобных помещений, и в них соответственно могло разместиться большее число людей.

Большие дома, в которых, по мнению исследователей соответствующих древностей, обитали расширенные семьи, отмечены в скифское время и позднее у многих народов Европы: у фракийцев [Златковская, 1970, стр. 49—50; Златковская, 1971, стр. 85—89], у древних германцев (Radig, 1958, стр. 58 и сл.; Листова, 1968, стр. 182—183], у племен-носителей Черняховской культуры [Рикман, 1962, стр. 123 и сл.]. Однако наряду с ними всегда встречаются и жилища небольших размеров.

Поэтому можно предполагать с известной долей вероятности, что в лесостепи, как и в земледельческих районах степной зоны, в скифское время известное распространение, а возможно, и преобладание получили расширенные семьи. Для более определенных суждений об их типе и численности надежных данных нет.

Особенности семьи у кочевников евразийских степей

Вывод, который следует из анализа письменных и археологических источников, на первый взгляд является довольно парадоксальным и, во всяком случае, непривычным. Хотя для окончательных суждений данных недостаточно, все же можно предположить, что, в то время как у кочевых скифов в ранний период их истории известное распространение получили малые или небольшие расширенные семьи, в дальнейшем, по мере развития процесса седентаризации, размеры семей увеличиваются, а расширенные семьи, возможно, становятся преобладающими. Подобный вывод плохо согласуется с распространенной схемой, по которой «большая семья» (т. е. семьи расширенных типов) всегда и всюду предшествует «малой» (т. е. малой нуклеарной) и на опре-

деленном этапе развития общества обязательно сменяется ею.

Надо, однако, заметить, что абсолютная универсальность этой схемы никем и никогда не была доказана, тем более не была доказана ее необратимость. Еще меньше ясности имеется в вопросе о преобладающих типах семьи у кочевников.

По мнению некоторых исследователей, расширенные семьи господствовали у кочевников евразийских степей вплоть до новейшего времени [Krader, 1963, стр. 338-339 и др.]²⁰. Другие полагают, что смена расширенной семьи малой происходила у них в средние века — то ли в X—XII вв. [Кисляков, 1969, стр. 16], то ли во второй половине I тысячелетия н. э. [Абрамзон, 1971а, стр. 211—212]. Все изложенные точки зрения, однако, подтверждаются не столько конкретными фактами, сколько общими соображениями о темпах развития кочевых обществ и об обязательной действенности в них схемы «большая семья» — «малая семья», выработанной на основании данных о земледельческих народах, а не о скотоводах-кочевниках.

Между тем у всех известных этнографии кочевых народов наблюдается сосуществование малых семей с расширенными, причем последние были распространены больше среди богачей и аристократии. Например, по свидетельству одного из путешественников, у казахов в начале XIX в. самые большие семьи были у старейшин и аксакалов [Meuendorff, 1826, стр. 45—47]. Но ни разу не было статистически доказано, что расширенные семьи являлись преобладающими.

Имеются данные, позволяющие полагать, что не только у скифов, но и у других древних кочевников евразийских степей преобладали численно небольшие семьи. Фань Е сообщает, что в 90 г. южные хунну насчитывали 34 тыс. семейств, 237 300 душ [Таскин, 1968а, стр. 84]. Следовательно, в среднем семья у хунну состояла приблизительно из семи человек. Подобная численность лучше всего соответствует малой или ограниченно-расширенной семье. Едва ли можно полагать, что китайцы в данном случае имели в виду малые обособленные семьи, занимавшие отдельные юрты. Как показывают сравнительные материалы, большинство рядовых кочевников имеют всего лишь одну юрту или кибитку. Сами же китайцы отмечали, что «палатка или юрта есть то же, что семейство в Китае» [Бичурин, 1950, т. II, стр. 239]. Применительно к хунну есть и более прямые известия, согласно которым «отцы и сыновья спят в одной юрте» [Таскин, 1968а, стр. 46].

По китайским источникам, большие юэчжи насчитывали 400 тыс. душ, 100 тыс. семейств, т. е. в среднем семья их

состояла из четырех человек [Бичурин, 1950, т. II, стр. 183, 227]. В Кангюе было 600 тыс. душ, 120 тыс. семейств — в среднем семья состояла из пяти человек [там же, стр. 184]. Усуни насчитывали 630 тыс. душ, 120 тыс. кибиток, следовательно, их семья состояла в среднем приблизительно из пяти человек [там же, стр. 190].

Не менее показательны цифры по кочевым владениям Западного края. В Сийе (Юльэрен) было 4 тыс. душ, 350 семейств, приблизительно 11 человек на семью [там же, стр. 178]. В Пули (Сырлык) было 5 тыс. душ, 650 семейств — приблизительно по восемь человек на семью [там же]. В Юйту (Уш) было 2300 душ, 300 «семейств — также приблизительно по восемь человек на семью 1 [там же, стр. 190]. Но даже эти довольно скромные цифры были исключением. В остальных кочевых владениях семьи были гораздо малочисленнее.

Во владении Жокиан было 1750 душ, 450 семейств — в среднем приблизительно по четыре человека на семью [там же, стр. 172]. Во владении Хюсюнь — 1030 душ, 358 семейств — приблизительно по три человека на семью [там же, стр. 188]. В Гуаньду — 1100 душ, 380 семейств — приблизительно по три человека на семью [там же, стр. 189]. В Ич-жи — 3 тыс. душ, 1 тыс. семейств — приблизительно по три человека на семью [там же, стр. 236].

Примерно такие же цифры приводятся и для полукочевых владений Западного края. Во владении Шаньшань (Лэу-лань) было 14 100 душ, 1500 семейств — в среднем приблизительно по девять человек на семью [там же, стр. 173]. В Инай (Ингасар) — 670 душ, 125 семейств — в среднем по пять человек на семью [там же, стр. 178]. В Пулей — 2 тыс. душ, 800 (семейств — приблизительно (по три человека на семью [там же, стр. 236]. В Восточной Цзюйми — 5 тыс. душ, 3 тыс. семейств — в среднем менее чем по два человека на семью (?) [там же].

Любопытно, что средняя численность семьи в оседло-земледельческих владениях Западного края была большей — приблизительно 7—8 человек [там же, стр. 172—173, 176—179, 184, 186, 188—190, 198—199, 204—207].

Можно сомневаться в отдельных цифрах, но в целом они убедительно свидетельствуют о преобладании уже у древних кочевников численно небольших семей.

О характере семьи у древних кочевников Средней Азии и сарматов письменные источники, за исключением приведенных, больше ничего не сообщают. Но и у тех [Баруздин, 1961, стр. 48 и др.; Акишев, Кушаев, 1963, стр. 94; Литвинский, 1972, стр. 133; Литвинский, 1972а, стр. 82—85] и у других [Смирнов К. Ф., 1973, стр. 108—109] отмечены совместные захоронения нескольких покойников. Быть может, как

и у скифов, они свидетельствуют о том, что семьи были немногочисленными.

По-видимому, преобладание небольших семей типично для всех кочевых обществ и связано со спецификой их экономики. У кочевников редко ощущался недостаток в рабочей силе и вполне возможно было ведение самостоятельного хозяйства руками небольших семей, оказывавших друг другу по мере необходимости родственную или соседскую помощь. Подобные семьи отнюдь не обязательно были малыми нуклеарными. Судя по этнографическим и историческим материалам, для кочевников евразийских степей был характерен такой тип расширенной семьи, при котором один из сыновей оставался с родителями, в то время как остальные выделялись еще при их жизни²¹. Но, несмотря на то что конкретные типы малых или расширенных семей в различных обществах кочевников могли варьироваться, преобладающими у них были семьи небольших размеров.

Очевидно, увеличение размеров отдельных семей совершалось иногда по все тем же экономическим причинам по мере оседания кочевников на землю, так как потребность в рабочей силе в земледелии выше, чем в кочевом скотоводстве. У скифов об этом явлении можно только догадываться по ряду косвенных данных. Но из этнографии оно известно достаточно хорошо. Сошлюсь хотя бы на узбеков-карлуков Южного Таджикистана. У тех из них, кто занимался земледелием, преобладали расширенные семьи, у тех, кто занимался полукочевым скотоводством, — малые. Особенно интересно, что смена рода хозяйственной деятельности нередко влекла за собой в дальнейшем и изменения в численности семейных коллективов²².

Брак

В скифском рассказе Геродота семейно-брачным отношениям уделено очень мало места. По мнению Н. Г. Елагиной, это объясняется тем, что семейные порядки скифов, с его точки зрения, не отличались чем-либо экстраординарным [Елагина, 1963, стр. 77, прим. 5]. И действительно, Геродот всегда обращал преимущественное внимание на такие нравы и обычаи описываемых им народов, которые могли бы удивить и поразить его соотечественников. При этом именно сфера брачных отношений особенно часто вызывала его интерес.

Так, Геродот сообщает про лидийцев, что девушки у них зарабатывают себе приданое проституцией (I, 93—94), про массагетов, агафирсов и ливийцев-насамонов — что они пользуются женщинами сообща (I, 216; IV, 104, 172), про ли-

вийцев-адирмахидов — что у них цари имеют право первой ночи (IV, 168), про ливийцев-гиндан — что наилучшей у них считается та женщина, которая имела связь с наибольшим числом мужчин (IV, 176), про ливийцев-махлиев — что у них отсутствуют устойчивые брачные связи (IV, 180) и т. д. О скифах ничего подобного не упоминается.

Брачные нормы скифов предполагали моногамию для женщин и допускали полигамию для мужчин. Геродот (I, 216) сообщает про массагетов: «Каждый берет за себя одну жену, но все пользуются ими сообща: то, что, по словам эллинов, делают скифы, в действительности делают не скифы, а массагеты» (курсив мой.— А. Х.). В данном случае массагетские обычаи прямо противопоставляются скифским. Юстин в эпитоме Помпея Трога (II, 5, 1—8) донес до нас одну из версий легенды о восстании сыновей скифских рабов, прижитых теми с женами своих господ. После подавления восстания «женщины, знавшие за собой вину, сами закололись или повесились».

Полигиния. Сведения о полигинии в основном относятся к скифским царям. Геродот (IV, 78, 80) упоминает о трех женах царя Ариапифа: гречанке из города Истрии, от которой родился будущий царь Скил, скифянке Опии, родившей ему сына Орика, и дочери царя фракийского племени одрисов Терее, от которой у Ариапифа был сын Октамасад, впоследствии принявший участие в успешном восстании против Скила и сам ставший царем. Следует иметь в виду, что Геродот вовсе не ставил своей целью перечислить всех жен скифского царя. Маловероятно к тому же, чтобы он располагал подобными сведениями. Он назвал лишь тех, кто так или иначе имел отношение к трагической судьбе Скила. Сам Скил вместе с царской властью унаследовал от отца Опию. Другую жену он поселил в Ольвии (Her., IV, 78).

Страбон (VII, 4, 3) сообщает, что у царя Скилура, по свидетельству Посидония, было 50, а по свидетельству Аполлониды, 80 сыновей. Последняя цифра подтверждается Плутархом (Reg. et imp. apophth. Scil.) Пятьдесят сыновей или восемьдесят — не столь уж важно, но в любом случае подобная плодовитость царя немыслима без многоженства.

Насколько широко была распространена полигиния в скифском обществе, сказать трудно. У упоминавшегося уже скифа Абавах, надо думать, была только одна жена. Но, конечно, полигиния практиковалась не только в царской среде. Скифские юноши из легенды о происхождении савроматов специально обещают амазонкам, что их женами ...будут, только они, а других у них не, будет. (γυναῖ/ας δε Ἰξομεν ὑαέας χαῖ οὐοαας ἀλλας —Her., IV, 114) Если это обстоятельство надо было оговаривать специально, то допустимо предположить, что в повседневной практике многожен-

ство было достаточно распространенным явлением. Скиф Токсарис из новеллы Лукиана (Тох., 39) рассказывает, как савроматы после успешного набега на скифов «стали на наших глазах позорить наших наложниц и жен».

Полигинии чаще всего сопутствует неравноправное положение различных жен и наложниц. Так же обстояло дело и у скифов. Весь контекст рассказа о Скиле позволяет предположить, что Опия в противоположность матери Скила и матери Окта-масада была на положении младшей жены Ариапифа.

Геродот различает жен и наложниц у скифов и терминологически (ср. IV, 71, и IV, 78). Жену он обозначает словом «ἡ γυνή», наложницу — «ἡ παλλακή». Лукиан (Тох., 39) также различает наложниц и жен (*τας παλλακίδας καὶ τας γυναίκας*).

Возможно, наложницами становились некоторые из тех рабынь-служанок (*αἱ οἰκέτιοες*), о которых сообщает Псевдо-Гиппократ (*De aere*, 28). В отличие от свободных скифских женщин им «достаточно лишь одного сообщения с мужчиною, чтобы сделаться беременными; это прямое следствие их трудовой жизни и сухости тела». Судя по самому термину и контексту, Псевдо-Гиппократ скорее всего имеет в виду домашних рабынь.

Различие в статусе жен и наложниц прослеживается также на археологическом материале. По Геродоту (IV, 71), когда царь умирал, вместе с ним на тот свет отправляли одну из наложниц. Но в некоторых скифских царских курганах (I Мордвинском, Толстой Могиле) женские погребения с роскошным инвентарем, сопровождавшиеся иногда человеческими жертвами, и основные мужские погребения, бесспорно, являются разновременными. Очевидно, в подобных случаях под одной насыпью хоронили не наложниц, принужденных следовать за своими господами в мир иной, а мужей и жен, умерших естественной смертью. Как уже отмечалось, парные, но разновременные погребения мужчин и женщин, скорее всего мужей и жен, встречаются иногда и в рядовых скифских курганах. В подобных погребениях ни сопутствующий инвентарь, ни детали погребального обряда не дают никаких намеков на неполноправный статус покойниц.

В то же время наложницы умерщвлялись не только при царских похоронах. В парном погребении из кургана № 3/2 в урочище Боярище голова женщины находилась на уровне колен мужчины [Яковенко, 1965, стр. 153]. В катакомбе кургана № 2 у Старинской птицефабрики на ложе-ступеньке похоронен мужчина-воин. В пониженной части катакомбы, на полу, лежала без вещей молодая женщина с грудным младенцем [Ильинская, 1966, стр. 154—156]. Погребение

воина в кургане № 4/2 у Любарецкого поселка также сопровождала женщина, костяк которой обнаружен в пониженной части катакомбы [там же, стр. 157—158, 167]. В кургане № 4/2 группы Страшная могила, у г. Орджоникидзе под Никоподем, погибшего в бою воина старше 40 лет сопровождала 15—16-летняя девушка, лежащая поперек катакомбы, в ногах у мужчины [там же, стр. 168—169; Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский, 1973, стр. 142—144].

В.А. Ильинская считает, что в последнем случае мы имеем дело не с наложницей, а с одной из младших жен, так как покойница имела золотые украшения и была снабжена инвентарем, традиционным для свободных скифянок [Ильинская, 1966, стр. 169]. Е. В. Черненко также полагает, что, поскольку у насильственно умерщвленной женщины, сопровождавшей мужчину, погребенного в кургане № 3 могильника у с. Кирово, имелись золотые серьги, она была женой, а не наложницей [Черненко, 1967, стр. 190]²³.

Мысль о том, что у скифов на тот свет мужчин сопровождали не только наложницы, но и жены, вполне допустима, если исходить из сравнительно-этнографического материала. Но трудно судить о социальном статусе женщин в подобных парных захоронениях только на основании их погребального инвентаря. Любимая наложница знатного и богатого человека, с которой тот не желал разлучаться и после смерти, и по своему имущественному положению, и по образу жизни приближалась скорее к законным женам, чем к домашним рабыням-служанкам. Поэтому, не отвергая в принципе предположения о том, что у скифов с умершими мужчинами могли хоронить не только их наложниц, но и жен, я не вижу пока никаких подтверждений его в имеющемся фактическом материале.

Нередкие утверждения, что наложницы умерщвлялись насильственно, также нуждаются в дополнительных доказательствах. Ведь они могли следовать в могилу за своими господами и добровольно вследствие обычая сати, под давлением господствующих в обществе норм и ценностей²⁴. Насколько мне известно, женские костяки в рассмотренных выше и других аналогичных случаях не имеют следов насильственного умерщвления, наподобие тех, которые имеются в некоторых позднесарматских погребениях. Впрочем, по вполне понятным причинам полностью полагаться в этом вопросе на антропологию нельзя.

Наконец, надо отметить, что погребения с наложницами или рабынями известны не только в степи, но и в лесостепи [Панина, 1960, стр. 99—101].

Левират и его особенности у кочевников. Из обычаев, связанных со сферой семейно-брачных отношений, прежде всего

следует обратиться к наименее вероятному, но все же фигурирующему в источниках. Филон Иудей, автор первой половины I в. н. э., обвиняет скифов в инцесте (Phil. Alex., De provi.d., I, 85): «Если племена скифов, помимо обычаев иудеев, живут по своим особым законам и правилам и допустили постыдное кровосмешение с матерью, и скифы передали это своим детям и потомкам, так что с течением времени этот обычай принял силу закона, то где уже круг Зодиака, где течение звезд?»

Словам Филона вряд ли стоит придавать серьезное значение. Он не является авторитетным и достаточно информированным о скифах автором. К тому же, как отметил Р. Линтон, запрет брака между матерью и сыном является единственным универсальным запретом, который знает человечество [Linton, 1936, стр. 125]²⁵. Возможно, речь у Филона идет о плохо понятом обычае левирата. Левират у скифов отмечен Геродотом (IV, 78): «Скил получил царскую власть и одну из жен отца, по имени Опия: она была скифянка, и от нее у Ариапифа был сын Орик». Это единичное свидетельство не может ответить на вопрос, как глубоко укоренился обычай в скифском обществе, но едва ли сфера его распространения ограничивалась только царским домом.

М. И. Артамонов полагал, что «переход в состав наследственного имущества жен умершего с их детьми обычно связывается с наличием внутрисемейного неравенства, при котором полноправными наследниками являлись дети только определенных жен, тогда как другие вместе с их матерями занимали промежуточное положение между свободными и рабами» [Артамонов, 1947а, стр. 72]. С подобным объяснением левирата трудно согласиться. У средневековых монголов тоже существовал левират, но сыновья от законных жен и от наложниц не отличались по своему положению [Путешествия Плано Карпини и Рубрука, 1957, стр. 36].

Еще Р. Лоуи заметил, что «Тэйлор нашел левират в одной трети всех племен, сведения о которых имелись в его время. В наше время эта пропорция, без сомнения, будет еще большей. И действительно, легче сосчитать случаи, когда этот обычай определенно отсутствует, чем перечислить все примеры его распространения» [Lowie, 1947, стр. 32; см. также: Tylor, 1889, стр. 253]. Несмотря на это обстоятельство, а может быть, именно благодаря ему и генезис левирата, и причины, вызвавшие столь широкое его распространение, не могут считаться окончательно выясненными. Но нет никакой необходимости следовать за Д. Фрэзером [Frazer, 1910, стр. 139—140] и усматривать в левирате пережиток чисто гипотетического группового брака, как это до сих пор полагает ряд исследователей [см., например: Народы

Средней Азии и Казахстана, 1962, стр. 492; Абрамзон, 1968, стр. 282—283, 287; Кисляков, 1968, стр. 90].

Повсюду, где прослеживался левират, он имел важное функциональное значение. И поскольку он представлен различными формами, поскольку он отмечен в самых различных обществах, не схожих и по формам хозяйственной деятельности, и по уровню социального развития, допустимо предположить, что и к жизни он вызывался различными причинами.

В целом, по-видимому, эти причины связаны как с межгрупповыми взаимоотношениями, так и с отношениями, складывающимися внутри данной группы. В первом случае левират можно рассматривать как институционализированный продукт связи, устанавливающейся между брачующимися группами. Группа жениха нередко так или иначе, но участвует в его браке (помощь при сборе калыма, сватовство, организация свадебного празднества, помощь новобрачным и т. д.). Поэтому жена становится символом связи между двумя группами. Ее обязанности по отношению к мужу и детям дополняются обязанностями и правами по отношению к другим членам кровнородственной группы мужа. Более того, эти обязанности не могут оборваться просто так со смертью мужа. Разрыв вдовы с родней мужа был бы оскорблением для обеих групп, между которыми установились брачные отношения. Единожды установленная, связь должна быть продолжена, и естественной формой ее продолжения является возмещение вдове потерянного мужа и кормильца внутри той же группы. Это право вдовы, в то время как ее обязанностью было не покидать группу покойного мужа.

Во втором случае левират связан со спецификой экономических, социальных и культурных механизмов, регулирующих отношения внутри данных групп.

Широкое распространение братской, отцовской и родственной форм левирата у кочевников евразийских степей, а также других регионов — факт хорошо известный. Он отмечен у древних хунну²⁶, ухуаней²⁷ и тугухуньцев²⁸, у средневековых тюрок (тугю)²⁹, чжурчжэней³⁰ и монголов³¹, у татар Золотой Орды [Тизенгаузен, 1884, стр. 385], а также у туркмен, каракалпаков, казахов, узбеков, киргизов, калмыков и других народов нового времени [Жданко, 1952, стр. 518; Народы Средней Азии и Казахстана, 1962, стр. 325, 492; Народы Средней Азии и Казахстана, 1963, стр. 104, 271, 433; Кисляков, 1969, стр. 90—94; Джикиев, 1972, стр. 92].

Если иметь в виду внутригрупповые взаимоотношения, то столь стойкому и длительному бытованию обычая у евразийских кочевников, очевидно, способствовали три обстоятельства. Во-первых, жена рассматривалась как ценное имущество и после смерти мужа вместе с другим имуществом

подлежала наследованию в его семейно-родственной группе, тем более что последняя нередко помогала в выплате калыма. Во-вторых, левиратный брак обеспечивал содержание и воспитание малолетних детей, оставшихся на руках у вдовы. Так, калмыки XIX в. необходимость подобных браков объясняли тем, что у жены покойного брата или родственника оставались дети, которых обязаны были воспитать родственники умершего [Эрдниев, 1970, стр. 189]. Та же причина привела к частичному оживлению обычая левирата у народов Средней Азии во время второй мировой войны [Абрамзон, 1968, стр. 289—290]. В-третьих, левиратные браки рассматривались иногда как средство продолжения рода умершего его ближайшими родственниками. Китайский евнух Чжунхан Юэ, перешедший на сторону хунну, объяснял наличие у последних левирата следующим образом: «[Сюнну] берут за себя жен отцов и братьев после смерти последних, опасаясь, что иначе прекратится их род. Поэтому, хотя среди сюнну происходили смуты, на престол всегда становились люди из одного и того же рода» [Таскин, 1968а, стр. 46]. Монголы Ордоса еще совсем недавно объясняли, что женятся на женах отца и умерших братьев из боязни, «что иначе их семьи вымрут» [Krader, 1963, стр. 24—25].

Хотя для окончательных суждений сведений явно недостаточно, все эти обстоятельства вполне могли иметь место и у скифов. Два последних из них, вероятно, связаны с распространением не расширенной, а малой семьи. В условиях расширенной, особенно большой расширенной семьи вопрос о содержании и воспитании малолетних детей ее умершего члена решается автоматически — их принадлежностью по рождению к данному коллективу. Точно так же не имеет существенного значения забота о продолжении рода: имущество все равно оставалось в семье, а власть (там, где она была, т. е. в высших слоях общества) передавалась нередко от брата к брату. «Продолжение рода» в таких условиях означало заботу о непрерывной преемственности поколений в семье в целом, но отнюдь не ее отдельных членов.

В то же время и беспокойство о малолетнем потомстве, и забота о продолжении рода становятся в числе других мотивов важными побудительными причинами левирата при наличии в обществе, с одной стороны, самостоятельных малых семей, а с другой — семейно-родственных групп, связанных узами родства и традициями взаимопомощи. Именно такая социальная структура, возможно, была в не меньшей степени характерна для древних кочевников, чем для кочевников средневековья и нового времени.

Положение женщин

В целом из источников создается впечатление о несколько пониженном положении женщин в скифском обществе. И в этом отношении показательна позиция Геродота. У ликийцев он с удивлением отмечает матрилинейность, «обычай... совершенно особенный, отличающий их от всех других народов» (I, 173), у египтян — самостоятельность женщин и преимущественные обязанности дочерей перед сыновьями по отношению к родителям (II, 35). Даже то, что у исседонов женщины равноправны с мужчинами (IV, 26), кажется ему заслуживающим внимания. Конечно, подобное отношение Геродота к собранному «им материалу в данном случае определялось его принадлежностью к эллинской культуре.

Про скифов ничего подобного не сообщается. По Геродоту (IV, 114), амазонки в следующих словах объясняют скифским юношам различие между собой и скифскими женщинами: «У нас не одинаковые с ними обычаи: мы стреляем из луков, бросаем дротики, ездим верхом, а женским работам не обучены, тогда как ваши женщины ничего не делают из того, что мы перечислили, а занимаются женскими работами; они постоянно сидят на повозках, не ходят на охоту и вообще никуда не показываются». И когда во время войны с Дарием скифы избирают тактику активного отступления, они прежде всего спешат отправить в тыл «повозки, в которых жили у них дети, и жены, и все стада» (Her., IV, 121).

Геродоту вторит Псевдо-Гиппократ (De æere, 25, 28), утверждающий, что скифские женщины «не выносят трудов», что они помещаются в кибитках, в то время как мужчины ездят верхом и пасут скот. Конечно, утверждения подобного рода не следует понимать буквально. Не работать могли себе позволить только женщины из аристократических семей, хотя выпас скота в кочевых обществах, действительно, обычно является мужским занятием как в евразийских степях, так и в других регионах.

Различные античные авторы неоднократно упоминают выдающихся сарматских, меотских, сакских, массагетских женщин, а также женщин других варварских племен и народов. Но если не считать Опии, выступающей не в самостоятельной роли, а скорее как пассивный объект обычного права, буквально ни одна скифянка не удостоилась у них упоминания. Вряд ли это случайно.

Насколько удастся проследить, когда курган содержит несколько погребений скифского времени, основное чаще всего бывает мужским. В тех парных и коллективных погребениях, одновременность которых установлена, захоро-

нение мужчины также почти всегда предшествует женскому. Очевидно, погребальный обряд отражает в данном случае патриархальные основы скифского общества.

В большинстве скифских захоронений инвентарь мужских и женских погребений строго разграничен. Если мужчина — прежде всего воин и всадник, то женщина — преимущественно домашняя хозяйка. С ней в могилу помимо украшений кладут посуду, необходимую для приготовления пищи, иногда зернотерки, орудия прядения, ткачества и шитья. Очевидно, даже знатные скифянки занимались домоводством, как занималась прядением Пенелопа в ожидании Одиссея, а знатные средневековые дамы — рукоделием.

Иглы обнаружены не только в рядовых погребениях, но и в женском погребении из Солохи, и в саркофаге из мавзолея Неаполя скифского, в котором скорее всего была похоронена царица. Только в отличие от обычных бронзовых эти иглы золотые. Пряслица и остатки от веретен являются непременной деталью погребального инвентаря скифских женщин, в том числе и тех, которые с такой роскошью похоронены в Куль-Обе, Александропольском и других царских курганах. Только изготовлены они не из дерева или кости, а из серебра [Яковенко, 1972]. Пряслица почти всегда находят и в женских погребениях с оружием.

Эти погребения, обнаруженные как в степной, так и в лесостепной полосе [см.: Покровська, 1957, стр. 66—67, 72—73, 76; Ганина, 1958; Ганина, 1960, стр. 104; Ковпаненко, 1961, стр. 72; Петренко, 1961, стр. 69, 72; Ильинская, 1968], в последнее время привлекли к себе внимание исследователей. Однако, несмотря на то что количество их постепенно возрастает, число их в степи, да и в лесостепи тоже, все же невелико по сравнению с общим числом безоружных женских погребений. Так, в степи мною учтено не более 40 женских погребений с оружием. К тому же следует иметь в виду, что женская принадлежность их в большинстве случаев устанавливается не на основе антропологических определений, а лишь по характеру погребального инвентаря. Для сравнения отмечу, что у савроматов погребения вооруженных женщин составляют не менее 20% всех могил с оружием [Смирнов К. Ф., 1964 стр. 201].

О. Д. Ганина усматривает в подобных погребениях доказательство наличия в скифском обществе пережитков матриархата [Ганина, 1958, стр. 183]. Не вижу для такого предположения достаточных оснований. Известно, что в некоторых сугубо патрилинейных обществах кочевников, например у хунну и монголов, женщины принимали иногда участие в военных действиях [Таскин, 1968а, стр. 129; Путешествия Платона Карпини и Рубрука, 1957, стр. 36—37]. И если я полагаю возможным считать савроматское обще-

ство матрилинейным, то лишь на основании всей совокупности письменных и археологических свидетельств, а отнюдь не потому лишь, что женщины у них сражались наряду с мужчинами на поле боя [Хазанов, 1970].

Наличие оружия в женских погребениях у скифов объясняют по-разному: усилением военной активности скифов в IV в. до н. э. [Ганина, 1958, стр. 183], особым статусом девушек, пользовавшихся до замужества уважением и свободой [Ильинская, 1966, стр. 170], иногда также предполагаемыми браками с сарматами [Граков, 1962, стр. 87; Ильинская, 1966, стр. 170; Смирнов К. Ф., 1964, стр. 194]. Все эти объяснения возможны с большей или меньшей степенью вероятия, и не одно не противоречит другому. Но для развернутых гипотез пока известно слишком мало фактов.

Оружие, действительно, чаще всего встречается в погребениях молодых женщин, однако известны и исключения³². О сарматском влиянии, притом не обязательно посредством брачных союзов, можно будет говорить с большей уверенностью, если окажется, что женские погребения с оружием, действительно, появляются в степи лишь с IV в. до н. э.

Большинство женских погребений с оружием являются основными, а многие из них к тому же довольно богатыми. Обращает на себя внимание их неравномерное распределение по могильникам: в одних таких погребений много, в других — нет или почти нет. Не исключено что скифские воительницы какие бы причины ни вызвали их появление, составляли особую социальную группу в обществе. Вся же совокупность фактов по-прежнему свидетельствует о неполноправном положении большинства скифских женщин. Возможно, однако, что в быту это неравноправие проявлялось менее заметно, чем в общественной сфере.

Положение женщин у кочевников евразийских степей. Известно, что у кочевников положение женщин на практике нередко бывает довольно высоким (например, у средневековых монголов и татар) [см.: Путешествия Плано Карпини и Рубрука, 1957, стр. 36—37; Книга Марко Поло, 1955, стр.88; Тизенгаузен, 1884, стр. 229, 288, 289; см. также: Krader, 1963, стр. 345—347]. Это отмечено даже в тех обществах, которые подверглись влиянию ислама. Но и на этом фоне заметен разительный контраст между скифами и их ближайшим постоянными соседями и сородичами — «женоуправляемыми» (γυνικοκρατοόμενοι) сарматами, которые «женам своим во всем повинуются как господам; девушку не прежде выдают замуж, чем она убьет врага» (Eph. ap. Nie. Dam., fr. 16, Diad L).

Из сообщений греческих авторов и данных археологии следует, что сарматские (савроматские) женщины: 1) активно участвовали в военных действиях (P s.-H i p p., De äere,

24; Her., IV, 116—117); 2) отправляли жреческие функции (P s.-H i p p., De äere, 24) ; 3) активно участвовали в общественной жизни, занимали высокое положение в обществе (Ps. -Scyl., §70; Eph. ep. Nie. Dam., fr. 16. Dind.) иногда даже возглавляли целые племена (P o l y a e n, Strateg., VIII, 55, 56; Diod., IV, 45). Как уже отмечалось, матрилинейность савроматского общества также представляется вероятной [Траков, 1947в, стр. 119; Смирнов К. Ф., 1964, стр. 202—205; Хазанов, 1970, стр. 114—145].

Такой контраст трудно объяснить некоторым отставанием сарматского общества в сравнении со скифским. Можно сослаться на туарегов — кочевников Сахары, до самого недавнего времени стойко сохранявших матрилинейность [Lhote, 1955, стр. 330 и сл.; Branguernon, 1955, стр. 141 и сл.; Murdock, 1959, стр. 405 и сл.; Briggs, 1960, стр. 134; Nicolassen, 1963, стр. 476 и др.; Murphy, 1967, стр. 164—165; Першиц, 1968, стр. 327—328]. Очевидно, материалы по кочевникам лишней раз подтверждают, что зависимость между положением женщин в том или ином обществе и его линейностью не столь однозначна, как это подчас представляется. И в патрилинейных обществах женщина может занимать достаточно высокое положение. Напротив, решающая роль во многих матрилинейных обществах принадлежит мужчине. Кроме того, сама линейность является, в сущности, институтом, непосредственно не связанным с уровнем развития производительных сил и характером общественных отношений.

Линейность, локальность и счет родства

Патрилинейность скифского общества едва ли может подвергаться сомнению. И все же приходится иметь в виду, что подобная уверенность основана преимущественно на общих соображениях о положении мужчин и женщин в скифском обществе, а также на ряде косвенных данных. Античные авторы, в первую очередь Геродот, говоря об отдельных скифах, иногда называют их отцов и даже более отдаленных предков (Her., I, 103; IV, 76, 78; St r a b o, VII, 3, 17; Лис, Т о х., 4, 50), но, за исключением истории со Скилом, никогда не называют их матерей. Скифские цари, преследуя гадателей, истребляют их мужское потомство, но дочерей не трогают (Her., IV, 68). Амазонки, уговорив скифских юношей поселиться с ними отдельно от родителей, сами признают: «Мы отняли у вас отцов» (Her., IV, 115).

Патрилокальность (или вирилокальность) также кажется наиболее вероятной, по крайней мере для кочевых скифов. Но в письменных источниках о ней можно найти лишь один намек легендарного характера. Скифские юноши, стре-

мящиеся к браку с амазонками, сперва предлагают тем поселиться с ними и их родителями и только после отказа соглашаются на уксорилокальную, а затем на неолокальную брачную резиденцию (Her., IV, 114—116).

О скифской системе родства имеется лишь одно свидетельство— философа-перипатетика I в. до н. э. Николая Дамасского (Paradox., 3). Давая явно идеализированную характеристику скифов-галактофагов (млекоядов), он замечает: «Они также весьма справедливы, имея общее имущество и женщин, так что старших себе считают отцами, младших — сыновьями, а сверстников — братьями». Поскольку ранее Николай Дамасский сообщает, что галактофаги обратили в бегство Дария, а дальше утверждает, что Анахарсис был выходцем из их среды, ясно, что речь у него идет о кочевниках.

Источник общей информации Николая Дамасского о скифах не вызывает сомнений, Это Эфор. Характеристика скифов, данная философом, почти полностью совпадает с той, которая содержится у Страбона (VII, 3, 9), причем последний прямо сообщает, откуда он почерпнул свои сведения — из IV книги «Истории» Эфора. Правда, у Страбона упоминание о системе родства отсутствует. Он просто пишет, что, по Эфору, среди скифов-кочевников есть какие-то племена, у которых «все общее, даже женщины, дети и вся семья». Но из этой фразы слова Николая Дамасского, кому бы они ни принадлежали — Эфору или ему самому, являются не более чем логическим заключением, и слишком полагаться на них было бы неосмотрительно. Однако комментатор второго издания «Известий древних авторов о Скифии и Кавказе» полагает, что «при всей идеализации скифского быта, свойственной уже Гомеру, нельзя не отметить строк о счете родства по поколениям, отражающим весьма архаические социальные отношения» [Латышев, 1947, № 4, стр. 175, прим. 2]. Это побуждает остановиться на данном вопросе несколько подробнее.

Начну с того, что подобная система родства, обычно называемая малайской или гавайской, хорошо известна в этнографии. Ее характерной особенностью, действительно, является неразличие прямой и коллатеральной, а также отцовской и материнской линий [Крюков, 1968, стр. 369—370]. Вопреки мнению Л. Моргана [Морган, 1934, стр. 225, 229] никакого отношения к гипотетическому групповому браку она не имеет. По Дж. Мэрдоку, гавайская система родства обычно встречается в билатеральных обществах с расширенными семьями и неэкзогамными корпоративными родственными группами [Murdock, 1965, стр. 228—231]. При этом гавайская система родства вообще совершенно нехарактерна для кочевников, у которых распространены совсем иные си-

стемы. Например, у тюрко-монгольских кочевников доминирует система типа омаха.

Поэтому, даже если допустить, что свидетельство Николая Дамасского имеет под собой какое-то реальное основание, то скорее надо думать, что в нем нашла отражение не референтивная, а вокативная система скифов, т. е. система терминов прямого обращения. Ведь даже у многих современных народов такие термины, как «отец», «мать», «сын», «брат», в известных ситуациях употребляются при обращении не только к их прямым носителям. Но, повторяю, скорее всего мы здесь просто сталкиваемся с той идеализирующей скифов тенденцией, которая становится отчетливо заметной в греческой литературе, начиная с Эфора, и которую с таким удовольствием и готовностью подхватили стоики и киники.

Вопрос о пережитках матрилейности

Некоторые исследователи пишут о пережитках «матриархата» в скифском обществе, прежде всего в области религии, легенд и преданий [Артамонов, 1947а, стр. 71; Жебелев, 1953, стр. 34; Граков, 1954, стр. 18; Яценко, 1959, стр. 102; Елагина, 1963; Тереножкин, 1966, стр. 35; Петров, Макаревич, 1963; Петров, 1968]. Особенно часто доказательство былой матрилейности скифов усматривается в образе матери Таргитая. Действительно, женские божества занимают важное место в скифском пантеоне (Her., IV, 59) и в этногонической легенде. Однако все это не является чем-либо из ряда вон выходящим. Культ богинь-матерей имел почти универсальное распространение на политеистической стадии религии, а нередко и позднее. Неоднократно можно констатировать важную роль, которую играли женские божества в сугубо патрилейных и патриархальных обществах. Достаточно напомнить про государственную богиню Афин — Афину Палладу или про богиню Аматерасу у японцев. Не касаясь вопроса о причинах подобного явления, хочу подчеркнуть, однако, что к фактическому положению женщин в обществе такие случаи прямого отношения не имели. Прав был Б. Н. Граков, писавший про различные версии скифской этногонической легенды, что их основная концепция «рисует картину вполне устоявшихся патриархальных отношений, к тому же восходящих к очень отдаленному времени» [Граков, 1950а, стр. 12].

Более интересными в данном отношении являются свидетельства, заставляющие задумываться о возможности существования у скифов обычая кувады.

Кувада. Геродот (I, 105), рассказывая о разграблении святилища Небесной Афродиты в Аскалоне во время скиф-

ского набега на Сирию, добавляет: «На тех скифов, которые ограбили Аскалонский храм, и на все потомство их божество ниспослало женскую болезнь (θήλα νοσος), так что скифы говорят, что они болеют вследствие этого поступка и что посещающие скифскую землю иностранцы видят, в каком положении находятся у них больные, которых называют энареями».

О «женской болезни» у скифов писали и другие авторы, отмечавшие ее распространенность среди высших слоев скифского общества. Псевдо-Гиппократ (*De æere*, 29) утверждает, что «этой болезни подвержены скифские богачи — не люди самого низкого происхождения, а, напротив, самые благородные и пользующиеся наибольшим могуществом». Аристотель (*Eth. Nic.*, VII, 7, § 6), по-видимому, полагает, что она была распространена среди скифских царей. Климент Александрийский (*Protrep.*, II, 24) называет легендарного царевича Анахарсиса «как человека, который сам сделался женоподобным в Элладе и стал учителем женской болезни для прочих скифов».

Попытки рационалистического объяснения «женской болезни» предпринимались еще в древности. Так, по Псевдо-Гиппократу (*De æere*, 29), «причина ее заключается в верховой езде». Как это ни удивительно, но его версия была принята на веру в наше время. А. П. Смирнов и С. А. Семенов-Зусер полагали, что «женская болезнь» у скифов — социальное или профессиональное заболевание — следствие имущественного неравенства [Смирнов А. П., 1934, стр. 23; Семенов-Зусер, 1939, стр. 188]. Столь же надуманно и объяснение Кречмера, который видел в ней результат сифилиса, которым якобы заразились скифы у гиеродул храма Афродиты [Kretschmer, 1923, стр. 938].

Существуют два правдоподобных объяснения сущности «женской болезни», которые, по мнению Ж. Дюмезиля, «к сожалению, мало совместимы друг с другом» [Dumézil, 1946, стр. 251]. Согласно первому, мы имеем здесь дело с травестизмом [Halliday, 1911, стр. 95—102; см. также: Толстов, 1948, стр. 324], согласно второму — с кувадой [Dawson, 1929, стр. 6; Семенов-Зусер, 1931, стр. 26; Семенов-Зусер, 1939, стр. 199—200; Vendryes, 1934]. Отнюдь не отрицая наличие элементов травестизма в комплексе черт, присущих энареям — одной из категорий скифского жречества [подробно об этом см.: Хазанов, 1973 б], можно все же привести дополнительные аргументы, свидетельствующие о наличии у скифов обычая кувады.

В нартском эпосе рассказывается о чудесном рождении героя Батрадза. Его отец Хамыц женился на девушке из рода Бицента, происходящего от обитателей водного царства — донбетров. На время с восхода солнца до заката же-

на Хамыца обращалась в лягушку. Коварный Сырдон устроил так, что нарты узнали ее тайну, и она вынуждена была вернуться к родным. Свою беременность — а она была беременной — жена Хамыца волшебным образом передала мужу, поместив зародыш между его лопатками. В должное время опухоль на спине Хамыца разрезали, и из нее появился Батрадз [Нарты, 1955, стр. 146 и сл.]. Существуют различные варианты легенды, но во всех Батрадз появляется на свет из спины Хамыца.

Ж. Дюмезиль комментирует эту легенду следующим образом: «Во всех вариантах сохраняются два существенных момента: Хамыц поражен, притом самым очевидным образом, некоей болезнью, и эта болезнь вполне заслуживает названия $\theta\eta\lambda\epsilon\alpha\ \nu\omicron\upsilon\sigma\omicron\varsigma$, „женской болезни“, так как опухоль или нарыв скрывают беременность и кончаются родами. Более того, это временное недомогание, беременность возложены на него, если не как наказание за ошибку, совершенную им самим, то по крайней мере как следствие поступка (кража маскирующей одежды, болтливость, оскорбление), совершенного „злодеем-родственником... Эта эпическая традиция близка к тому, что рассказывали греки о „женской болезни“, поразившей скифских басилевсов за оскорбление святилища Афродиты Небесной» [Dumézil, 1946, стр. 253—254].

Наконец, о существовании у скифов кувады, может быть, свидетельствует замечание Страбона (III, 4, 17) о том, что «нравы кельтских племен также общие с таковыми фракийских и скифских племен; общие черты касаются мужества, именно мужества женщин, так же как и мужчин. Например, эти женщины обрабатывают землю, а после родов укладывают своих мужей вместо себя и ухаживают за ними; нередко они рожают во время полевых работ и тогда отходят в сторону к какому-нибудь источнику и сами моют и пеленают ребенка».

Изложенные данные позволяют допускать наличие у скифов какой-то разновидности кувады, хотя настаивать на этом категорически я бы не решился. Тем более трудно определить, что представляла собой «женская болезнь». Но при всех обстоятельствах можно ли рассматривать гипотетическое бытование кувады в скифском обществе как свидетельство или пережиток былой матрилейности?

По Э. Тэйлору, кувада не встречается только у народов с материнским счетом родства [Tylog, 1889, стр. 254—256]. Хотя теперь и известно несколько исключений (например, макуши, араваки, меланезийцы о-ва Новая Ирландия), в основном его мнение остается в силе. В свое время я высказал предположение, что в основе кувады лежат магические воззрения, которые во многих обществах в дальнейшем были

переосмыслены как обычай, подчеркивающий отцовские права на ребенка [Хазанов, 1968].

Однако, каким бы ни было происхождение обычая кувады, само по себе оно еще не объясняет, почему в некоторых обществах с долгой и устойчивой патрилинейностью его пережитки удерживаются на протяжении длительного времени, в то время как в других они отсутствуют или сравнительно быстро и бесследно исчезают. Очевидно, на это имеются специфические для каждого общества причины. Надо согласиться с представителями функциональной школы, подчеркивавшими, что пережиток сохраняется лишь в том случае, если он отвечает каким-то общественным потребностям и при этом претерпевает соответствующую трансформацию.

Кувада, при условии что она действительно существовала у скифов, еще не является доказательством их перехода от матрилинейности к патрилинейности, тем более в сравнительно недавнем прошлом. К тому же практиковалась она, по-видимому, в основном лишь в высших слоях общества (царский род, жречество) — именно к ним относится большинство упоминаний обычая в письменных источниках — и, возможно, подверглась значительному религиозному переосмыслению. Наконец, вопреки мнению Ж. Дюмезиля, я не вижу препятствий для допущения, что в скифской религиозно-жреческой практике, в частности в энарейском комплексе, какие-то стороны кувады могли переплестись с элементами травестизма.

Таким образом, письменные источники, равно как и археологические, не дают оснований допускать наличие сколько-нибудь значительных и, главное, реальных пережитков матриархата и даже простой матрилинейности в скифском обществе.

Формы собственности и порядок наследования

Собственность на скот и движимое имущество. Данный раздел касается только собственности на скот и движимое имущество. Вопрос о собственности на землю (пастбища) связан с до сих пор дискуссионной проблемой земельной собственности у кочевых народов вообще. Применительно же к скифам, причем не только кочевникам, но и земледельцам, на нем не имеет смысла останавливаться, пока не будут определены уровень их общественного развития и основные формы социальной организации, чему посвящены следующие главы.

Имеются серьезные основания полагать, что скот, повозки с передвижными жилищами и прочее движимое имущество составляли у скифов частную собственность. В «Токса-

рисе» Лукиана (Тох., 45—46) боспорский царь прямо спрашивает скифа Арсакома: «А сколько у тебя, Арсаком, стад или телег? Ведь в этом заключается ваше богатство». Далее простой и незнатный Арсаком противопоставляется одному северокавказскому аристократу, который имел «десять золотых чаш, восемьдесят четырехместных повозок и множество овец и быков».

Частной собственностью становилась и военная добыча после ее раздела. По Геродоту (IV, 64), скиф, убивший врага в сражении и в доказательство этого представивший его голову, имел право на долю добычи. Лукиан же добавляет (Тох., 36), что за пастбища и добычу скифы ведут постоянные войны.

О весьма развитом институте частной собственности свидетельствует также глубокое имущественное неравенство, хорошо прослеживающееся на материале скифских погребений. О нем же прямо сообщают Геродот (IV, 65), Псевдо-Гиппократ (*De aëre*, 30), Ппндар (fr. 105, Schol. ad Arist. *Avv.*, 945) и Лукиан (*Scyth.*, 1). Показательно, что градации в имущественном положении кочевников-скифов упомянутые авторы прямо связывают с наличием у них верховых и транспортных животных и передвижных жилищ, а также с их количеством.

Собственность на скот и движимое имущество у древних кочевников евразийских степей. Частная собственность на скот отмечается не только у скифов, но и у других древних кочевников евразийских степей. Применительно к хунну подобный вывод был сделан В. С. Таскиным в результате анализа китайских письменных источников [Таскин, 1968, стр. 31—33]. Про ухуаней эти источники сообщают, что у них «от старейшины до последнего подчиненного каждый пасет свой скот и печется о своем имуществе» [Бичурин, 1950, т. I, стр. 143], про усуней — что «в их владении много лошадей и богатые содержат их от 4000 до 5000 голов» [там же, т. II, стр. 190]. Жуаньжуанский правитель Чэуну за успешное шаманство наградил мужа одной шаманки 3000 голов быков, лошадей и овец [там же, т. I, стр. 197].

На основании археологических данных частную собственность на скот доказывают для алтайских племен С. И. Руденко [Руденко, 1953, стр. 255—256; Руденко, 1960, стр. 238—241], а для савроматов — К. Ф. Смирнов (Смирнов К. Ф., 1964, стр. 199—200]. Более того, некоторые археологи предполагают ее становление в евразийских степях и многих других регионах Старого Света уже в эпоху бронзы [Childe, 1951, стр. 69; Сорокин В. С, 1959, стр. 10 и сл.], и такое предположение в некоторых случаях кажется мне вполне вероятным и для еще более раннего времени.

Вывод о том, что частная собственность на скот господ-

ствовала уже у древних кочевников, представляется важным не только для оценки общего уровня их развития. Существует мнение, что ее становление у них происходило только начиная с III—II вв. до н. э. или даже с еще более позднего времени [Черников, 1960, стр. 21]. Однако приведенные материалы показывают, что в этом отношении между древними кочевниками и кочевниками средневековья и нового времени не было существенных различий.

Надо думать, что становление частной собственности на скот ее только предшествовало развитию кочевого скотоводства, но и было одной из его предпосылок. Специфика скотоводства и животноводства как особых форм производительной деятельности, с одной стороны, и особенности скота как движимого имущества — с другой, явились причинами того, что, за редчайшими исключениями, скот всегда находился в частно-семейной или индивидуальной собственности³³. Затрата рабочей силы в экстенсивном скотоводстве в целом меньше, чем в земледелии, но зато уход за животными меньше обезличен. Очевидно, «парцеллярный труд как источник частного присвоения» [Маркс, наброски ответа на письмо В. И. Засулич, стр. 419], сделавший возможным накопление богатств, в данном случае скота, явился одним из стимулов в освоении безбрежных степных пространств.

Порядок наследования. В порядке наследования необходимо различать по меньшей мере три стороны: наследование линейности и родства, наследование социального статуса, ранга и привилегий и наследование имущества. Правила, по которым они происходили, далеко не всегда совпадали в одних и тех же обществах.

О линейности и счете родства у скифов уже говорилось. О наследовании социального статуса у них известно лишь, что царская власть, как правило, переходила по мужской линии — от отца к сыну (см. гл. V). Порядок наследования имущества наиболее тесно связан с семейными отношениями.

Можно полагать, что у скифов существовало представление не только о семейном, но и о личном имуществе, причем последнее могло достигать значительных размеров. По-видимому, как и у других кочевников, у скифов часть скота находилась не в семейной, а в личной собственности. Судя по материалам погребений, личную собственность составляли также оружие, орудия производства и украшения. Геродот (IV, 68—69) сообщает, что имущество, точнее, богатство, состояние (*τα χρήματα*) казненного клятвопреступника переходило к доказавшему его вину человеку. Из легенды о происхождении савроматов также явствует, что взрослые сыновья имели закрепленную за ними долю семейного имущества (*ἢ υ-τήαις, τα χηματα*), а семейное пра-

во допускало выдел детей еще при жизни родителей.

Порядок раздела семейной собственности у скифов неизвестен. В связи с этим определенный интерес приобретает вопрос о наличии у них минората.

Существовал ли у скифов минорат? Многие исследователи уверены, что наличие у скифов минората является твердо установленным фактом [Артамонов, 1947а, стр. 72; Руденко, 1953, стр. 253; Елагина, 1963, стр. 77; Шелов, 1972, стр. 69]. Подобная уверенность позволяет им делать ответственные выводы о скифской социальной организации. Б. Н. Граков, например, полагал, что в раннее время наследником, по-видимому, был младший сын. Происхождение самого обычая он усматривал в неравноправном положении отдельных царских жен (?) [Граков, 1971, стр. 37]. По мнению Д. С. Раевского, «исходя из скифской этногонической легенды с ее ярко выраженной традицией минората, можно предположить, что в Скифии обычным было выделение старших сыновей, тогда как младший становился наследником отцовского очага, хозяйства и усыпальницы» [Раевский Д. С, 1971, стр.63].

Правда, раздаются и более осторожные голоса. Так, И. В. Яценко, хотя и констатирует у скифов минорат, все же справедливо оговаривает, что судить по повествованию Геродота, насколько был распространен этот институт, нельзя [Яценко, 1959, стр. 102—103]. И действительно, все выводы относительно скифского минората базируются исключительно на материале двух версий скифской этногонической легенды в передаче Геродота. Согласно первой, упавшими с неба золотыми дарами смог овладеть лишь младший из трех братьев — Колаксай, ставший основателем царской династии. Согласно второй версии, только младший из трех братьев, Скиф, смог выдержать испытание — натянуть лук, оставленный его отцом Гераклом, — и поэтому стал основателем царской династии.

Прежде чем решать, насколько репрезентативным является материал легенды, необходимо остановиться на сущности института минората [см. об этом: Elton, 1882, стр. 183 и сл.; Frazer, 1919, т. II, стр. 428—566; Ковалевский, 1886, стр. 324—340; Ковалевский, 1939, стр. 121—122; Мелетинский, 1958, стр. 64—160; Бикбулатов, 1971, стр. 68—70]. Минорат наблюдается преимущественно в тех обществах, в которых отсутствуют большие расширенные семьи, а старшие дети еще при жизни родителей отделяются, чтобы образовать собственные семьи с самостоятельным хозяйством. При таких обстоятельствах с родителями обычно остается младший сын, естественно являющийся их преимущественным наследником, а иногда также хранителем семейного культа, семейных святынь и реликвий. Отдельные проявления минората наблюдаются на сравнительно ранних стадиях

развития, но наиболее характерен он для тех обществ, в которых основной ячейкой являются малые семьи и семьи, включающие в свой состав лишь одного из сыновей (ограниченно-расширенные семьи). Нередко это было сопряжено с распадом больших расширенных семей.

Известно, что в различных обществах в числе многих факторов на форму и численность семьи существенное влияние оказывает господствующая система хозяйства. Выше уже отмечалась вероятность наличия у скифов малых или численно небольших расширенных семей. Применительно же к кочевникам вообще вполне можно согласиться с Дж. Фрэзером, писавшим: «У пастушеских народов... широкий территориальный простор, необходимый для жизни племени кочевых овцеводов или скотоводов, дает полную возможность сыновьям по мере их подрастания начать самостоятельную кочевую жизнь с собственными стадами, тогда как младший сын остается до конца при стариках, кормит их и поддерживает на склоне лет, а когда они умирают, становится наследником их имущества» [Frazer, 1919, т. I, стр. 482—483].

Ряд материалов подтверждает известное распространение минората у кочевников средневековья и нового времени. Рашид ад-Дин писал: «Издrevле у монголов и тюрков был такой обычай, что еще при жизни выделяют своих старших сыновей и дают им [добро], скот и [стадо овец]» [Рашид ад-дин, 1960, т. II, стр. 107]. У средневековых монголов, по свидетельству Рубрука, «двор отца и матери достается всегда младшему сыну. Отсюда ему надлежит заботиться о всех женах своего отца, которые достаются ему с отцовским двором...» [Путешествия Плано Карпини и Рубрука, 1957, стр. 101]. У калмыков минорат был отмечен не только в сфере наследования имущества. Известны случаи, когда зайсанги завещали свои аймаки не старшим сыновьям, а младшим [ЦГА КА-ОСР, ф. 1, оп. 1, д. № 176, 1821]³⁴. В. Радлов писал, что богатый казах «старается при жизни сделать самостоятельными старших сыновей: выделяет старейшему значительную часть скота и покупает ему новое зимовье. Если до конца дней отца все живут вместе, происходит равный раздел, но это бывает редко, так как невыгодно младшему сыну.

Наследником оставшегося имущества и отцовского жилища является младший сын... Если скот увеличится настолько, что старого жилья больше не хватает, то согласно киргизскому (казахскому.—Л. Х.) обычаю старший брат должен приобрести новое жилье, а младший ему помогает лишь частично... через некоторое время то же может повториться со следующими по старшинству и т. д., пока наконец только младший останется в отцовском жилище»

[Radloff, 1884, стр. 416; см. также: Народы Средней Азии и Казахстана, 1963, стр. 433].

Сходная картина наблюдалась у западных бурят [Басаева, 1972, стр. 40—41]. У киргизов младшему сыну доставалась отцовская юрта и несколько большая доля имущества [Абрамзон, 1971а, стр. 258].

Таким образом, принципиальная возможность существования у скифов минората едва ли подлежит сомнению. Но одно дело возможность, другое — ее реализация на практике. Собственно говоря, в скифской этногонической легенде говорится не о наследовании имущества, а о наследовании власти, и не столько о ее наследовании, сколько о первоначальном возникновении и утверждении. Между тем имеются основания полагать, что в исторический период царская власть у скифов отнюдь не переходила от отца к младшему сыну. Так, трудно допустить, чтобы царь Скил был моложе своего брата Орика, сына скифянки Опии, одной из жен его отца Ариапифа, доставшейся ему по обычаю левирата (Her., IV, 78).

П. Н. Шульц выдвинул довольно правдоподобное предположение, что на мраморном рельефе, найденном в 1827 г. в окрестностях Симферополя, изображены царь Скилур и его сын — будущий царь Палак [Шульц, 1946]. Если оно верно, то Палак вряд ли мог быть младшим сыном Скилура, имевшего, как известно, не то 50, не то 80 сыновей (Strabo, VII, 4, 3; Plut., Reg. et imp. arorphth. Scil.) На рельефе он изображен не мальчиком, а уже взрослым, хотя и молодым человеком.

Надо принять во внимание еще некоторые обстоятельства. Во-первых, в отличие от майората с его ярко выраженной социально-правовой стороной минорат в своей основе является главным образом имущественно-бытовым институтом. Даже в тех обществах, где он был зафиксирован, в наследовании статуса, ранга, титула и т. д. обычно соблюдался принцип старшинства. У тех же самых калмыков, у которых минорат получил довольно широкое распространение, наследником власти хана считался старший сын. Один из сыновей хана Аюки объяснял в 1731 г. Анне Иоанновне: «А в нашем калмыцком обыкновении [сыну] последней жены не надлежало быть ханом, но первой жены и первому сыну надлежало быть ханом» [Пальмов, 1929, ч. III и IV, стр. 119, 121].

Во-вторых, нередко минорат был распространен в низах общества, в то время как в верхах господствовал майорат. Еще один из первых исследователей этого обычая, Я. Grimm, отмечал, что в Германии привилегия первородства встречается главным образом у князей и королей, а минорат — у крестьян [Grimm, 1881, стр. 475]. В-третьих, минорат ни-

когда и ни у одного народа не был абсолютно господствующим принципом наследования. По всем изложенным причинам утверждение, что в скифском обществе наследником обязательно был младший сын, остается неаргументированным применительно к любому периоду реальной скифской истории.

Но главное даже не в этом, а в специфике единственного дошедшего до нас свидетельства о «скифском минорате» как произведения фольклорного жанра. Известно, сколь распространены у самых различных народов сказки о младшем брате, торжествующем над старшими [применительно к Европе см.: Thompson, 1932—1936; Андреев, 1929]. В свое время представители антропологической школы в фольклористике полагали, что сказочный юниорат является прямым отражением реального минората, существовавшего в прошлом в тех обществах, где отмечены подобные сказки [см., например, Mac Culloch, 1905, стр. 350—380]. Из подобной же посылки исходят и те исследователи, которые на основе этногонической легенды утверждают наличие минората у скифов. Однако в фольклористике воззрения антропологической школы давно и решительно отброшены.

Е. М. Мелетинский, исследовавший происхождение сказок о младшем брате, пришел к выводу, что идеализацию младшего сына в волшебной сказке нельзя считать отражением минората. Напротив, она возникает только тогда, когда в обществе укрепляется майоратный принцип наследования, приводящий к обездоливанию младшего сына. Майорат в гораздо большей мере, чем минорат, бытовая основа его идеализации, а сказки отражают общественное мнение, протестующее против этого принципа [Мелетинский, 1958, стр. 107 и сл.].

Однако тема младшего брата встречается не только в волшебных сказках, но и в мифах и легендах. Они представляют собой особый фольклорный жанр, обладающий собственной спецификой и закономерностями развития. Относительно легенд выводы Е. М. Мелетинского значительно менее определены и однозначны. Тут допускается и прямое отражение реально существовавшего минората, и влияние волшебной сказки, и иные причины идеализации. В частности, про скифскую этногоническую легенду ученый пишет: «В подобных генеалогических сказаниях еще труднее, чем в мифах, объяснить предпочтение младшего, выяснить, в какой мере они отражают существовавший порядок и каково влияние на них народной сказки» [там же, стр. 129]³⁵.

В литературе уже давно отмечалось, что в скифской легенде имеются сказочные мотивы [Клингер, 1903; Алу, 1921, стр. 113 и сл.]. Эти мотивы в первую очередь представлены темой состязания трех братьев, победителем из которого вы-

ходит младший. Не исключено, что именно из сказки проник в скифскую легенду и сам мотив младшего брата. Возможны и иные объяснения, не исключаящие первое. Мотив младшего брата встречается в мифах и легендах многих индоевропейских народов, например в мифах древних греков (Кронос — младший сын Урана, а Зевс — Кроноса), в македонской генеалогической легенде (Her., VIII, 137— 138), в Ригведе и Махабхарате, в Шахнаме (Феридун и Иредж), в эпосе древних скандинавов. Даже в сюжетно-смысловом отношении они имеют иногда много общего со скифской легендой. Все эти совпадения едва ли случайны. Существует мнение, что ультимогенитура в подобных произведениях отражает порядок наследования, существовавший во времена индоевропейской общности [Gerschel, 1956, стр. 55 и сл.]. Но возможно, она отражала в легендарной форме присущую индоевропейцам троичную социальную стратификацию.

Возвращаясь к скифам, я хочу еще раз подчеркнуть следующее. То, что известно об их обществе, допускает принципиальную возможность наличия у них минората. Но никаких подтверждений его в источниках нет, а привлечение в качестве доказательства данных этногонической легенды неправомерно. Таким образом, ответить на вопрос, поставленный в заглавии раздела, невозможно.

ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Различные формы социальной организации скифов, особенно ее низшие и средние звенья, пожалуй, хуже всего освещены источниками. Поэтому предлагаемая реконструкция ее общих контуров — ни о каких деталях говорить, конечно, не приходится — является во многом гипотетической, основанной отчасти на отдельных свидетельствах греческих авторов и том немногом, что может дать для этой темы археология, отчасти на сравнительно-этнографическом материале, а иногда и просто на дедукции. И все же игнорировать вопрос о структуре скифского общества в работе, посвященной его социальной истории, невозможно.

Низшие звенья социальной организации

Данные письменных источников. По словам Геродота (IV, 73), в случае смерти одного из скифов «ближайшие родственники (οἱ ἀγγιστάτω προσήκοντες) обвозят покойника на повозке по всем его друзьям (κατὰ τοὺς φίλους); каждый из «их устраивает угощение провожатым, причем и покойнику предлагает из всех тех яств, что и другим. Частных лиц возят таким образом сорок дней, а затем хоронят». Скифский обычай интересно сравнить с тем, что Геродот (IV, 26) рассказывает про исседонов. У них «если у кого умрет отец, то все родственники (οἱ προσήκοντες πάντες) пригоняют к нему скот» и в дальнейшем принимают участие в похоронах. Также и у массагетов в похоронах принимают участие все родственники, а не только ближайшие (Her., I, 216).

Получается, что у скифов: 1) непосредственная организация похорон — обязанность не всех, а только ближайших родственников; 2) помимо ближайших родственников в похоронах фигурируют также «друзья» покойного, но их функции ограничиваются лишь материальным участием в поминках; 3) круг этих «друзей» весьма широк, поскольку их объезжают в течение 40 дней.

В другом месте своего труда (IV, 65) Геродот употреб-

ляет слово «οἰκτίοι», которое обычно переводится как «родственники» [Геродот, 1888, стр. 331—332; Латышев, 1947, № 2, стр. 269—270; Геродот, 1972, стр. 203] и в этом своем значении действительно употребляется Геродотом [Powell, 1938, s. v.]. Но главное, что эти «родственники» выступают уже совсем в иной роли. Рассказывая о том, что из черепов убитых врагов, притом не всех, а злейших, скифы изготавливают чаши для питья, Геродот добавляет: «Так поступают они и «с родственниками (ἐκ τῶν οἰκτίων), если рассорятся с ними и если перед лицом царя один одержит верх над другим. Когда явятся гости, которым скиф желает оказать внимание, то он приносит такие черепа и рассказывает, что это были его родственники, но вступили с ним в борьбу и он одержал верх над ними. Это рассказывается как геройский подвиг».

Приведенное сообщение очень трудно для понимания. Причины, делающие из родственников злейших врагов, убийство которых рассматривается как геройский подвиг, не названы. Неясно, перед лицом какого именно из скифских царей-басилевсов происходили поединки родственников. Но, главное, неясно, что же следует понимать в данном случае под словом «οἰκτίοι».

Тот же термин «οἰ οἰκείοι» применительно к скифам употребляется Лукианом (Тох., 47, 48), но совсем в других ситуациях. По Лукиану, родственники активно помогают желающему отомстить за обиду; составленное из родственников войско является наиболее стойким в бою; сила и влияние человека наряду с собственной доблестью и наличием у него друзей-побратимов определяются также числом его родственников.

Таково то немногое, что удастся извлечь из письменных источников относительно низших звеньев скифской социальной организации.

Опыт реконструкции: Низшим звеном социальной организации в любом первобытном и традиционном обществе была семья¹, в любом кочевом обществе — тоже. Поэтому с полной уверенностью надо допустить аналогичную ее роль и у скифов. Если предположение, сделанное в предыдущей главе, правильно, то у кочевых скифов преобладали численно небольшие малые и расширенные семьи, одновременно являвшиеся основными экономическими ячейками общества, владельцами скота и движимого имущества.

Из этнографических материалов хорошо известно, что следующим таксономическим звеном у кочевников являются различные типы семейно-родственных групп, состоящие из отца и отделившихся от него сыновей, братьев или других ближайших родственников и т. д. Именно для таких групп, основанных на узах кровного родства, больше, чем

для любых других, были характерны черты взаимопомощи и взаимоподдержки. Обычно семьи, входившие в подобные группы, кочевали вместе или поблизости друг от друга, в зависимости от конкретных обстоятельств составляя ядро кочевой общины или же являясь ее составной частью.

Возможно, под «ближайшими родственниками», которые, по Геродоту, принимали наиболее активное участие в похоронах умершего скифа, надо подразумевать именно членов подобной семейно-родственной группы. Вопреки мнению Н. Г. Елагиной [Елагина, 1963, стр. 77], здесь явно имеется в виду не семья, потому что Геродот, как правило, употребляет слово «οὐ πρόσθεντες» для обозначения более широкого круга родственников (ср.: Her., I, 216; II, 85, 86, 90, 120; III, 14, 24; IV, 14, 26; V, 4; VI, 57, 75, 128) [см. также: Powell, 1938, s. v.]. Вместе с тем в отличие от массагетов и исседонов, у которых непосредственное участие в похоронах принимали все родственники, у скифов это был долг только ближайших из них. Только они обвозили покойника по всем его «друзьям», а затем хоронили. Судя по материалам Никопольского могильника, на тризне при похоронах рядовых скифов поедалось всего от 1 до 3 коней [Граков, 1962, стр. 82]. Выходит, что число лиц, пировавших на ней, было не слишком большим. Следовательно, предположение о том, что οὐ πρόσθεντες скорее всего являлись семейно-родственной группой, не противоречит и археологическому материалу.

Не исключено, что аналогичные семейно-родственные группы прослеживаются и на археологическом материале, относящемся к земледельцам лесостепи и к оседавшим на землю кочевникам. На Западном Вельском городище раскопаны три крупные жилые землянки, связанные с зольником, имевшим культовый характер [Архив ИА АН УССР, инв. № 1958/30, 1959/70]. На Каменском городище обнаружено несколько больших многокомнатных домов, расположенных поблизости друг от друга и также связанных общим культовым сооружением [Граков, 1954, стр. 63, 170].

В функциональном отношении семейно-родственные группы у скифов могли соответствовать тем, которые М. О. Косвен именовал патронимиями [Косвен, 1963, стр. 91 и сл.], а Дж. Мэрдок [Murdoch, 1965, стр. 65 и сл.] и вслед за ним М. В. Крюков [Крюков, 1967] — кланом.

Для представления о следующих звеньях социальной организации кочевых скифов вновь приходится обращаться к этнографическому материалу. Для кочевников характерна многоступенчатость всех ее уровней, в том числе и низшего. Семейно-родственные группы входят в состав более широких, основанных на отдаленном родстве, те, в свою очередь, в подразделения следующего таксономического уровня и т. д.

Наличие у скифов подобной структуры можно только предполагать, но строго обосновать это предположение невозможно. Одним из ее подразделений, например, могли быть весьма многочисленные и территориально разбросанные «друзья», которые хотя и не принимали непосредственного участия в похоронах, но все же отдавали дань уважения умершему. Несмотря на то что Геродот употребляет слово «ὁ φίλος» довольно однозначно, я все же полагаю, что в данном случае речь у него идет не о друзьях в современном смысле слова. Сомнительно, чтобы в скифском обществе дружеские связи могли настолько превалировать над родственными, чтобы подменять их даже в погребальном обряде. Ведь если следовать за Геродотом буквально, то получается, что дань умершему отдавали только его ближайшие родственники и «друзья». Нельзя также думать, что под «друзьями» имеются в виду побратимы. Немного дальше я специально остановлюсь на обычае побратимства у скифов, пока же отмечу, что, по Лукиану (Тох., 37), побратимами могли стать не более трех человек.

Скорее всего под «друзьями» Геродот подразумевает не ближайших родственников, а более широкий их круг, сородичей или какую-то их часть, живших разбросанно и в соответствии со своей отдаленной степенью родства с покойником принимавших лишь ограниченное участие в его похоронах. Конечно, не исключено, что имеются в виду не родственники, а члены каких-то объединений, основанных на ассоциативных связях. Но те немногие намеки на существование последних, которые можно извлечь из источников, еще меньше поддаются соотнесению со словами Геродота, чем предложенное толкование.

Мое понимание «οἱ φίλοι» как какого-то круга отдаленных родственников не противоречит предположению Н. Г. Елагиной, усматривающей в них членов кочевой общины [Елагина, 1963, стр. 78—79]. Община кочевников имеет ряд общих черт с соседской общиной земледельческих народов, но формально она выступает как организация, основанная на принципах родства, и поэтому соответствует одному из его уровней.

Однако как в таком случае трактовать сообщение Геродота о столкновениях «родственников»—«οἱ οἰχῆριοι», ставших злейшими врагами? Ведь если понимать его буквально, то напрашивается вывод о далеко зашедшем распаде в Скифии родственных связей.

Сообщение комментируют различным образом. А. С. Лаппо-Данилевский полагал, что слово «οἰχῆριοι» в данном случае следует понимать в обыкновенном смысле, *cognatus*, а не *compatriotes*. По его мнению, «οἱ οἰχῆριοι» — это домочадцы, родственники, живущие в доме, а то, что их убивают

в поединке перед царем, указывает на ограниченность власти главы семьи [Лаппо-Данилевский, 1887, стр. 495]. Однако с этнографической точки зрения подобные внутрисемейные конфликты крайне маловероятны. И. В. Яценко и присоединившаяся к ее мнению Н. Г. Елагина усматривают здесь борьбу между родственниками, сородичами за наследство или семейное имущество [Яценко, 1959, стр. 107; Елагина, 1963, стр. 78]. Подобное мнение кажется слишком произвольным. О борьбе за наследство у Геродота не говорится ни слова. К тому же такие вопросы в кочевых обществах, да и в других, в стадильном отношении близких скифскому, как правило, регулируются обычным правом, а не вооруженными поединками. Наконец, с этнографической точки зрения вооруженные конфликты не только между домочадцами, но и между сородичами, притом конфликты не единичные, а принявшие массовый характер, раз их пришлось регламентировать, тоже кажутся сомнительными.

Наиболее вероятным представляется мнение М. И. Артамонова, предположившего, что под «οί οίκῆοι» надо понимать соотечественников, а разрешение их конфликтов путем поединка перед лицом басилевса означало стремление регулировать кровную месть [Артамонов, 1972, стр. 64]².

Действительно, если допускать, что в конфликт были вовлечены близкие, кровные родственники, непонятно, почему их поединки должны были непременно совершаться перед лицом басилевса, кем бы он в данном случае ни был, а не перед вождями более низкого ранга, которые также обладали судебными полномочиями (Luc, Anach., 11). Однако для разрешения тех конфликтов, о которых сообщает Геродот, их авторитета и власти, очевидно, было недостаточно. Поэтому можно предположить, что вовлеченные в конфликт лица не были ни близкими родственниками, ни сородичами, ни тем более членами семейно-родственных групп. И все же для определения их Геродот счел возможным употребить слово «οίκῆοι», указывающее на их родство. Вероятно, это родство ощущалось и самими участниками конфликта, но как родство фиктивное, генеалогическое, связывающее у кочевников всех членов того или иного племенного объединения. Ведь в конечном счете все скифы считались потомками Таргитая и его сыновей!

Однако в подобной трактовке сообщения Геродота, несмотря на всю ее заманчивость, присутствует один сомнительный момент, несколько снижающий ее убедительность. Геродот употребляет слова «οίκῆος», «οίκῆοι» в значении «родственник», «родственники» 11 раз, и всегда речь у него идет о реальном кровном родстве (Her., I, 108; III, 33, 65, 119; IV, 65, 104; V, 5, 41; VII, 39). Правда, у других авторов оно нередко употребляется и в более широком смы-

сле [Дворецкий, 1958, т. II, стр. 1155; Liddell and Scott, 1966, s. v.], и остается предполагать, что также в более широком смысле употреблено оно в данном случае Геродотом. Но, конечно, такое предположение — всего лишь одно из многих возможных.

Род

Наличие у скифов родовой организации утверждают практически, все исследователи [Лаппо-Данилевский, 1887, стр. 495; Семенов-Зусер, 1931, стр. 13—14 и др.; Граков, 1947, стр. 28; Граков, 1971, стр. 34; Артамонов, 1947а, стр. 72—73; Яденко, 1959, стр. 108; Елагина, 1963, стр. 78—79; Тереножкин, 1966, стр. 47]. Разногласия существуют только относительно ее роли в скифской социальной структуре. Между тем письменные источники почти не содержат указаний на существование у скифов рода. Иногда под родами понимают четыре $\gamma\acute{\epsilon}\nu\eta$ из первой этногонической легенды [Граков, 1947, стр. 28; Елагина, 1963, стр. 80] — как я стремился показать, без достаточных оснований. Только Лукиан (Scyth., 1, 3) отмечает наличие в Скифии помимо царского и других знатных и незнатных родов.

Иногда предполагают, что существование рода в Скифии косвенно подтверждается практикой устройства над могилами курганных насыпей, так как работа такого объема якобы под силу лишь большому коллективу [Артамонов, 1948а, стр. 68; Либеров, 1950, стр. 84; Вязьмитина, 1962, стр. 233]. Однако, по Геродоту, непосредственное участие в похоронах рядового скифа принимали лишь ближайшие родственники, которые, кстати, вполне могли и сами воздвигнуть небольшую метровую насыпь. Поэтому в основном приходится полагаться на соображения общего порядка.

Наличие патриархального рода у иранских народов хорошо засвидетельствовано Авестой и некоторыми материалами более позднего времени [Дьяконов И. М., 1956, стр. 183—185; Дьяконов М. М., 1961, стр. 60—61; История таджикского народа, 1963, стр. 143—146; Периханян, 1968, стр. 38]. Род *vis* являлся важным звеном общественной структуры, занимая промежуточное положение между собственно семьей *ntana* и ведущей свое происхождение от реального общего предка семейно-родственной агнатной группой *nafah*, с одной стороны, и племенем *zantu* и племенным объединением, страной *dahyu* — с другой. «Дом (т. е. семья), род, племя, страна» — такова традиционная формула в Авесте. Зороастрийская традиция считала, что в племя должно входить не менее 30 семей, в род — не менее 15. Известны патронимические имена многих знатных родов.

Надо отметить, что уже во времена Авесты родо-племен-

ная организация у оседлых иранцев, особенно ее высшие звенья, постепенно сменялась территориальной. Но в древнейших частях памятника род еще выступает как важный общественный институт.

Если рассматривать Авесту как памятник, в известной мере отражающий общеиранское наследие, притом не только в духовной, но и в социальной сферах, то допустимо заключить, что род существовал и у предков скифов. В своем развитии они, по-видимому, отставали и от Восточного Ирана, и от Западного и, следовательно, должны были сохранять больше архаических черт в социальной организации. Возникает вопрос: как отразился на ней переход общества к кочевым формам скотоводства? В его решении вновь приходится опираться на сравнительно-этнографические материалы.

Различными исследователями неоднократно отмечалось, что почти неизменным атрибутом любого кочевого общества является наличие развитой и многоступенчатой родо-племенной структуры, бывшей, по-видимому, условием его нормального функционирования. Основой этой структуры повсеместно является тот институт который С. М. Абрамзон называет «генеалогическим родом» [Абрамзон, 1951], Е. Бэкон — «обоком» [Bacon, 1958], а Л. Крэдер — «генеалогическим кланом» [Krader, 1963, стр. 10]. Она имеет черты сходства и с «кониическим кланом» П. Кирхоффа [Kirchoff, 1955], но принцип генеалогического старшинства редко проводится у кочевников сколько-нибудь последовательно.

Даже с формальной стороны этот институт, за которым в советской этнографической литературе сохранилось не слишком удачное наименование «род», довольно сильно отличается от собственно рода (клана, сиба), каким он обычно реконструируется многими советскими исследователями для так называемой классической первобытности. Считается, что «классический род» представляет собой целостную структуру с четко определенными границами. Таковым он остается и в рамках более крупной структуры (фратриальной, племенной), образуя в ее пределах автономную подструктуру. Границы рода у кочевников значительно более расплывчаты и неопределенны. Между семьей и племенем существует целый ряд таксономических подразделений. Поэтому исследователи нередко находятся в затруднении, какое именно из них считать родом, тем более что последний даже терминологически не всегда отделяется от других подразделений.

Принцип кровного родства, на котором основан «классический род», не распространяется за его пределы. У кочевников же родственный (фактически псевдородственный) принцип охватывает всю общественную структуру, в которой родство сородичей выступает лишь как одна из отметок на

вертикальной шкале. Пожалуй, крайним случаем расширительного применения псевдородственного принципа являлись воззрения древних евреев, возводивших все человечество к одному предку — Адаму. Скифы в этом отношении были более умеренными. Но и их этногоническое предание, возводившее всех скифов к одному первопредку — Таргитаю, тем самым распространяло принцип генеалогического родства на все скифское объединение.

«Классический род» экзогамен. Род у кочевников может быть и эндогамным³, например у арабов, и агамным. Но и экзогамия в нем претерпевает существенные изменения. Распространяясь лишь на ограниченное число поколений, она становится действительным ограничителем брачных отношений между кровными родственниками. Религиозные функции «классического рода» для рода кочевников не обязательны.

Наконец, следует обратить внимание, что у кочевников отсутствует терминологическое разделение между унилинейными кровнородственными группами, исключаящими одного из супругов и включающими всех кровных родственников независимо от их местожительства, с одной стороны, и такими группами, которые, сохраняя унилинейное ядро, включают обоих супругов, но исключают кровных родственников, ушедших в результате брака за пределы данной группы. На практике же род у кочевников всегда выступает как совокупность отдельных семей, хотя женщины полностью инкорпорировались в род мужа лишь у маньчжуров, а у тюрко-монгольских кочевников — только частично [Krader, 19g3, стр. 341].

Подобный род присущ практически любому кочевому обществу. И трудно думать, что социальная структура скифов, в главном совпадающая с той, которая рисуется по данным этнографии для остальных кочевников (ср. легенду о Таргитае и его сыновьях), применительно к роду обладала принципиальными отличиями.

Те намеки в известиях Геродота и Лукиана, которые можно условно соотнести со скифским родом, позволяют заключить, что сородичи оказывали друг другу помощь в делах кровной мести, а вероятно, и в других ситуациях, что они совместно выступали в сражениях, скорее всего составляя войсковое подразделение. Возможное участие их в похоронах предполагает какие-то идеологические формы осознания своего единства. Не исключено, что крупные могильники IV—III вв. до н. э., принадлежавшие кочевым скифам, являлись родовыми кладбищами.

Наконец, руководствуясь сравнительно-этнографическими материалами, можно также допустить, что род или какие-то его подразделения имели отношение к владению пастбищно-кочевой территорией.

Вместе с тем имеются и намеки на определенное ослабление родовых связей в скифском обществе. Нельзя все же исключать возможности, что именно сородичи решали свои конфликты поединком перед лицом басилевса. Кроме того, обращает на себя внимание распространение в Скифии обычая побратимства.

*Обычай побратимства у скифов*⁴. Хотя этот обычай у скифов давно уже привлекает к себе внимание исследователей, мнения о нем расходятся довольно сильно. Одни рассматривают его как доказательство прочности родовых уз в Скифии [Артамонов, 1947а, стр. 73], другие, напротив, как свидетельство их распада [Тереножкин, 1966, стр. 38]. Наконец, выдвинуто предположение, что обычай был распространен преимущественно в дружинной среде [Мелюкова, 1950, стр. 31; Яценко, 1959, стр. 112].

Впервые обычай побратимства у скифов засвидетельствован Геродотом (IV, 70): «Если скифы заключают с кем-либо клятвенный договор, то поступают при этом так: в большую глиняную чашу наливается вино, к нему примешивается кровь договаривающихся, причем этим последним делают уколы шилом или небольшие разрезы ножом на теле, потом погружают в чашу меч, стрелы, секиру и метательное копьё. По совершении этого они долго молятся, затем пьют смесь как сами договаривающиеся, так и знатнейшие из присутствующих». Правда, о том, что сам обряд связан с побратимством, у Геродота не говорится. Но сопоставление его известия с рассказом Лукиана, сообщаящим ряд дополнительных подробностей, не оставляет в этом сомнений.

Скиф Токсарис из одноименной новеллы (L и с, Тох., 37) рассказывает: «Мы приобретаем себе друзей не на пирушках, как вы (т. е. греки.— А. Х.), и не потому, что известное лицо является нашим ровесником или соседом; но, увидев какого-либо человека хорошего и способного на великие подвиги, мы все устремляемся к нему, и то, что вы делаете при браках, мы делаем при приобретении друзей; усердно сватаемся за него и во всем действуем вместе, чтобы не ошибиться в дружбе или не показаться неспособным к ней. И когда какой-нибудь избранник сделается уже другом, тогда заключается договор с великой клятвой о том, что они и жить будут вместе, и в случае надобности умрут один за другого. И мы действительно так и поступаем; с того времени, как мы, надрезав пальцы, накапаем крови в чашу и, омочив в ней концы мечей, отдаем этой крови, взявшись вместе за чашу, ничто уже не может разлучить нас. В союзы дозволяется вступать самое большее трем лицам, (потому что, кто имеет много друзей, тот кажется нам похожим на публичных блудниц, и мы думаем, что дружба такого человека, разделенная между многими, уже не может быть столь прочной».

Тот же Лукиан (Тох., 1—8) засвидетельствовал существование в Скифии культа коракон — «божеств — покровителей дружбы» или же скорее прославившихся своей дружбой героев, которых греки отождествляли с Орестом и Пиладом⁵. Любопытно заметить, что традиция, связывающая Ореста и Пилада с Северным Причерноморьем, существовала в Греции по крайней мере с V в. до н. э., когда она была зафиксирована Эврипидом, а возможно, с еще более раннего времени⁶. По Лукиану (Тох., 5—7), в Скифии имелся даже храм Ореста и Пилада, точнее, их скифских аналогов. Его известие подтверждается Овидием (Ex Ponto, III, 2), который сообщает, что, по словам местного жителя, уроженца Тавриды, в Скифии почиталась дружба Ореста и Пилада.

Скифское побратимство нашло отражение и в иконографическом материале: обряд, описанный Геродотом и Лукианом, изображен на золотых нашивных бляшках из Солохи и Куль-Обы.

Приведенные материалы позволяют считать твердо установленным существование в Скифии обычая побратимства, по всей видимости получившего там широкое распространение. Очевидно, он нашел свое отражение и в скифской культовой практике в виде особых божеств или героев — покровителей дружбы, в честь которых совершались жертвоприношения. Сам обряд заключения побратимства (чаша с кровью заключающих дружбу, причащение в ней оружия) ясно указывает на имевшуюся в нем также сильную религиозно-магическую струю.

Однако вскрыть социальную подоплеку широкого распространения обычая побратимства на примере одного общества, даже более богатого источниками, чем скифское, трудно. Для того чтобы понять сущность побратимства как общественного явления, необходимо обратиться к сравнительно-историческому и этнографическому материалу.

Этот материал согласно свидетельствует о двух вещах. Во-первых, легко выясняется, что побратимство — обычай если не универсальный, то, во всяком случае, распространенный очень широко, буквально во всех частях света, за исключением Австралии. Во-вторых, так же легко заметить, что этот обычай, будучи чаще всего оригинальным в генетическом отношении, в самых различных обществах и в самые различные эпохи обнаруживает много общих типологических и особенно стадиальных черт.

В первобытном обществе и даже на начальном этапе его разложения этот обычай если и существует, то лишь в зародышевой форме, например в виде возрастных классов, члены которых, однозначно интегрированные в социальную систему, будучи ровесниками и совместно проходя инициации,

на протяжении всей жизни остаются тесно связанными и оказывают друг другу помощь и поддержку [см., например: Schurtz, 1902; Bernardi, 1952; Prins, 1953]. Но возрастные классы и сходные с ними институты — еще не настоящее побратимство. Принадлежность к ним и выбор партнеров определяются не индивидуальными склонностями, а автоматической принадлежностью к определенному коллективу, не говоря уже о возрастной группе. Для развития побратимства нужна индивидуальная личность, а она в первобытном обществе делала только первые шаги по пути своего становления [Кон, 1967, стр. 185 и сл.]

Своего расцвета побратимство достигает в относительно узких исторических пределах — в эпоху классового образования, чтобы затем, сохраняясь нередко в раннеклассовых обществах, быстро сойти на нет по мере дальнейшего общественного развития или же уцелеть в виде пережитка, своего рода этнографического реликта там, где для этого имеются благоприятные условия специфически локального порядка. Социологическое объяснение этому найти нетрудно. Эпоха классового образования — время крушения старых социальных связей, основанных на родственных узах. Сородичи и даже соплеменники не живут компактно, а разбросаны на довольно значительной территории. Кровнородственные группы эпохи классового образования несут в себе социальное и имущественное неравенство. В то же время индивид вступает в самые разнообразные отношения с более широким кругом лиц, чем прежде. Его социальные и экономические связи усложняются.

В таких условиях он ищет новые линии защиты, которые могли бы более эффективно охранять его интересы. Укрепляющихся соседских связей для этого явно недостаточно. Ведь соседские связи выступают как отношения не между индивидами, а между семьями, к тому же носят преимущественно территориально-экономический характер. Кроме того, соседской общине в любой ее форме присущи и свои внутренние противоречия. Центральная власть обычно также еще слишком слаба, чтобы взять на себя охрану всех интересов и прав индивида. Например, у скифов поединки перед лицом басилевса, какими бы причинами они ни вызывались, свидетельствуют о весьма архаических способах решения внутриобщественных конфликтов, а также о том, что роль центральной власти в их решении была не слишком велика — скорее регламентирующей, чем разрешающей.

Поэтому поиски новых социальных связей, целью которых является охрана интересов индивида, нередко выливаются в различные формы, имеющие сугубо личностный характер, т. е. выступающие как отношения между отдельными индивидами безотносительно к их кровнородственной или терри-

ториально-общинной принадлежности. Одним из примеров таких вновь возникших связей могут служить отношения между вождем и его дружинниками в варварских обществах. В них права и обязанности имеют двусторонний характер и определяются не родовой или какой-либо иной принадлежностью дружинника, а в первую очередь его принадлежностью к новой группе — дружине и, конечно, его статусом в ней⁷. Но это пример новых связей, возникающих по иерархическому принципу. Положение вождя и рядового дружинника неравно, неравны и их права и обязанности, хотя они все же носят двусторонний характер.

Наряду с иерархическими, в эпоху классовообразования возникают и иные личностные связи, в том числе такие, которые строятся на равенстве вовлеченных в них лиц. К числу именно таких связей и относится побратимство, отражающее важные сдвиги, которые переживает общество, крутую ломку прежних общественных отношений, а вместе с ними и старой системы ценностных ориентации. Нередко вновь возникающие социальные связи осмысливаются сквозь призму старых, кровнородственных. Отсюда и обряды, символизирующие искусственное установление кровного родства, отсюда и дожившая до нашего времени терминология (ср. русск. «побратимство», англ. «blood brotherhood», нем. «Bruderschaft», монг. «аньда» — «названные братья» и т. д.).

Впрочем, магическая обрядность, нередко сопровождавшая заключение побратимства, имела еще одну цель — укрепить вновь возникшие узы, сделать их неразрывными. Например, у баганда в Африке считалось, что нарушение клятвы на верность побратиму может привести к чрезвычайно опасным для нарушителя последствиям [Roscoe, 1911, стр. 268; Kagwa, 1934, стр. 134]. В этом же направлении действовало и общественное мнение. Предание индейцев-ассинобойнов повествует об отце, изгнавшем сына, который предал своего побратима, и о его друге, добровольно удалившемся в изгнание из солидарности со своим побратимом — предателем [Lowie, 1947, стр. 320].

Итак, побратимство — нечто большее, чем просто дружба; возникновение его отражает кризисную ситуацию в обществе. Сообщения Геродота и Лукиана об обряде заключения побратимства у скифов, об участии в нем знатных свидетелей, примеры благородства и верности в дружбе, о которых рассказывает у Лукиана Токсарис и которые, хотя бы частично, возможно, восходят к скифскому эпосу, показывают, что скифское общество в этом отношении не было чем-то из ряда вон выходящим. И в нем и религиозный ритуал, и общественное мнение согласно действовали для укрепления побратимства как нового вида социальных связей.

Вполне вероятно, что развитию побратимства в Скифии

способствовало ослабление родовых связей, которое предположительно устанавливается уже во времена Геродота. Благоприятствовала ему и обстановка постоянного военного напряжения, в котором находилось скифское общество. Походы, набеги, борьба за скот и пастбища, с одной стороны, вырабатывали определенный воинский этикет, неписаный кодекс чести, а с другой — диктовали необходимость сплочения на личностной основе, коль скоро кровнородственная оказывалась несостоятельной. Именно в такой военной обстановке укреплялись представления, подобные тому, которое бытовало у команчей. У них считалось, что побратима, «брата по оружию», следует спасти, даже если для этого придется бросить на произвол судьбы настоящего брата или отца [Linton, 1936, стр. 255—256]. Скиф Дандамис, позволивший выколоть себе глаза ради спасения из (плена друга Амизока, и Амизок, ослепивший сам себя из солидарности с побратимом (Luc, Tox., 39—41), не были, таким образом, исключением со сравнительно-исторической точки зрения.

Поэтому нельзя не признать, что все тот же Лукиан (Tox., 36), говоря от лица Токсариса, довольно точно объяснил причины, вызвавшие к жизни обычай побратимства: «У нас ведутся постоянные войны, мы или сами нападаем на других, или выдерживаем нападения, или вступаем в схватки из-за пастбищ и добычи; а тут-то именно и нужны хорошие друзья. Поэтому мы и заключаем самую крепкую дружбу, считая ее единственным непобедимым и несокрушимым оружием». Показательно, что у того же Лукиана побратимы выступают на помощь индивиду наряду с сородичами, но более действенно и активно.

Обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. Сведения о наличии побратимства в Скифии относятся к довольно узкому отрезку времени. Источники, которыми располагал Лукиан, восходят к VI—IV вв. до н. э., данные Геродота — середина V в. до н. э., бляшки из Солохи — середина, а из Куль-Обы — последняя четверть IV в. до н. э. [Брашинский, 1965, стр. 98, 104]. Более поздних сведений нет⁸. Заманчиво было бы думать, что это объясняется исчезновением или трансформацией обычая ввиду укрепляющихся классовых отношений и государства. Но вполне возможно, что все дело в неполноте наших источников.

Высшие звенья социальной организации

Анализ письменных источников. Передавая легенду о происхождении скифов, Геродот (IV, 7) заключает: «Так как страна (χωρη) была обширной, то Колаксай разделил ее на три царства (τριφασίας τας βασιληίας) для своих сыновей и

одно из них сделал гораздо больше других». Деление на три царства-басилеи, из которых одно являлось главным, было вполне реальным и сохранялось еще в конце VI в. до н. э., а возможно, и во времена Геродота. В войне с Дарием каждое царство выставило по отдельному войску во главе со своими басилевсами (Her., IV, 120).

Дальнейшие подробности административно-политического устройства Скифии Геродот сообщает, рассказывая (IV, 62) о культе бога Ареса. В каждой «области» по «округам» (*ката νομοῦς ἐκάστοισι ἐν τῷ ἀρχήῳ*) находилось святилище Ареса, представлявшее собой огромное, выше кургана, сооружение из хвороста с площадкой наверху, на которой водружался кумир бога — старинный железный меч-акинак. «Этому мечу они (скифы. — А. Х.) ежегодно приносят в жертву рогатый скот и лошадей и еще больше жертв приносят, чем другим богам, а именно: из числа пленных врагов приносят ему каждого сотого мужчину...»

Скифские «области» — *ἀρχαί* нигде больше в труде Геродота не фигурируют, во всяком случае, под тем же названием, но о *νομός* он упоминает еще раз (IV, 66), рассказывая следующее: «Ежегодно по разу каждый правитель в своем округе (дословно: каждый номарх в своем номе — *ὁ νομάρχης ἐκάστος ἐν τῷ ἐσούτῳ νομῷ*) приготавливает кратер вина, из которого пьют только те скифы, которые умертвили врагов⁹; те, которым не удалось этого сделать, не вкушают этого вина и, как обесчещенные, садятся отдельно; это для них величайший позор. Напротив, те из них, которым удалось убить очень много врагов, получают по два ковша и пьют из обоих разом».

Из приведенных отрывков вытекает, что помимо царств — *βασίλεια* Скифия подразделялась на области или провинции (архэ) — *ἀρχαί*, а те, в свою очередь, на округа или номы — *νομοί*.

Большинство исследователей полагают, что под «номами» у Геродота скрываются отдельные племена [Артамонов, 1947а, стр. 74; Граков, 1954, стр. 17; Граков, 1971, стр. 34; Елагина, 1963, стр. 79; Тереножкин, 1966, стр. 48]. С. А. Семенов-Зусер приравнивал их даже к более мелким племенным подразделениям, сравнивал с калмыцкими хотонами [Семенов-Зусер, 1931, стр. 13—14; Семенов-Зусер, 1939, стр. 182—183]. Однако ном Геродота гораздо крупнее. Это явствует из анализа терминологии историка. Помимо Скифии слова «*νομός*» «*νομοί*» употребляются им только в двух случаях и всегда для обозначения основных, и притом крупных, административно-политических единиц [Powell, 1938, s. v.] — собственно номов Египта и податных округов державы Дария I, которые, как показал И. М. Дьяконов, соответствовали персидским сатрапиям [Дьяконов И. М., 1956,

стр. 342]. Если Геродот счел возможным применить слово «ном» к каким-то подразделениям Скифии, то, видимо, они не только играли важную роль в ее административно-политической структуре, но и были достаточно крупными.

Труднее установить, что представляли собой скифские архэ. Согласно одному мнению, они являлись наиболее крупными подразделениями базилей [How and Wells, 1912, т. I, стр. 326], согласно другому, ἀρχαί и βασιλῆαι — это одно и то же [Граков, 1954, стр. 17; Граков, 1971, стр. 34; Тереножкин, 1966, стр. 48]. Обе точки зрения возможны, если исходить только из терминологии, употребляемой Геродотом в различных местах его «Истории».

Необходимо подчеркнуть еще один момент, немаловажный для правильного понимания скифской общественной структуры. Из рассказа Геродота вовсе не следует, что три базилеи, в совокупности составлявшие триединое Скифское царство, охватывали только кочевую часть ее населения, хотя, по-видимому, в политическом и военном отношениях кочевники доминировали во всех базилеях (ср. хотя бы рассказ о войне с Дарием) и все они управлялись базилевсами из единого для всей Скифии царского рода (ср. первую версию этногонической легенды). Но давно уже отмечено, что там, где Геродот говорит о скифах вообще, без дальнейшей конкретизации, он обычно имеет в виду кочевников. Детали обоих его упоминаний о скифских номах в сопоставлении с описанием обычаев скифов, казалось бы, позволяют полагать, что номы в том виде, в каком они описаны Геродотом, скорее всего являлись какими-то формами социальной организации кочевой части скифского общества. Однако надо иметь в виду и то обстоятельство, что Геродот несколько раз подчеркивает общность обычаев у всех скифов. Поэтому невозможно установить, в какой мере деление на номы было присуще всем частям Скифии.

Помимо разделения Скифии на βασιλῆαι, ἀρχαί и νομοί Геродот сообщает еще об одном ее делении — на отдельные «этноты» — εἴνεα. По Геродоту, Скифию населяют шесть «этнотов». Начиная от Ольвии, «первыми живут каллипиды (καλλιπίδαί), являющиеся эллино-скифами (εἰόντες Ἑλλήνες Σκύθαι)», а выше их — другой «этнос», который именуется алазонами (Ἀλάξωνες)¹⁰. Последние, как и каллипиды, в прочих отношениях живут одинаково со всеми скифами, но сеют и употребляют в пищу хлеб, а также лук, чеснок, чечевицу и просо. Выше алазонов живут скифы-пахари (Σκύθαι ἀροτήρες), «которые сеют хлеб не для собственного употребления в пищу, а на продажу» (Her., IV, 17). К востоку от Борисфена-Днепра и вдоль него Геродот (IV, 18) помещает скифов-земледельцев (Σκύναι γεωργοί), еще восточнее — скифов-кочевников (Σκύναι νομάδες), ничего не сею-

щих и не пашущих (Her., IV, 19). Наконец, еще восточнее живут царские скифы (Σκύθαι βασιλείοι): «самые лучшие и многочисленные скифы, считающие прочих скифов своими рабами» (Her., IV, 20).

В других разделах четвертой книги Геродот еще несколько раз упоминает описанные им ранее εθνεα, но никаких новых этнографических сведений о них не сообщает, разве что делает еще более головоломным вопрос об их локализации.

Многие исследователи уже замечали, что Геродот назвал не все, а лишь некоторые из населявших Скифию «этносов» [Яценко, 1959, стр. 100—101; Мелюкова, 1963, стр. 72; Блаватский, 1969а, стр. 32]. Территория Скифии, им же самим определенная от Дуная на западе до Дона на востоке, явно больше, чем территория всех шести «этносов», вместе взятых. Кроме того, в рассказе Геродота (IV, 71) довольно неожиданно всплывает седьмой «этнос» — герры, живущие в одноименной местности и отдаленнейшие из всех подвластных царским скифам. В Геррах хоронят верховного царя после того, как тело его обвезут по всем подвластным царским скифам «этносам».

Нетрудно заметить, что оба различных деления Скифии — на βασιλῆια, ἀρχαί и νομοί и на εθνεα — проведены по различным критериям. В первом случае Геродот, несмотря на то что он употребляет греческую терминологию, передает деление Скифии в том виде, в каком оно было установлено самими скифами. Во втором — он смотрит на нее глазами греков-ольвиополитов. Описание различных «этносов» следует в порядке их близости к Ольвии, этнонимы их или греческие, а не местные, или вообще отсутствуют; вместо них — лишь указание на особенности хозяйственной деятельности данного «этноса» и его принадлежность к скифам. В последнем можно усматривать намек на этническое единство всех скифов [Harmatta, 1941, стр. 67]. Но, возможно, здесь имеется в виду их политическое единство, т. е. вхождение всех «этносов» в Скифское царство [Ebert, 1921, стр. 83—84].

Важно еще одно различие. В первом случае за основу принят административно-политический аспект, во втором — этнокультурный, правда проведенный далеко не последовательно, но все же всегда присутствующий в описании каждого из «этносов».

Но прежде всего о самом термине «ἔθνος», как он употребляется Геродотом. В его «Истории» он встречается 145 раз, причем лишь дважды в значении «словосочетание». В остальных случаях он может означать и народность в целом, и племенной союз, и отдельное племя [Поплинский, 1973, стр. 132—133; см. также: Powell, 1938]. Так, Геродот неоднократно называет «этносом» всех скифов в целом (IV, 5,

46 и др.) В отдельных же «этнусах», населявших Скифию, скорее всего надо видеть племена или племенные (этнические) образования. Это признано всеми или почти всеми [Лаппо-Данилевский, 1887, стр. 497; Каллистов, 1949, стр. 123 и др.; Граков, 1954, стр. 17; Елагина, 1963, стр. 81; Тереножкин, 1966, стр. 34].

Скифские «этноты» в описании Геродота делятся на две группы. Одни — каллипиды, алазоны и герры — названы поименно, другие — скифы-земледельцы, скифы-пахари, скифы-кочевники и царские скифы — обозначены по их отличительным хозяйственным или политическим признакам. Одни, за исключением герров, занимающих особое положение на этнической и, возможно, политической карте Скифии, составляли ближайшее варварское окружение Ольвии. С ними ольвиополиты были теснее всего связаны и по крайней мере лучше всего знакомы. Другие жили более отдаленно. Наконец, судя по известиям Геродота, впрочем в данном отношении не всегда ясным, территория каллипидов, алазонов, а возможно, и герров, кажется, была значительно меньше территории, занятой остальными «этнотами».

Относительно каллипидов это подтверждается археологическим материалом. С необычным для скифологии единодушием все признают, что они жили в непосредственном соседстве с Ольвией, вдоль Нижнего Буга и, вероятно, к западу от нею, занимая сравнительно небольшую территорию [Штительман, 1956, стр. 271—272; Яценко, 1959, стр. 97; Доманский, 1961, стр. 30 и сл.; Граков, 1971, стр. 61; Археологія Української РСР, 1971, т. II, стр. 72—74]. Разногласия существуют лишь по поводу этнической атрибуции некоторых конкретных поселений. Каллипиды сильнее остальных скифов испытали на себе греческое влияние, что, очевидно, осознавалось самими греками; возможно, отсюда их характеристика своих соседей как эллино-скифов.

Каллипиды, памятники которых демонстрируют непрерывную преемственность с VII—VI по II в. до н. э., скорее всего являлись отдельным скифским племенем. Подобное предположение можно было бы считать бесспорным, если придерживаться широко принятого отождествления каллипидов с миксэллинами (μικσαλλῖνες) декрета в честь Протогена [Латышев, 1887, стр. 17—19; Штительман, 1956, стр. 272; Тереножкин, 1966, стр. 33; Граков, 1971, стр. 61], насчитывавшими всего 1500 человек [IOSPE, I², № 32]. Но, как показала Н. В. Шафранская, такое отождествление неправомерно [Шафранская, 1956]. Все же возможно, что каллипиды присутствуют в этом декрете как просто «скифы» (Σκυθας) — небольшое племя в окрестностях Ольвии, искавшее убежища за ее стенами во время нашествия галатов и скиров. Показательно, что именно во II в. до н. э., т. е. приблизительно

в то же время, которым датируется этот декрет, прекращает существование большинство каллипидских поселений.

Итак, каллипиды, вероятно, отдельное племя, и по аналогии то же самое можно предполагать про алазонов и герров. С царскими скифами все тоже обстоит более или менее ясно. Они господствующее племя в Скифском царстве¹¹. Даже имя их, может быть, является прямым переводом со скифского на греческий. Традиция называть господствующее в том или ином объединении племя царским была очень живучей в Северном Причерноморье, и не только в нем [Фрай, 1972, стр. 217—218]. Остается определить, что представляли собой скифы-земледельцы, скифы-пахари и скифы-кочевники.

Вместо этнонимов они обозначаются, и то не всегда отчетливо, по роду хозяйственной деятельности, но все же занимают определенную территорию, по-видимому гораздо большую, чем территория отдельных племен, скажем калли-пидов¹². И главное, они тоже рассматриваются как «этносы». К тому же существует мнение, что их имена, как и имена каллипидов, алазонов и герров, в своей основе являются грецизированными варварскими этнонимами [Neumann, 1855, стр. 177; Kothe, 1968, стр. 101; Артамонов, 1949, стр. 168; Тереножкин, 1966, стр. 34]. Поэтому скорее всего в них следует видеть конкретные этнические образования — может быть, племенные объединения, вошедшие в состав Скифского царства, но сохранившие какие-то отличительные черты: этнические, культурные, а не исключено, что и политические.

Такое предположение желательно проверить на археологическом материале. К сожалению, бесспорная локализация «этносов» геродотовой Скифии в настоящее время невозможна, несмотря на то что карт с их размещением было предложено почти столько же, сколько было исследователей, занимавшихся этим вопросом. Но при всех важных и многочисленных расхождениях в деталях, в основе подобных карт лежат обычно два противоположных мнения. Согласно первому, Скифия охватывала только степную зону Восточной Европы [Артамонов, 1949; Граков и Мелюкова, 1954; Яценко, 1959, стр. 91—99; Граков, 1971, стр. 17; Лесков, 1971, стр. 6; Шрамко, 1971]; согласно второму, она включала в себя не только степь, но и лесостепь [Латышев 1887, стр. 20—23; Ростовцев, 1918, стр. 34—35; Спицын, 1918; Граков, 1947; Смирнов А. П., 1966, стр. 5; Блаватский, 1969а; Тереножкин, 1966, стр. 33—34; Тереножкин, 1971; Археологія Української РСР, 1971, т. II, стр. 34—35].

В данной главе этот сложный и запутанный вопрос разбирается лишь постольку, поскольку он важен для интерпретации приведенных выше сведений Геродота. Если скифы-пахари и скифы-земледельцы жили в степи — а скифы-кочев-

ники бесспорно обитали именно там,— возможная территория их расселения заметно сокращается, если в лесостепи,— наоборот, расширяется¹³. В первом случае они могли быть отдельными племенами, во втором — скорее племенными объединениями или группировками.

Надо констатировать, что многолетние поиски оседлых земледельческих поселений времен Геродота в степной зоне пока успехов не принесли [Погребова, 1958, стр. 234; Яценко, 1959, стр. 21; Елагина и Погребова, 1959, стр. 21, 33; Погребова и Кондрацкий, 1960, стр. 84; Іллінська, 1970, стр. 28, 38; Архив ИА АН УССР, инв. № 1968/22]. Исключение составляет только непосредственное окружение греческих городов. Примечательно также, что вплоть до XIX в. земледелие в степях Северного Причерноморья никогда не было настолько развитым, чтобы давать стабильные экспортные излишки хлеба. Крымские татары не позднее XV в. стали практиковать земледелие как подсобный вид хозяйства, однако хлеба им постоянно не хватало, и они ввозили его из других стран [Якобсон, 1973, стр. 139—140]. По всем изложенным причинам в настоящее время более аргументированным кажется мнение тех исследователей, которые склонны локализовать скифов-пахарей и скифов-земледельцев в лесостепной зоне: первых — в днепровском Правобережье, вторых — в Левобережье [Тереножкин, 1965а; Іллінська 1966а; Іллінська, 1970]. Более точные их границы еще подлежат уточнению. Но уже сейчас ясно, что культура скифского времени на этих территориях¹⁴, во-первых, имеет различную подоснову (по-видимому, этническую) в виде разных культур эпохи бронзы, а во-вторых, обладает целым рядом своеобразных черт¹⁵. В свою очередь, и культура Правобережья, и культура Левобережья в скифское время определенно распадаются на ряд локальных вариантов, окончательно, правда, еще не определенных, особенно в том, что касается степени их близости друг к другу [Граков и Мелюкова, 1954, стр. 82 и сл.; Мелюкова, 1958; Петренко, 1961; Петренко, 1967; Шрамко, 1962; Либеров, 1962; Ковпаненко, 1971; Крушельницкая, 1971; Граков, 1971, стр. 120 и сл.; Археолопя Української РСР, 1971, т. II, стр. 76 и сл.]. Культуры Правобережья и Левобережья могли принадлежать различным «этносам» — в данном случае племенным группировкам или объединениям, а локальные варианты, которые в них выделяются,— различным племенам, входившим в их состав.

Однако слишком полагаться на археологию и в данном случае не приходится. Все еще распространенное мнение о том, что археологическая культура, как правило, совпадает с этносом, по существу, остается недоказанным, более того, во многом противоречащим данным этнографии. Поэтому я

не решился бы утверждать, что материалы лесостепной Скифии являются тем исключением, которое должно подтверждать общее правило. А раз так, то и мелкие локальные варианты культуры лесостепи в скифское время далеко не обязательно имели этническую основу. Что касается культур лесостепного Правобережья и Левобережья в целом, то лишь возможность соотнесения их с определенными этнокультурными группами Геродота позволяет задумываться об их гипотетическом соответствии конкретным «этносам».

Правда, иногда за скифскими «этносами» признается лишь наличие какой-то хозяйственной специфики, но не допускается, что они могли составлять особые этнические образования [Каллистов, 1949, стр. 126]. Между тем конкретные хозяйственные критерии, которыми руководствовались Геродот или его ольвийские информаторы при их выделении, не всегда ясны. И в то же время заметно, что этнокультурный и, по-видимому, присутствующий и в этой классификации административно-политический аспект преобладает над хозяйственным. Царские скифы — такие же номады, как и скифы-кочевники, только господствующие в политическом отношении. Каллипиды и алазоны занимались земледелием, так же как и скифы-земледельцы. Старая гипотеза о том, что скифы-земледельцы в отличие от скифов-пахарей практиковали не пашенное, а мотыжное земледелие [Vogel, 1917, стр. 156], не соответствует фактам: пашенное земледелие было повсеместно распространено на юге Восточной Европы не только в скифское, но и в гораздо более раннее время [Шрамко, 1961; Шрамко, 1964; Цалкин, 1966, стр. 97; Краснов, 1971, стр. 37 и сл.; Грантовский, 1971, стр. 320]. Конечно, можно предположить, что скифы-пахари, сеявшие хлеб на продажу, активнее участвовали в торговле с Ольвией, чем скифы-земледельцы. Но и тех и других Геродот определяет как «этнос», а этническую специфику ни он, ни другие греческие авторы с хозяйственной не путали. С какой стороны к проблеме ни подойти, признание того, что скифы-земледельцы, скифы-пахари, а может быть, и скифы-кочевники являлись какими-то племенными группировками или объединениями, лучше других интерпретаций соответствует данным источника.

Все тот же Геродот (IV, 6), передавая скифскую этногоническую легенду, упоминает еще об одном делении Скифии, на этот раз на четыре (или три) γένη: авхатов, катиаров, траспиев и паралатов, происшедших от трех сыновей первопредка Таргитая. Проведенный в гл. II анализ легенды избавляет от необходимости комментировать ее вновь. Напомню только, что, по моему мнению, в данном случае имеются в виду племена или племенные группы, вероятно входившие в первичное скифское объединение¹⁶.

Таким образом, в своих попытках наметить основные подразделения Скифского царства и скифского этноса Геродот исходит из трех различных принципов: административно-политического, этнокультурного и генеалогического. Правда, эти принципы проведены им не всегда последовательно, а главное, сведениям его недостает столь важных для этнографа и историка подробностей. И все же представляется несомненным, что все три классификации Геродота не являются всего лишь плодом его самостоятельных дедуктивных усилий, а в значительной мере отражают реальную скифскую действительность. Остается самое главное и самое трудное — решить, как они соотносятся между собой

Другие авторы почти ничего не сообщают относительно общественной структуры Скифии. Правда, декрет в честь Протогена, а позднее Плиний, Птолемей и другие называют в Северном Причерноморье много этнических групп, лишь частично совпадающих с геродотовыми. Этническая карта Северного Причерноморья и юга Восточной Европы начиная с последних веков до нашей эры постоянно претерпевала существенные изменения. Кроме того, римские авторы, писавшие о Северном Причерноморье, многое заимствовали из источников более раннего времени. Поэтому согласование их сведений с данными Геродота представляет особую, очень трудную и до сих пор не решенную проблему. Но она мало что дает для реконструкции высших звеньев скифской социальной организации. И здесь Геродот остается главным и надежнейшим источником.

Племя. Из предыдущего раздела явствует, что скифские племена фигурируют у Геродота в трех разных контекстах. В первом случае под племенами- $\gamma\acute{\epsilon}\nu\eta$ авхатов, катиаров, траспиев и паралатов имеются в виду первоначальные слагаемые скифского объединения⁷. Сохраняли ли они к середине V в. до н. э. какое-либо реальное значение, помимо исторического и легендарного, сказать трудно. Если первоначальные $\gamma\acute{\epsilon}\nu\eta$ скифского объединения и дожили до времени Геродота, то, вероятно, уже в трансформированном виде, может быть войдя, полностью или частично, в состав других. В качестве возможных аналогий укажу на то, что подразделения с одними и теми же наименованиями входят в состав самых различных в прошлом кочевых народов, исторические судьбы которых были тесно связаны с Дешт-и-Кып-чаком [см., например: Мошкова, 1950]. Подразделение «кыпчак», например, имеется в составе узбеков, киргизов, каракалпаков, ногайцев, башкир и др. [Народы Средней Азии и Казахстана, 1963]. В этнонимии башкир, узбеков, каракалпаков, казахов и киргизов обнаружено около 100 соответствий племенных и родовых названий [Кузеев, 1973].

Во втором случае конкретные скифские племена и пле-

менные группы V в. до н. э., кочевые и земледельческие, имена которых большей частью остаются неизвестными, скрываются у Геродота под широким и многозначным термином «ἔθνεα», указывающим на их этническую специфику. В третьем случае эти племена составляли основу скифских νομοί, хотя, конечно, полного тождества между ними могло и не быть. Таким образом, можно вывести определенное соответствие: γένος → ἔθνος → νομός, осознавая всю его условность и приблизительность.

Можно попытаться определить функции племени как формы социальной организации в структуре Скифского царства. Первая его очевидная функция — административно-политическая. Каждое племя имело свою территорию кочевания или обитания. У него был также свой аппарат управления, возглавлявшийся племенным вождем-номархом, очевидно подчинявшимся центральной власти.

Вторая функция племени, наиболее выпукло выступающая в рассказе Геродота, — военная. Племенное ополчение, очевидно, являлось подразделением в общескифской войсковой организации. Не реже раза в год номарх устраивал его сбор, на котором, выражаясь современным языком, по отношению к наиболее доблестным воинам применялись меры морального и материального поощрения, а к их не столь удачливым товарищам — порицания. Номарх у Геродота выступает прежде всего как военный предводитель. Неясно, во всех ли скифских номах военная организация фактически сливалась с племенной и всюду ли она имела такое же важное значение. Очевидно, в первую очередь это относилось к кочевникам, составлявшим основной костяк скифского войска и доминировавшим в военно-политическом отношении в Скифском царстве.

Третья функция племени по отношению к центральной власти — фискально-податная. Прямо о ней Геродот не упоминает, но сам термин «ном», всегда выступающий у него для обозначения не только административно-политической, но одновременно и податной единицы, свидетельствует об этом достаточно недвусмысленно. Под податями в первую очередь надо понимать уплату дани. Вероятно, существовали и другие повинности, намеки на которые содержатся у Геродота (IV, 71, 72). Можно предположить, что податями и повинностями больше всего были обложены земледельческие племена-номы, находившиеся в зависимости от кочевников.

Наконец, племена-номы осознавали свое единство. В «каждом номе имелось племенное святилище. Вероятно, сохранялось и (представление о генеалогическом родстве всех соплеменников.

Область или провинция Из всех выделенных звеньев скифской общественной структуры область или провинция,

,ήρχαί является наиболее гипотетической. Предположения о том, что ἀρχαί следует отождествлять с тремя βασιλείαι, составлявшими в совокупности Скифское царство, нельзя исключать полностью. Но в таком случае остается непонятным, как соотносятся с ними царские скифы, скифы-кочевники и особенно скифы-пахари и скифы-земледельцы, т. е. те из «этносов» Геродота, в которых я склонен видеть какие-то племенные группировки или объединения. Ведь у кочевников даже высшие звенья социальной организации обычно строились с учетом реально существовавших этнических подразделений. Напротив, если допустить, что ἀρχή соответствует ἔθνος во втором его значении, картина получится не столь противоречивой.

Тогда можно предположить, что эти ἔθνεα были первоначально племенными группировками или объединениями, состоявшими из отдельных племен. Войдя в состав Скифского царства, они, очевидно, в какой-то мере смогли сохранить свою внутреннюю организационную структуру, в частности деление на отдельные племена. Так племенные объединения стали провинциями, а входившие в их состав племена — номами. Положение этих провинций следует определять лишь после того, как будет установлена политическая сущность Скифского царства и охарактеризованы взаимоотношения его кочевых и оседлых элементов. Дальше я подробно остановлюсь на этих вопросах. Пока же можно предположить, что по крайней мере земледельческие провинции Скифского царства к середине V в. до н. э. входили в него на условиях вассально-даннической зависимости с сохранением большой внутренней автономии. Их социальная организация, по-видимому, в основном сохранялась в неизменности, но ее высшие звенья были включены в административно-политическую структуру Скифского царства.

Получается, что скифы-пахари и скифы-земледельцы составляли отдельные провинции (области, архэ) Скифского царства, причем нельзя исключить, что каждый из упомянутых этносов являлся основой не для одной, а для нескольких провинций. Каковы были высшие звенья социальной организации скифов-кочевников, неизвестно. Они могли составлять отдельную архэ, опять-таки одну или несколько, но могли и непосредственно входить на правах отдельных номов в скифские базили. Последнее допустимо и для некоторых земледельческих племен. Наконец, не исключено, что архэ являлись более поздними, звеньями скифской административно-политической структуры, чем базили и номы. Возможно, они возникли лишь тогда, когда племена лесостепи были подчинены кочевниками и вошли в состав Скифского царства. Все это, конечно, лишь весьма гадательные предположения.

Царства, или басилеи. Греческий термин «βασιλεία» лучше отражает сущность этих образований, чем русский «царства». По Геродоту, они являлись наиболее крупными административно-политическими подразделениями триединой Скифии, и это вполне соответствовало реальной действительности. Если принять гипотезу В. Бранденштайна о том, что первоначальных γένη в Скифии было три, а не четыре — ни подтвердить, ни опровергнуть ее я не берусь, — то не являлся ли каждый γένος этнической основой одной из трех первоначальных скифских басилей, из которых главная была в основном населена царскими скифами, а остальные находились в зависимом от нее положении?

Три басилеи были не только административно-политическими, но и военно-организационными единицами Скифии и, как таковые, выступали в войне с Дарием. Границы скифских басилей неизвестны. Очевидно только, что основные центры их находились в степной зоне от Дуная до Дона. Их внутреннее устройство также не вполне ясно. По-видимому, они состояли или, точнее, им подчинялись отдельные номы и провинции. Во главе басилей стояли члены скифского царского рода.

Может быть, даже не только в главной басилее, но и в остальных кочевали и господствовали какие-то группы царских скифов. Думается, не будет преувеличением сравнить скифские басилеи с улусами, которые получали члены царского рода в державе хунну или царевичи-чингисиды в империи Чингисхана и в тех государствах, которые возникли в результате ее распада.

Скифское царство. Скифское царство имело триединый характер, т. е. состояло из трех басилей. Одна из басилей, возглавлявшаяся верховным царем всей Скифии, была больше остальных. Очевидно, именно она включала в себя территорию царских скифов. Может быть, в басилеи входили провинции-архэ — первоначально, по-видимому, племенные объединения, которые, в свою очередь, состояли из отдельных номов. Последние, очевидно, создавались на племенной основе. Не исключено, что провинции не были обязательной промежуточной ступенью между басилеей и номом. Скорее всего они существовали у тех племенных группировок, которые, формально или фактически, вошли в состав Скифского царства, но сохраняли значительную внутреннюю автономию и отчасти свою прежнюю социальную организацию.

Племена, по крайней мере у кочевников, состояли из родовых подразделений, вероятно имевших многоступенчатую структуру. Последние, в свою очередь, состояли из семейно-родственных групп также, вероятно, различных таксономических уровней.

Такой представляется социальная организация скифов к середине V в. до н. э., разумеется, в самом общем и приблизительном виде. На практике картина могла во многом отличаться от той, которую удастся реконструировать по имеющимся источникам. Не исключено, что административно-политическое устройство Скифии, как оно описано Геродотом, могло отражать не только реальную картину, но и унифицированную идеальную модель. Ясно лишь, что скифская общественная структура была достаточно децентрализованной.

Вероятно, основные черты скифской социальной организации сложились не позднее VII в. до н. э. Судя по этногонической легенде, уже тогда Скифское царство было триединым и состояло из отдельных племен, идеологически связанных представлением об общности своего происхождения. О дальнейшей эволюции скифской социальной организации после V в. до н. э. можно только догадываться. Б. Н. Граков предположил, что в IV в. до н. э., при царе Атее, был устранен триединый характер царства, управление которым приобрело более централизованный вид [Граков, 1950а; Граков, 1954, стр. 21; Граков, 1971, стр. 40]. Действительно, в более поздних источниках упоминания о трех басылях не встречаются. Но и из ранних авторов сообщения о них сохранились только у Геродота. Поэтому вполне вероятное предположение Б. Н. Гракова все же остается гипотетическим. Исторические судьбы поздней Скифии — ограничение ее территории Крымом и Нижним Поднепровьем, отпадение ряда (подчиненных земледельческих племен и, главное, оседание значительной массы кочевников — не могли не вызвать важных перемен. Археологически поздняя Скифия рисуется прежде всего как совокупность укрепленных и неукрепленных поселений с прилегающей сельскохозяйственной округой [Погребова, 1958; Елагина, 1958; Шульц, 1971; Высотская, 1972]. Может быть, в это время общинно-территориальные связи стали преобладать над родо-племенными. Но и это всего лишь догадки.

Вопрос об общине

В заключение следует остановиться на проблеме скифской общины, сразу же оговорившись, что никаких прямых указаний на ее существование в источниках не содержится, за исключением упоминания Лукиана о том, что скифские герои, побратимы Амизок и Дандамис, «живут спокойно и со всеми почестями и получают пропитание от скифской об-

щины» (ὄλο του κοινού των Σκυθῶν) (Тех., 41). Но В данном случае под общиной могло подразумеваться скифское общество в целом или какая-то неопределенная его часть. Между тем после выхода в свет статьи М. И. Артамонова «О землевладении и земледельческом празднике у скифов» [Артамонов, 1948], посвященной интерпретации одного из известий Геродота, наличие у земледельческой части скифского общества общины с ежегодными переделами земли стало рассматриваться как твердо установленный факт [Граков, 1954, стр. 23; Граков, 1971, стр. 34, 45; Яценко, 1959, стр. 103; Хазанов, 1972, стр. 167]. Произошло то, что нередко случается в истории науки: от частого повторения недоказанные предположения стали восприниматься как бесспорные истины. Поэтому представляется целесообразным вновь рассмотреть фактические основания гипотезы.

Изложив скифскую этногоническую легенду, Геродот (IV, 7) добавляет несколько слов о судьбе упавших с неба священных золотых даров. «Вышеупомянутое священное золото цари их очень ревностно охраняют и ежегодно чтут богатыми жертвами. Кто с этим священным золотом во время праздника заснет под открытым небом, тот, по словам скифов, уже не проживет года; поэтому ему дается столько земли, сколько он сам объедет на коне в один день». Далее Геродот отмечает, что священное золото хранится в самом большом из трех скифских царств-басилей.

В известии Геродота лишь один момент представляется более или менее ясным. Обычай временной замены царя-жреца его двойником, принимающим на себя все беды подлинного владыки, зафиксирован у многих народов и обстоятельно освещен Д. Фрэзером. Очевидно, такую же роль у скифов играл человек, засыпавший у священного золота [Dumézil, 1941, стр. 221; Артамонов, 1948, стр. 8]. По вероятному предположению Б. Н. Гракова, им был тот из стражей священного золота, длительное время бодрствовавших около него, который первым терял силы [Граков, 1971, стр. 45]. Сон, следовательно, играл особую ритуальную роль.

М. И. Артамонов полагал, что праздник в честь священного золота был важнейшим земледельческим праздником скифов, и притом весенним, так как после него производилось наделение земель, которое обычно совершается перед началом полевых работ. По его мнению, естественно предположить, что наделение магического «заместителя» царя земель происходило вместе с общим переделом земли. Далее делается вывод, что у скифов в V в. до н. э. существовало общинное землевладение с периодическим переделом земли, причем богатые и знатные семьи получали большее количество земли по сравнению с рядовыми общинниками.

Однако известие Геродота не дает никаких оснований

для подобных ответственных выводов. В гл. II я пытался доказать, что скифская этногоническая легенда родилась не в среде скифов-пахарей, а у царских скифов, и предложил свою интерпретацию празднества в честь священного золота. По существу, гипотеза о земледельческом происхождении легенды служит М. И. Артамонову единственным основанием приписывать земледельцам и само празднество. Между тем из сообщения Геродота это никак не следует; напротив, скорее надо предполагать обратное.

Священные золотые дары хранились в самой большой из трех скифских бабилей, т. е., очевидно, у царских скифов. Непонятно, почему политически господствующие в Скифском царстве кочевники должны были посвящать свой важнейший праздник и свои главные реликвии событию, связанному с хозяйственным циклом некоторых из подчиненных им племен. Кстати, о времени года, когда совершался праздник, у Геродота не говорится ни слова. Столь же бездоказательно и предположение о существовании у земледельческой части скифов общинного землепользования с ежегодным переделом земли. Допустим, М. И. Артамонов прав и празднество в честь священного золота действительно имело земледельческий характер. Но откуда следует, что оно было посвящено переделу земли? Только из того, что человек, который засыпал у священных даров и должен был умереть в течение года, в качестве компенсации получал в подарок столько земли, сколько мог объехать верхом на лошади в один день. А откуда следует, что у скифов была община? Только из того, что у них якобы существовали ежегодные переделы земли. Таким образом, каждое из этих недоказанных положений служит основанием для последующих, причем многие из них противоречат и духу и букве рассказа Геродота. Из самого рассказа следует только то, что в качестве материальной компенсации за сон у священных даров и последующую смерть потерпевшим предоставлялось довольно большое земельное пространство, причем неизвестно, в собственность ли, во владение или только в пользование — все это разные экономические категории.

И характер празднества, каким оно мне представляется, и размеры пространства¹⁸, и сам способ его отмеривания (объезд на коне) скорее предполагают в получателе кочевника, а не земледельца. Получается, что у кочевников-скифов земля (пастбища, зимники и т. д.) могла быть закреплена за отдельными группами и лицами или находиться в их преимущественном пользовании. Но и так хорошо известно, что в нормальных условиях различные группы кочевников всегда передвигаются по строго определенным маршрутам, имея закрепленные именно за ними пастбища, летовки, зимники и пр. Так обстояло дело у кочевников нового времени

и средневековья, так же, по-видимому, обстояло дело и у древних номадов. Во всяком случае, про хунну Сыма Цянь недвусмысленно сообщает: «Каждый имеет выделенный участок земли, по которому кочует в поисках травы и воды» [Таскин, 1968а, стр. 34, 37].

Прежде чем перейти к выводам, еще несколько слов о связи, существующей между судьбой человека, заснувшего у священных даров, и землей, которую он получает в вознаграждение. В индоевропейских языках отмечается связь значений «отмерять», «отделять» с предопределенной долей, понимаемой конкретно, в пространственном и временном планах, как отрезаемый надел. Специалисты считают вероятной связь этого конкретного (пространственного (и в том числе земельного) представления с архаической процедурой отмеривания, истоки которой лежат в хозяйственной практике. Дальнейшее его развитие связано с ритуализацией самой процедуры и использованием ее в гаданиях, судебной практике и т. д., что датируется еще временем индоевропейского единства [Иванов, Топоров, 1966, стр. 69—70]. Может быть, отголоски подобных представлений, зародившиеся некогда у оседлых предков скифов, сохранялись и во времена Геродота и нашли свое отражение в некоторых ритуалах празднества в честь священных золотых даров. Но от существовавших в повседневной действительности правил землепользования они уже могли быть весьма далеки.

Итак, для каких-либо суждений об общине у скифов середины V в. до н. э. данных нет. Конечно, это не означает, что таковой у них не было. Напротив, исходя из уровня развития скифского общества и сравнительного этнографического материала, кажется очень вероятным, что и у кочевых и у оседлых скифов существовали какие-то формы соседской общины. Но в конкретном материале такие догадки подтверждения не находят.

Для более позднего времени также нет никаких данных, за одним исключением. Вокруг скифских земледельческих поселений последних веков до нашей эры — первых веков нашей эры на Нижнем Днепре и в Крыму иногда удается проследить границы огороженных земельных участков [Шульц, 1957, стр. 84, прим. 2; Шульц, 1971, стр. 134; Шишкин, 1966, стр. 118; Щеглов, 1971, стр. 17; Высотская, 1971, стр. 157; Высотская, 1972, стр. 168—169]. Так, неподалеку от городища Заячьё в Крыму на сотни метров тянутся выложенные камнем полевые межи, ограничивавшие земельные участки шириной от 11 до 50 м. Своей конфигурацией и каменными оградами они напоминают античные клеры, но планировка этих участков менее регулярная. Наличие их позволяет предполагать достаточно развитые формы землепользования, связанные если не с собственностью, то с проч-

ным посемейным владением земельными наделами. С исторической точки зрения все это лучше всего соответствует соседской общине.

Социальная организация скифов и ее место среди общественных структур евразийских кочевников

Социальной организации скифов, по крайней мере до тех пор, пока кочевники в их обществе преобладали над земледельцами, были присущи три главные особенности. Во-первых, в основе ее лежали родо-племенные связи, покоившиеся на фиктивных принципах генеалогического родства. Даже вошедшие в состав Скифского царства племена и племенные объединения, в этническом отношении не всегда близкие собственно скифам, рассматривались как связанные с ними общностью происхождения. Фиктивное родство, по-видимому, служило также средством, идеологического освящения политических (притязаний скифов на господство над теми этносами, которые никогда не входили в состав их царства (ср. эллинскую версию скифской этногонической легенды). Кровнородственные связи должны были быть особенно сильными на низших уровнях скифской социальной организации, на высших же они дополнялись территориальными связями и переплетались с ними. Вплоть до массового оседания кочевников на землю развитие территориальных связей, по-видимому, определялось преимущественно административными потребностями управления большой территорией, в состав которой входили области, заселенные земледельцами. Разделение первым скифским царем, легендарным Колаксам, территории своего царства на три части ввиду ее обширности представляется в этом отношении весьма показательным, так же как деление Скифии на провинции и номы.

Во-вторых, для родо-племенной структуры скифского общества характерна многоступенчатость всех уровней, которые по имеющимся источникам удается проследить далеко не полностью. Только самые низшие звенья ее покоились на реальных кровнородственных связях, более высокие, вероятно, были связаны родством отдаленных степеней, а самые высшие — чисто фиктивным генеалогическим родством. Еще сильнее различались они в функциональном отношении. Низшие уровни — семейно-родственные группы — выглядят тесно спаянными в социально-экономическом отношении. Выше наблюдается ослабление родственных уз. Возможно, на каком-то из уровней, приблизительно соответствовавших родовому, на первый план выступали общинные связи, камуфли-

ровавшиеся покровом родства, но об этом источники ничего не говорят. Наконец, высшие звенья рассматриваемой структуры, начиная с племенной, фактически выступают как разновидность административно-политической организации.

В-третьих, родо-племенная структура скифского общества одновременно являлась основой его войсковой организации. Основную массу скифского войска составляло ополчение, выступавшее по басилеям, племенам и, по-видимому, родам во главе с соответствующими предводителями.

Предложенная реконструкция скифской социально-политической структуры может показаться слишком сложной, но она ни в коей мере не является уникальной. Все ее главные отличительные черты в той или иной степени были присущи кочевникам евразийских степей и других регионов Старого Света в средние века и в новое время [см., например: Абрамзон, 1951; Krader, 1963; Першиц, 1968; Першиц, 1971; Агаджанов, 1969; Марков, 1971].

Как ни мало известно о социальной структуре древних кочевников евразийских степей, есть все основания полагать, что ей также были присущи отмеченные особенности.

Про общество хунну в III в. до н. э. Сыма Цянь писал: «Ставятся левый и правый сянь-ваны (букв, мудрый ван); левый и правый великий военачальник; левый и правый гудухоу... От левого и правого сянь-ванов до данху, сильных, имеющих десять тысяч всадников, и слабых, имеющих несколько тысяч [всадников],— всего двадцать четыре начальника, для которых установлено звание — вань-ци... Каждый имеет выделенный участок земли, по которому кочует в поисках травы и воды, причем наиболее крупными владениями располагают левый и правый сянь-ваны и левый и правый лули-ваны... Каждый из двадцати четырех начальников также сам назначает тысячников, сотников, десятников, небольших князей, главных помощников, дувэев, данху и цец-зюев» [Таскин, 1968а, стр. 40].

Существуют различные точки зрения относительно сущности этой организации [ср.: Гумилев, 1960, стр. 71—72; Руденко, 1962, стр. 66—71; Таскин, 1968, стр. 34—35]. Но ее сложный и многоступенчатый характер не вызывает сомнений.

Таньшихуай, основатель сяньбийского могущества, во II в. н. э., как некогда легендарный Колаксай, разделил свои земли на три части. И как у скифов вожди каждого из «царств» именовались одинаково с верховным царем всей Скифии, так и у сяньби не только Таньшихуай, но и соответствующие предводители имели титул «дажэнь» [Бичурин, 1950, т. I, стр. 155; Думаи, 1968, стр. 117]. В конце III в. н. э. объединение тоба также было разделено на три части [Бичурин, 1950, т. I, стр. 169]. Из свидетельства Полиена (VII, 4)

можно заключить, что трехчленное деление было присуще и сакскому обществу.

Родо-племенная организация, совпадавшая с военной, являлась структурной основой общества хунну, которая, по мнению В. С. Таскина, демонстрирует «поразительное сходство» с социально-политической структурой империи Чингисхана [Таскин, 1968, стр. 35—36]. У сарматов, несколько отстававших в своем развитии от скифов и хунну, родо-племенные связи играли еще большую роль [Хазанов, 1971, стр. 35—36]. Возможно, и в сарматских племенных объединениях действовал принцип генеалогического родства. Аммиан Марцеллин писал про аланов (XXXI, 2, 17): «Разделенные... по обеим частям света, аланы (нет надобности перечислять теперь их разные племена), живя на далеком расстоянии одни от других, как номады, перекочевывают на огромные пространства; однако с течением времени они приняли одно имя и теперь все вообще называются аланами за свои обычаи, и дикий образ жизни, и одинаковое вооружение».

Таким образом, формы социальной организации у всех евразийских кочевников демонстрируют значительное сходство. У всех у них она покоится на родо-племенной основе. Территориальные связи развиваются лишь в случае завоевания земледельческих областей или по мере развития процессов седентаризации. В этом отношении нет никаких оснований для деления древних кочевников и кочевников более позднего времени.

Конечно, нельзя полностью противопоставлять родо-племенной принцип организации общества территориальному. Кочевникам было совсем не чуждо представление о принадлежности земли той или иной группе. Хорошим примером в этом отношении являются опять-таки хунну. Модэ (Мао-дунь)-шаньюй ради мира с соседями отдал им лучшего коня и одну из своих жен, но категорически отказался отдать кусок пустующей земли; более того, со словами: «Земля — основа государства, разве можно отдавать ее» — он приказал отрубить головы всем советовавшим это сделать [Таскин, 1968а, стр. 38—39]. Но в кочевом обществе территориальные связи в чистом виде обычно не проявляются, а бывают опосредствованы и закамуфлированы родо-племенными. У кочевников индивид связан с данной территорией не потому, что он на ней родился, не своей принадлежностью к территориальной общине в самом широком понимании этого термина и не правами владения или собственности, а своей принадлежностью к определенному родо-племенному подразделению, которое кочует на данной территории.

Причины столь поразительной живучести и способности к регенерации родо-племенной организации у кочевников нель-

зя считать достаточно изученными. В качестве объяснения обычно упоминают сравнительную неразвитость классовых отношений и подвижный образ жизни. Указывают также на то, что все формы эксплуатации в кочевых обществах, за исключением рабства и данничества, генетически восходят к переосмысленным традициям первобытной взаимопомощи, что вызывает необходимость родо-племенной организации для прикрытия их новой сущности. Можно указать также и на уже отмеченный опосредствованный характер территориальных связей у кочевников, и на неразвитые формы земельной собственности. При всех разногласиях, существующих по этому вопросу среди советских ученых, трудно отрицать, что у кочевников, во всяком случае у большинства из них, частное землевладение (точнее, пастбищевладение) никогда не достигало сколько-нибудь развитых форм, сравнимых с классовыми земледельческими обществами. По-видимому, именно совокупность всех этих факторов и препятствовала отмиранию архаических черт общественной структуры.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И ФОРМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Разработанная Ж. Дюмезилем концепция о троичном социальном членении индоевропейского общества получает сейчас все большее распространение и поддержку [см., например: Dumézil, 1941; Dumézil, 1952; Dumézil, 1956; Dumézil, 1958; Dumézil, 1968; Dumézil, 1971; подробное изложение взглядов Ж. Дюмезиля см.: Littleton, 1966; см. также: Хазанов, 19746]. Правда, большие возражения вызывает тезис о его уникальности [см., например: Bloch, 1946, стр. 24—38; Brough, 1959, стр. 69—85; Abaev, 1963, стр. 106]. Но, как справедливо отметил В. В. Иванов, «те возражения, которые в последнее время приводились против гипотезы Ж. Дюмезиля, опровергают не саму эту гипотезу, а предположение о специфически индоевропейском характере предполагаемой трехчленности» [Иванов, 1969, стр. 68]. Дискуссионным остается и другой вопрос: насколько глубоко на практике укоренилось трехчленное деление в индоевропейском и индоиранском обществах? [Frye, 1960, стр. 161 и сл.; Фрай, 1972, стр. 45].

Археологические материалы, происходящие с территорий, которые обычно рассматриваются как прародина индоевропейцев, будь то Восточная Европа с сопредельными районами согласно традиционной точке зрения или Малая Азия, если встать на позиции некоторых сторонников ностратической теории, свидетельствуют об относительно высоком уровне развития материальной культуры, достигнутом уже в III и особенно II тысячелетии до н. э. В еще большей степени об этом свидетельствует анализ лексики и реконструированных фрагментов текстов. Устанавливается, что у индоевропейцев ко времени распада их единства отсутствовали государственная организация, письменность, сословие торговцев, ирригация. В то же время у них было довольно развитое производящее скотоводческо-земледельческое хозяйство, они были знакомы с металлами, колесным транспортом, обладали богатой духовной культурой и ритуалом, а их социальная структура была весьма сложной и иерархич-

ной, с далеко зашедшей социальной и имущественной дифференциацией [Гамкрелидзе, Иванов, 1972, стр. 19].

Вероятно, для индоевропейцев было характерно противопоставление свободных членов общества, конституированных в культовой организации, зависимым и как отражение этого в лексическом материале наличие оппозиции «свободный, свой — чужой, несвободный (раб?)» [Герценберг, 1972, стр. 57—58]. Свободные члены общества, в свою очередь, разделялись на три слоя, или прослойки: сакрально-жреческую, военно-аристократическую и рядовую, общинную. Во главе общества стояли «цари» или вожди, обладавшие также сакральными функциями, но их взаимоотношения с представителями первых двух слоев (по Ж. Дюмезилю, «функций») были неоднозначными. Наличие подобной социальной стратификации предполагается уже для второй половины III — начала II тысячелетия до н. э.

Еще более отчетливо выявляется она во II тысячелетии до н. э., в период существования индоиранской, а затем иранской общности. Именно к этому времени восходит традиционный для Авесты перечень «профессиональных» или, точнее, социальных групп: жрецы, воины-колесничие, простые скотоводы-земледельцы [Benveniste, 1938, стр. 117]. Возможно, у иранцев (как и у греков) произошло выделение еще одной прослойки — профессиональных ремесленников [Грантовский, 1970, стр. 349] (ср. распространение кладов изделий из бронзы и наличие литейных мастерских в культурах эпохи бронзы на юге европейской части СССР). Показательно наличие специального термина для обозначения ремесленника в Авесте и упоминание в ней сословия ремесленников [Ясна, 19, 17].

Подобная социальная стратификация, вероятно, была характерна для всех иранских племен, в том числе и для скифов [Грантовский, 1971, стр. 319, 327, прим. 87], точнее, для их предков, которые вели сравнительно подвижный, но не кочевой, а скотоводческо-земледельческий образ жизни. О последнем помимо археологии свидетельствуют сравнительные данные индоиранистики [Грантовский, 1970, стр. 377—378].

Таким образом, скифский материал дает возможность проследить, как трансформируется общество с переходом к номадизму и в ходе дальнейшего развития. Применительно к собственно скифам проблема может и должна ставиться также по-иному: в какой мере их общество обладало оригинальными чертами, отличалось ли оно, и в чем именно, от традиционной общеиранской модели, с одной стороны, и от обществ остальных кочевников — с другой?

Рабы

Рабы и характер их эксплуатации у кочевых скифов. Вопреки распространенному мнению, источники содержат не так уж много упоминаний о скифских рабах. И если из некоторых работ создается иное впечатление, то лишь потому, что вслед за греческими авторами многие современные исследователи рассматривали как рабов различные категории зависимого населения, на самом деле рабами не являвшиеся [подробно об этом см.: Хазанов, 1972].

Согласно Геродоту (IV, 2), «всех своих рабов скифы ослепляют из-за [кобыльего] молока, употребляемого для питья. Молоко выдаивают они следующим образом: взяв костяные трубки, очень похожие на флейты, они вставляют их в половые органы кобылиц и дуют ртом, а другие во время вдувания доят. Делают они это, по их словам, вот почему: от вдувания жилы кобылиц наполняются воздухом, и вымя опускается. Выдоенное молоко скифы сливают в глубокие деревянные сосуды и, расставив вокруг сосудов слепцов, велят им взбалтывать молоко; поднимающиеся при этом на поверхность сливки снимаются и считаются более ценными, а остающееся внизу считается худшим сортом. Из-за этого скифы ослепляют всех, кого только захватят в плен; они ведь не земледельцы, а кочевники».

Нельзя сказать, что все в приведенном известии ясно и понятно. Сомнительно, что скифы ослепляли всех рабов поголовно¹, хотя Геродот на этом настаивает, повторяя свое утверждение дважды. Непонятной остается также причинная связь между ослеплением рабов и приготовлением молочных продуктов. О взбалтывании кобыльего молока для приготовления иппаки — популярного у скифов блюда — сообщает и Псевдо-Гиппократ (De aere, 25), но о слепых рабах он не говорит ни слова. Поэтому часто высказываются догадки, что утверждение Геродота основано на лингвистическом недоразумении, например на неправильной интерпретации скифского термина, обозначающего рабов. К тому же считается, что в данном месте в тексте пропало несколько строк, объясняющих, почему именно для взбалтывания молока требовалось ослеплять рабов [Мищенко, 1886; How and Wells, 1912, т. I, стр. 303; Латышев, 1947, № 2, стр. 257, прим. 6; Hérodote, 1949, стр. 48, прим. 3; Herodot, 1955, стр. 684, прим. 4; Kothe, 1968, стр. 103 и сл.; Шелов, 1972, стр. 74].

Однако из рассказа Геродота все же можно извлечь определенную информацию. С одной стороны, из него явствует, что военнопленные у скифов обращались в рабство с другой — что сфера применения рабского труда в кочевом хозяйстве была невелика и ограничивалась лишь некоторыми домашними работами. Наконец, если ослепление рабов по-

нимать буквально, оно могло бы свидетельствовать о жестоком обращении с ними.

В других частях своего скифского рассказа Геродот добавляет, что полон у скифов был довольно обильным (каждый сотый из пленных мужчин приносился в жертву Аресу— IV, 62), в то время как «покупных рабов у них вовсе нет» (αργυρόωντοι δε ουκ εισι σφι θεράποντες — IV, 72). Принесение рабов в жертву, как и любое другое нерациональное с современной точки зрения их использование, само по себе еще не свидетельствует о неразвитости рабовладельческих отношений. Наглядным примером служат бои гладиаторов в Риме. Большое количество пленных тоже мало о чем говорит, поскольку неизвестно, как много из них кочевники-скифы оставляли для работы в собственном хозяйстве. Ведь военнопленных могли продавать за пределы страны или использовать каким-либо другим способом.

Более важными представляются слова Геродота об отсутствии у скифов покупных рабов, потому что они свидетельствуют о еще весьма неразвитых формах рабства. Этнографические материалы показывают, что покупное рабство, получая широкое распространение лишь в классовых обществах, все же не является их специфической чертой. Нередка оно встречается в ограниченных размерах и в обществах, только лишь переживающих разложение первобытнообщинных отношений².

Помимо рабов у скифов источники (P s.-H i p ., De äere, 28) отмечают также рабынь (αἰ οικέτιδες) — судя по термину, домашних [Liddell and Scott, 1925—1932, s. v.].

Археологически наличие рабов у кочевых скифов прослеживается довольно плохо. Имеется всего несколько погребений, которые с большей или меньшей уверенностью можно трактовать как рабские.

1) В кургане № 2/1 Кутского могильника у тазовых костей ребенка находился скелет покойника без инвентаря [Березовец, 1960, стр. 42].

2) В кургане № 7/2 того же могильника покойника, погребенного в катакомбе, сопровождал человек, захороненный без инвентаря во входной яме (там же, стр. 50—51]

3) В том же могильнике, в кургане № 7/3, ребенка, погребенного с богатым инвентарем, сопровождал другой ребенок, находившийся в его ногах, в скорченном положении, на левом боку, без сопровождающего инвентаря [там же, стр. 51—52].

4) В кургане № 1/1 у Старинской птицефабрики в четырехугольной могильной яме была похоронена женщина (?) с богатым инвентарем. Ее сопровождал человек, погребенный в подбое у стенки и имевший из вещей лишь бронзовый браслет [Архив ИА АН УССР, инв. № 1962/8].

5) В том же могильнике, в кургане № 6, на Сошниковом поле, в подбое богатого ограбленного погребения находился подросток без сопровождающего инвентаря [там же].

6) В том же могильнике, в кургане № 8, на Сошниковом поле, у ног грудного младенца лежал подросток без сопровождающего инвентаря. Он был втиснут поперек узкой катакомбы, в скорченном положении, на левом боку [там же, инв. № 1963/8].

7) В кургане № 4/1 группы Рядовые могилы у Люберецкого поселка вместе с подростком, погребенным на лежанке, с богатым инвентарем, находился человек, лежавший на полу катакомбы без вещей. Судя по расположению костей, покойник был просто брошен или засунут в катакомбу без специального обряда трупоположения [там же].

Известно еще несколько погребений, в которых также, возможно, были захоронены рабы, но ограбленность погребений или другие причины не позволяют судить об этом сколько-нибудь уверенно. Известно также несколько случаев, когда вместе с мужчиной хоронили наложницу, — они были перечислены в гл. III. Наконец, среди впускных могил в скифских курганах IV в. до н. э. есть небольшая группа одиночных погребений людей в скорченном положении с очень бедным инвентарем. Было высказано предположение, что в них погребены «рабы из числа тех, кто прочно вошел в состав семьи и стал как бы ее членом» [Ильинская, 1966, стр. 171]. Может быть, это и так, но с не меньшей вероятностью в них можно предполагать погребения бедных членов общества³. При всех обстоятельствах рабских погребений в степной Скифии IV—III вв. до н. э. известно очень мало.

Сам по себе этот факт еще ни о чем не говорит. Ясно только, что практика захоронения рабов с умершими свободными членами общества не получила в Скифии широкого распространения. Поэтому можно предположить, что большинство рабов хоронили отдельно от свободных, вероятно, без соблюдения скифского погребального обряда и без возведения курганных насыпей. Возможно, исключение делалось лишь для наиболее доверенных рабов, рассматривавшихся в качестве младших домочадцев. Но если не юридически, то фактически положение этих людей уже отличалось от рабского; недаром их погребения так трудно отличить от погребений обедневших свободных скифов.

Неверно также привлекать данные археологии для вывода о значительном распространении рабства в среде простых скифов или о том, что рабы у них играют важную роль в производстве [Тереножкин, 1966, стр. 40; Ильинская, 1966, стр. 167; Археологія Української РСР, 1971, т. II, стр. 43]. Ведь захоронений рабов известно пока совсем не-

много, и большинство скифов отправлялось на тот свет без них. Вероятно, значительно чаще рабов убивали при похоронах скифской знати. В скифских царских курганах (Чертомлык, Солоха, Гайманова могила, Толстая могила, может быть, Александропольский и Мелитопольский курганы) встречаются захоронения мужчин, женщин и подростков, не имеющие особой могильной ямы, с неустойчивой ориентацией. Сопутствующий инвентарь отсутствует или очень беден. Скорее всего покойники были рабами и рабынями [см. также: Граков, 1964, стр. 127].

При всех обстоятельствах убийство рабов при похоронах свободных скифов мало что говорит о характере рабовладельческих отношений в скифском обществе. Подобные человеческие жертвоприношения встречаются как в классовых обществах, так и в тех, которые едва достигли эпохи классовообразования. В их списке мы видим американских тлинкитов и майя, полинезийцев, скандинавов эпохи викингов, многие африканские государственные образования, в которых, например в Дагомее, человеческие гекатомбы исчислялись сотнями и даже тысячами душ, Шумер и т. д. Системы эксплуатации в этих обществах были различны и отнюдь не сводились только к рабству. Данные скифской археологии ни с какой стороны не дают оснований для далеко идущих выводов.

Не дают они оснований и для заключений о существовании жестоких форм рабства [Ильинская, 1966, стр. 167]. Прямая зависимость между этим явлением и убийством рабов вообще отсутствует. Например, в Меланезии рабов убивали в качестве жертв на праздниках, при исполнении некоторых обрядов и на похоронах и там, где обращение с ними было весьма мягким (о-ва Адмиралтейства, Новая Британия, Фате), и там, где их положение было довольно тяжелым (Фиджи) [Народы Австралии и Океании, 1956, стр. 144—145]. Тем более нельзя считать, что тяжелое положение рабов обычно присуще только развитым рабовладельческим отношениям [Блатский, 1954а, стр. 25; см. также: Тереножкин, 1966, стр. 43]. По-видимому, такие представления основаны на довольно распространенных взглядах о мягкости домашнего (патриархального) рабства, особенно по сравнению с его античными формами. Однако главным признаком домашнего рабства служит не более легкое положение рабов, а ограниченность применения рабского труда в хозяйстве. Само же положение рабов варьируется в различных обществах очень сильно. Известно много случаев когда в обществах, едва лишь вступивших в эпоху классовообразования, с рабами обращались с крайней жестокостью. Известны и противоположные примеры [Нибур, 1907].

Э. О. Берзин справедливо отмечал, что в обществах, еще

не достигших государственности, известны две полярные формы отношения к рабам — крайнее подавление и, напротив, сравнительно мягкое обращение с ними — и что обе они вызваны одной причиной — отсутствием эффективной принудительной власти [Берзин, 1966, стр. 65]. Я бы только добавил еще одну причину — отсутствие емкой сферы применения рабского труда, в результате чего раб как производительная сила ценился не особенно высоко.

Таковы сведения о рабстве у скифов, которые можно извлечь из античной традиции и данных археологии. Они свидетельствуют о наличии в Скифии определенного количества рабов, главным образом военнопленных. Скифы могли захватывать их в междоусобных войнах, и в столкновениях с сарматами, и в набегах на синдов и меотов на юго-востоке, фракийцев — на западе, земледельческие племена лесостепи — на севере, а при случае и на греческие полисы Северного Причерноморья. Дион Хрисостом, автор, правда, поздний, но посетивший Ольвию, со слов одного из ольвиополитов передает (Or. Borysth., XXXVI, II, 48), «что вчера в полдень скифы сделали набег и некоторых зазевавшихся часовых убили, других, может быть, увели в плен». Иногда предполагают, что часть рабов скифы могли получать в виде дани с покоренного населения [Траков, 1954, стр. 22; Блаватский, 1954а, стр. 33], однако источники об этом молчат.

При всех обстоятельствах нет достаточных оснований для столь частых утверждений о господстве в Скифии рабовладельческих отношений. Напротив, то, что известно о бесспорных случаях рабства в самой Скифии, говорит скорее об ограниченном использовании рабского труда. Рабы у скифов, безусловно, были, но не их труд лежал в основе производства.

Вероятно, лишь часть военнопленных обращалась в рабов для работы в хозяйствах кочевых скифов. Другая часть могла освобождаться за выкуп. Лукиан (Тох., 39) сообщает, что скифы выкупали своих пленных, а сарматы охотно отдавали их за выкуп. Выкуп у древних кочевников европейских степей был достаточно распространенной практикой. Большую же часть пленных, захваченных в войнах и набегах, скифы поставляли на греческие рынки. Полибий (IV, 38, 4—5) свидетельствует, что в эпоху эллинизма окружающие Понт страны в числе прочих товаров доставляли грекам «огромное количество бесспорно отличнейших рабов». По Страбону (IX, 2, 3), азиатские и европейские кочевники привозили в Танаис рабов для обмена на товары, «свойственные цивилизованному образу жизни».

Конечно, эти свидетельства только частично могут относиться к скифам. Но аттические керамические надписи и описи имущества гермакопидов содержат прямые упоминания

о наличии в Греции рабов, происходящих из Скифии. Имя «Скиф» у рабов появляется в античных надписях уже со второй половины VI в. до н. э. [Граков, 1939, стр. 231]. Аристофан в «Лисистрате» (184) упоминает рабыню-скифянку. Наиболее известны скифы-лучники — государственные рабы в Афинах, в период приблизительно с 477 по 378 г. до н. э. игравшие роль своеобразных полицейских [Plassart, 1913, стр. 153 и сл.; Finley, 1962, стр. 52—53]. Они насчитывались сотнями. Андокид сообщает, что после победы над персами в Саламинском сражении афиняне «в первый раз тогда... организовали отряд всадников в 300 человек и купили 300 скифов-лучников». Один из таких скифов, говорящий на крайне испорченном греческом языке, является действующим лицом в комедии Аристофана «Женщины на празднике Фесмофорий» (1001 —1225). В схолии к «Лисистрате» Аристофана разъясняется, что «скифами называли стрелков, бывших государственными рабами по старинному обычаю» (Schol. ad Lysistrat, 184).

И все же рабов-скифов (точнее, происходящих из Скифии) было в Греции сравнительно немного. Правда, по вероятному предположению Б. Н. Гракова, часть рабов — даков, гетов, трибаллов,— ставших обычными в Греции с V в. до н. э., также могла поставляться скифами [Граков, 1971, стр. 29], но общей картины это не меняет. Как показывают специальные исследования, вывоз рабов из Северного Причерноморья никогда не был особенно большим, значительно уступая вывозу из Фракии, Малой Азии и Сирии [Граков, 1939, стр. 290—291; Гайдукевич, 1949, стр. 500 прим. 11; Гольденберг, 1953; см. также: Сокольский и Шелов, 1959, стр. 52—53; Блаватский, 1969, стр. 68; ср.: Велков, 1967, стр. 70 и сл.]. Дело явно не в ограниченности спроса, а в ограниченности предложения. Следовательно, косвенным образом еще раз подтверждается сравнительно небольшое количество рабов в Скифии. Сотни военнопленных, о которых писал Геродот, были на поверку не такими уж многочисленными, или же не все пленные обращались в рабство.

Вывоз рабов из Северного Причерноморья несколько увеличился в эллинистическую эпоху, что было связано с уменьшением вывоза хлеба [Граков, 1939, стр. 234 и сл.; Шелов, 1970, стр. 39]. Аристократия местных племен стремилась этим компенсировать свои убытки. Но в последние века до нашей эры — первые века нашей эры ведущую роль в работоторговле играли уже не скифы, а сарматы. На рубеже III— II вв. до и. э. имена рабов-скифов исчезают из греческих надписей; на смену им приходят сарматы и меоты [Граков, 1947, стр. 46]. В целом же вполне можно согласиться с мнением Д. Б. Шелова, писавшего, что возникновение на се-

верных берегах Черного моря греческих городов-государств дало мощный толчок развитию рабовладения в скифском обществе лишь в одном направлении: продажа рабов грекам, а не использование в своем хозяйстве становится стимулом для захвата военнопленных-рабов в многочисленных войнах [Шелов, 1956, стр. 25—26].

Рабство в земледельческой Скифии. О наличии рабовладения в земледельческой части степной Скифии и в лесостепной зоне в VI—IV вв. до н. э. письменные источники молчат. Судя по археологическим данным, в некоторых наиболее развитых районах лесостепи были рабы, которых иногда приносили в жертву при погребениях их владельцев [Рудинский, 1949, стр. 57; Покровська, 1957, стр. 65—66, 69"; Ганина, 1960, стр. 99—101; Ковпаненко, 1961, стр. 71; Ковпаненко, 1970, стр. 153, 156—157, 163; Петренко, 1961, стр. 65—66, 97—98; Іллінська, 1968, стр. 160; Петровська, 1968, стр. 165; Граков, 1971, стр. 127—128, 145, 164]. В других районах это явление не отмечено [Мелюкова, 1958, стр. 51]. Однако если судить по общему уровню развития лесостепной зоны, рабство нигде не пошло далее стадии домашнего.

Нельзя также думать, что рабы у скифов играли значительную роль в ремесле. Материалы Каменского городища, вероятной столицы царства Атея, показывают, что металлургами были свободные члены общества, пусть и обложенные определенными повинностями. Металлургия же была самым развитым и единственным обособившимся видом ремесла у скифов [Граков, 1954, стр. 58 и др.].

Нет никаких данных и о рабовладении в Крыму и на Нижнем Днепре в позднескифский период, когда происходило массовое оседание кочевников на землю. Только в мавзолее Неаполя скифского, возможно, прослежены погребения рабов — дань уходящей в прошлое древней традиции [Погребова, 1961, стр. 107].

Особенности рабовладения у кочевников. Специфика рабовладения в кочевых обществах обсуждается в науке довольно давно. Уже в начале XX в. было высказано мнение, что рабство по чисто экономическим и иным причинам не может стать у скотоводов важной производительной силой. «У пастушеских племен,— писал Г. Нибур,— средства существования составляют собственность отдельных лиц, и не имеющих скота не остается ничего больше, как прибегнуть за поддержкой к собственникам. Поэтому, если есть нужда в рабочих, всегда найдутся свободные люди, которые охотно предложат свои услуги, и нет большого проку в рабском труде» [Нибур, 1907, стр. 247 и др.; ср.: Ковалевский, 1914, стр. 83—84]. Однако в начале 30-х годов С. П. Толстов предположил, что кочевники в своем развитии обязательно про-

дят рабовладельческую стадию. По его мнению, у кочевников евразийских степей в целом период со II в. до н.э. по VIII—IX вв. н. э. (у скифов гораздо раньше, а у туркмен вплоть до нового времени) был временем господства рабовладельческих отношений [Толстов, 1934, стр. 170—188]. В дальнейшем взгляды С. П. Толстова претерпели некоторую модификацию. По-прежнему постулировалась рабовладельческая эпоха, через которую якобы прошли евразийские кочевники. В то же время признавалось, что лишь меньшая часть рабов использовалась в скотоводческом и домашнем хозяйстве. Остальные обрабатывали землю, или занимались ремеслом, или же, являясь формально рабами, представляли собой нечто среднее между илотами и неполноправными союзниками и были обязаны уплачивать дань и поставлять вспомогательные военные контингенты [Толстов, 1938, стр. 50—51; Толстов, 1948, стр. 263 и сл.]. Таким образом, мнение о наличии у кочевников рабовладельческой стадии фактически обосновывалось неправомерным отождествлением рабства с данничеством.

Правда, в начале 30-х годов отдельные исследователи высказывали мысль о том, что широкое распространение рабовладельческих отношений у кочевников невозможно [см., например: Равдоникас, 1932, стр. 66]. Но эти выступления остались без внимания. Взгляды С. П. Толстова получили поддержку большинства ученых и как следствие этого довольно широкое распространение не только в работах, посвященных исследованию конкретных кочевых обществ, но и в общетеоретических концепциях [см., например: Бернштам, 1951; Бернштам, 1946, стр. 120; Материалы объединенной научной сессии..., 1955, выступления Л. П. Потапова, В. С. Батракова и М. М. Дьяконова]. Государственные образования древних кочевников хунну [Толстов, 1948, стр. 260], жуаньжуаней [там же, стр. 257; Бернштам, 1951, стр. 129], усуней [Толстов, 1948, стр. 260], сираков [Струве, 1968, стр. 187] и, конечно, скифов стали рассматриваться как основанные на рабстве.

Уязвимость подобной точки зрения стала для многих очевидной в 50—60-х годах [см., например: Материалы объединенной научной сессии..., 1955, (выступления А. А. Рослякова и С. С. Черникова; История Казахской ССР, 1957, стр. 45; Лашук, 1967, стр. 108; Марков, 1967, стр. 7)]. Именно в это время увидели свет работы, в которых доказывалась принципиальная невозможность прохождения кочевниками рабовладельческой стадии развития [Семенюк, 1959, стр. 164 и сл.; Семенюк, 1969, стр. 266 и сл.]. Однако некоторые исследователи продолжали и продолжают думать по-иному [Смирнов А. П., 1970, стр. 130; Кобищанов, 1970, стр. 104, прим. 14; Абрамзон, 1970, стр. 69]. Поэтому вопрос о характере рабо-

владения у скифов является составной частью более общей проблемы — о специфике рабовладельческих отношений в кочевых обществах.

Существует целый ряд причин, по которым рабовладение у кочевников никогда не может стать ведущей формой эксплуатации. Главная из них заключается в самой специфике кочевого хозяйства, не требующего большого количества рабочих рук. Здесь применимы слова К. Маркса, хотя они были высказаны про иное общество, о том, что «в животноводстве, когда оно ведется в крупных размерах, масса применяемой рабочей силы очень мала по сравнению с постоянным капиталом в виде самого скота» [Маркс, Капитал, т. III, стр. 327]. У калмыков в XIX в. два пастуха выпасали отару овец в 1000—1500 голов или табун из 300 лошадей [Житецкий, 1892, стр. 95—96]. У туркмен в недавнем прошлом стадо из 400—800 голов мелкого рогатого скота обслуживалось одним (пастухом с подпаском [Оразов, 1970, стр. 202; Марков, 1971, стр. 82]. В Монголии один человек мог управиться с отарой из 150—200 овец и даже из 500, если он имел коня; два всадника — с отарой из 2 тыс. голов. Один человек мог выпасать табун из 150 лошадей [Tomio Goto, 1968, стр. 95—96].

Для сравнения приведу данные по капиталистическим ранчо. В США один всадник управляет с 1 тыс. голов крупного рогатого скота. В Австралии до 50-х годов XIX в. на одного человека приходилось от 300 до 1500 голов овец, позднее — до 2500 голов. В Аргентине на 1 тыс. голов крупного рогатого скота в среднем приходится 2,5—3 человека, на 1 тыс. голов овец и коз—1,5 [Strickon, 1965, стр. 245]. Производительность труда в современном экстенсивном скотоводческом капиталистическом хозяйстве, полностью ориентированном на рынок и получение прибыли, возросла, таким образом, всего в 2—3 раза. В земледелии производительность труда увеличилась во много раз больше. Причина заключается в том, что в экстенсивном животноводстве увеличение производства зависит больше от естественных условий, чем от увеличения объема вложенного труда.

В то же время потребность в дополнительной рабочей силе в кочевых обществах легко удовлетворялась за счет внутренних ресурсов. Во-первых, наличие общины обеспечивало определенные формы кооперации. Во-вторых, частная собственность на скот, существовавшая в любом кочевом обществе, и перманентная неустойчивость кочевого хозяйства приводили к тому, что в них всегда имелась прослойка неимущих и малоимущих лиц — готовый объект эксплуатации. Эти люди как работники имели ряд преимуществ по сравнению с рабами. Они были знакомы со спецификой скотоводческого труда, были гораздо более на-

дежны, потому что чаще всего принадлежали к той же родо-племенной группе, что и их работодатели, а эксплуатация их нередко прикрывалась традициями родовой взаимопомощи и т. д.

Наряду с этими основными причинами, ограничивающими распространение рабства в кочевых обществах, имеется целый ряд дополнительных. Выпас скота — высококвалифицированный труд, требующий заинтересованности, инициативы и определенных профессиональных навыков. Труд чабанов у кочевников всегда был престижным и сравнительно неплохо оплачивался [Оразов, 1970, стр. 202—203]. Огузский средневековый эпос, в основном имеющий аристократический характер, вместе с тем воспекает труд пастуха. «С наступлением темного вечера начинается твоя забота, пастух, в снег и дождь ты выходишь, пастух, много молока и сыру ты готовишь, пастух!» [Книга моего деда Коркута, 1962, стр. 23]. Любопытно, что и в современном западном обществе труд ковбоев в престижном отношении оценивается гораздо выше, чем труд наемных сельскохозяйственных рабочих на земледельческих фермах.

Кроме того, раб, занятый выпасом скота, сравнительно легко мог найти благоприятный момент для бегства, что опять-таки ограничивало возможности использования рабской силы. Недаром упоминания о рабах-пастухах так редко встречаются в источниках. Благоприятные условия для бегства, которые создавал кочевой образ жизни в целом, также являлись одним из факторов, ограничивающих распространённость рабства у кочевников. В «Юаньши» описано положение, сложившееся во время монгольских походов в Китай: «В то время впервые была разгромлена Хэнань, пленных было очень много, и при возвращении [монгольских] войск [на север] бежало семь-восемь [человек] из [каждых] десяти [пленных]» [Мункуев, 1965, стр. 192].

Правда, необходимо учитывать дополнительные потребности в рабочей силе для рытья и поддержания в порядке колодцев, водопоя скота, обработки продуктов животноводства и некоторые другие, в которых рабский труд находил себе определенное применение. Но в целом возможности продуктивного использования рабов в кочевом скотоводстве все же были значительно меньшими, чем в плужном или ирригационном земледелии.

Указанные причины действовали на протяжении всего времени существования кочевничества как особого хозяйственного типа. В этом отношении не наблюдается существенных различий между древними кочевниками, кочевниками средневековья и нового времени.

Сарматы, как и скифы, обращали в рабство военнопленных и поставляли их на античные рынки. Овидий (Trist.,

III, 10, 50—64) в изгнании смог близко познакомиться с сарматскими набегами и оставил их впечатляющее описание. «Итак, когда свирепая сила чрезмерного Борея сковывает или морские, или выступающие из речных берегов воды, тотчас по уравненному сухими аквилонами Истру наезжает варвар-враг на быстром коне. Враг, сильный конем и далеко летящей стрелой, широко опустошает соседнюю землю. Одни из жителей разбегаются, и с покинутых без охраны полей разграбляются необерегаемые богатства—жалкие богатства деревни, то есть скот, скрипучие повозки и пожитки бедного поселянина. Часть жителей уводится в плен, тщетно оглядываясь на деревни и свои жилища, а часть гибнет жалкой смертью, пронзенная зазубренными стрелами, потому что в летучем железе имеется впитанный яд».

В 175 г. язиги, потерпев поражение, возвратили римлянам «100 тысяч пленников помимо тех, которые были ими проданы, или умерли, или убежали» (Cass. Dio, LXXI, 15—16). Цифра весьма внушительная, хотя, вероятно, преувеличенная. Не ясно только, как именно использовали язиги своих пленников.

Сарматы, как позже татары Золотой Орды, в некоторых случаях, может быть, продавали в рабство даже собственных детей. Плутарх (De prov. alex., I, 10) оставил полуанекдотическое и не вполне понятное известие о том, что «савроматы на попойках продают дочерей». И у сарматов рабовладение в первую очередь было ориентировано на продажу. Аммиан Марцеллин (XXXI, 2, 25) даже утверждал про аланов, что «они не имели никакого понятия о рабстве». Это, конечно, преувеличение, но слова историка могут свидетельствовать об ограниченном распространении рабства. Известно только, что аланы возвращали пленных за выкуп (Jos., Bel. lud., VII, 7, 4; Ambr os., De excid. Hier., V, 1).

Данных о рабовладении у кочевников Средней Азии очень мало. Но известно, что эфталиты вели довольно обширную работорговлю, причем контингент рабов пополнялся из завоеванного населения [История таджикского народа, 1963, стр. 408].

Хунну в результате своих набегов и войн с Китаем угоняли большой полон, причем, по сообщению Сыма Цяня, «взятых в плен делали рабами и рабынями» [Таскин, 1968а, стр. 41]. Иногда они отбирали женщин и детей у подчиненных племен за невыплату дани в срок [Бичурин, 1950, т. I, стр. 144]. Имелось у них и какое-то количество покупных рабов [Таскин, 1973, стр. 89]. Но основными формами эксплуатации в государстве хунну оставались дань и военный грабеж, а позднее и налогообложение рядовых кочевников. Возможно, часть военнопленных-китайцев занималась

земледелием и ремеслом [Гумилев, 1960, стр. 14; Руденко, 1962, стр. 29] — сведения об этом имеются в китайских источниках [Таскин, 1973, стр. 56—57]. Но рабское положение их вызывает сомнения. Сами китайцы констатировали, что «рабы и рабыни пограничных жителей печалются о своей тяжелой жизни, среди них «много желающих бежать, и они говорят: „Ходят слухи, что у сюнну спокойная жизнь, но что поделаешь, если поставлены строгие караулы?“ Несмотря на это, иногда они все же убегают за укрепленную линию» [там же, стр. 41].

В домашнем хозяйстве европейских гуннов рабы использовались мало. Большинство их гунны продавали за пределы страны [Maenchen-Helfen, 1973, стр. 199—200]. Практиковался также выкуп. Наконец, рабы участвовали в войнах и, отличившись, могли получить свободу. Известен и другой случай — когда рабы убили своих господ на войне. Приск Панийский сообщает, что в наказание их распяли (Prisc. Pan., fr. 8).

В средние века фиксируются те же формы использования рабов кочевниками, что и в древности. Прежде всего это продажа на внешние рынки — на Востоке существовал устойчивый и высокий спрос на рабов на протяжении всего средневековья⁴, а кое-где и в новое время — и в меньшей мере использование их в домашнем хозяйстве, преимущественно аристократическом. Иногда из рабов формировались военные дружины, которые аристократия кочевников, стремясь к усилению своей власти, противопоставляла племенным ополчениям. Подобное использование рабов началось уже в древности⁵. Но и в средние века в евразийских степях такие дружины были скорее исключением, чем общим правилом, а главное, и статус рабов-воинов существенно отличался от статуса рабов, занятых в производстве, и назвать подобный метод их использования экономическим можно лишь с известной натяжкой.

Древние тюрки в своих постоянных войнах порой брали многочисленный полон. Так, в 619 г. Чуло-хан в Бин-чжеу «забрал в городе всех женщин и девиц и ушел» [Бичурин, 1950, т. I, стр. 246]. Чеби-хан «часто выезжал для похищения людей и скота» [там же, стр. 263]. Пленных использовали в качестве домашней прислуги, но нередко их сажали на землю в специальных поселках и взымали с них дань продуктами земледелия и ремесла. При описании западных владений каганата в китайском источнике сказано: «Малых городов считается до трехсот. Они населены китайцами, которых тукюесцы (т. е. тюрки.—А. Х.) увели в плен. Пленники еще говорят китайским языком» [там же, т. II, стр. 300]. Характер их эксплуатации не был рабским [Гумилев, 1960, стр. 54—55].

Рабство внутри печенежского общества было развито очень слабо [Плетнева, 1958, стр. 193]. Рабов иногда только использовали в качестве домашних слуг [Федоров-Давыдов, 1966, стр. 220]. Значительно чаще пленников продавали или отпускали за выкуп. Анна Комнин рассказывает один эпизод, когда «начальники скифов (т. е. печенегов.— А. Х.) хотели было убить пленных, которых содержали, но сходка никак не позволила этого, надеясь выдать их за деньги» [Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина, 1859, стр. 334]. По утверждению ал-Бекри, печенеги предоставляли военнопленным «на выбор, желают ли они остаться у них на условиях полной равноправности и [даже] поступления в брак у них, если того пожелают, или быть отправлены обратно в безопасное для них место» [Куник и Розен, 1878, стр. 60]. Возможно, права С. А. Плетнева, полагающая, что отпущенные на свободу пленники пополняли зависимую категорию населения [Плетнева, 1958, стр. 193].

Огузы и туркмены IX—XIII вв. подавляющее большинство пленных продавали соседним народам. Рабство имело домашний характер: рабы использовались в основном в качестве слуг, иногда из них формировались дружины ханов, эмиров и беков; рабыни обращались в наложниц и прислугу. В источниках нет свидетельств о применении труда рабов в скотоводческом хозяйстве [Агаджанов, 1969; стр. 110—112; Агаджанов, 1973, стр. 120; Ковалевский А. П., 1956, стр. 128]. В огузском эпосе неоднократно упоминаются рабы и рабыни, но только как домашние слуги, служанки и наложницы. В торжественных случаях их иногда отпускали на волю. Один из героев, попавший в плен, упоминает своих рабов, которые тоскуют по нему вместе с его отцом, матерью и сестрами [Книга моего деда Коркута, 1962, стр. 22, 28, 31, 41, 45—47, 49, 58, 76, 79, 89, 97].

У половцев рабство также оставалось домашним. Пленных стремились продать или получить за них выкуп [Плетнева, 1958, стр. 189; Федоров-Давыдов, 1966, стр. 221—222].

Рабство было хорошо известно и монголам. Изредка рабы пасли скот [Рашид ад-дин, 1952, т. I, кн. 1, стр. 145], значительно чаще становились «слугами-холопами при табуне и кухне» [Козин, 1941, стр. 82, 122]. Во время своих завоевательных походов монголы захватили огромное количество пленных, но многие из них были проданы за пределы Монголии [Тизенгаузен, 1884, стр. 540; Путешествия Плано Карпини и Рубрука, 1957, стр. 72], а количество оставшихся превышало возможности их рабской эксплуатации. В надгробной надписи на могиле Елюй Чу-цая говорится: «В то время рабы, полученные князьями, сановниками и военачальниками, часто оставались в областях и проживали почти на половине Поднебесной. Поэтому его превосходитель-

ство в докладе императору предложил при переписи населения записать всех как [обычных] податных крестьян» [Мункуев, 1965, стр. 78]. У самих монголов рабство, как и прежде, было распространено лишь в ограниченном размере: рабов, использовали в домашнем хозяйстве [Козин, 1941, стр. 190], как ремесленников [O1shki, 1946, стр. 5 и сл.; Петрушевский, 1970, стр. 125], иногда их даже приносили в жертву на похоронах [Путешествия Платона Карпини и Рубрука, 1957, стр. 32—33].

У татар Золотой Орды рабов добывали в основном ради продажи в другие страны. Выгоды от работорговли были столь велики, что продавали даже соотечественников, захваченных в междоусобных войнах, а в затруднительных ситуациях— и собственных детей [Тизенгаузен, 1884, стр. 113—114, 231, 235, 436; Скржинская, 1971, стр. 53—56]. Кроме того, важным потребителем рабской силы, преимущественно ремесленной, были золотоордынские города. Но в них рабы постепенно освобождались из своего состояния, пополняя прослойки зависимого населения. Показательно, что с упадком этих городов, наступившим в XV в., вновь расцвела уменьшившаяся было в XIV в. внешняя работорговля [Сафаргалиев, 1960, стр. 91; Федоров-Давыдов, 1973, стр. 83—85].

В то же время, по одному из свидетельств, хотя, очевидно, страдающему некоторым преувеличением, отношение к рабам иногда было сравнительно мягким. «Они даже сохраняют такую свободу христианам, что многие, женись и содержа большую семью, становятся иногда богаче своих господ, причем господа те не решаются коснуться имущества рабов и даже зовут их товарищами, а не рабами; но когда господа идут в бой, те, вооружившись, следуют за ними, честно служа против сарацинов, сражаясь с ними и соблюдая верность договору» [Аннинский, 1940, стр. 91].

Домашним оставалось рабство и у кочевых узбеков и казахов [Толыбеков, 1959, стр. 243, 396; Ахмедов, 1965, стр. 85—88]. Преобладал вывоз рабов, в том числе соотечественников, на внешние рынки. Рузбехан писал: «Когда [один над другим] одерживает победу, то один другого продает [в рабство], а имущество и скот забирает в качестве добычи. [Они] никогда не воздерживаются от этого [правила]. Если кто отвергает [подобное], говоря: „Зачем же ты продаешь [в рабство] свой собственный народ?“ — то на это удивляются и говорят: „Да этот человек на самом деле сумасшедший! Он брезгует военной добычей» [Ахмедов, 1965, стр. 86]. В самом Казахстане оставляли лишь небольшую часть из обращенных в рабство пленных, и то преимущественно женщин и детей. Рабы, как правило, выполняли домашние работы, скот они пасли редко. Иногда они участвовали в набегах и войнах [Шашков, 1872, стр. 152—153; Зобнин, 1901;

Бекмаханов, 1947, стр. 46—47; Семенюк, 1959, стр. 167, 178, 201 и др.]. Рабское состояние во многих случаях было временным. По истечении определенного срока раб женился, обзаводился скотом и кибиткой и пополнял прослойку зависимого, но не рабского населения [Вяткин, 1947, стр. 134—135].

Еще меньше было распространено рабство у калмыков, хотя калмыцкая беднота в XVIII в. была вынуждена иногда продавать своих детей кубанцам, чтобы на вырученные деньги приобрести просо [Пальмов, 1927, стр. 125].

Таким образом, рабы никогда не являлись важной производительной силой в кочевых обществах. Иногда в качестве примера развитых рабовладельческих отношений, якобы существовавших в условиях экстенсивного скотоводства, ссылаются на туарегов [Смирнов А. П., 1970, стр. 130]. Действительно, вряд ли в каком-либо другом кочевом обществе рабовладение достигло такого распространения, как у туарегов Сахары [Duveyrier, 1864, стр. 336, 339; Lhote, 1955, стр. 204, 269; Nicolaisen, 1963; Першиц, 1968, стр. 339 и сл.]. Но даже у них соотношение рабов и амгидов — зависимого слоя населения, обязанного различными повинностями в пользу туарегской аристократии, — выражалось как 2:3. Если же сравнить их роль в системе хозяйства, то соотношение еще больше изменится в пользу амгидов. В то время как последние были основными производителями в туарегском обществе, рабы использовались в первую очередь для домашних работ. Они разбирали и собирали шатры, носили воду, собирали топливо, готовили, стирали, ухаживали за детьми. Лишь в ограниченных размерах рабский труд использовался при пастьбе скота, рытье колодцев и добыче соли. Рабы имели оружие и участвовали в набегах. Различия в образе жизни между ними и их хозяевами были невелики. Раб, с которым плохо обращались, мог сменить хозяина, но утратить раба подобным образом означало потерять престиж.

А. П. Першиц отметил два специфических обстоятельства, в известной мере делающих значительное развитие рабства у туарегов уникальным явлением. Во-первых, природные условия Сахары не позволяли туарегской аристократии — ахаггарам — кочевать вместе с зависимыми от них амгидами и поэтому лишали их возможности использовать в своих хозяйствах труд последних. Во-вторых, непосредственно к югу от Сахары находились страны Тропической Африки — главный резервуар рабов для Ближнего Востока, и участвовавшие в работорговле туареги совершали на них регулярные набеги [Першиц, 1968]. По-видимому, в других населенных кочевниками областях Ближнего Востока рабство и рабовладельческий уклад были развиты слабо. Примени-

тельно к доисламской Аравии такой вывод был сделан Л. И. Надирадзе [Надирадзе, 1960].

Таким образом, исключений из общего правила нет. Рабство, почти имманентно присущее кочевникам, никогда не было и не могло стать у них основой производства. Очевидно, этот вывод можно распространить на любое экстенсивное скотоводческое хозяйство. Все попытки применять труд рабов на ранчо в обеих Америках в XVII—XIX вв. провалились, причем в качестве причин неудачи называются уже знакомые неэффективность и дороговизна рабского труда, возможность побегов и т. д. (Strickon, 1965, стр. 242—243]. Когда в Кентукки в 20-х годах XIX в. распространились ранчо за счет табачных и конопляных плантаций, там немедленно появился излишек рабов [Heinlein, 1959, стр. 43, 69—70].

Категории зависимого населения

Источники позволяют выделить в скифском обществе несколько категорий неполноправного и зависимого населения, очевидно подвергавшегося эксплуатации. Правда, конкретные формы этой эксплуатации далеко не всегда ясны

Неполноправный слой обедневших кочевников. Пиндар (fr. 105) засвидетельствовал наличие среди кочевых скифов лиц, не имевших своего дома, перевозимого на телеге. По этому поводу схолиаст Аристофана (Schol. ad Arist. Avv., 945) заметил, что «не имеющий там (т. е. в Скифии.—А. Х.) повозки считается у них бесчестным». В данном случае имеется в виду наиболее обедневшая прослойка населения, утратившая возможность вести самостоятельное кочевое хозяйство, а вместе с ним престиж и, возможно, какие-то социальные права. Может быть, таких или еще больших бедняков подразумевал Псевдо-Гиппократ (De æere, 30), когда писал про наличие в Скифии людей «самого низкого происхождения», не имевших даже возможности ездить верхом В. Д. Блаватский полагает, что известие Псевдо-Гиппократа скорее всего следует отнести к земледельческим племенам, подвластным (или союзным) царским скифам [Блаватский, 1950, стр. 20, прим. 3]. Однако сопоставление этого известия со свидетельством Пиндара побуждает думать, что в обоих случаях речь идет именно о кочевниках, для которых владение лошадью имело первостепенное значение. Недаром казахские пословицы гласят: «Умирает не тот, кого ругают, а тот, кто потеряет свою лошадь» [Толыбеков, 1959, стр. 39]; «Кто владеет лошадью, тот не знает лишений» [Зиманов, 1958, стр. 112]. К тому же все известия Псевдо-Гиппократа о скифах посвящены не земледельцам, а кочевникам. Можно

только думать, что процесс образования пауперизированной и неполноправной прослойки интенсивнее протекал в среде скифов-кочевников, чем у господствовавших политически царских скифов.

Материальное положение этой прослойки было весьма тяжелым. Тот же Пиндар [fr. 203(207); Zenob., V, 59] заметил: «Некоторые скифы, притворяясь, открыто на словах гнушаются лежащей убитою лошадью, а тайком обдирают кривыми зубами ноги и головы». К словам поэта надо отнестись с полным доверием. Употребление падали в пищу было отмечено у средневековых монголов и татар и Калмыков; нового времени [Меховский 1936, стр. 59; Путешествия Платона Карпини и Рубрука, 1957, стр. 95—96; Небольсин, 1852, стр. 47; Житецкий, 1892, стр. 192, 195]. Эрасмустрат (A. Gell., N. Att., XVI, 3, 8) сообщает о случаях голодовок у скифов, когда им приходилось стягивать живот широкими поясами, «так как при этом голод менее мучит их». Ясно, что чаще других голодать случалось неимущему слою.

Происхождение его особых сомнений не вызывает, несмотря на молчание источников. Кочевое хозяйство всегда и всюду отличается нестабильностью. Массовый падеж скота в результате джута, засухи, эпизоотии, утрата его из-за вражеских набегов и т. д.— явления, постоянно сопутствующие кочевничеству. Согласно казахской поговорке, скот принадлежит любому бурану и сильному врагу [Толыбеков, 1959, стр. 218].

У хунну зимой 72 г. до н. э. из-за обильного снегопада и успешных вражеских набегов случился голод. «Умерло из каждого десятка три человека, а из каждого десятка скота пало пять голов. Сюнну совсем обессилели, все зависимые от них владения отложились, и они уже не в состоянии были совершать грабительские набеги» (Таскин, 1973, стр. 28). Голод повторился в 68 г. до н. э. «В том же году в землях сюнну был голод, от него из каждого десятка населения умерло шесть-семь человек, а из каждого десятка скота пало шесть-семь голов» [там же, стр. 29]. В «Истории поздней династии Хань» Фань Е под 46 г. н. э. говорится, что «сюнну несколько лет подряд страдали от засухи и саранчи, земля на несколько тысяч ли лежала голая, травы и деревья засохли, люди и скот голодали и болели, большинство их умерли или пали» (там же, стр. 70).

Ал-Омари, ал-Макризи и ал-Айни сообщают, что в годы стихийных бедствий татары Золотой Орды продавали в рабство собственных детей, не видя иного способа остаться в живых [Тизенгаузен, 1884, стр. 231, 235, 241, 436, 442, 513].

У калмыков Поволжья зимой 1798 г. потери скота достигли 562 878 голов [Ючилов, 1925, стр. 59], у калмыков Ставрополя всего за 25 дней в конце 1892 — начале 1893 г.

пало 1 201 187 голов скота [Дуброва, 1898, стр. 231]. В Казахстане в XIX в. крупные джуты, когда гибло от половины до трех четвертей всего поголовья скота, повторялись каждые 6—11 лет, местные джуты случались почти ежегодно [Толыбеков, 1959, стр. 54—56]. При каждом большом джуте масса кочевников лишалась скота и превращалась в обездоленных бедняков. В Туве в отдельные годы от джута гибло до 15—17% скота, а если прибавить еще урон от эпизоотии, то общие потери иногда достигали половины всего поголовья [Вайнштейн, 1972, стр. 52—53]. В Монголии от эпизоотии гибло до 60% и более скота [Вяткина, 1960, стр. 161].

Даже оставляя в стороне социальные факторы, можно заключить, что пауперизация части кочевников — процесс, имманентно присущий кочевому хозяйству и образу жизни. Трудно думать, что у скифов дело обстояло иначе. Результатом тех периодических голодовок, о которых сообщает Эрасистрат, или набегов, подобных тому, после которого скиф Дандамис оказался «обобранным донага» (L и с, Тох., 40), могло быть только пополнение неполноправного слоя обнищавших кочевников-скифов.

В установлении их дальнейшей судьбы во многом вновь приходится опираться на сравнительные материалы. Утрата возможности вести самостоятельное хозяйство оставляла перед недавними кочевниками два выхода: либо идти в услужение к своим богатым соплеменникам, работать в их хозяйствах, пасти их скот в качестве слуг, клиентов, батраков, арендовать его на основе саунных отношений [о сауне см.: Першиц, 1973] и т. д., либо оседать на землю.

Постоянное наличие резерва рабочей силы являлось одной из причин слабого развития у кочевников рабовладельческих отношений. Но экстенсивное кочевое хозяйство не настолько трудоемко, чтобы дать занятие всем свободным рукам И. А. Житецкий писал про калмыков, что «в степи кочуют семьи сравнительно зажиточные, а те из них, которые беднеют, лишаются скота, выбрасываются из года в год степью за ее пределы. Остаются из семей бедных скотом в степи только те, сравнительно немногие, которые пристраиваются в качестве пастухов и работников при худуках у крупных скотоводов и при хурулах» [Житецкий, 1892, стр. 25; см. также: Пальмов, 1927, стр. 124—125].

Обнищавшие кочевники, не нашедшие себе применения в хозяйствах сородичей и соплеменников, вынуждены были оседать на землю. При этом они нередко подвергались эксплуатации со стороны богатых скотоводов, предоставлявших им зерно, скот и орудия, необходимые для земледельческого труда, и за это взимавших часть урожая и заготовленного на зиму сена. Насколько позволяют судить источники, в большинстве кочевых обществ евразийских степей

всегда прослеживается оседлость или полuosедлость какой-то части населения как неизбежный результат кочевого образа жизни.

Подобная вынужденная оседлость далеко не всегда была прочной и длительной. Обнищавшие кочевники, потерявшие возможность заниматься кочевым скотоводством, нередко были самым презируемым и дискриминируемым слоем. Например, у огузов обедневшие и оседавшие на землю лица переставали быть полноправными членами общества. Обычное право огузов обнаруживает враждебное отношение к ним, а по Махмуду Кашгарскому, ятуки — огузские бедняки — не принимали участия в войнах [Агаджанов, 1969, стр. 96—97, 109, 113]. Недавние кочевники рассматривали свое состояние как вынужденное и временное и при первой возможности обычно вновь переходили к кочеванию [Зиманов, 1958, стр. 38; Толыбеков, 1959, стр. 335—338; Аполлова, 1960, стр. 53]. «Только лишь безвыходная нищета может побудить кочевника заняться хлебопашеством,— отмечал один из наблюдателей.— Но лишь только он обзавелся скотом, тотчас бросает свою неуклюжую лопату, которой он пахал землю вместо сохи,— он делается кочевником» [Завадский-Краснопольский, 1874, стр. 17]. Поэтому оседание части кочевников в результате их пауперизации являлось не столько причиной, сколько одной из предпосылок более широких и стабильных процессов седентаризации, зависевших от многих иных факторов, в частности от степени заинтересованности кочевой знати в наличии земледельческого уклада, от спроса на зерно на внешнем рынке и т. д.

У скифов прослеживаются обе отмеченные тенденции в положении обедневших кочевников и характере их эксплуатации.

Полиен (Strateg., VII, 44, 1) сообщает, что «скифы перед сражением с трибаллами приказали земледельцам и коневодам показаться вдаль с табунами лошадей, когда узнают, что они вступили в сражение с врагами. Те так и сделали. Трибаллы, увидев вдаль огромное количество людей и лошадей и столбы пыли и слыша поднявшиеся крики, вообразили, что верхние скифы идут на помощь их врагам, и в ужасе обратились в бегство». В изложении Фронтин (Strateg., II, 4, 20) этот эпизод выглядит несколько иначе. «Скифский царь Атей, когда ему пришлось сразиться с более значительными силами трибаллов, приказал женщинам, детям и всей нестроевой толпе (*imbellis turba*) подождать к тылу неприятелей стада ослов и быков и при этом нести впереди поднятые копья; затем он распустил слух, что будто бы к нему идут подкрепления от более отдаленных скифов; этим уверением он побудил неприятелей отступить».

Иногда под *imbellis turba* произвольно понимают поко-

ренных и обращенных в рабство земледельцев и коневодов [Граков, 1950а, стр. 10; Граков, 1954, стр. 23; Блаватский, 1954а, стр. 35]. Но ни у Полиена, ни у Фронтинна об этом не говорится ни слова. Зато из их рассказа следует, что в Скифии IV в. до н. э. была прослойка зависимого населения, не принимавшая участия в войнах и занимавшаяся земледелием и выпасом скота, очевидно чужого. Можно предположить, что под земледельцами и коневодами Полиена, нестройной толпой Фронтинна скрываются обнищавшие кочевники-скифы, социально неполноправные, зависимые и эксплуатируемые.

Вероятно, выявляются они и археологически, хотя и не очень отчетливо. В скифских могильниках IV—III вв. до н. э. в курганах со сравнительно богатыми погребениями встречаются иногда впускные погребения с очень бедным инвентарем. Например, в кургане № 15(75) могильника у Солохи погребены мужчина-воин с оружием, наборными поясами, предметами конской сбруи и греческим лекифом и женщина с золотыми бляшками, выполненными в зверином стиле, бронзовым зеркалом и киликом. В том же кургане было обнаружено еще одно погребение, в котором из вещей было только семь бронзовых наконечников стрел и даже отсутствовала заупокойная пища [Архив ИА АН УССР, инв. № 1962/44]. В кургане № 45 могильника Любимовка II наряду с погребением, содержащим оружие, золотую серьгу и бляшки, выполненные в зверином стиле, имелось другое, в котором сопутствующий инвентарь был представлен лишь одной стеклянной бусиной, а заупокойная пища отсутствовала [там же, инв. № 1968/15]. Подобные погребения едва ли были рабскими — покойники похоронены в них с соблюдением основных правил скифского погребального обряда. Скорее всего в них были похоронены слуги или какие-то иные зависимые лица. Возможно, им же иногда принадлежали и наиболее бедные погребения под отдельными насыпями, не только впускные, но и основные. Однако надежные критерии, позволяющие отделить такие погребения от погребений полноправных, хотя и бедных кочевников отсутствуют.

В то же время прослеживаются седентаризационные процессы, постепенно охватившие всю Скифию: сперва вокруг Ольвии, с V в. до н. э. на Керченском полуострове, в IV—III вв. до н. э. в Поднепровье. Вероятно, оседали обедневшие кочевники-скифы, из полноправных членов общества превращавшиеся в неполноправных и эксплуатируемых земледельцев, вроде тех, которыми, по Полиену, помыкали Атей и его войско. Не случайно в могильниках, принадлежавших оседлому земледельческому населению степной Скифии, с III в. до н. э. начинает исчезать оружие [Мелюкова, 1950, стр. 33; Мелюкова, 1964, стр. 83]. Конечно, со временем

осевшие на землю кочевники могли достичь известного благосостояния. Но они всегда находились в зависимости от тех, кто продолжал кочевать, пока последние господствовали политически в скифском обществе.

Ферапонты Сведения о них содержатся у Геродота (IV, 71—72) в рассказе о похоронах скифского царя. На этих похоронах убивали и клали в могилу вместе с царем помимо наложниц его виночерпия, повара, конюха, слугу и вестника. «По (прошествии) года снова совершают следующее: из оставшихся слуг (θηράπωντες) выбирают самых способных (они прирожденные скифы, ибо царю служат те, которым он сам прикажет, а покупных рабов у них вовсе нет) и из этих слуг пятьдесят человек, а также пятьдесят отборных коней удушают».

Трудно решить, что имеет в виду Геродот, подчеркивая, что ферапонты — «прирожденные скифы» (Σκύθαι ἐγγενεές): то ли, что они выходцы из среды царских скифов, считавших всех прочих скифов своими рабами, то ли, что в отличие от обращенных в рабство военнопленных они являлись, выходцами из свободных слоев Скифского царства. Иногда в ферапонтах видят своеобразных рабов, которых поставляли скифским царям в виде дани зависимые племена [Блаватский, 1954, стр. 33—34]. Однако Геродот чаще употребляет слово «ο θηράπων» в смысле «слуга» [Powell, 1938, s. v.]. Данные археологии также не позволяют отождествлять ферапонтов с настоящими рабами.

Помимо собственно рабских (IV группа) и женских погребений с богатым сопутствующим инвентарем (I группа) в скифских царских курганах встречаются еще две группы погребений, сопровождавших основное. Одна из них (II группа) представлена довольно богатыми мужскими погребениями с большим количеством оружия — стрел, копий, мечей и даже панцирей, с изделиями из золота, с предметами, выполненными в зверином стиле (Чертомлык, Солоха, Александрополь, Гайманова могила). Многие из погребений другой группы (III) уверенно связываются с захоронениями коней, поблизости от которых они обычно находятся (Чертомлык, Солоха, Александрополь, Гайманова могила, Толстая могила). Они не отличаются богатством, но все же умершие, как правило, лежат в специально вырытых ямах и имеют кое-какой сопутствующий инвентарь, среди которого встречаются стрелы, копья, ножи, скребницы для коней и пр. Покойники обычно ориентированы традиционно по-скифски: в широтном направлении, головой на запад, реже на восток.

Именно среди погребений II и III групп надо искать геродотовых ферапонтов. Но погребения II группы со значительным количеством оружия и довольно богатым инвентарем свидетельствуют о достаточно высоких социальных

позициях лиц, в них покоившихся. Ими могли быть приближенные царя, например его дружинники. М. И. Артамонов был совершенно прав, когда отмечал, что факт их ухода из жизни вместе с царем мало что определяет [Артамонов, 1947а, стр. 83 и сл.]. Сравнительно-исторический материал дает сколько угодно примеров подобной смерти, добровольной или совершенной под давлением общественного мнения. (Впрочем, границы здесь весьма зыбки.)

Даже социальные позиции лиц, погребения которых относятся к III группе, по-видимому, были значительно выше рабских. Как-никак для них в курганах делали особые погребения, их хоронили с орудиями производства и некоторым количеством оружия. Это, видимо, были слуги — конюший, виночерпии и другие, может быть соответствующие геродотовым ферапонтам. Но возможно и другое допущение. Слуги-ферапонты одновременно могли быть дружинниками скифских басилевсов. В средние века и в новое время подобное явление отмечено у кочевников евразийских степей. Например, у казахских и узбекских ханов дружинники, нередко вербовавшиеся из зависимых слоев населения, были не только воинами, но и выполняли различные работы в ханских хозяйствах, использовались в качестве посыльных, личных слуг и пастухов [Толыбеков, 1959, стр. 243; Ахмедов, 1965, стр. 103—104]. Если аналогичное явление существовало и у скифов, то слуги-ферапонты могли составлять низший слой дружинников, нечто вроде «младшей дружины», а лица, которым принадлежали погребения II группы, — ее высший слой, «старшую дружину», может быть, тех стражей царя скифов, о которых упоминает Полиен (Strateg., VIII, 56). Или же, что в общем одно и то же, лица, которым принадлежали погребения II группы, составляли привилегированную прослойку ферапонтов.

По правдоподобию предположению В. Д. Блаватского, ферапонты были и личными слугами, и телохранителями, и даже пастухами стад скифской знати [Блаватский, 1954, стр. 33; см. также: Шелов, 1972, стр. 75]. Однако остается неясным, имелись ли они лишь у царей-басилевсов или также у высокопоставленных аристократов (ср.: Лус, Тох., 48, 54). Поэтому трудно определить удельный вес ферапонтов среди зависимого слоя скифского общества.

Данники. Даннические отношения в Скифии прослеживаются на протяжении почти всей ее истории. Уже в VII в. до н. э. многие государства Передней Азии попали в данническую зависимость от скифов (Her., I, 106). После возвращения в Северное Причерноморье скифы стремились установить (или восстановить) свое господство над местными племенами. Рассказ Геродота об этих событиях (IV, 1, 3—4) носит

легендарный характер. «Когда скифы, проведя на чужбине двадцать восемь лет, после столь продолжительного отсутствия возвращались на родину, им пришлось выдержать войну не меньше мидийской: они встретили выступившее против них немалое войско, потому что скифские женщины, вследствие продолжительного отсутствия своих мужей, вступили в связь с рабами... От этих-то рабов и жен скифских произошла молодежь, которая, узнав о своем происхождении, решила воспротивиться скифам при их возвращении из Мидии. Прежде всего они отрезали свою землю, выкопав широкий ров на всем протяжении от Таврических гор до озера Меотиды, где оно наиболее широко. Затем при всякой попытке скифов вторгнуться они выходили против них и вступали в битву. Когда произошло несколько сражений и скифы никак не могли одолеть врага, один из них сказал следующее: „Да что мы делаем, скифы! Сражаясь с нашими рабами, мы и сами становимся малочисленнее, вследствие потерь убитыми, и, убивая их, уменьшаем число своих рабов на будущее время. Поэтому я теперь предлагаю оставить копья и луки, а каждому взять конскую нагайку и идти на них: пока они нас видели с оружием в руках, они считали себя равными нам и одного с нами происхождения; но когда они увидят у нас в руках нагайки вместо оружия, они тотчас поймут, что они наши рабы, и в сознании этого не устоят против нас"».

Услышав это, скифы привели совет в исполнение; рабы, пораженные случившимся, забыли о сражении и обратились в бегство».

Первое, что бросается в глаза в этом рассказе,— его очевидная и поэтому давно подмеченная [см., например: How and Wells, 1912, т. I, стр. 304; Доватур, 1957, стр. 73] близость с аналогичными рассказами о восстаниях рабов и их усмирениях, созданными в греческой среде и носящими ярко выраженный отпечаток рабовладельческой идеологии (ср.: Her., VI, 83; Just., III, 4, 8; VIII, 3). Никто сейчас, кажется, не сомневается, что сам рассказ оформился в среде греческих поселенцев в Северном Причерноморье. Однако считать его чистым вымыслом трудно. Скорее всего в нем содержится намек на реальный конфликт, происшедший где-то в конце VII или начале VI в. до н. э.

Лишь отдельные исследователи думают, что речь у Геродота действительно идет о восстании рабов, коллективных или частных [Смирнов А. П., 1966, стр. 144]. Большинство же полагает, что в рассматриваемой новелле отразились события, связанные с подчинением вернувшимся из Передней Азии скифами местных племен [Ростовцев, 1918, стр. 33; Тереножкин, 1952а, стр. 13; Граков и Мелюкова, 1954, стр. 49; Яценко, 1959, стр. 110; Щеглов, 1968, стр. 333; Иль-

инская, 1968, стр. 176; Хазанов, 1972, стр. 162; Шелов, 1972, стр. 74]. При этом нет никаких оснований следовать за древними греками, которые в рамках привычных для себя категорий восприняли установившуюся в результате этого подчинения зависимость как рабскую.

По-видимому, рассказ о восстании потомков скифских рабов следует сопоставить с геродотовым же описанием царских скифов, самых лучших и многочисленных и «считающих прочих скифов своими рабами» (IV, 20), или с упоминанием Плиния (NH, IV, 80) о неблагородных, рабского происхождения скифах-троглодитах. Подобные свидетельства отражают сложный характер скифского объединения, в котором одни племена находились в зависимости от других, причем степень этой зависимости могла варьироваться.

По Страбону (VII, 4, 6), зависимость земледельцев (γεωργοί) Крыма от кочевых скифов была не слишком обременительной. «Номады занимаются больше войною, чем разбоем, и войны ведут из-за дани (υπέρ των φόρων): предоставив землю во владение желающим заниматься земледелием, они довольствуются получением установленной умеренной дани, не для наживы, а для удовлетворения ежедневных жизненных потребностей; в случае же неуплаты денег данниками начинают с ними войну... А не платят им те, которые уверены в своих силах, так что могут или легко отразить нападающих, или воспрепятствовать вторжению».

Афиней (XII, 27) со ссылкой на ученика Аристотеля Клеарха Солийского рассказывает о значительно более суровых формах зависимости: «Сначала один только скифский народ пользовался общими законами; затем они снова сделались "несчастнейшими из всех смертных" вследствие своих насильственных поступков: они предались роскоши, как никто другой, вследствие удач во всем, богатства и прочего благосостояния. Это очевидно из остающейся еще до сих пор одежды и образа жизни их старшин. Предавшись же роскоши и притом устремившись к ней первыми из всех людей, они дошли до такой степени жестокости, что у всех людей, с которыми вступали в сношения, стали обрезать концы носов; их потомки, удалившиеся с родины, до сих пор носят название, заимствованное от этого несчастья. А женщины их татуировали тела женщин фракийцев, живших вокруг них к западу и к северу, накалывая рисунки булавками... Они над всеми господствовали так надменно, что рабское служение у них, для всех соединенное со слезами, разгласило и в последующих поколениях, что значило выражение "от скифов"».

Нередко полагают, что Клеарх Солийский повествует о жестоких формах рабства. Но он прямо утверждает, что по-

коренные жили вокруг скифов к западу и северу. Следовательно, рабство в данном случае исключается.

Еще одним видом зависимых отношений являлись те, в которых периодически оказывались греческие государства Северного Причерноморья, вынужденные откупаться от скифов данью или подарками, являвшимися, в сущности, той же данью, только менее регулярной и не столь болезненной для греческого самолюбия. Уже В. Григорьев отметил стремление, существовавшее во многих государствах от Византии до Китая в самые различные эпохи, «заменять оскорбительное для слуха их слово "дань" более мягким "подарки", стремление, осуществлявшееся обыкновенно довольно легко, так как расчетливые кочевники гнались не за словом, а за делом [Григорьев, 1875, стр. 16—17].

О дани, которую боспорцы платили скифам, упоминает Лукиан в «Токсарисе» (Тох., 44, 55). Страбон (VII, 4, 4) про последнего боспорского Перисада сообщает: «Последний правитель... будучи не в состоянии бороться с варварами, требовавшими большей дани, чем прежде, уступил власть Митридату Эвпатору»⁶. Хорошо известны и факты, свидетельствующие о зависимости Ольвии от скифских царей [Граков, 1954, стр. 28—29]. В III—II вв. до н. э. некоторые греческие города, возможно, выплачивали дань Скифскому царству в Добрудже [Блаватская, 1952, стр. 145—146]. В состав дани, которую греки платили кочевникам Северного Причерноморья, вероятно, входили серебряные сосуды, крупные ювелирные изделия и другие предметы, импонировавшие вкусам знати [Шилов, 1973, стр. 64].

Характер зависимости, в которой в последних веках до нашей эры оказались греческие полисы Северного Причерноморья, наиболее подробно раскрывает ольвийский декрет в честь Протогена [IOSPE, I², № 32]. Кто бы конкретно ни подразумевался под саями, описанная в нем ситуация, вероятно, была достаточно типичной для отношений причерноморских греков в периоды их ослабления с кочевниками хинтерланда.

По декрету Ольвия притеснялась царем саев Сайтафарном. Полис платил ему довольно регулярную и тяжелую дань, формально называвшуюся «дарами». «Подарки» приходилось делать не только самому царю, но и его приближенным. Кроме того, особые подношения требовались, когда Сайтафарн проезжал мимо города, причем если он бывал недоволен их размерами, то угрожал войной. И все же зависимость Ольвии от Сайтафарна ограничивалась только уплатой дани. Во всем остальном она сохраняла полную самостоятельность.

Но зависимость некоторых греческих государств Северного Причерноморья от скифов была лишь эпизодическим яв-

лением. Значительно более прочным и длительным было подчинение местных земледельческих племен, в первую очередь завоеванных и вошедших в состав Скифского царства, отчасти также тех, кто сохранил независимость, но страдал от скифских набегов и, по-видимому, иногда предпочитал откупаться от своих беспокойных соседей. Степень этой зависимости, судя по данным античных источников, варьировалась весьма сильно — от довольно необременительной до весьма тяжелой. Что касается ее сущности, то в основе ее лежали даннические отношения, сопровождавшиеся рядом иных повинностей.

По отдельным намекам источников можно попытаться установить некоторые из повинностей, которыми наряду с данью было обложено земледельческое население Скифского царства. Во-первых, это различные «кормления», которые взимались с земледельцев, когда представители кочевой аристократии оказывались на их территории. По Геродоту (IV, 71), кортеж с телом умершего царя и сопровождавшими его лицами объезжал все зависимые от царских скифов племена. Последние были обязаны всячески выражать свою скорбь. «Те, к которым привезут покойника, делают то же, что и царские скифы: отрезают себе часть уха, обстригают кругом волосы, надрезают руки, расцарапывают лоб и нос и протыкают стрелы сквозь левую руку». Надо думать, что и содержание погребального кортежа было обязанностью подчиненных племен. Ведь даже когда умирал рядовой скиф, его «друзья», к которым отвозили тело покойного, выставляли угощение. Вероятно, и при жизни царей-басилевсов подобные кормления не были редкостью. Скифские цари свободно кочевали по всей территории своего царства не только во время войн, но и по другим случаям. Напомню про Савлия, оказавшегося в Гилее (Her., IV, 76), или про Скила, неоднократно прикочевывавшего в Ольвию и оставлявшего при этом свою свиту и дружину за городской стеной по месяцу и более (Her., IV, 78).

Во-вторых, подчиненные племена обязаны были участвовать по мере необходимости в скифских войнах, поставляя вспомогательные контингенты, главным образом пехотные [Блаватский, 1950, стр. 20; Мелюкова, 1950, стр. 35 и сл.]. Во время войны с Дарием наряду с конницей в скифском войске была и пехота (Her., IV, 134). По данным Диодора (XX, 22), в битве при Фате войско скифов на две трети состояло из пехоты и лишь на одну треть из конницы.

Может быть, существовала еще одна повинность — своеобразная дань людьми, становившимися ферапонтами скифских царей. Однако неясно, из какой в точности среды они происходили. Конечно, данничество и связанные с ним формы зависи-

мости, существовавшие в скифском обществе, не остались незамеченными. Различные ученые писали о них довольно много. Но нередко их пытались подтянуть к рабству, представить как его разновидность. В результате данничество и подвластность одних племен другим стали выглядеть как завоевательное рабство типа плотин и т. п. [Граков, 1954, стр. 14, 21—23; Тереножкин, 1966, стр. 42—43; Смирнов А. П., 1966, стр. 144; Нейхард, 1968, стр. 145]. Однако на самом деле данничество не тождественно рабству (хотя в некоторых случаях в недифференцированном виде обладает сходными с ним чертами), а является особой формой эксплуатации. Чтобы убедиться в этом, следует обратиться к его генезису.

Подобно рабству, данничество и близкие к нему формы эксплуатации, заключающиеся в том, что зависимые группы отдают часть произведенного продукта и выполняют иные повинности в пользу победителя, возникают в эпоху разложения первобытного общества, но генетически они связаны с неинституциализированным военным грабежом и контрибуцией. Различия между данничеством и рабством весьма отчетливы: во-первых, данничество — вид коллективной, а не индивидуальной зависимости; во-вторых, находящиеся в такой зависимости группы сохраняют обычно свою экономическую и социальную структуру, хотя чаще и в несколько трансформированном виде; в-третьих, положение данников, обладающих собственным хозяйством и собственной социальной организацией, обычно значительно легче положения рабов. Достаточно заметно даже отличие данничества от «коллективного рабства», хотя сомнительно, чтобы последний термин вообще имел право на существование. В данном случае данников отличает неинтегрированность в социэкономическую структуру господствующей группы.

Только в ходе дальнейшего развития, в классовом обществе, данники по своему положению и характеру эксплуатации постепенно сближаются с основными категориями зависимого населения. При этом они нередко очень долго сохраняют своеобразные черты. Так, в античном мире коллективная форма эксплуатации и различная степень отчуждения подчиненных групп от средств производства приводили к тому, что положение их и с правовой и с фактической точек зрения выглядело весьма своеобразно, сочетая черты рабства и крепостничества с коллективной формой зависимости.

Не имея возможности подробно вдаваться в обсуждение тех форм зависимости, которыми определялось положение илотов в Спарте, мноитов и войкеев на Крите, мариандинов в Гераклее Понтийской или пенестов в Фессалии, не могу не заметить, что если их нередко и считают рабскими, то в

известной мере потому, что они отмечены в том регионе, где господствовали рабовладельческие отношения, и в тот период, когда они господствовали. Даже среди греков, в теории не всегда отделявших различные степени зависимости от рабской, находились такие, которые отмечали, что «среднее положение между свободными и рабами занимают лакедемонские илоты, фессалийские пенесты, критские клароты и мноиты, дорофоры мариандинов, аргосские гимнеты, сикионские коринефоры» (Pollux., Onomast., III, 83). Специальные современные исследования также показывают отличие их положения и статуса от собственно рабского [см., например: Колобова, 1957; Нейхард, 1968, стр. 137 и сл.; Златковская, 1968, стр. 108—110; Златковская, 1971, стр. 138 и сл.; Свенцицкая, 1971, стр. 11—12]. «Несомненно, крепостное право и зависимость не являются какой-либо специфически средневеково-феодальной формой,— писал Ф. Энгельс,— мы находим их всюду или почти всюду, где завоеватель заставляет коренных жителей обрабатывать для него землю» [Энгельс, Письмо К. Марксу, стр. 112].

Но если нельзя считать рабами илотов или пенестов, то тем более нет никаких оснований сблизать с ними зависимые племена Скифии. Об этом совершенно справедливо писали В. Д. Блаватский и Д. Б. Шелов [Блаватский, 1954, стр. 33; Шелов, 1972, стр. 76]. Источники, во всяком случае, не дают для этого никаких оснований. Напротив, они позволяют полагать, что зависимые племена сохраняли в основном прежний образ жизни и многие формы своей социальной организации, а зависимость их выражалась главным образом в уплате дани и некоторых иных повинностях. Обозначение даннической зависимости как рабской, характерное и для греков, и для скифов, и для многих других, таковой ее еще не делает. Само по себе оно может служить лишь для характеристики некоторых идеологических представлений правящей группы.

Даннические отношения у кочевников евразийских степей Даннические отношения были широко распространены не только у скифов, но и у других кочевников евразийских степей, как древних, так и средневековых. Хунну в периоды своего усиления получали регулярную дань ремесленными изделиями и продуктами земледелия с Китая, которую тот стыдливо называл «подарками» [Таскин, 1968а, стр. 42, 45, 46, 48, 50, 57; Таскин, 1973, стр. 22, 64]. Данью облагались и другие земледельческие страны [Таскин, 1973, стр. 126; Бичурин, 1950, т. I, стр. 216, 218]. Так, Хотан платил ее шерстяными и бумажными тканями [Бичурин, 1950, т. II, стр. 233]. Подчиненные кочевые племена также выполняли различные повинности. Например, ухуани поставляли хунну кожи, овчины и полотно [Таскин, 1973, стр. 54; Бичурин,

1950, т. I, стр. 144]. Кроме того кочевники и владения Западного края поставляли вспомогательные войска [Таскин, 1973, стр. 125; Бичурин, 1950, т. II, стр. 214], усуни и Давань были обложены почтовой повинностью [Бичурин, 1950, т. II, стр. 155, 161, 190—191]. Усуньские вожди были обязаны периодически ездить в ставку шаньюев хунну [там же стр. 161, 190—191].

У кочевников Средней Азии также были широко распространены даннические отношения (Strabo, XI, 8, 3). Усуни, усилившись, подчинили себе многие владения, в том числе окрестные города [Бичурин, 1950, т. II, стр. 155, 190]. Большие юэджи подчинили себе владение Дахэ [там же, стр. 183—184]. В зависимости от Кангюя находился ряд кочевых и оседлых владений; одно из этих владений, Янь, платило Кангюю дань «кожами зверьков мышинной породы» [там же, стр. 186, 229].

Аналогичная картина наблюдалась в Европе. Так, при Адриане римляне платили дань роксоланам (SHA, Hadrian, 6). Позднее европейские гунны не только грабили римлян, но и систематически облагали их разорительной данью. В договоре 434 г. указывалось, «чтобы со стороны римлян ежегодно уплачивалось по семьсот литров золота... (а раньше сумма дани равнялась тремстам пятидесяти литрам)» (Prisc. Pan., fr. 1). По договору 443 г. Феодосии II вынужден был увеличить дань до 2100 литров (Prisc. Pan., fr. 5). Платили дань и подчиненные земледельческие племена. Кроме того, многие из побежденных гуннами сарматских и германских племен участвовали в их походах и набегах (Iord., Get., 198—201).

В Европе на протяжении многих столетий стабильно существовал тип кочевых объединений, в которых одно племя доминировало над другими, находившимися от него в даннической зависимости. Так же прочно удерживалась идеология главенствующего племени, рассматривавшего остальные как своих рабов. Нередко дошедшая до нас в греко-римской интерпретации, она сбивала отдельных исследователей на поиски рабовладельческих отношений у древних кочевников. Но при ближайшем рассмотрении нетрудно убедиться, что на самом деле под «рабством» скрывалась всего лишь зависимость даннического типа.

С одной стороны, помимо царских скифов известны царские язиги (Strabo, VII, 3, 17; App., Mithr., XII, 67, 2), царские сарматы (Ptol., V, 8, 16), впоследствии — царские гунны, по традиции именуемые скифами (Prisc. Pan., fr. 1). И. В. Пьянков допускает наличие в Средней Азии царских саков [Пьянков, 1968, стр. 15, прим. 19]. С другой стороны, на примере одного из сарматских племенных объединений — язигского — видно, какой характер отношений

преобладал между господствующими и остальными племенами объединения.

Язиги, оказавшись в дунайском междуречье, к концу I в. подчинили местное оседлое население, которое обязано было уплачивать им дань (Тас, Germ., 43). В 358 г. в язигском объединении произошел раскол. Зависимое племя (или племена)⁷ сарматы-лимиганты восстали против господствующего племени сарматов-аргарагантов и изгнали их из своих областей (Amm. Marc, XVII, 12, 18; Euseb., Vita Const., IV, 6, 1—2; Anon. Vales., 32; Hieronym., Chron., a. 2350) [подробно об этом восстании см.: Patsch, 1926, стр. 181 и сл.; Vilić, 1929/30, стр. 374—376; Kind, 1955, стр. 88; Barkoczi, 1959, стр. 450—451; Ceska, 1964, стр. 57 и сл.]. Все римские авторы, писавшие об этом восстании, называют сарматов-лимигантов рабами, и вслед за ними так же поступают некоторые современные исследователи [Блаватский, 1954, стр. 115, прим. 2]. Другие ученые считают лимигантов крепостными [Patsch, 1926, стр. 214]. Однако наиболее полное описание событий, содержащееся у Аммиана Марцеллина, не оставляет сомнений в том, что на самом деле лимиганты были земледельческим племенем, сохранившим свою внутреннюю автономию и лишь обязанным кочевникам определенными повинностями.

Подобное же зависимое, но отнюдь не рабское население, очевидно, имеет в виду и Тацит (Ann., XII, 17), когда повествует о том, что сарматы-сираки, осажденные римлянами и их боспорскими союзниками в своем племенном центре Успе, «прислали послов, просивших пощадить горожан свободного состояния и предлагавших победителям десять тысяч рабов (*servitii decern milia*)». Обычно свидетельство Тацита понимается буквально [Жебелев, 1953, стр. 153, прим. 1; Гольденберг, 1953, стр. 206; Каллистов, 1968, стр. 220]. В результате был даже сделан вывод, что у сираков существовало рабовладельческое государство [Струве, 1968, стр. 187]. На мой взгляд, больше прав М. И. Артамонов, усмотревший в этих «рабах» зависимое от кочевников земледельческое население [Артамонов, 1948а]. Вероятно, оно стеклось в Успе в поисках убежища от военной опасности. «Рабами» же оно было лишь в глазах сираков и римлян.

Та же самая традиция наблюдается и в средние века. Про аланов и утигуров древние тюрки говорили: «Они в подданстве у нас, стали нашими рабами» [Византийские историки, 1860, стр. 420]. Половцы, победившие торков-огузов, считали их своими рабами [Агаджанов, 1969, стр. 159, прим. 3]. Монголы считали своими рабами половцев [Аннинский, 1940, стр. 88—89; Полное собрание русских летописей, 1885, стр. 90]. Киргизские роды и племена делились на основные и подчиненные, «рабские». К основным относились чисто

киргизские, к подчиненным — инородческие [Ильясов, 1955, стр. 48].

На самом деле по-прежнему очень широко были распространены даннические отношения. Владения Западного края платили дань жуаньжуаням [Бичурин, 1950, т. II, стр. 247], а тюрки добывали для них железо [там же, т. I, стр. 221, 228]. Древние тюрки получали большую дань от Китая, и Тобо-хан говорил: «Только бы на юге два мальчика [Чжоу и Ци] были покорны нам: тогда не нужно бояться бедности» [там же, стр. 233]. Половцы получали дань от таких городов, как Судак и Тмутаракань [Федоров-Давыдов, 1973, стр. 77]. По свидетельству Ибн ал-Асира, каракитаи, установившие в XII в. свою власть в Туркестане, когда «занимали город, то для жителей его ничего не меняли, только брали с каждого дома по динару — с жителей городов и, кроме того, с деревень. Что касается посевов и тому подобного, то они предоставлялись населению. Каждый из царей, кто подчинился им, прикреплял на своей груди подобие серебряной дощечки: таков знак того, кто им подчиняется» [Материалы по истории киргизов и Киргизии, 1973, стр. 66]. На данничестве базировались отношения Золотой Орды с захваченными земледельческими странами [Федоров-Давыдов, 1973, стр. 26—27]. Казахские ханы и султаны временами «взимали дань с сырдарьинских городов [Левшин, 1832, ч. II, стр. 80—88; Добросмыслов, 1900, стр. 61—62; Добросмыслов, 1912, стр. 109—111; Пищулина, 1969, стр. 13 и сл.]».

Таким образом, в отношении данничества многие племенные объединения и государственные образования средневековых кочевников в евразийских степях продолжали традицию предшествующего времени. В первую очередь данниками становилось подчиненное оседло-земледельческое население, но и покоренные господствующим племенем или племенами кочевники иногда попадали в зависимость, в типологическом отношении близкую к даннической. По-видимому, именно данничество являлось ведущей формой эксплуатации в раннеклассовых государственных образованиях, созданных скифами, хунну, древними тюрками, хазарами и т. д.

Однако широкое развитие данничества у кочевников само становилось фактором консервации примитивных раннеклассовых отношений, потому что внешняя эксплуатация в их среде превалировала над внутренней. Использование племенной организации в качестве орудия военно-политического господства над иноплеменниками ограничивало возможности эксплуатации соплеменников со стороны господствующей верхушки кочевников [Першиц, 1973, стр. 6].

Дальнейшее развитие требовало иных форм эксплуатации, а это было возможно только в результате более тесной

интеграции кочевников и земледельцев в рамках одного государства. Именно в тех кочевых обществах, которые пошли по данному пути, и наблюдается дальнейшее развитие классовых отношений.

Рядовое свободное население

Наиболее интересные сведения о рядовых свободных кочевниках-скифах сохранились у Лукиана (Scyth., 1). Наряду с царским родом и аристократией они составляли особое сословие, именуемое «восьминогими» (οἱ ὀκτάποδες;), т. е. владельцами пары волов и одной повозки, очевидно, с размещавшейся на ней кибиткой. Иногда «восьминогих» отождествляют с бедняками, упомянутыми Пиндаром и Псевдо-Гиппократом, но, как справедливо отметил В. Д. Блаватский, без достаточных оснований [Блаватский, 1954, стр. 35, прим. 2]. Однако, вопреки мнению ученого, такое отождествление неправомерно не потому, что лукианово описание скифской повозки отличается от описания Псевдо-Гиппократа. Люди «самого низкого происхождения», «лишенные чести», о которых говорят Псевдо-Гиппократ и Пиндар, в отличие от («восьминогих» вообще не имели собственной кибитки, были лишены возможности ездить верхом и находились ниже последних на социальной лестнице. Лукиан при перечислении основных сословий скифского общества их игнорирует, так же как рабов, данников и пр., потому что упоминает только полноправные сословия. Примечательно, что подобное представление очень напоминает традиционную индоевропейскую модель, по которой рабы и другие категории зависимого населения также рассматривались как стоящие вне общества.

Впрочем, само прозвище «восьминогие», едва ли греческое по своему происхождению, имеет несколько пренебрежительный оттенок, так как указывает на ограниченный имущественный достаток. Может быть, оно подразумевает всегда существующий у кочевников уровень имущественного достатка, ниже которого становится невозможным ведение самостоятельного хозяйства. Было бы очень интересно приблизительно определить этот уровень, хотя бы с помощью сравнительного материала, но цифры, которые приводят различные наблюдатели и исследователи, сильно отличаются друг от друга и к тому же относятся не к Северному Причерноморью, а к другим районам евразийских степей.

По П. С. Палласу, калмыцкая семья из пяти человек нуждалась для своего прокормления в середине XVIII в. в десяти коровах, одном быке, восьми кобылах и одном жеребце [Паллас, 1776, стр. 222]. И. Словцов писал про каза-

хов Акмолинской области, что семья из 5—6 человек для своего существования нуждается в пяти лошадях, шести коровах и десяти баранах [Словцов, 1881, стр. 24—25]. И. М. Майский считает, что состоящей из пяти человек семье типичного монгольского кочевника требовалось как минимум 14 лошадей, 3 верблюда, 13 голов крупного рогатого скота и 90 овец и коз [Майский, 1959, стр. 140—141]. По мнению С. Е. Толыбекова, в чисто скотоводческо-кочевом ауле к категории хозяйств среднего достатка при 4—6 членах семьи относились хозяйства, имевшие 100—150 голов овец и коз и 20—25 голов крупного скота (15—20 верблюдов с молодняком и 4—5 рабочих лошадей). Ниже этого минимума не могло осуществляться даже простое воспроизводство, и хозяйство становилось бедняцким [Толыбеков, 1959, стр. 131]. По подсчетам С. И. Руденко, для обеспечения минимальных нужд средней скотоводческой семьи в пять душ необходимо было иметь столько скота, чтобы его поголовье в общей сложности соответствовало 25 лошадям, исходя из расчета: одной взрослой лошади соответствует $\frac{6}{5}$ головы взрослого крупного рогатого скота и шесть овец или коз. К тому же надо дополнительно учитывать число транспортных животных для перевозки жилища с имуществом и верховых животных по числу взрослых членов семьи [Руденко, 1961а, стр. 5].

По-видимому, внутри сословия «восьминогих» существовала определенная дифференциация. Принадлежавший к нему Токсарис, выходец «из толпы простых скифов» (Luc, Scyth., 1), во время одного из походов смог выставить сотню всадников, снаряженных им на свой счет (Luc, Tox., 54). Вероятно, названная Лукианом цифра является преувеличенной, но очевидно, что имущественное положение и социальный статус в Скифии не всегда совпадали.

Археологические материалы свидетельствуют о том, что большинство рядовых скифов VI—IV вв. до н. э. обладали весьма скромным имущественным достатком. Греческий импорт в их погребениях довольно редок и представлен в основном одним-двумя керамическими изделиями, бусами или другими дешевыми украшениями. Исключение составляют только амфоры с вином — традиционный атрибут тризны. Изделия из драгоценных металлов также встречаются очень редко и малозначительны как в весовом, так и в художественном отношении. Медные котлы, конская сбруя, изделия, выполненные в зверином стиле, почти полностью отсутствуют.

Ограбленность большинства скифских погребений не позволяет провести статистических подсчетов и поэтому ограничивает возможность проследить на археологическом материале дифференциацию внутри слоя простых свободных

скифов. Можно только отметить, что из рядовых могильников выделяются несколько более богатые (например, Красный Перекоп-4) [Архив ИА АН УССР, инв. № 1968/15, 1970/36], в погребениях которых чаще встречаются предметы греческого импорта, украшения из золота и серебра, а в мужских — оборонительные доспехи и даже захоронения коней [Археологія Української РСР, 1971, т. II, стр. 56—58]. Воин, погребенный в невысоком кургане у с. Новая Розановка, имел полный комплект наступательного и оборонительного оружия, включая шлем, панцирь, кожаные штаны, покрытые железными чешуйками, меч, два копья и колчан с 200 стрелами [Шапошникова, 1970].

В большинстве рядовых скифских могильников имеются отдельные погребения и курганы, более богатые, чем остальные. Например, ограбленный курган № 6 могильника Любимовка I отличается богатством тризны — на ней было выпито не менее 15 амфор вина. Среди остатков инвентаря обнаружена конская сбруя. В курганах № 38/3 и 45/1 могильника Любимовка II обнаружены золотые бляшки, выполненные в зверином стиле, бронзовые котел и киаф, чернолаковый лекиф [Архив ИА АН УССР, инв. № 1968/15]. Погребения подобного рода есть почти в каждом рядовом могильнике. Наряду с ними встречаются и другие, отличающиеся своей особой бедностью. Инвентарь в них или вообще отсутствует, или представлен несколькими стрелами, немудреным украшением, лепным горшком и т. п. Иногда подобные погребения располагаются под отдельными курганными насыпями (например, Любимовка II, курганы № 57, 58) [там же, инв. № 1969/22], иногда под одними насыпями со сравнительно богатыми погребениями (например, курган № 45 того же могильника) [там же, инв. № 1968/15]. Определить, кому они принадлежали — обнищавшим свободным скифам или каким-то категориям неполноправного и эксплуатируемого населения — очень трудно. Можно лишь заметить, что обнищание являлось прямой дорогой к неполноправию и эксплуатации.

Правом и обязанностью рядовых кочевников-скифов, принадлежавших к сословию «восьминогих», было участие в военных действиях. Именно они составляли большинство войска, и поэтому к ним в первую очередь можно отнести слова Геродота (IV, 46): «...народу, у которого нет ни городов, ни укреплений, который свои жилища переносит с собой, где каждый — конный стрелок, где средства к жизни добываются не земледелием, а скотоводством и жилища устраиваются на повозках,— такому народу как не быть непобедимым и неприступным?»

Данные археологии находятся в полном соответствии с этими словами. Оружие присутствует почти во всех рядовых

мужских скифских погребениях IV—III вв. до н. э., но представлено оно в первую очередь стрелами, затем копьями. Мечи встречаются реже, а оборонительные доспехи — крайне редко [Черненко, 1968, стр. 164—165]. Таким образом, конкретизируются слова Геродота о том, что скифы были преимущественно лучниками.

Другие права и обязанности рядовых скифов, а также их возможные повинности по имеющимся источникам четко установить не удастся. Некоторым намеком может служить только следующий рассказ Геродота (IV, 81). В Скифии, в местности Эксампей, находился медный котел в шесть пальцев толщиной, вмещавший в себя 600 амфор. «По словам туземцев, он сделан из наконечников стрел: однажды царь их, по имени Ариант, желая узнать численность скифов, приказал, чтобы каждый скиф принес по одному наконечнику стрелы, а кто не принесет, тому грозил смертью. Таким образом, было снесено огромное количество наконечников, и царь решил соорудить из них памятник себе: он приказал отлить из них этот медный сосуд «и поставил его в Эксампее».

Существует довольно правдоподобное предположение о том, что медные наконечники стрел у скифов, а также у фракийцев и в Ольвии служили мелкой разменной монетой [Sévèreano, 1926; Герасимов, 1938, стр. 24 и сл.; Скуднова, 1956; Граков, 1968, стр. 104 и сл.; Граков, 1971]. Поэтому вполне законны вопросы Б. Н. Гракова: «Не первый ли поголовный налог взимал Ариант? Не дал ли он, отливая котел из наконечников, пример, объясняющий нам то, что вслед за золотом и серебром в разных видах, кроме денег, имущество и казна накапливались и в виде дорогой медной утвари, и в виде стрел?» [Граков, 1968, стр. 112].

Можно с уверенностью утверждать, что по крайней мере в одном из государственных образований древних кочевников, хуннском, налоги уже существовали. По свидетельству Сыма Цяня, китайский перебежчик Чжунхан Юэ, ставший советником сына и преемника Модэ Лаошан-шаньюя, «научил приближенных шаньюя вести записи для подсчета и обложения налогом населения и скота» [Таскин, 1968а, стр. 45].

Вероятно, дело не ограничивалось одним налогообложением. И в скифском и в хуннском государственных образованиях рядовое население могло выполнять целый ряд явных и неявных повинностей в пользу привилегированных слоев общества. Но вряд ли они были очень велики. До тех пор пока внешние формы эксплуатации преобладали, существовал определенный предел развитию эксплуатации внутри собственного общества, потому что оно должно было быть консолидированным по отношению к остальному миру.

Жречество⁸

У всех современных скифам индоевропейских народов жреческое сословие более или менее обособилось от остального населения. Как показали труды Ж. Дюмезиля и других исследователей, такое обособление отмечается уже для времени индоевропейской и индоиранской общностей [Dumézil, 1941, стр. 27, 70 и сл.; Dumézil, 1958, стр. 27; Воусе, 1970, стр. 22; Грантовский, 1970, стр. 348] Поэтому вопрос о наличии у скифов особой жреческой прослойки имеет не только специальный, но и уже отмеченный более общий интерес, связанный с проблемой трансформации общества при переходе к номадизму.

Анализ скифской этногонической легенды позволил предположить, что у скифов издревле существовало представление об обособленной жреческой прослойке, функционирующей в идеальной общественной модели. Остается выяснить, насколько оно соответствовало реальной действительности,

Данные о скифском жречестве, содержащиеся в произведениях греческих авторов, крайне немногочисленны. Видимо, поэтому, в то время как одни исследователи допускают наличие в скифском обществе влиятельной жреческой прослойки [Яценко, 1959, стр. 113; Тереножкин, 1966, стр. 39—40], другие это отрицают [Лаппо-Данилевский, 1887, стр. 533; Каллистов, 1952, стр. 27; Артамонов, 1964, стр. 85; Dumézil, 1962, стр. 199; Dumézil, 1968, стр. 445—446]. При всех обстоятельствах едва ли случайно, что сведения античной традиции посвящены почти исключительно энареям (ἐνάρες, ἀναρείς). Энареи — женоподобные (οἱ ἀνδρόγυνοι) гадатели, носившие женское платье, усвоившие женские привычки и даже говорившие «подобно женщинами (Her., I, 105; IV, 67; P s. -Nipp., De äere, 29—30) — были, с точки зрения греков, самой экзотической корпорацией среди скифского жречества и, естественно, привлекали к себе наибольшее внимание.

Основные сведения о положении энареев в скифском обществе содержатся в двух литературных традициях, связанных с именами Геродота и Псевдо-Гиппократ. Отдельные намеки имеются и у других авторов. Из их сопоставления явствует, что:

1) энареи были профессиональной жреческой корпорацией, связанной с культом богини Афродиты — Аргимпасы (Her., IV, 67—68);

2) энареи являлись гадателями. «Искусство гадания даровано им Афродитой; они гадают при помощи липовой коры гадатель разрезает ее на три полоски, затем, переплетая их между пальцами и расплетая, произносит предсказание» (Her., IV, 67);

3) корпорация энареев имела наследственный характер. «Женоподобные» особенности энареев, явно связанные с требованиями религиозного культа, передавались также их потомству (Her., I, 105; см. также IV, 69);

4) энареи происходили из аристократических слоев общества, может быть даже (близких к царскому дому Псевдо-Гиппократ (De ãere, 30) отмечает, что энареи — «скифские богачи, не люди самого низкого происхождения, а, напротив, самые благородные и пользующиеся наибольшим могуществом» (P s.-H i r p., De ãere, 30; см. также: A g i s t o t., Eth. Nie, VII, 7, 6; Clem. AL, Protreph., II, 24);

5) энареи пользовались значительным влиянием и престижем в скифском обществе Псевдо-Гиппократ (De ãere, 29) объясняет это тем, что «причину такого явления (т. е. «женоподобия» энареев.— А. Х.) туземцы приписывают божеству и поэтому чтут таких людей и поклоняются им, каждый боясь за себя». Однако из сообщения Геродота, которое будет приведено дальше, следует, что боязнь энареев и гадалей вообще имела под собой и более реальные основания, потому что от их гадания иногда зависела человеческая жизнь.

Существует мнение, что энареи были не только социальной категорией — одной из групп скифского жречества, но и самостоятельным этническим подразделением — одним из скифских племен [Ельницкий, 1960, стр. 48; Ельницкий, 1961, стр. 151]. Теоретически это возможно. Часто считается, например, что таковыми первоначально были мидийские маги (Her., I, 101) или колено Левита в древнем Израиле (Исх., 28—29). Правильнее, конечно, говорить о том, что эти племени монополизировали отправление культа, а не о том, что все их члены поголовно были жрецами. Однако применительно к скифам у нас практически нет никаких доказательств этого, если не считать предложенных Л. А. Ельницким разновременных и относящихся к различным территориям фонетических сопоставлений (энареи Геродота = анариа-ки Страбона, живущие у Каспия = санареи Птолемея, живущие «за Албанией» = анареи того же Птолемея, живущие где-то в глубине Азии), не слишком убедительных и, во всяком случае, противоречащих сведениям Геродота и Псевдо-Гиппократа.

При всех обстоятельствах несомненным остается один факт: энареи у скифов составляли привилегированную жреческую корпорацию

Помимо энареев у скифов были и другие гадалы, «У скифов есть много гадалы, которые гадают при помощи множества ивовых прутьев следующим образом: принесши большие связки прутьев и положив их на землю, они раскладывают их порознь и затем, перекалывая прутья по од-

ному, гадают; произнося предсказания, они (вместе с тем снова собирают прутья и раскладывают их поодиночке. Таков у них исконный способ гадания» (Her., IV, 67). Среди гадателей существовала определенная иерархия — трое из них считались главными (Her., IV, 68).

Скифские гадатели, по-видимому, имели черты сходства с жречеством других иранских народов. На золотой пластинке из Амударьинского клада изображен жрец, который держит в руке прутья или палочки [Dalton, 1964, стр. XXVI, 19, табл. XIV]. Можно напомнить также про магов Мидии и Персии, «поющих молитвы и держащих в руках пучок тонких тамарисковых ветвей» (Strabo, XV, 3, 14). Маги, по тому же Страбону (XV, 3, 15), произносят заклинания, «держа перед огнем связку прутьев».

Черты, роднящие скифских гадателей с магами, очевидно, не остались незамеченными и в древности. В схолии к «Поэме о зверях» Никандра (613) отмечается, что «маги и скифы гадают по мириковому дереву. Динон в первой книге третьей части говорит, что и мидийские предсказатели гадают по палочкам». Подобные параллели важны, потому что косвенным образом подтверждают высокие социальные позиции скифского жречества. Ведь привилегированное положение жречества в древнем Иране известно слишком хорошо, чтобы была необходимость напоминать о нем особо.

Вероятно, помимо знареев и гадателей в Скифии существовали и другие категории жречества. В частности, жрецами могли быть стражи священного золота. Предположение о том, что в отправлении культа непосредственное участие принимали цари и другие представители светской аристократии, также не лишено оснований [Граков, 1947, стр. 88; Dumézil, 1962, стр. 198; иранские аналогии см.: Widengren, 1959, стр. 251—252].

Приведенные материалы показывают, что сомнения в существовании у скифов довольно влиятельной духовной прослойки едва ли оправданны. Отсутствие, по словам Геродота (IV, 59), в Скифии храмов и алтарей не является решающим аргументом, как и, по-видимому, слабая дифференциация между собственно жреческими и гадательскими функциями. Надо помнить, что Геродот смотрел на скифскую религию глазами эллина. В древней Индии в эпоху Ригведы тоже не было ни идолов, ни изображений богов, но жрецы, и притом очень влиятельные, уже были. Наличие или отсутствие храмов может являться лишь показателем сравнительной развитости той или иной религии, еще больше ее типологической принадлежности, но само по себе отнюдь не свидетельствует об отсутствии профессионалов по отправлению религиозных функций.

К тому же слова Геродота нельзя понимать буквально. Действительно, у скифов не было храмов и алтарей, подобных греческим. Однако сам же историк отмечает (IV, 62), что в каждом номе было святилище Ареса. По Лукиану (Тох., 2—8), в Скифии имелся храм в честь божеств, отождествлявшихся греками с Орестом и Пиладом. Наконец, можно напомнить, что некоторые греческие святилища в Северном Причерноморье были воздвигнуты на месте более древних местных (S trab o, XI, 2, 10). Кстати, про персов, в наличии у которых профессионального жречества никто никогда не сомневался, Геродот также сообщает (I, 131), что «ставить кумиры, сооружать храмы и алтари у них не дозволяется».

Сравнительно-этнографический материал также свидетельствует о том, что выделение жречества как особого сословия или корпорации происходит в эпоху разложения первобытнообщинных отношений [Токарев, 1964, стр. 35].

Наиболее подробный рассказ о деятельности скифских жрецов-гадателей содержится у Геродота (IV, 68—69). Речь идет о гадалцах, с помощью которых царь обнаруживает и истребляет злоумышленников против своей персоны. «В случае болезни царь скифский приглашает к себе трех самых главных гадалей... по большей части они говорят при этом, что такой-то и такой-то из жителей, которого они называют по имени, ложно (покаялся божествами царского очага, а клясться божествами царского очага у скифов в обычае преимущественно тогда, когда они желают дать величайшую клятву. Человека, на которого укажут как на клятвопреступника, тотчас хватают и приводят; когда он явится, гадалки уличают его в том, что он, по свидетельству гадания, оказывается клятвопреступником перед божествами царского очага и что вследствие этого болеет царь; обвиняемый отрицает это и с божбою уверяет, что он не преступил клятвы. Ввиду упорства обвиняемого цари приглашают других гадалек в двойном числе; если и эти на основании своих гаданий обвинят его в клятвопреступлении, то ему немедленно отрубят голову, а первые гадалки по жребью делят между собой его имущество. Если же вторые гадалки оправдают его, то вызываются новые и новые гадалки, и если большинство их оправдывает подсудимого, то первые гадалки сами присуждаются к смерти».

Далее Геродот с подробностями описывает процедуру казни обвиняемых в лживом гадании, которых сжигали заживо, и продолжает: «Описанным способом сжигают гадалек и за другие провинности, называя их лжепророками. Царь не оставляет в покое и детей тех гадалек, которых он казнит; всех сыновей их он также убивает, но дочерей не трогает». Создается впечатление, что отношения между

царем и жрецами-гадателями отнюдь не всегда были идиллическими.

Сообщение Геродота представляет наибольшую ценность для уяснения социальной роли скифского жречества, но одновременно наибольшие трудности для интерпретации. Выбор темы и характер сообщения, видимо, объясняются двумя причинами: общей тенденцией скифского рассказа Геродота (желая познакомить своих читателей со скифами как с одним из факторов тогдашней мировой истории, он одновременно не проходил мимо всего того, что могло поразить и удивить греков) и характером его источников — сведения о скифских гадалателях Геродот скорее всего получил из вторых или третьих рук — от эллинизированных скифов или ольвийских греков, и в таком случае они, конечно, не могли быть полными. В результате сложные и запутанные отношения царя и гадалелей остаются не вполне понятными. Например, Геродот знает, что царь преследует гадалелей за ряд провинностей, но сам называет только одну — ложное обвинение. Возможно, остальные ему попросту не были известны.

Правильно понять и истолковать сведения Геродота о скифских гадалателях, исходя только из его рассказа, невозможно. Для этого содержащейся в нем информации явно недостаточно, и к тому же нет уверенности в ее адекватной передаче. Сообщение Геродота нуждается в интерпретации, и единственный путь здесь — привлечение сравнительного материала.

Сущность явления, отраженного в рассказе Геродота о гадалателях, с помощью которых царь уничтожал злоумышленников против своей персоны, видимо, можно понять, если привлечь обширный этнографический и исторический материал, относящийся к обществам, находившимся на различных этапах разложения первобытнообщинных отношений, а иногда и на раннеклассовой ступени развития. В таких обществах принудительная власть царей и всякого рода предводителей окончательно еще не оформилась, всегда ограничена традиционными нормами и правилами, общественным мнением, все еще действенными кровнородственными связями, родо-племенными структурами, отсутствием развитого аппарата принуждения и т. п. Поэтому цари и вожди в них нередко прибегают к услугам жречества как выразителя божественной воли не только для укрепления своего авторитета, но и для простого устранения неугодных и опасных для них лиц. Приведу несколько примеров, намеренно взятых из территориально и хронологически весьма удаленных друг от друга обществ, для того чтобы подчеркнуть широкую распространенность этого явления.

Уже в Меланезии появились профессиональные специалисты в области культа, и они повсюду были тесно связаны со

светскими вождями. На о-вах Тробриан единственным способом, которым вождь мог наказать смертью рядовых общинников, был вызов сверхъестественных сил с помощью специалистов по магии, своеобразных колдунов-палачей. Угрозы этого нередко бывало достаточно, чтобы удерживать людей в повиновении [Malinowsky, 1922, стр. 62—65]. На Фиджи были известны наследственные колдуны-жрецы «мбете», состоявшие при вождях и сообщавшие населению волю богов. Свой огромный авторитет они использовали для подчинения рядового населения вождям [Народы Австралии и Океании, 1956, стр. 461—462].

В более развитой в целом Полинезии жрецы составляли нечто вроде особой касты и при этом выступали обычно как исполнители воли вождей, с которыми они иногда к тому же были связаны узами кровного родства. Они ведали выбором лиц для человеческих жертвоприношений, что в известной мере служило орудием террора, так как выбор нередко падал на людей, совершивших проступки против вождей или жрецов или чем-либо опасных в их глазах [там же, стр. 624, 632]. Однако известны и конфликты между вождями и жреческим сословием, и некоторые жрецы оспаривали власть у вождей.

У германцев времен Тацита авторитет жрецов, которые помимо отправления культа сосредоточили в своих руках судебные функции, был даже выше, чем авторитет вождей и военных предводителей, и опять же они действовали в согласии друг с другом. Тацит (*Germ.*, 7) прямо пишет, что «ни карать смертью, ни налагать оковы, ни даже подвергать бичеванию не дозволено никому, кроме жрецов, да и они делают это как бы не в наказание и не по распоряжению вождей, а якобы по повелению бога». Примечательно, что сам Тацит со свойственной ему проницательностью был убежден в обратном, т. е. в том, что жрецы у германцев на самом деле выносили смертный приговор именно по распоряжению вождей. Более чем два с половиной века спустя Аммиан Марцеллин (XXVIII, 14) сообщал про германское племя бургундов, что верховный жрец у них несменяемый и не несет ответственности за свои проступки, в то время как король за военные или хозяйственные неудачи может быть смещен.

У кельтов власть жрецов-друидов, в большинстве выходцев из аристократической среды, была особенно велика и в некоторых отношениях превосходила власть светской аристократии. И у них в руках жречества находился суд и выбор лиц для принесения в жертву богам, причем Цезарь сообщает (*De Bell. Gall.*, VI, 16), что друиды «прибегают к принесению в жертву даже невиновных».

У баганда в Африке жрецы, действовавшие по прямым

указаниям царя, выбирали жертвы для приношения богам таким образом, что выбор падал на лиц, опасных для трона. Внешне все прикрывалось волей богов, сообщаемой через жрецов и оракулов, иногда на специальных ордалиях, организованных для расследования трудного дела [Шаревская, 1964, стр. 125—126].

Ближайшей аналогией к рассказу Геродота, возможно, является описание роли жречества у южноафриканских скотоводов-банту. У них обычная судебная процедура не распространялась на людей, обвиненных в колдовстве. Для розыска последних на публичных сходках применялась специальная процедура «вынюхивания» или «унюхивания». «Вынюханные» жрецами в присутствии вождя и народа лица подвергались немедленному наказанию. Если богатство или влияние человека вызывали опасения у вождя, он при благоприятных условиях, например болезни и смерти кого-нибудь из членов своей семьи, заставлял жрецов «вынюхать» этого человека, т. е. обвинить его в колдовстве против царского дома. После этого судьба несчастного была решена [Scharera, 1956, стр. 103, 111].

Подобная процедура у нгуни и других южных банту чрезвычайно похожа на рассказ Геродота даже по своим отдельным деталям. Разница лишь в том, что Геродот излагал, так сказать, официальную скифскую версию, не вскрывая внутренних побудительных мотивов действий скифского царя и жрецов-гадателей да и не понимая их. Однако он все же отметил (IV, 68) тот примечательный факт, что за успешное обвинение гадатели получали в награду имущество казненного. Принцип материальной заинтересованности здесь был, таким образом, явно налицо. Поэтому в свете тех этнографических аналогий, которые я уже приводил и которые при желании можно легко увеличить, едва ли будет слишком неправдоподобным предположением, что и скифские цари использовали жречество не только для идеологического освящения своей власти, но и в конкретных мерах по ее укреплению.

Но в рассказе Геродота, возможно, содержатся также намеки на какой-то конфликт между скифским царем и жрецами-гадателями. Повествование историка в этом месте слишком туманно и поэтому не поддается истолкованию каким-либо однозначным образом. Можно только делать догадки.

Наиболее любопытна фигура скифского царевича Анахарсиса, на протяжении многих веков занимавшая воображение греков. Самый подробный рассказ о нем содержится опять-таки у Геродота (IV, 76). Анахарсис, возвращаясь на родину после путешествия в Элладу, обещал по возвращении устроить празднество в честь почитавшейся в г. Кизике боги-

ни Кибелы, что и сделал в Гилее, недалеко от Ольвии. «Кто-то из скифов, подметив действия Анахарсиса, донес об этом царю Савлию; последний, прибыв туда лично и увидев, что Анахарсис совершает это празднество, убил его стрелой из лука. И теперь, если спросить об Анахарсисе, скифы говорят, что не знают его, и это потому, что он путешествовал в Элладу и принял чужеземные обычаи».

В более поздней греческой литературе биография Анахарсиса обросла явно вымышленными подробностями [Ростовцев, 1925, «стр. 90, 95—96; Куклина, 1971]. Идеализированный образ Анахарсиса, человека, воспитанного в свободных и естественных условиях варварской жизни, стали противопоставлять греческой утонченности и испорченности, предвосхищая тем самым Руссо и его единомышленников в XVIII в., когда, кстати, скифский царевич вновь обрел популярность. Греки объявили Анахарсиса одним из семи мудрецов, изобретателем трута, гончарного круга и якоря. Однако все же нет оснований сомневаться в исторической реальности Анахарсиса и вслед за А. И. Доватуром считать, что предания о нем возникли на греческой почве [Доватур, 1957, стр. 80].

Во-первых, рассказ Геродота позволяет довольно точно установить время жизни и смерти царевича. Анахарсис был сыном Гнура и родным братом своего убийцы — царя Савлия, дядей его сына и будущего царя Иданфирса — героя войны против Дария⁹. Так как поход Дария против скифов датируется временем около 514 г. до н. э., убийство Анахарсиса надо относить ко второй половине VI в. до н. э. Во-вторых, данное место из труда Геродота является одним из немногих, в котором названо имя информатора. Это Тимн, доверенный агент скифского царя в Ольвии, т. е. человек, который по своему положению и связям не мог не располагать достаточно надежными сведениями о скифах и их царском доме.

Но если Анахарсис — лицо не вымышленное, а реально существовавшее, то позволительно обратить внимание на иную традицию, восходящую не к Геродоту, а, возможно, непосредственно к ионийским логографам. Аристотель (Eth. Nie, VII, 7, 6) свидетельствует, что «женская болезнь», вероятно являвшаяся одним из проявлений энарейского комплекса, была распространена среди представителей скифского царского дома. Наиболее интересно сообщение Климента Александрийского (Protreph., II, 24), который утверждает, что скифский царь застрелил Анахарсиса «как человека, который сам сделался женоподобным в Элладе и стал учителем женской болезни для прочих скифов».

Климент Александрийский, конечно, автор очень поздний: от предполагаемого времени смерти Анахарсиса этого хри-

стианского писателя отделяло не менее 700 лет. Но, по-видимому, он был знаком с ионийской традицией — или прямо благодаря тому интересу, который проявляли к ней александрийские ученые, или, скорее, из вторых рук — через Аполлодора [Pearson, 1938, стр. 443 и сл.; Pearson, 1939, стр. 9—11].

В свете «приведенных данных тесная связь Анахарсиса со скифским жречеством, особенно энареями, представляется очень вероятной. Это заставляет задуматься о причинах конфликта между Анахарсисом и его братом — скифским царем.

Л. А. Ельницкий, впервые обративший внимание на связь Анахарсиса со скифским жречеством, полагает, что его смерть, а также казнь осужденных на смерть гадателей являлись культовым актом, своего рода ритуальным убийством [Ельницкий, 1948, стр. 98]. Такое предположение кажется слишком произвольным и не находящим подтверждения в источниках. По мнению Б. Н. Грекова, рассказ об Анахарсисе отражает борьбу между различными группировками скифской знати — противниками греческой культуры и теми, кто в какой-то мере успел подвергнуться греческому влиянию и стоял за сближение с греками [Граков, 1947, стр. 30].

Вполне можно согласиться с тем, что рассказ Геродота содержит зашифрованный намек на какие-то противоречия внутри господствующего слоя скифского общества: ведь, в сущности, поклонение Кибеле, за которое пострадал Анахарсис, не было чисто греческим культом. Греки заимствовали его на Переднем Востоке. Но он отнюдь не был чужд и скифам. Энарейский комплекс и связанные с ним религиозные представления развились у скифов из синтеза местных, собственно иранских, культов с передневозточными [Хазанов, 1973].

Прежде всего обращает на себя внимание широкая распространенность отдельных черт, присущих скифским энареям, в передневозточной культовой практике, особенно в культах Великой богини-матери (Иштар, Кибелы, Реи, Анахиты, Исиды и др.) олицетворении производящих сил природы, и ее мужских паредров (Таммуза, Атгиса, Адониса, Осириса и др.). В числе этих черт — самооскопление жрецов, ношение ими женской одежды, усвоение женских привычек и т.д. [Frazer, 1922; Тураев, 1936, стр. 311; Dhorme, 1949, стр. 211].

Геродот полагал (I, 105), что «женская болезнь» энареев являлась наказанием, которое ниспослала богиня на скифов, разграбивших святилище Небесной Афродиты в г. Аскалоне, и всех их потомков. Под Небесной Афродитой (Афродитой Уранией) он имел в виду одну из ипостасей Великой богини, выступавшей в Аскалоне под именем Деркетто (Diod., II, 4) и изображавшейся в виде полуженщины-полурыбы. Но в дру-

гом месте своего труда тот же Геродот сообщает (IV, 67), что энареи были связаны с культовой практикой скифской богини Аргимпасы (Αοῦίπλασα, Ἀρτίπλασα), которую он отождествляет опять-таки с Афродитой. Таким образом, устанавливается довольно прочная связь не только между некоторыми скифскими и передневосточными религиозными представлениями (Афродита — Деркетто — Аргимпаса), но и между их культовой практикой [Жебелев, 1953, стр. 34—35]. Такая связь подтверждается еще и тем, что некоторые происходящие из Скифии изображения богини, не без оснований отождествляемой иногда с Аргимпасой, демонстрируют определенную близость местной религиозной традиции с передневосточной [публикацию этих изображений и их анализ см.: Толстой и Кондаков, 1889; Ростовцев, 1913; Артамонов, 1964]. Среди них — изображения змееногой богини, которая к тому же нередко предстает как богиня — владычица животного мира и в данной роли выступает как явный аналог малоазийской Кибелы [Dissand, 1949, стр. 341].

Возникает противоречие. Анахарсис, по Геродоту, был убит за принятие чужеземных обычаев, в то время как на самом деле эти обычаи были хорошо знакомы и имели глубокие корни на скифской почве. А по Клименту Александрийскому, он был убит за пропаганду энарейства, которое уж никак нельзя назвать чуждым скифам. Не скрывается ли за туманными и путаными известиями греческих авторов какой-то конфликт между жречеством и носителями светской власти в скифском обществе?

Подобные конфликты, в основе которых лежит обычно борьба за власть и влияние между различными группировками внутри господствующего слоя на заключительных этапах классового образования и в раннеклассовых обществах, зафиксированы и этнографией и историей. В Иране маги на время захватили власть после смерти Ксеркса [Дьяконов, 1961, стр. 80—91]. В древней Индии также известно о борьбе между брахманами и кшатриями за руководящее положение в обществе [Dumézil, 1941, стр. 43; Бонгард-Левин, Ильин, 1969, стр. 169]. Может быть, нечто подобное имеломесто и у скифов. Геродот же излагал официальную точку

зрения, которую предложил ему Тим — доверенное лицо скифского царя. Официальная мотивировка убийства Анахарсиса, естественно, должна была сделать упор на те поступки царевича, действительные или мнимые, которые вызвали бы наибольшее осуждение в скифском обществе, а именно на его якобы совершившееся отступничество от родных богов и обычаев.

Если мои рассуждения в какой-то мере обоснованны, то получается, что первый засвидетельствованный в источниках конфликт между царской властью и жречеством у скифов от-

носится ко второй половине VI в. до н. э. Около ста лет спустя, ко времени Геродота, он еще не был изжит полностью. Но перевес укрепляющейся царской власти над жречеством был уже бесспорным. Цари еще не отказались полностью от помощи жрецов-гадателей при отправлении карательной функции, но они не намерены были терпеть их своеволие¹⁰ и тем более делить с ними власть.

Место жреческой прослойки в социальной структуре кочевников евразийских степей. Существование у кочевников нового времени и средневековья достаточно обособленной жреческой прослойки — хорошо известный факт. Так, у монголов Ордоса от 30 до 40% мужского населения становилось монахами [Krader, 1963, стр. 27]. Однако большинство известий относится к тем кочевникам, которые восприняли развитые религии окружающих народов: мусульманам — узбекам, казахам, туркменам, киргизам и др., буддистам — монголам, бурятам и калмыкам, христианам — некоторым монгольским племенам XI—XIII вв., иудаистам — хазарам.

В казахском обществе помимо муллы существовала социальная категория, состоявшая из ходжей — самой привилегированной потомственной части духовенства, считавшей себя потомками Мухаммеда и его первых последователей или родоначальников религиозных общин и причислявшей себя к «белой кости». Ходжи были обособлены от родовых подразделений, они не заключали браков с простыми казахами. Все бытовые обряды совершались только с участием ходжей, которые получали за это обязательные подношения. Кроме того, в их функцию входили регулирование религиозных обычаев и пропаганда ислама. Султаны, бии и старшины часто обращались к ним за советом [Паллас, 1773, стр. 579; Ибрагимов, 1874, стр. 353; Зиманов, 1958, стр. 221—222; Бижанов, 1969, стр. 161—167].

Среди различных туркменских подразделений обязательно жили «овляд» — представители пяти «святых» племен: ата, шихи, ходжа, махтум и сеид, из которых по большей части происходило мусульманское духовенство. Во время межплеменных столкновений их не трогали из-за «святости». Поэтому они могли беспрепятственно передвигаться со скотом и вести торговлю [Атаев, 1963; Поляков, 1973, стр. 9, 20].

По свидетельству автора Худуд ал-Алем, огузы почитали своих шаманов-лекарей, которые составляли богатую и влиятельную привилегированную прослойку, распоряжавшуюся имуществом и даже жизнью рядовых кочевников [Материалы по истории туркмен и Туркмении, 1939, стр. 211]. В привилегированном положении находились также монгольские шаманы, оспаривавшие власть у светской аристократии [Владимирцов, 1934, стр. 78]. Знаменитый шаман Кокочу осмелился бросить вызов самому Чингисхану и был за это убит

[Козин, 1941, стр. 176—179; Рашид ад-дин, 1952, т. I, кн. 1, стр. 167—168].

Шаманы играли важную роль в жизни тюрко-монгольских народов не только в древности. У народов Южной Сибири они занимали привилегированное положение еще в 20-х годах XX в., причем разделялись на ряд групп в зависимости от профессиональной значимости и престижа [Дьяконова, 1974, стр. 30].

В целом в основе высоких социальных позиций жреческой прослойки лежат: 1) представления о жрецах, шаманах, гадалках и т. п. как о специалистах по сверхъестественному, посредниках между обществом и божественными силами, обладателях магической силы, способной действовать на благо общества; 2) монополизация этой прослойкой (полностью или частично) общественно полезных знаний и опыта, а также функции по их сохранению; 3) воплощение в ней функции по ритуально-религиозному поддержанию общественного единства и социальной стабильности; 4) частичный контроль за общественными фондами; 5) иногда отправление судебной функции. Конкретная роль каждого из этих факторов в обеспечении привилегированного положения жречества в различных обществах неодинакова и зависит от множества обстоятельств и их (комбинаций). Однако в той или иной степени многие из них прослеживаются и у кочевников. Хотя жреческая прослойка у них обычно не достигает такого могущества и влияния на общественные дела, как у многих земледельческих народов, но само ее наличие вполне совместимо с номадизмом.

Аристократия

Источники не оставляют сомнений в наличии в скифском обществе аристократии, кичившейся знатностью своего происхождения и своим богатством и противопоставлявшей себя остальному свободному населению: По Псевдо-Гиппократу (*De æere*, 30), в Скифии наряду с людьми «самого низкого происхождения» имеются «самые благородные и пользующиеся наибольшим могуществом» (οι ευγενέστατοι καὶ ἰσχον ττλείστην κεκτῆμένοι). По Геродоту (IV, 70), в обряде заключения клятвенного договора важную роль играют «знатнейшие из присутствующих». Лукиан (*Scyth.*, 3, 4, 7) свидетельствует о существовании наряду с незнатными знатнейших родов, «первых в Скифии», а скифскую знать уподобляет греческим эпатридам. Клеарх Солийский (IV, fr. 8; *Athen.*, XII, 27) отмечает роскошь, особые одежды и образ жизни, характерные для скифской знати. Эта знать, по-видимому, имела своих дружинников; во всяком случае, по Лукиану

(Тох., 48, 54), она могла выставить много воинов и содержать их за свой счет.

М. И. Ростовцеву скифская аристократия казалась профессиональными бойцами-рыцарями, «господствующим классом военной конной аристократии, выносившей на своих плечах всю тяжесть завоеваний и защиты государства» [Ростовцев, 1918, стр. 71]. Подобное представление, конечно, слишком однобоко и грешит преувеличением. Но военный по преимуществу характер скифской знати достаточно наглядно выступает как из письменных, так и из археологических источников.

Геродот (IV, 167) отмечает, что «фракийцы, скифы, персы, мидийцы, то есть почти все варвары, меньше ценят тех граждан и их потомков, которые занимаются ремеслом, напротив, считают благородными тех, которым совершенно чужд ручной труд и которые ведают только военное дело». Действительно, чем богаче скифское погребение, тем больше в нем оружия и тем это оружие дороже и совершеннее. В частности, панцири и вообще защитные доспехи встречаются преимущественно в аристократических погребениях [Мелюкова, 1964, стр. 69; Черненко, 1968, стр. 166—167]. Захоронение боевого коня с покойником [сводку их см.: Либеров, 1954, стр. 146, прим. 4; Іллінська, 1966а, стр. 44 и сл.; Черненко, 1967, стр. 190] — черта древнего индоевропейского и иранского ритуала, символизирующая, по Ж. Дюмезилю, «вторую», воинскую функцию [Dumézil, 1954, стр. 75—76; см. также: Кузьмина, 1973], — также чаще всего обнаруживается у скифов в аристократических погребениях, и даже предметы конской сбруи как составная часть погребального инвентаря более характерны для богатых, чем для рядовых, погребений.

Скифское искусство, в дошедших до нас его проявлениях обслуживавшее высшие слои общества, позволяет говорить о значительном разрыве между аристократией и остальным населением не только в общественной, но и в духовной сфере [Хазанов, 1975а; Хазанов, Шкурко]. Знаменитый скифский звериный стиль хотя и проник в воинскую среду, но все же являлся преимущественно аристократическим. В IV— III вв. до н. э. происходило дальнейшее сужение той социальной базы, в которой продолжал бытовать звериный стиль. Возраставшая популярность антропоморфных образов и сюжетов и распространение жанровых сцен, вероятно связанных с героическим эпосом, отражали изменившиеся вкусы скифской знати. Одновременно увеличивалась восприимчивость этой знати к собственно греческому искусству, связанная с ее растущей эллинизацией. Более изощренному вкусу таких людей и должны были отвечать новые веяния в позднескифском зверином стиле — рафинированном, под-

час даже вычурном, отличающемся таким изяществом и гармоничностью и таким же полным отсутствием реалистических черт, с одной стороны, и растущим натурализмом — с другой.

Искусство позволяет проследить некоторые черты системы ценностей, присущей скифской аристократии. Среди них наиболее отчетливо выступают престижные факторы, культ воинской доблести и героизированных предков. Подобные особенности аксиологии характерны для кочевой знати и в средневековый период. Достаточно напомнить про «Деде-Коркут» или другие эпосы и про значение, которое придавалось генеалогиям. Например, в «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», в написании которой принимал участие сам Шейбани-хан [Мукминова, 1954, стр. 126; Семенов А. А., 1954, стр. 113], подробнейшим образом излагается родословная Джучидов [Материалы по истории казахских ханств, 1969, стр. 33—43].

Можно также предположить, что религиозная система и пантеон господствующих верхов у скифов в V—IV вв. до н.э. уже не совпадали полностью с верованиями рядовых слоев населения. Геродот (IV, 59), по-видимому, засвидетельствовал сложение официального пантеона, который, пусть с натяжками и ошибками, все же можно было сопоставить с греческим [Жебелев, 1953]. Показательно наличие у политически господствовавших царских скифов особого бога — Тагимасада, которого Д. С. Раевский сближает с Йимой-Джамшидом [Раевский Д. С., 1971, стр. 268 и сл.].

Вероятно, для обозначения скифской аристократии, всей или какой-то из ее частей, существовал зафиксированный Лукианом (Scyth., 1) специальный термин — «пилофоры» (πιλοφόροι), т. е. «носящие особый головной убор», более вольно — «колпаконосцы». Тот же Лукиан (Anach., 16) отмечает, что пилос в Скифии носил Анахарсис. По мнению некоторых исследователей, которое одно время разделял и я, под пилофорами Лукиан имел в виду скифское жречество [Латышев, 1948, № 1, стр. 428, прим. 3; Ельницкий, 1948, стр. 98; Грантовский, 1960, стр. 15; Хазанов, 1970, стр. 84—85]. Однако Ж. Дюмезиль привел убедительные аргументы, побуждающие видеть в них светскую аристократию (Dumézil, 1962, стр. 194 и сл.).

Может быть, существовал еще один общий термин для обозначения скифской знати. Имеются в виду «скептухи» (οἱ σκηπτουχοί) — «скиптродержцы» декрета в честь Протогена, в которых видят то доверенную царскую стражу, состоявшую из молодежи знатных семей [Граков, 1954, стр. 27], то предводителей небольших родовых подразделений [Іллінська, 1961, стр. 47], то мелких князьков [Латышев, 1887, стр. 94], то скифских царьков, подвластных верховному царю

[Артамонов, 1948а, стр. 70; Елагина, 1962, стр. 96, прим. 27], то вождей отдельных племен, входивших в состав племенного объединения [Harmatta, 1970, стр. 12]. Но Э. А. Грантовский обратил внимание на термин *vazraka* (*vazarka*), образованный от существительного *vazra* — «дубина», «палица», «скипетр» и употреблявшийся как титул знати и (вельмож в иранском официальном языке [Грантовский, 1970, стр. 263], Поэтому можно допустить, что греческое слово «скептухи» являлось переводом скифского термина, употреблявшегося для обозначения знати в целом. Такое предположение подтверждается известием Страбона (XI, 2, 13), что некоторыми кавказскими народностями управляют «так называемые скептухи, а эти последние сами подвластны тиранам и царям». Предположительное наличие общеиранского термина для обозначения аристократии позволяет привлекать декрет в честь Протогена даже в том случае, если его сведения относятся не к скифам, а к сарматам. У последних наличие термина «скептухи» для обозначения знати зафиксировано Тацитом (*Ann.*, VI, 33).

Подобное понимание термина «скептухи» находит свое подтверждение в археологическом материале. В скифских древностях как степной, так и лесостепной полосы известна группа скипетров, точнее, их наверший в виде клевцов или секир, не имевших практического назначения Іллінська, 1951а, стр. 204; Іллінська, 1961, стр. 43 и сл.; Ильинская, 1968, стр. 156; Петренко, 1961, стр. 70; Граков, 1962, стр. 97]. Впервые появляются они в Восточной Европе в памятниках VIII—VII вв. до н. э. [Werner, 1961; Ильинская, 1965]. Из посульских курганов происходит золотая бляшка с изображением вождя или царя, который сидит, держа в одной руке подобный скипетр, а в другой — ритон. Булавовидные навершия скипетров найдены в некоторых царских курганах (Куль-Оба, Солоха).

Погребения, в которых обнаружены подобные предметы, весьма сильно разнятся по своему богатству. Поэтому остается предположить, что в них были погребены представители самых различных прослоек скифской аристократии — от низших до высшей. Скипетры служили символом их статуса и ранга. Другое дело, что в декрете в честь Протогена под «скептухами» могла подразумеваться какая-то конкретная часть аристократии.

Нет нужды представлять себе скифскую аристократию как однородный стратум. Помимо родо-племенной знати, своего рода «аристократии крови», она состояла из аристократии служилой, социальные позиции которой зависели от близости к царю, положения в административно-управленческом аппарате и т. п. Но и представители родо-племенной знати различались по знатности, а также по величине

тех структурных подразделений скифского общества, которые находились в их управлении;)

Геродот (IV, 78), Клеарх Солийский (IV, fr. 8; Athen., XII), Лукиан (Tox., 39, 50) упоминают скифских предводителей, «начальников», старейшин и вождей (των Σκυθέων οἱ προεστεώτεσ, οἱ ἡγεμῶνες, οἱ ἀρχίπλανοι, οἱ γεραίτεροι), но едва ли они всегда имеют в виду какую-то конкретную прослойку. Подобные термины могли употребляться античными авторами в их общем значении. Поэтому иерархическая лестница скифской аристократии поддается реконструкции только в самом приблизительном виде.

Старейшины. Низшее звено скифской родо-племенной знати, вероятно, состояло из старейшин и предводителей родов или близких к ним таксономически структурных подразделений скифского общества. Их погребения, если считать находки клевцов или секир их отличительным признаком, расположены среди погребений рядового населения и качественно ничем от последних не отличаются, разве что немного богаче.

На войне эти старейшины возглавляли родовые подразделения. Вероятно, они имели и некоторые судебные полномочия, улаживали конфликты внутри управляемых ими групп. Анахарсис (в новелле Лукиана (Anach., 11) свидетельствует, что «у нас, скифов, если кто ударит кого-либо из равных, или, напав, повалит на землю, или разорвет платье, то старейшины налагают за это большие наказания, даже если обида будет нанесена при немногих свидетелях». Организационно-управленческие функции, которыми должны были обладать подобные старейшины, не нашли отражения в источниках.

Вожди племен и племенных объединений. К этой группе я отношу племенных вождей и вождей этно-племенных группировок, т. е. тех единиц скифской общественной структуры, которые Геродот называет номами и архэ.

Права и обязанности номархов определяются сравнительно легко. Номарх управлял своим номом, вероятно, обладал определенными судебными полномочиями (Her., IV, 65), может быть, был как-то связан с отправлением культа или его организацией (Her., IV, 62). Если ном—податная единица, то номархи, очевидно, организовывали повинности и сбор дани в пользу центральной власти. При этом часть дани могла оставаться в их распоряжении. Не исключено, что в VI—V вв. до н. э. номархи обладали правами, позволявшими им участвовать в выработке и принятии решений, определявших судьбы всего Скифского царства, во всяком случае в критических ситуациях (Her., IV, 80, 120).

Наиболее отчетливо выявляется роль номархов как военных предводителей, глав племенных ополчений (Her., IV,

64). В то же время рассказ Геродота о пирах, которые раз в год номарх устраивал своим воинам, свидетельствует о том, что власть номарха, какой бы характер она на самом деле ни носила, рядилась еще в оболочку традиционного племенного предводительства.

Престижные пиры и аналогичные формы раздачи имущества генетически уходят своими корнями в эпоху разложения первобытнообщинных отношений, являясь практически универсальным институтом [см., например: Mead, 1937; Hogbin, 1938, стр. 285 и сл.; Vascom, 1948, стр. 211 и сл.; Mauss, 1950; Herskovits, 1952, стр. 155 и сл.; Хазанав, 1975]. Наличие их у индоевропейцев доказано Э. Бенвенистом [Benveniste, 1966, стр. 315—326]. Они отражают старые традиции уравнительного распределения, но в то же время способствуют приобретению, повышению и укреплению социального престижа и статуса, в свою очередь благоприятствующих накоплению имущества и увеличению объема власти. Кроме того, совокупный прибавочный продукт, отчуждающийся в самых различных формах в пользу вождей и предводителей, рассматривается не только как компенсация за отправление общественно полезной функции управления, но и как своего рода общественный фонд, расходование которого должно производиться в интересах всего коллектива.

Правда, злоупотребления среди вождей были повсеместными. Но также повсеместно часть фондов, рассматривавшихся как общественные, действительно шла на различного рода общественные нужды и раздачи, способствуя, однако, дальнейшему повышению престижа и власти вождей. По представлениям южноафриканских скотоводов-банту, «вождь не имеет ничего своего, все, чем он владеет, принадлежит племени». Часть того, что вождь получал от своих соплеменников, он должен был тратить на общеплеменные нужды, не имея права распределять эти подношения среди членов своего семейства или использовать в личных целях, хотя практически именно так часто и делал [Scharera, 1956, стр. 102, 115].

Даже во многих раннеклассовых обществах древние традиции пиров и раздач все еще окончательно не отмирают (Гуревич, 1970, стр. 68 и сл.). Особенно это характерно для кочевников, у которых отношения неравенства выступают скрытыми за традициями родо-племенной солидарности. В огузском эпосе говорится: «Не сгубив своего имущества, человеку не прославить себя [щедростью]» [Книга моего деда Коркута, 1962, стр. 11]. Устройство пиров у огузов и других тюркоязычных кочевников оказалось в руках аристократии, использовавшей их для укрепления своего влияния на рядовых кочевников [Агаджанов, 1969, стр. 262, прим. 1; Turan, 1948, стр. 45—46]. Подобную же роль много позднее играли

пиршества и угощения у казахов, у которых на этот счет существовала специальная поговорка: «Собака, которую ударят жирной костью, никогда не пищит». «Пиршества и угощения очень высоко ценились массой почти вечно голодных кочевников, которые широко распространяли славу о таком щедром бае, бие, батыре и султанине далеко за пределами данного рода и племени. Каждый голодный кочевник, который время от времени угощался досыта крупным скотовладельцем, не мог не считать себя своеобразным его должником» [Толыбеков, 1959, стр. 95].

Пиршества у скифов в том виде, в каком они описаны Геродотом, имели подчеркнuto воинский характер. Но одновременно они могли выполнять и иную роль, подобную той, которая отмечена для огузов и казахов.

О богатстве некоторых вождей скифских племен и племенных группировок, о пропасти, отделявшей их от рядового свободного населения, лучше других свидетельствует курган Куль-Оба. Расположенный на периферии скифского мира, рядом с Пантикапеем, возможно, даже на территории Боспорского царства, вдали от основной массы царских курганов, он едва ли принадлежал скифскому царю, тем более что основная политическая активность скифов в IV в. до н. э. была направлена не на Крым, а на Дунай. По-видимому, правы те исследователи, которые полагают, что в Куль-Обе был погребен местный скифский правитель, быть может, даже номарх. [Гайдукевич, 1949, стр. 266; Струве, 1968, стр. 197—198; Артамонов, 1968, стр. 16].

Служилая знать. Это была наиболее гетерогенная по своему составу прослойка скифского привилегированного слоя. В нее могли входить представители потомственной родо-племенной аристократии, не управлявшие какими-либо группами населения или территориями, а подвизавшиеся вокруг царя, в его дружине или аппарате управления, и царские чиновники, и доверенные лица, как скифы, так в отдельных случаях и нескифы, добившиеся высокого положения не знатностью, а личными заслугами, и, может быть, даже наиболее приближенные слуги, фактическое положение которых не соответствовало их формальному статусу.

Дружинники, точнее, та их часть, которую условно можно отнести к служилой знати, едва ли были однородны по своему составу. Если судить по сравнительно-историческому и этнографическому материалу, состав дружины был весьма пестрым, так как в одной из своих функций она являлась органом власти, противостоящим традиционным родо-племенным структурам. Так было у монголов [Владимирцов, 1934, стр. 87 и сл.], кочевых узбеков [Ахмедов, 1965, стр. 103—104], казахов [Толыбеков, 1959, стр. 243], калмыков [Небольсин, 1852, стр. 21—22] и многих других. Объединяющим началом

в дружине были не происхождение, а безусловная верность предводителю. В огузском эпосе суровая битва описывается следующими словами: «Тот день (был подобен дню страшного суда; бек был отделен от своего нукера, нукер— от своего бека» [Книга моего деда Коркута, 1962, стр. 31].

И у скифов дружинники могли вербоваться как из наиболее заслуженных и доверенных ферапонтов, так и из среды родо-племенной знати или из простых свободных скифов. Они не только составляли отборные воинские части, они являлись телохранителями и стражей (P o l y a e n, *Strateg.*, VIII, 56), могли выполнять важные дипломатические поручения, как выполняли их тюленгиты казахских ханов. Не из дружинной ли среды происходили Арсаком и Лонхат, незнатные и небогатые, но вместе с тем популярные воины, пользовавшиеся предпочтением скифских старейшин и даже посылавшиеся в качестве послов к боспорскому царю (Luc, *Tox.*, 44—49)? Впрочем, однозначный ответ на этот вопрос едва ли возможен, так как и он связан с неразрешимой полностью проблемой источников Лукиана.

Богатые сопутствующие мужские погребения в царских курганах Чертомлык, Солоха и Гайманова могила с большим количеством оружия, с изделиями из золота, с предметами, выполненными в зверином стиле, вполне могли принадлежать привилегированным дружинникам, имевшим сравнительно высокий социальный статус, но следовавшим в могилу за скифскими царями и владыками, распространяя тем самым свою верность им и на тот свет. Подобные дружинники, по-видимому, сопровождали царей во всех их походах, передвижениях и путешествиях. Из них могла состоять большая свита (στρατιή)¹¹ царя Скила, с которой он прикочевывал к Ольвии, когда желал насладиться эллинским образом I жизни, и которая ожидала царя в предместье города (H e r., I IV, 78). Однако свита царя состояла не только из дружинников. В ней были также какие-то «начальники» или «предводители» (τῶν Σκυάξων οἱ προεατέωτες). Именно они, спровоцированные одним из ольвиополитов, показавшим им царя в вакхическом исступлении, «пришли в сильное негодование» и рассказали о виденном остальной свите, т.е., очевидно, дружине (H e r., IV, 79).

Эти «предводители», составлявшие часть свиты Скила, едва ли были номархами или вождями каких-то иных подразделений. Скил направлялся в Ольвию не в поход, а с частным визитом, не заинтересованный в широкой огласке. Вероятно, под «предводителями» Геродот имел в виду лиц, занятых в центральном аппарате управления (отчасти, возможно, совмещенном с дружиной), сколь примитивным бы он ни был. Такие люди скорее должны были сопровождать

царя во всех его передвижениях, чем номархи и подобные им представители родо-племенной знати.

Приблизительно двумя с половиной веками позднее функции геродотовых «предводителей», возможно, выполняли «скептухи» царя Сайтафарна из декрета в честь Протогена. Может быть, они также находились с царем в его ставке и играли немаловажную роль в управлении, непосредственном принятии и выполнении решений, и поэтому в первую очередь их, а не сидевшую или кочевавшую по отведенным ей маршрутам родо-племенную знать стремились ублажить ольвийские послы.

О существовании у скифов служилой знати, в какой-то мере отделенной от родо-племенной, свидетельствуют еще две фигуры, эпизодически появляющиеся в скифской истории. Первая — это Тимн, один из основных информаторов Геродота в Ольвии, грек, являвшийся эпитропом (ἐπίτροπος) царя Ариапифа в этом городе (Her., IV, 76), т. е. его агентом, выполнявшим торговые и, возможно, дипломатические поручения [Латышев, 1887, стр. 43, прим. 10]. Вторая относится уже к эпохе позднескифского царства в Крыму. Это также грек, Посидей, сын Посидея, успешно боровшийся с пиратами по заданию скифского царя [IOSPE, I², № 168, 669, 670, 671, 672; Латышев, 1887, стр. 131, 133; Ростовцев, 1918а, стр. 190; Дашевская, 1960]. Однако ни Тимна, ни Посидея нельзя назвать типичными представителями этой прослойки. Дело даже не в их греческом происхождении. Посидей, находясь на службе у Скилура, почти определенно оставался ольвийским гражданином. Возможно, был им и Тимн.

Аристократия у хунну. Из других древних кочевников евразийских степей наиболее подробные сведения имеются об аристократии хунну. Помимо правящего рода шаньюев у хунну имелись другие знатные роды. «Три фамилии Хуянь, Лань и позднее появившаяся Сюиту считаются у сюнну знатными родами» [Таскин, 1968а, стр. 40]. В «Истории поздней династии Хань» Фань Е упоминается еще один знатный род, Цюлинь, и сообщается, что эти роды постоянно вступали в брачные связи с шаньюями и ведали разбором судебных дел [Таскин, 1973, стр. 73]. Высший слой составляли 24 начальника, имевшие титул вань-ци, т. е. темники. Они подразделялись на «сильных», способных выставить 10 тыс. всадников, и «слабых», способных выставить несколько тысяч всадников. Наиболее знатные и влиятельные из них были членами правящего рода шаньюев.

Положение крупных сановников, не принадлежавших к роду шаньюев, определялось степенью их влияния и количеством подчиненных им людей [Таскин, 1973, стр. 73]. «Все сановники занимают должности по наследству» [Таскин, 1968а, стр. 73]. По мнению В. С. Таскина, Сыма Цянь имеет

здесь в виду не переход власти от отца-темника к сыну, а занятие того или иного поста в зависимости от родственной близости к шаньюю [Таскин, 1973, стр. 12]. «Каждый из двадцати четырех начальников также сам назначает тысячников, сотников, десятников, небольших князей, главных помощников, дувзев, данху и цецзюев» [Таскин, 1968а, стр. 40].

Шаньюи имели аппарат центрального управления, в состав которого иногда входили перешедшие на сторону хунну китайцы. Наконец, у шаньюев были телохранители, очевидно, дружинники, иногда настолько доверенные, что им поручались дипломатические поручения [там же, стр. 43, 46, 141, прим. 135].

Таким образом, у хунну имелись лишь частично совпадающие друг с другом прослойки наследственной и служилой знати, организация которых во многом основывалась на военно-иерархическом принципе. В целом состав и положение привилегированного слоя у хунну очень похожи на положение дел в государствах чингисидов, а также в узбекских и казахских ханствах, причем по сравнению с последними хунну в некоторых отношениях кажутся даже более развитыми. Удивляет только слабое развитие у хунну наследственного принципа. Впрочем, в данном вопросе источники довольно противоречивы. Во всяком случае, у вассальных племен определено была своя наследственная аристократия.

Аристократия зависимых племен Скифии. Как уже отмечалось, данничество, которое представляется ведущей формой эксплуатации в Скифском царстве, характеризуется неинтегрированностью находящихся в зависимости групп в социоэкономическую структуру победителя. С данническими отношениями вполне совместимы имущественное неравенство и социальная дифференциация внутри зависимых групп, наличие в них собственного привилегированного слоя, своей системы управлениями т. д. Подобное положение дел, очевидно, было характерно для взаимоотношений кочевых скифов с подчиненными земледельческими племенами, особенно лесостепными. Что касается земледельцев степной зоны в Крыму и Побужье, то археологический материал позволяет только отметить наличие у них в V—III вв. до н. э. определенной стратификации общества, выразившейся в различиях в погребальном обряде и инвентаре погребений. Показательно также выделение особого слоя воинов в отличие от кочевников, у которых вооруженным было все население [Яковенко, 1969, стр. 104; Яковенко, 1970, стр. 134; Мелюкова, 1975]. Маловероятно, чтобы у земледельцев степи не было собственной знати, но, возможно, из-за более сильного нажима кочевников и специфики седентаризационного процесса, частично связанного с обнищанием рядовых номадов,

ее позиции и самостоятельность были более ограниченными, чем в лесостепи.

Письменные источники ничего не говорят о наличии в лесостепи собственной аристократии, но археологические свидетельства об этом совершенно недвусмысленно. Во-первых, в лесостепи помимо небольших имеется ряд крупных городищ, таких, как городище у с. Городище в бассейне Донца, Бельское в Поворсклье, Басовское в Посулье, Каратульское и Трахтемировское на Днестре, Матронинское на Тясмине, Немировское в Побужье. Они являлись не только убежищами, но также религиозными, политическими, а иногда и ремесленными центрами отдельных племен или, скорее, племенных группировок. По подсчетам А. А. Моруженко, конечно очень приблизительным, общий объем работ, необходимых для возведения системы укреплений Бельского городища, крупнейшего в Восточной Европе, составлял 74 224 500 человеко-дней. Это означает, что для сооружения их в 10—20 лет нужен был труд 20—40 тыс. человек [Моруженко, 1968а, стр. 123].

Во-вторых, в различных районах лесостепи обнаружены очень богатые погребения, отличающиеся от рядовых и бедных не только составом инвентаря, но также особенностями погребального обряда и конструкцией погребальных сооружений, что позволяет говорить о значительной стратификации общества [см., например: Іллінська, 1951; Тереножкін 1954; Петренко, 1961, стр. 93—94; Археологія Української РСР, 1971, т. II, стр. 82 и сл.].

В-третьих, лесостепная аристократия, точнее, какая-то ее часть имела ярко выраженный воинский, уже — всаднический облик Граков и Мелюкова, 1954, стр. 45]. Отчасти это можно связывать с влиянием степняков-кочевников. Существование особых воинско-аристократических кладбищ в бассейнах рек Сулы и Пела, а днепровском Правобережье и других местах позволяет предполагать обособление какого-то воинского, возможно, дружинного слоя [Мелюкова, 1950, стр. 31—32; Ильинская, 1968].

В-четвертых, показательно, что скипетрообразные предметы — символы власти — встречаются в лесостепных памятниках еще чаще, чем в степных [Іллінська, 1961, стр. 28-29, 43].

Таким образом, наличие в лесостепи собственного привилегированного слоя представляется несомненным. Были ли включены его высшие представители в аппарат управления Скифского царства, например в качестве правителей номов или архэ, или же прав М. И. Ростовцев, полагавший, что их зависимость являлась чисто вассальной? [Ростовцев, 1918, стр. 35, 39]. Вряд ли здесь возможен однозначный ответ. Скорее все зависело от места и времени. Во всяком случае,

обе эти формы зависимых отношений встречались у других кочевников древности и средневековья.

Аристократия зависимого населения в политических образованиях кочевников евразийских степей. Аммиан Марцеллин (XVII, 12, 19) упоминает о царьках (subreguli), зависимых от сарматов-аргарагантов. Даже у сарматов-лимигантов были свои старейшины (A m m. Marc, XVIII, 13,21).

Хунну в своих взаимоотношениях с усунями, ухуанями, Кангюем и некоторыми другими ограничивались одним вассалитетом. Покоренные при Модэ-шаньюе племена лауфань и байян имели собственных вождей [Таскин, 1968а, стр. 39, 51]. Но в землю Хагас хунну назначили своего правителя — пленного китайца Ли Лина, а другого пленного, Вэй Люя, назначили правителем динлинов [Таскин, 1973, стр. 116; Бичурин, 1950, т. I, стр. 351]. Владения Западного края управлялись своими правителями. Но все же «Жичжо, князь хун-нуской западной границы, определял для управления Западным краем пристава, который... собирал с владений значительные подати» [Бичурин, 1950, т. I, стр. 170].

Аттила в одних случаях навязывал подчиненным племенам своих ставленников, в других — оставлял в неприкосновенности местную знать (Prise. Pan., fr. 8). В Волжской Болгарии аристократия была полностью своя, а не хазарская [Ковалевский А. П., 1956, стр. 133, 140—141]. По сведениям Худуд ал-'алам, у хакана кимаков «11 ставленников в области кимаков, и подвластные местности переходят по наследству к сыновьям этих ставленников» [Материалы по истории киргизов и Киргизии, стр. 44; ср.: Кумекоев, 1972, стр. 117]. Монголы физически истребили половецкую знать [Федоров-Давыдов, 1973, стр. 133, 140—141], однако их взаимоотношения с половцами нельзя определить как даннические. Попытка же поставить на Руси баскаков и даруг быстро провалилась [там же, стр. 26—27].

Надо отметить, что даже там, где господствующая группа кочевников стремилась навязать данникам своих ставленников или включить их знать в свою управленческую структуру, все это касалось только самого высшего слоя аристократии. До тех пор пока в кочевых объединениях и государственных образованиях преобладали даннические отношения, в них существовало два привилегированных слоя с различными правами и обязанностями и с различными интересами, которые могли совпадать лишь на время и частично,— аристократия господствующих групп кочевников и аристократия данников.

Это являлось одной из причин неразвитости и неустойчивости раннеклассовых государственных образований кочевников, в которых внешняя эксплуатация преобладала над

внутренней. Для дальнейшего общественного развития требовалось слияние всех привилегированных слоев в единый господствующий класс. Но в результате такого слияния кочевая знать обычно значительно трансформировалась и нередко теряла свои ведущие позиции. Соответственно менялся и удельный вес кочевых и оседлых элементов в рамках единой общественной структуры.

Привилегированный слой позднескифского царства. Археологически существование этого слоя подтверждается наличием акрополей на некоторых нижнеднепровских городищах [Погребова, 1958, стр. 115, 238 и др.], различиями в погребальном обряде и инвентаре захоронений на Знаменском городище и особенно в Неаполе [Бабенчиков, 1957, стр. 94 и сл.; Погребова, 1957; Погребова, 1956, стр. 97; Сымонович, 1963, стр. 33] и общим уровнем культуры, достигнутой к этому времени скифским обществом, в частности наличием городской жизни [Дашевская, 1957; Шульц, 1971, стр. 129]. Показательны также отсутствие оружия во многих погребениях и другие факты, которые могут быть истолкованы как свидетельство выделения особого воинского слоя [Бабенчиков, 1957, стр. 94 и др.; Вязьмитина, 1972, стр. 171, 174].

Однако полное отсутствие письменных источников не позволяет охарактеризовать привилегированный слой позднескифского царства даже в самом общем и приблизительном виде. Отдельные соображения, высказывавшиеся на этот счет некоторыми исследователями, остаются чисто гадательными [Артамонов, 1948а; Елагина, 1958, стр. 57; Погребова, 1958, стр. 237 и сл.; Раевский Д. С., 1971в, стр. 200—205; Вязьмитина, 1962, стр. 234; Высотская, 1972, стр. 181]. В целом этот вопрос связан с более общей проблемой — характером социально-экономических отношений в позднескифском царстве в Крыму.

Царский род

Среди социальных прослоек скифского общества выделяется царский род, противопоставлявший себя всем остальным слоям как "зависимого, так и привилегированного населения". По Лукиану (Scyth., 1), свободные члены скифского общества подразделялись на царский род, аристократию и простых, незнатных скифов.

Царский род происходил из племени царских скифов (Her., IV, 6)¹², но претендовал на господство над всей Скифией (Her., IV, 5, 9—10) и даже над соседними с ней племенами (Her., IV, 10). Идеологической основой этих притязаний служило представление о его божественном про-

исхождении: по первой версии этногонической легенды в передаче Геродота — от верховного бога Папая и дочери реки Борисфена, по второй — от Геракла и Ехидны.

Вероятно, одна и та же династия правила в Скифии на протяжении большей части ее истории. По эллинской версии скифской этногонической легенды (Нер., IV, 10), от младшего сына Геракла и Ехидны — Скифа произошли «нынешние скифские цари». Имя Колаксия, легендарного основателя царской династии, встречается уже в VII в. до н. э. у Алкмана [West, 1965, стр. 192]. Все это позволяет допускать, что Прототий и Мадий, цари скифов в переднеазиатский период их истории, и их преемники в степях Северного Причерноморья принадлежали к одной династии.

Геродот сообщает о представителях пяти поколений царского рода, живших, вероятно, в конце VII—VI в. до н. э. Царевич Анахарсис, брат царя Савлия, «был дядя по отцу скифского царя Иданфирса, сын Гнура, внук Лика и правнук Спаргапифа» (Н е р ., IV, 76)¹³. По мнению Б. Н. Гракова, Атей, царствовавший в IV в. до н. э., был узурпатором, но и он стремился связать свое происхождение с древней династией [Граков, 1950а, стр. 12, 15].

Менее ясно, как обстояло дело в скифских царствах в Крыму и на территории Добруджи. Преемственность царской власти в последней в рамках одной династии предполагает Т. В. Блаватская (Блаватская, 1952, стр. 145). Скилур был сыном царя и отцом царя, но как соотносилась его династия с прежней, неизвестно. Также неясно, являлись ли позднейшие скифские цари Фарзой и Инисмей отпрысками династии Скилура. В. В. Латышев полагал, что в нумизматическом материале можно подыскать данные в пользу принадлежности всех этих царей к одной династии [Латышев, 1887, стр. 136]. Но его доводы были опровергнуты [Орешников, 1890, стр. 14 и сл.; Зограф, 1951, стр. 137 и сл.].

В мавзолее Неаполя скифского погребен то ли Скилур [Шульц, 1953, стр. 25], то ли его сын и преемник Палак [Погребова, 1961, стр. 179]. Однако мавзолеей функционировал с рубежа II—I вв. до н. э. и по I в. н. э., и поздние его погребения довольно бедны, мало походят на царские [там же, стр. 177—180]. Следовательно, или царей стали хоронить в другом месте, или произошла смена династии [Раевский Д. С., 1971а, стр. 68]. По мнению Д. С. Раевского, в I в. н. э. в Скифии воцаряется новая династия, происходящая с Боспора [Раевский Д. С., 1973, стр. 117—119].

В длительности правления у кочевников одной и той же династии нет ничего необычного, так же как и в таком ее обособлении, которое можно рассматривать как начало кастообразования. У хунну шаньюи из рода Луаньти (Сюйляньти) правили на протяжении многих столетий. Китайцы

отмечали, что, «хотя среди сунну происходили смуты, на престол всегда становились люди из одного и того же рода» [Таскин, 1968а, стр. 46]. Хазарские каганы, возможно, являлись отпрысками тюркской династии Ашина [Minorsky, 1937, стр. 161]. Казахские ханы и султаны даже в XIX в. возводили свое происхождение к Чингисхану и в совокупности составляли сословие «белой кости», в то время как все остальные казахи, вне зависимости от их богатства и социального положения, являлись «черной костью» [Левшин, 1832, ч. III, стр. 11—12; Зиманов, 1958, стр. 184; Бижанов, 1969, стр. 160—161].

По-видимому, у кочевников, как и в других обществах, в которых принцип генеалогического родства и ранжирования в наследовании социального статуса определял конфигурацию общественной структуры, он способствовал выделению и обособлению господствующей прослойки, более того, благоприятствовал тенденции к превращению ее в наследственно-замкнутое сословие¹⁴. Впрочем, у кочевников эти процессы редко получали сколько-нибудь полное развитие, в первую очередь из-за неустойчивости их государственных и этнических образований.

Археологически обособление царского рода у скифов подтверждается наличием у них так называемых царских курганов. Однако с ними связан ряд сложных и еще не решенных вопросов.

Геродот (IV, 71, 72) оставил детальное описание похорон скифских царей, отметив их пышность, наличие человеческих жертвоприношений и драгоценный инвентарь, который клали в могилу царственных покойников. В степи раскопано около 25 курганов, погребения которых в общих чертах соответствуют описанию Геродота [общую сводку их см.: Ростовцев, 1925, стр. 404 и сл.; Артамонов, 1966, стр. 28 и сл., 89 и сл.; Археологія Української РСР, 1971, т. II, стр. 59—72]. Приблизительно 15—20 больших курганов еще ждут своей очереди. Большинство раскопанных курганов датируется IV—III вв. до н. э. [Ростовцев, 1925, стр. 454—457; Брашинский, 1965]¹⁵. Маловероятно, чтобы за это время в Скифии сменилось 40 или даже 25 царей. Один Атей, по утверждению античных авторов (Luc, Macrob., 10), жил свыше 90 лет. Следовательно, царские курганы принадлежали, не только скифским царям, но и аристократии.

Такое предположение можно считать общепринятым. Неясно только, кто именно погребался в царских курганах — представители царского рода или более широкий круг знати. Ведь наряду с царскими курганами, отличавшимися определенным единством погребального обряда, в Скифии известны богатые погребения иного типа [Черненко, 1967, стр. 190; Археологія Української РСР, 1971, т. II, стр. 56—57].

Только детальное сопоставление всех богатых скифских погребений, которое еще предстоит сделать, может быть, поможет решению этого вопроса. Пока же обращает на себя внимание наличие среди царских курганов таких, которые объединяются общими деталями погребального обряда, отличающими их от остальных. Например, оба Мордвиновских кургана имеют точно такое же устройство центральной могилы, как курган Чертомлык (Лесков, 1972, стр. 61]. Были ли присущи такие особенности погребального обряда отдельным ветвям царского рода или различным аристократическим, но не царским родам, неизвестно?

И все же предположение о том, что многие царские курганы действительно принадлежали царям и членам царского рода, вполне имеет право на существование. Г. Чайлд включал скифские царские курганы в группу близких в стадийном отношении погребений, которые он называл царскими гробницами. К этой группе он относил гробницы ранних египетских фараонов, раннединастические царские гробницы Ура, Киша и Мари, гробницы Керма в Нубии, погребения иньских императоров в Аньяне, шахтовые гробницы в Микенах, погребение одного из королей саксов в Саттон Ху и т. д. [Чайлд, 1949, стр. 161—162]. Показательно, что подобные погребения принадлежали не просто аристократии, а именно царям и их родичам.

Письменные источники свидетельствуют, что у многих кочевников выделение царского рода находило свое отражение в погребальном обряде в виде особенностей конструкции погребальных сооружений, их территориального обособления, сопутствующего инвентаря, человеческих жертвоприношений и др. Такими были погребения шаньюев хунну [Таскин, 1968а, стр. 40; Таскин, 1973, стр. 25], хазарских каганов [Ковалевский А. П., 1956, стр. 146—147], монгольских каанов [Книга Марко Поло, 1955, стр. 88; Путешествия Плано Карпини и Рубрука, 1957, стр. 33]. По Геродоту (IV, 71—73), имелись различия в погребальном обряде скифских царей и рядовых скифов. Существовало особое царское кладбище в Геррах. Может быть, на нем хоронили не только царей, но и всех членов царского рода, как в более позднее время в мавзолее Неаполя скифского.

Существуют и археологические аналогии скифским царским курганам. Это алтайские курганы скифского времени [Руденко, 1953; Руденко, 1960], большие Бесшатырские курганы в Казахстане [Акишев, Кушаев, 1963, стр. 25 и сл.], Ноинулинские курганы в Северной Монголии [Руденко, 1962] и т. д. Их связь с царями или верховными вождями и их родственниками представляется вполне возможной. Вместе с тем некоторые обстоятельства царских похорон в Скифии находят аналогии в Иране [Widengren, 1959, стр. 254].

Судя по имеющимся источникам, наследование царской власти в Скифии внутри правящего рода происходило, как правило, от отца к сыну и было издревле установившимся порядком Колаксай разделил свое царство не между братьями, а между своими сыновьями (Her., IV, 7). В VII в. до н. э. царю Протию наследовал его сын Мадий (Her., 103). В V в. до н. э. царь Скил унаследовал власть от отца — царя Ариапифа (Her., IV, 81). В IV в. до н. э. наследником царя Атея предполагался его сын (Just., IX, 4). Царь Скилур в одной из надписей II в. до н. э. назван сыном царя [IOSPE, I², № 668]. Скилуру наследовал его сын Палак (S t r a b o, VII, 3, 17). Наконец, легендарная Амага из одноименного рассказа Полиена (Strateg., VIII 56) вручает власть сыну убитого ею скифского царя.

Единственное известное исключение составляет случай со Скилом, которого свергнул его брат Октамасад (Her., IV, 78). Но, по-видимому, конфликты внутри скифского царского рода случались значительно чаще. Ктесий (fr. 29, Photii Cod., 72) сообщает, что во второй половине VI в. до н. э. каппадокийский сатрап Ариарамн во время своего набега на Скифию взял в плен брата скифского царя Скифарба—Марсагета, «найдя его заключенным в оковы по приказанию брата за какой-то проступок». Царевич Анахарсис пал от руки родного брата — царя Савлия (Her., IV, 76),

Многодетный Скилур явно опасался раздоров, которые могли возникнуть между сыновьями после его смерти. «Скилур, оставивший восемьдесят сыновей, перед кончиной предлагал каждому связку дротиков, приказывая переломить ее; когда же все отказались, он сам, вынимая дротики поодиночке, легко переломил все, объясняя сыновьям, что, действуя заодно, они останутся сильными, а разделившись и враждуя друг с другом, будут слабы» (Plut., Reg. et imp. apophth. Seil.; см. также: Plut., De garrul., 17). Конечно, рассказ Плутарха имеет все характерные признаки бродячего сюжета (ср. близкие мотивы в рассказе об Алан-Гоа, легендарной прародительнице Чингисхана) [Козин, 1941, стр. 80—81]. Но определенная достоверность его подтверждается парадным рельефом, на котором изображены царь Скилур и его наследник — будущий царь Палак [Шульц, 1946]. Возможно, Скилур, осуществляя на практике свой урок политического воспитания, еще при жизни стремился утвердить и возвеличить одного наследника, чтобы избежать конфликтов после своей смерти.

У других кочевников евразийских степей принцип наследования верховной власти от отца к сыну, тем более в рамках одной ветви царского рода, редко проявлялся сколько-нибудь последовательно. Обычно он сочетался и конфликтовал с иными принципами наследования— от брата к брату или от дяди

к племяннику, — отражавшими представление о принадлежности верховной власти всему правящему роду, а не только одной из его ветвей.

У хунну в наследовании власти шаньюев одно время преобладал принцип «от отца к сыну», но в конце концов возобладал иной — «от брата к брату» [Таскин, 1968а, стр. 7—9]. Отсутствие прямого наследования власти по нисходящей линии отмечено у древних тюрков [Гумилев, 1959; Гумилев, 1967, стр. 56 и сл.], чжурчжэней [Кычанов, 1966, стр. 270—271] и др. У Сельджукидов конфликт двух принципов наследования наблюдался на протяжении большей части XI в. [Агаджанов, 1973, стр. 64—65]. В империи Чингисхана и Золотой Орде наследование власти от отца к сыну никогда не могло укорениться сколько-нибудь прочно [Федоров-Давыдов, 1973, стр. 68—70]. У бывших кочевников-парфян также отсутствовал фиксированный порядок наследования власти: престол мог переходить к брату и другим родственникам [Дьяконов М. М., 1961, стр. 195; Фрай, 1972, стр. 246, 260].

Причины этого явления заслуживают специального изучения. Однако одна из них представляется очевидной. Живучесть родо-племенной общественной структуры, пережитки родовой идеологии, вероятно, способствовали тому, что и в наследовании власти индивидуально-семейный принцип не мог окончательно одержать вверх над большесемейно-родовым. Некоторые исследователи утверждают, что для кочевников евразийских степей характерен принцип генеалогического старшинства, согласно которому статус и власть всегда передаются старшему по возрасту представителю последующего поколения [Васон, 1958, стр. VII и др.; Krader, 1963, стр. 369 и др.; Sahlins, 1968, стр. 24, 37]. Но приведенные примеры показывают, что сколько-нибудь последовательно этот принцип соблюдался редко. Поэтому трудно объяснить кажущееся преобладание у скифов наследования царской власти от отца к сыну. Можно было бы думать, что оно являлось наследием времен индоевропейского или индоиранского единства. Но в Иране этот принцип никогда не был господствующим, во всяком случае на практике [Widengren, 1959, стр. 244]. Не исключено, что применительно к скифам подобное впечатление вызвано неполнотой наличных источников.

Принцип родового наследования верховной власти у кочевников связан с представлением о ее принадлежности всему правящему роду) отсюда следовал удельный или «улусный», если пользоваться тюрко-монгольской терминологией, принцип ее распределения. Теоретически он заключался в том, что каждый член правящего рода имел право на управление определенной группой кочевников с соответствующей

территорией кочевий, а также на завоеванные земледельческие области. У монголов, например, власть «Золотого рода», рода Чингисхана, выражалась в том, что один из его членов становился императором, кааном, избираемым на совете родичей; другие же члены рода, главным образом его мужские отпрыски, имели право на то, чтобы получить в наследственное пользование «удел-улус» [Владимирцов, 1934, стр. 99]. Сходное правило действовало в державе Сельджукидов [Каррыев, Мошкова, Насонов, Якубовский, 1954, стр. 113].

Подобный принцип прослеживается не только у средневековых кочевников. В довольно отчетливой форме он наблюдается у древних тюрков [Гумилев, 1967, стр. 57 и сл.], еще раньше у хунну [Таскин, 1973, стр. 11 —17]. В китайских источниках можно усмотреть намеки на то, что усунь также придерживались этого принципа. Известен случай, когда «владение Усунь разделено было на три части под верховной властью гуньмо» [Бичурин, 1950, т. II, стр. 156—157, 191]. Аттила стремился поставить своих сыновей во главе некоторых подчиненных племен, заменяя ими традиционных правителей. Известно, что у европейских гуннов члены царского рода имели свои улусы [P rise. Pan., fr. 8]. Даже в Парфии, в которой кочевые традиции парнов оказались под иранским влиянием сильно трансформированными, считалось, что власть принадлежит всему роду Аршакидов, из среды которого выбирались цари [Дьяконов М. М., 1961, стр. 195; Фрай, 1972, стр. 260—261]. Страбон (XI, 9, 3) со ссылкой на Посидония сообщает, что «высший совет у парфян состоит из двух частей: в одну часть входят родственники царя, в другую — мудрецы и маги».

Надо согласиться с В. С. Таскиным, что, «по всей видимости, Чингисхан, начавший после создания своей кочевой державы раздавать уделы своим сыновьям и ближайшим родственникам, лишь продолжил старые кочевые традиции» [Таскин, 1973, стр. 17].

Можно предположить, что и у скифов улусный принцип получил известное распространение. Скифская этногоническая легенда свидетельствует о том, что управление всеми тремя басилеями, на которые делилось Скифское царство, находилось в руках представителей одного и того же царского рода. Все правители отдельных басилей, как и верховный царь всей Скифии, именовались царями — басилевсами. Например, при описании войны с Дарием Геродот (IV, 120) называет басилевсом не только верховного царя всей Скифии — Иданфирса, но и правителей отдельных басилей— Скопасиса и Таксакиса.

Но в этногонической легенде иранское слово «царь», «хсауа», является составной частью собственного имени не

только первого скифского царя Колаксия (Κολ.άξαϊς), но и его братьев — Липоксия (Λιπόξαϊς) и Арпоксия ('Αρπόξαϊς), которые уступили ему все царство [Абаев, 1965, стр. 39]. Поэтому слово «хсауа» или какие-то его варианты, которые греки переводили словом «βασιλεύς», т. е. царь, в одном из своих значений, возможно, являлось титулом, и право на этот титул имели все члены царского рода или какая-то их часть. Некоторые из них могли быть правителями отдельных архэ или номов, во всяком случае, более низких таксономических единиц, чем царства-басилеи.

Подобное предположение, на мой взгляд, находит некоторое подтверждение в источниках. Прежде всего надо отметить многозначность слова «βασιλεύς» в лексиконе Геродота [Powell, 1938, s. v.]. Басилевс у него не только царь, но и верховный предводитель, вождь — словом, лицо более низкого ранга. О киммерийских басилевсах, например, Геродот (IV, И) упоминает во множественном числе, явно имея в виду вождей племен или племенных группировок.

Возможно, и у скифов Геродот называл басилевсами не только верховного царя Скифии и правителей отдельных «царств», на которые она делилась, но и правителей более низкого ранга, перед лицом которых решались поединком родственные тяжбы (Her., IV, 65.) и которым скифы приносили головы всех убитых ими в сражении врагов для подтверждения прав на захваченную добычу (Her., IV, 64). Сомнительно, чтобы такие вопросы находились в ведении главных скифских царей. Скорее это могли быть номархи [Елагина, 1962, стр. 95]. Ведь именно они вели счет успехам и неудачам каждого скифского воина (Her., IV, 66). Но Геродот терминологически отличает номархов от басилевсов. Может быть, в первом случае он имеет в виду нетитулованную знать, а во втором — аналогичных ей по положению титулованных представителей царского рода.

Не только Геродот, но и другие авторы употребляют иногда греческое слово «βασιλεύς» и его латинский аналог «rex» для обозначения не верховных скифских владык, а правителей более низкого ранга. Так, Плиний (NH, VIII, 156) сообщает про скифского царька (regulus), сражавшегося по вызову с врагом.

Можно привести и довод иного рода. По словам Страбона (IV, 4, 3), во времена Митридата Эвпатора скифы были «под властью Скилура и его сыновей с Палаком во главе, которых, по свидетельству Посидония, было пятьдесят, а по свидетельству Аполлонида, — восемьдесят». Указание на совместность правления подтверждает права всех членов царского дома на управление царством, очевидно, реализующиеся на практике «в виде улусной системы.

Один исторический факт, засвидетельствованный Диодо-

ром (XX, 24), возможно, подтверждает такое предположение. После междоусобной войны на Боспоре в конце IV в. до н. э. царь Евмел принялся за истребление друзей и родственников своих братьев-соперников. «Удалось спастись от него только одному Перисаду, сыну Сатира, очень молодому человеку. Ускакав из города верхом на коне, он нашел убежище у царя Агара, царя скифов».

По догадке В. В. Струве, ставка Агара, который спас молодого царевича, находилась недалеко от Пантикапея, а сам царь был не кем иным, как номархом, правителем близлежащего племени [Струве, 1968, стр. 197; ср.: Граков, 1954, стр. 25]. «Агар, правда, в тексте назван не „номархом“, а „царем“, — писал В. В. Струве, — но положение скифского номарха, вождя племени, признававшего владычество царя скифской державы лишь номинально и сохранившего, по существу, свою самостоятельность, было близким к положению самостоятельного правителя. О богатстве такого номарха свидетельствует его погребение в Куль-Обе. Поэтому не должно вызывать удивление то, что пантикапейцы называли скифского номарха, управляющего соседней с ними областью, „царем“» [Струве, 1968, стр. 197].

Однако возможно и иное предположение. Пантикапейцы называли Агара царем, потому что так называли его сами скифы, имея в виду его происхождение из царского рода. Может быть, именно Агар был союзником Сатира в его борьбе с мятежным Евмелом и предоставил боспорскому царю войско «в количестве двадцати с лишком тысяч пехоты и не менее десяти тысяч всадников» (Di od., XX, 22). И сравнительно небольшая численность войска, и особенно преобладание в нем пехоты над конницей, хорошо объясняющееся оседанием, рано начавшимся у скифов Керченского полуострова, также позволяют думать, что Агар был правителем не всей Скифии, а лишь одного из ее номов.

События, связанные с воцарением Евмела на Боспоре, относятся к самому концу IV в. до н. э., а курган Куль-Оба датируется последней четвертью IV в. до н. э. [Брашинский, 1965, стр. 104]. Поэтому едва ли в нем был похоронен царь Агар. Но им мог быть его ближайший предшественник, также представитель царского рода.

Таким образом, можно сформулировать два вывода. Первый из них кажется очевидным, второй хотя и гипотетическим, но вполне вероятным. Улусная система, основанная на совместной власти членов правящего рода над данным политическим образованием, не является особенностью средневековых кочевников. Ее истоки уходят к древнимномадам, у которых она прослеживается уже в весьма развитых формах. Существование подобной системы можно предполагать и у скифов

Выводы

Общество скифов и его стратификация в том виде, в котором она поддается реконструкции, демонстрируют очень большое сходство с обществами других кочевников евразийских степей, причем не только древних, но и средневековых. Рабство, всегда существующее, но никогда не имеющее важного производственного значения; наличие неполноправного и эксплуатируемого слоя обедневших кочевников; очень широкое распространение данничества, в первую очередь во взаимоотношениях с подчиненными земледельческими племенами и народами; наличие численно преобладающего в обществе слоя рядовых свободных кочевников, эксплуатация которого, как правило, была косвенной, прикрытой традициями родо-племенной солидарности и, главное, не составляла основного источника доходов привилегированного слоя; духовная прослойка, состоящая из жрецов, шаманов, предсказателей и пр., менее развитая, чем у многих земледельческих народов и в целом находящаяся под контролем светских властей; аристократия, в первую очередь родо-племенная, отчасти также служилая; наконец, правящий «царский» род — все эти наиболее характерные черты и особенности находят многочисленные аналогии у других кочевников — от древних хунну до казахов нового времени.

Объяснение этого явления заключается отчасти в однотипности и застойности экстенсивной кочевнической экономики, вновь и вновь рождающей наиболее соответствующие ее уровню социальные слои и прослойки, отчасти в чертах стадийного сходства, вызванных одинаковым уровнем общественного развития, наконец, отчасти в культурных взаимовлияниях и преемственности. Поэтому не случайно, что некоторые особенности стратификации скифского общества прослеживаются не только в кочевых, но и в оседло-земледельческих обществах на раннеклассовой ступени развития.

Как соотносится скифское общество VI—IV вв. до н. э. с общеиранским II тысячелетия до н. э.?

По мнению Ж. Дюмезиля, скифское общество Лукиана и даже Геродота походило на общества осетин и черкесов до их присоединения к России. Это феодальная организация, в которой под управлением князей находились наследственная знать и незнатные, но свободные члены общества, причем и те и другие были обладателями рабов. Ж. Дюмезиль полагает, что ничто не указывает на существование у скифов выделенных им трех слоев индоевропейского общества. Например, по его мнению, у них отсутствовало обособившееся жречество. Что касается представлений о трех социальных слоях, следы которых Ж. Дюмезиль сам же неоднократно отмечал у скифов, то они кажутся ему идеальной моделью,

застывшей концептуальной традицией, далекой от реальной действительности [Dumézil, 1962, -стр. 198—199; Dumézil, 1968, I, стр. 444—447, 451].

Парадоксально, что по данному вопросу взгляды Ж. Дюмезиля смыкаются со взглядами его решительного оппонента И. М. Дьяконова, допускающего трехчленное деление общества только для индоарийцев и одной определенной группы иранских племен («народ Авесты») и отрицающего его для скифов. По мнению И. М. Дьяконова, трехчленное деление общества у скифов в лучшем случае имеет отраженное происхождение — под влиянием условий родственных оседлых племен [Дьяконов И. М., 1971, стр. 127—128, прим. 23].

Значительно дальше Ж. Дюмезиля идут некоторые из его последователей, находящие в скифском обществе реально существующее трехсословное деление [Грантовский, 1960; Грантовский, 1970, стр. 158, 208, 348 и др.; Раевский Д. С., 1971, стр. 13—14].

По-видимому, в этом вопросе следует избегать крайностей. Сравнение скифского общества с адыгским или осетинским неправомерно. Общего между ними ровно столько, сколько между двумя сословно и классово дифференцированными обществами с наследственной аристократией. Едва ли полностью прав Ж. Дюмезиль и в отрицании у скифов обособленной жреческой прослойки. Конечно, скифские знари — не брахманы Индии и не маги Ирана, возможно, их общественные позиции были скромнее тех, которые реконструирует сам ученый для жречества времени индоевропейской общности. Но все же жрецы или специалисты по сверхъестественному в Скифии были.

Однако Ж. Дюмезиль прав, утверждая, что скифское общество далеко уклонилось от традиционной индоевропейской или иранской модели. Никаких следов наличия особого сословия ремесленников в Скифии не наблюдается¹⁶. Во всех кочевых обществах выделение ремесла в самостоятельную сферу производства было процессом длительным и прерывистым, особенно когда ремесленные продукты можно было получить на внешних рынках или за счет эксплуатации земледельцев — как в виде дани, так и путем насильственного переселения захваченных в плен ремесленников. Зато Геродот (IV, 24) сообщает о наличии купцов — явлении, известном и в других кочевых обществах. Аристократия и даже рядовые свободные скифы состояли из нескольких прослоек, и, по-видимому, в особую прослойку выделился царский род.

Таким образом, скифское общество было значительно более гетерогенным, чем представляется тем, кто склонен воспринимать его в рамках трехсословной индоевропейской модели. И главное, даже те сословия, которые генетически можно возводить ко II тысячелетию до н. э., предстают перед

нами уже в сильно трансформированном виде. Изменились они сами, изменились их функции, их соотношение, их положение в обществе. Полноправная часть скифского общества, состоящая, по Лукиану, из царского рода, аристократии и незнатных, но лично свободных кочевников, к которым надо добавить также жречество, гораздо больше соответствует социальной структуре сарматов, хунну и даже средневековых монголов и казахов XV—XVIII вв., чем индоевропейскому и индоиранскому обществу III—II тысячелетий до н. э., как оно выглядит в трудах Ж. Дюмезиля и его последователей. По-видимому, Ж. Дюмезиль прав в другом. Традиционная модель общества, вероятно, продолжала существовать у скифов в сфере идеологии. И новые социальные отношения даже во времена Геродота осмысливались по ее образцу.

СКИФСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ЕЕ МЕСТО СРЕДИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

Начальный период скифской истории

Прежде чем пытаться определить место начального периода в социальной истории скифов, целесообразно проанализировать его политико-исторические, археологические и этно-лингвистические аспекты.

Из трех приведенных Геродотом версий о происхождении скифов сам он наиболее доверял той, в которой вместо богов и героев фигурировали исторические народы (Her., IV, 11).

«Кочевые скифы, жившие в Азии, будучи теснимы войною со стороны массагетов, перешли реку Аракс и удалились в киммерийскую землю (действительно, страна, занимаемая теперь скифами, первоначально принадлежала, говорят, киммерийцам). При наступлении скифов киммерийцы, имея в виду многочисленность приближавшегося войска, стали совещаться между собой, и мнения их, высказанные с одинаковой настойчивостью, разделились, но предложение царей было благоразумнее, именно: по мнению народа, следовало удалиться и не подвергать себя опасности в борьбе с многочисленным войском, а цари предлагали бороться за родину с наступающими. Однако ни народ не захотел послушаться царей, ни цари — народа; первый задумал удалиться без боя, предоставив родную землю врагам, а цари предпочли лечь мертвыми в родной земле и не бежать вместе с народом, представив себе те блага, которыми они пользовались до тех пор, и те бедствия, которых следовало ожидать при бегстве из отечества. Решив таким образом, цари разделились на две части, равные по численности, и стали драться между собою. Всех царей, перебитых друг другом, киммерийский народ похоронил у реки Тираса — могила их до сих пор еще видна, — а после погребения удалился из

страны, так что вторгнувшиеся скифы заняли страну, уже лишенную населения».

Далее (IV, 12) Геродот рассказывает о преследовании скифами киммерийцев до Передней Азии, о котором он сообщал уже раньше (I, 103—104), и добавляет, что приведенная им версия одинаково распространена среди эллинов и варваров (IV, 12). Геродот приводит также известие Аристея об обстоятельствах появления скифов в Северном Причерноморье, однако подчеркивает, что оно не согласуется с рассказом самих скифов. По Аристею, скифы тоже появились в Северном Причерноморье в результате давления соседей. «Все эти народы, за исключением гипербореев, начиная с аримаспов, постоянно нападали на своих соседей, так что аримаспами вытеснены из своей земли исседоны, исседонами — скифы, а киммерийцы, жившие у южного моря, покинули свою страну под натиском скифов» (Her., IV, 13).

Полагают, что сведения Геродота, которые он противопоставляет аристеевым, восходят к Гекатею [Граков, 1954, стр. 12]¹. Очевидно, они были подкреплены и дополнены информацией, которую Геродот смог собрать во время своего пребывания в Северном Причерноморье. Впрочем, оба известия расходятся лишь в деталях и представляют практически одну и ту же версию в двух вариантах. Из нее следует, что: 1) кочевники-скифы являлись в Северном Причерноморье (пришлым элементом; 2) в Восточную Европу они пришли из-за Аракса (то ли Волги, то ли Амударьи); 3) скифы вытеснили из Северного Причерноморья своих предшественников — киммерийцев; 4) передвижения киммерийцев и скифов явились конечным результатом больших миграций, начавшихся где-то в Азии; 5) в Передней Азии скифы появились уже после своего вторжения в Северное Причерноморье и изгнания оттуда киммерийцев.

Существует еще одна версия о появлении в Северном Причерноморье скифов, донесенная до нас Диодором Сицилийским (II, 43, 1—4). Она более богата подробностями, в том числе и легендарными. Согласно Диодору, скифы «сначала занимали незначительную область, но впоследствии, понемногу усилившись благодаря своей храбрости и военным силам, завоевали обширную территорию и снискали своему племени большую славу и господство.

Сначала они жили в очень незначительном количестве у реки Аракса и были презираемы за свое бесславие; но еще в древности под управлением одного воинственного и отличавшегося стратегическими способностями царя они приобрели себе страну в горах до Кавказа, а в низменностях побережье Океана и Меотийского озера и прочие области до реки Танаиса».

Далее Диодор излагает свою версию скифской этногонической легенды и, сообщив о деяниях братьев Пала и Напа, заключает: «Спустя несколько времени потомки этих царей, отличавшиеся мужеством и стратегическими талантами, подчинили себе обширную страну за рекой Танаисом до Фракии и, направив военные действия в другую сторону, распространили свое владычество до египетской реки Нила».

Итак, последовательность событий у Диодора выступает в следующем виде: 1) скифы, численность которых была невелика, жили у Аракса; 2) скифы завоевали область, приблизительно локализуемую между Азовским морем и Доном на западе и Главным Кавказским хребтом на юге; 3) в этой области оформились какие-то организационные основы скифского общества, в частности его разделение на две части под главенством одной династии; 4) следующий этап скифской экспансии — завоевание Северного Причерноморья вплоть до Фракии; 5) после этого скифы перенесли свои действия в Переднюю Азию и распространили свое владычество до Нила.

Сравнение двух независимых версий Аристия — Гекатея — Геродота и Диодора показывает, что они нигде друг другу не противоречат, хотя каждая из них передает некоторые подробности, отсутствующие в другой. Но, главное, они передают последовательность событий в одном и том же порядке, тем самым подтверждая их достоверность и взаимосвязанность².

О той же последовательности событий свидетельствует и Плутарх (Мор., XI): «Киммерийцы, сделавшись известными впервые древним эллинам, представляли собою незначительную часть целого, которая в качестве изгнанников или вследствие возмущения, теснимая скифами, перешла от Меотиды в Азию».

Поэтому представляются ошибочными как мнение М. И. Артамонова, полагавшего, что под переходом скифов через Аракс Геродот имел в виду их возвращение в Северное Причерноморье после переднеазиатских походов [Артамонов, 1971, стр. 55], так и предположение И. М. Дьяконова о том, что скифы вторглись в Закавказье непосредственно из Азии и с Северным Причерноморьем в это время никак связаны не были [Дьяконов И. М., 1956, стр. 230, 244—245]. В данном случае, как и во многих других, сведения Геродота нуждаются не в исправлениях, неизбежно приобретающих налет субъективизма, а в отдельных уточнениях и особенно в разъяснениях.

Возможно, отголоски событий, связанных с продвижением скифов в Северное Причерноморье и борьбой, которую им пришлось при этом выдержать, сохранились у Плиния, правда, уже в полуполюгендарной форме. Помимо Геродота, Плиний является единственным античным автором, упоми-

нающим о некоторых племенах, ведущих происхождение от братьев Колакся, но совсем в другом контексте³. Сходство наименований не абсолютное, но все же плиниевы эвхаты (euchatae) и авхеты (auchetae) очень близки к авхатам, а котиеры (cotieri) — к катиарам Геродота. Поэтому можно предполагать их тождество.

Сведения Плиния приобретают особый интерес, если расположить их географически в направлении с востока на запад и сопоставить с известиями Диодора.

P l i n., NH, VI, 50 За Яксартом живут скифские народы. Среди самых известных из них: саки, массагеты, даги, аримаспы, а также эвхоты и котиеры. «Там напеи, как говорят, были уничтожены палеями».

P l i n., NH, VI, 22 Про Нижний Дон и Северный Кавказ: «По другим [авторам], сюда вторглись скифские племена авхеты, атер-неи, асампаты и истребили поголовно танаитов и инапеев».

P l i n., NH, IV, 88 «От Тафр по направлению внутрь материка живут авхеты, во владениях которых берет начало Гипанис».

D i o d., II, 43, 2 Сначала скифы жили у реки Аракса.

D i o d., II, 43, 2, 3 Скифы завоевали область между Азовским морем, Доном и Главным Кавказским хребтом. Здесь появились на свет два брата Пал и Нап. Они «совершили славные подвиги и разделили между собой царство, по имени каждого из них назвались народы, один палами, а другой — напами».

D i o d., II, 43, 4 «Спустя несколько времени потомки этих царей, отличавшиеся мужеством и стратегическими талантами, подчинили себе обширную страну за рекой Танаисом до Фракии».

Создается впечатление, что источник Плиния отражает те же события, что и источник Диодора: этапы постепенного продвижения скифов с востока на запад. В таком случае становится понятным последовательное размещение авхетов (= эвхотам = авхатам Геродота?) за Яксартом, в Предкавказье и на Буге [Plezia, 1959/60, стр. 37]. Правда, у самого Плиния они размещены в обратном порядке, но это, очевидно, связано с иной географической последовательностью его труда. К тому же, как отметил М. И. Ростовцев, данные Плиния, взятые из разных источников, не отличаются стройностью и систематичностью [Ростовцев, 1925, стр. 56].

Как и Диодор, Плиний также недвусмысленно свидетельствует, что продвижение скифских племен на запад было отнюдь не мирным. Однако точная локализация событий и та роль, которую в них играли конкретные племена, видимо, были ему неясны. Это достаточно недвусмысленно отмечено и самим ученым: то ли напей (= инапейам = напам Диодора?) были уничтожены палеями (= палам Диодора?) еще за Яксартом, то ли инапей (=напейам = напам Диодора?) были уничтожены авхетами и другими скифскими племенами на Нижнем Дону⁴. Данные Диодора, кажется, указывают на большую вероятность последнего.

Таким образом, труд Плиния содержит весьма раннюю и ценную информацию относительно последовательности и характера продвижения скифов в Северное Причерноморье, причем в главном он подтверждается другими источниками. Но Диодор совсем иначе, чем Плиний, характеризует взаимоотношения палов и напов на Нижнем Дону и в Предкавказье. Одно из возможных объяснений этого противоречия заключается в том, что Плиний и Диодор акцентируют внимание на двух различных, но последовательных этапах одного и того же события: немирном появлении скифов в Предкавказье и создании после их утверждения там объединения, включавшего как завоевателей, так и покоренное аборигенное население. Возможно, не все напы были истреблены или вытеснены, часть их в той или иной форме могла быть инкорпорирована в состав победителей. Плутарх (Маг., XI) также подтверждает, что, вопреки Геродоту, большая часть киммерийцев осталась в Приазовье.

Позднее в полном соответствии с традициями и условиями социальной жизни кочевников и победители и побежденные были связаны между собой узами фиктивного генеалогического родства. Об этом повествует первая скифская этногоническая легенда в передаче Геродота, и рассказ Диодора в данном месте является всего лишь одним из ее вариантов, вероятно более ранним.

Хронология событий, связанных с появлением скифов в Северном Причерноморье, устанавливается лишь косвенным путем. Гомер (П., XIII, 1—7) упоминает про обитавших в Северном Причерноморье «млекоедов, доителей кобылиц». Но кого он имеет в виду конкретно, неясно. Б. Н. Граков, ссылаясь на Гесиода, полагает — что скифов [Граков, 1954, стр. 18], А. И. Тереножкин и В. А. Ильинская, указывая на Каллимаха (ad Artem., 252), — что киммерийцев [Археологія Української РСР, 1971, т. II, стр. 10]. Дату жизни Аристея, во времена которого скифы уже вытеснили киммерийцев, Дж. Болтон определяет около третьей четверти VII в. до н.э. [Bolton, 1962, стр. 179 и др.].

Terminus ante quem в данном вопросе могут являться 70-е годы VII в. до н. э., когда в анналах Асархаддона впервые упоминаются скифы во главе с Ишпакаем, выступившие в союзе с Манной против Ассирии [Дьяконов И. М., 1951, № 65]. Поскольку этому должно было предшествовать появление скифов в Передней Азии, а еще ранее — установление их гегемонии в Северном Причерноморье, последнее событие надо датировать не позднее начала VII в. до н. э., а скорее всего еще VIII в. до н. э.

Примечательно, что именно в VIII в. до н. э. прекращается жизнь на многочисленных предскифских поселениях в Северном Причерноморье. Отчасти это могло быть связа-

но с переходом к кочевому скотоводству, отчасти с передвижением киммерийцев в Переднюю Азию, но вполне вероятно и предположение И. В. Яценко, что гибель позднесрубных поселений была обусловлена борьбой между скифами и киммерийцами [Яценко, 1959, стр. 21, 23; см. также: Погребова, 1958, стр. 234; Лесков, 1970, стр. 47].

Симптоматично также, что донесения ассирийских шпионов, содержащие древнейшие сведения о пребывании киммерийцев в Передней Азии и поражении, которое потерпел от них царь Урарту Руса I, относятся к 722—715 гг. до н. э. [Пиотровский, 1944, стр. 296; Пиотровский, 1959, стр. 232 и сл.; Дьяконов И. М., 1951, № 50; Дьяконов И. М., 1956, стр. 235—236; Барамидзе, 1955, стр. 648 и сл.]. В IX—VIII вв. до н. э., а может быть, даже еще раньше киммерийцы совершали набеги на Малую Азию (St r a b o, I, 1, 10; III, 2, 12; IX, 2, 5; Steph. В у z., s. v. "Αυτάνδρος; Ρ l i n., NH, V, 23). Существует мнение, что они принимали участие в разрушении Трои VIIa в начале XII в. до н. э. [Лесков, 1974; ср.: Златковская, 1961, стр. 88 и сл.]. Получается, что между появлением в Передней Азии киммерийцев и вторжением туда скифов прошло несколько больше времени, чем представлялось Геродоту.

Однако существует и иная датировка рассматриваемых событий. В. А. Белявский высказал предположение, что гегемонию в Передней Азии захватили не те скифы, которые оказались там в 70-е годы VII в. до н. э., а новая волна скифов, явившихся из Причерноморья в 623/622 г. и после 28-летнего владычества вернувшихся домой [Белявский, 1964, стр. 125, прим. 91]. В таком случае получается, что скифы Ишпакая вторглись в Переднюю Азию откуда-то с Северного Кавказа и лишь затем последовало передвижение других скифов в Северное Причерноморье. Подобного же мнения, по-видимому, придерживается Д. А. Мачинский, полагающий, что завоевание земель за Танаисом, описанное Диодором, следует датировать первой половиной VII в. до н. э. или, скорее, серединой VII в. до н. э. [Мачинский, 1971, стр. 33].

Предположение о том, что отдельные группы скифов проникали в Переднюю Азию раньше, чем их главные силы, вполне допустимо, более того — вероятно. (Другое дело, являлись ли подобными отдельными группами скифы Ишпакая, и тем более Протогия и Мадия.) В то же время, приняв рассмотренные построения целиком, надо внести значительные, но отнюдь не являющиеся необходимыми поправки в ту последовательность и взаимосвязь событий, которой придерживаются все античные авторы и которая косвенным образом подтверждается ассирийскими источниками.

Геродот определенно связывает проникновение скифов в

Северное Причерноморье с вытеснением киммерийцев. Показательно, что даже в Передней Азии взаимоотношения киммерийцев и скифов были по большей части враждебными (Strabo, I, 3, 21); [см. также: Дьяконов И. М., 1956, стр. 235, 285—286], а в письме предсказателя-вавилонянина на ассирийской службе Белушезиба к царю Асархаддону, датированном 674 г. до н. э., киммерийцы в буквальном соответствии с рассказом Геродота названы «племенем беглых» («семенем беглых») [Дьяконов И. М., 1951, № 69]⁵. — Но пребывание киммерийцев в Передней Азии надежно датируется уже концом VIII в. до н. э., а наибольшей активности их деятельность там достигла в первой половине VII в. до н. э. [Дьяконов И. М., 1956, стр. 235]. Если вторжение скифов в Северное Причерноморье относить только к середине VII в. до н. э., то столь хорошо устанавливающаяся хронологическая и историческая связь между всеми этими событиями обрывается. К тому же ни Геродот, ни Диодор нигде не говорят о многократных вторжениях скифов в Переднюю Азию и единодушны в том, что их появление в последней произошло лишь после установления скифской гегемонии в Северном Причерноморье. По Геродоту (IV, 1), скифы после вероломной победы над ними Киаксара вернулись на родину, но их родиной он считает уже Северное Причерноморье, а не земли за Араксом.

В ассиро-вавилонских источниках также нет прямого подтверждения этого предположения. Для Геродота (I, 103) царь Мадий, сын Прототия, разбивший Киаксара, был царем тех самых скифов, которые сперва изгнали киммерийцев из Северного Причерноморья, а затем уже проникли в Переднюю Азию. Между тем Прототий — Партатуа ассирийских источников — известен в Передней Азии уже с 70-х годов VII в. до н. э. [Дьяконов И. М., 1951, № 68; Дьяконов И. М., 1956, стр. 246, 280; Cavaignac, 1961, стр. 158—162].

Наконец, даже если принять предположение В. А. Белявского о появлении в 623/622 г. до н. э. в Передней Азии новой волны скифов, которое он сам называет лишь догадкой при современном состоянии источников, то никаких указаний на время появления скифов в Северном Причерноморье оно не содержит.

Исходя из изложенных соображений, я полагаю, что по письменным источникам наиболее вероятным временем установления скифской гегемонии в Северном Причерноморье следует признать вторую половину VIII или начало VII в. до н. э., причем первая дата кажется предпочтительнее.

Археологическая последовательность культур в Северном Причерноморье в конце бронзового — начале железного века в настоящее время устанавливается сравнительно хорошо.

Уже в XV—XIV вв. до н. э. там распространяется из Поволжья срубная культура, вытеснившая или ассимилировавшая предшествующую ей катакомбную культуру [Лесков, 1967, стр. 17; Лесков, 1967а, стр. 143; Лесков, 1971, стр. 75—76; Археологія Української РСР, 1971, т. I, стр. 406—407]. Поскольку в дальнейшем в этом районе катакомбная культура прекращает свое существование, мнение о ее связи с историческими киммерийцами [Кругликова, 1952, стр. 117; Sulimirski, 1954, стр. 288; Sulimirski, 1959, стр. 50 и сл.; Попова, 1955, стр. 177; Смирнов А. П., 1966, стр. 34—38; Артамонов, 1971, стр. 48—49] не находит подтверждения в археологическом материале.

В дальнейшем в Северном Причерноморье происходит последовательное развитие срубной культуры, поздний период которой представлен двумя генетически связанными между собой и с предшествующими памятниками этапами: сабашиновским, датируемым большинством исследователей XIII—XII вв. до н. э., А. И. Тереножкиным — XIV—XII вв. до н. э. [Тереножкин, 1965, стр. 69, 84], а А. М. Лесковым — XIII—первой половиной XI в. до н. э. [Лесков, 1974]⁶, и белозерским, который обычно относят к XI—IX вв. до н. э. [Телегін, 1961; Тереножкин, 1965, стр. 63 и сл.]. По мнению А. М. Лескова, между этими этапами следует выделять переходный, который длится с середины XI по середину X в. до н. э.; поэтому начало белозерского этапа следует относить к середине X в. до н. э., а конец его, возможно, к первой половине VIII в. до н. э. [Лесков, 1970, стр. 59; Лесков, 1971, стр. 84, 87; Лесков, 1974; Археологія Української РСР, 1971, т. I, стр. 423—426].

Если так, то белозерские памятники и во временном, и в территориальном, а отчасти также и в культурном отношении непосредственно смыкаются с памятниками типа Черногоровки — Камышевахи и Новочеркасского клада, распространенными в Северном Причерноморье. Тем самым здесь устанавливается твердая преемственность развития с середины II тысячелетия до н. э. по первую половину VII в. до н. э. Это позволяет довольно уверенно связывать киммерийцев с племенами — носителями срубной культуры и воспринимать их как аборигенное (к моменту появления скифов) население Северного Причерноморья.

Сложнее обстоит дело с впервые выделенными А. А. Иессеном памятниками типа Черногоровки — Камышевахи и Новочеркасского клада, знаменующими конец бронзового века в Северном Причерноморье [Иессен, 1953; Иессен, 1954], Одними исследователями они датируются серединой VIII—первой половиной VII в. до н. э. [Иессен, 1953, стр. 107; Лесков, 1971, стр. 87], другими — VIII — первой половиной VII в. до н. э. [Щепинский, 1962, стр. 64]; Тереножкин, 1970, стр. 297:

Археологія Української РСР, 1971, т. II, стр. 24] или даже серединой IX — началом VII в. до н. э. [Тереножкин, 1972, стр. 166]. А. М. Лесков разделяет собственно памятники типа Новочеркасского клада, которые он датирует рубежом VIII—VII — началом второй половины VII в. до н. э., и памятники типа Черногоровки — Камышевахи, нижний рубеж которых относится им к середине — второй половине VIII в. до н. э. [Лесков, 1974]. Но суть проблемы не только в хронологии, но и в этнической интерпретации памятников.

По письменным источникам, в Северном Причерноморье в VIII—VII вв. до н. э. фиксируются два этноса — киммерийцы и скифы, причем, как уже отмечалось, время смены одного другим с точностью не устанавливается. Поэтому памятники типа Новочеркасского клада — Черногоровки могли принадлежать либо скифам, либо скифам и киммерийцам вместе, либо только киммерийцам.

Первое предположение было высказано В. А. Ильинской [Іллінська, 1966, стр. 61]. Однако сомнительно, чтобы киммерийцы были полностью вытеснены из Северного Причерноморья уже к середине VIII в. до н. э.

Более вероятным представляется третье предположение — о принадлежности памятников типа Черногоровки — Новочеркасского клада исключительно киммерийцам [Крупнов, 1961, стр. 127; Щепинский, 1962, стр. 64—65; Тереножкин, 1970, стр. 297—298; Тереножкин, 1971, стр. 21; Тереножкин, 1973, стр. 17—19; Археологія Української РСР, 1971, т. I, стр. 9 и сл., 33]. Придерживающиеся его исследователи указывают на то, что скифский период в культуре племен Северного Причерноморья, как установлено Б. Н. Граковым, начинается лишь во второй половине VII в. до н. э., когда появляются наиболее ранние памятники собственно скифской археологической культуры [Граков, 1948, стр. 38; см. также: Тереножкин, 1952, стр. 94; Покровская, 1953, стр. 36; Мелюкова, 1958, стр. 7]. По их мнению, наблюдается не эволюция, а смена одной культуры другой, так как в готовом виде в скифской культуре признаков местных традиций, за исключением керамики, нет.

В историческом плане следующие из подобного предположения выводы наиболее четко сформулированы А. И. Тереножкиным. В VIII—VII вв. до н. э. в Северном Причерноморье обитали только киммерийцы. Смена их скифами началась в 70-е годы VII в. до н. э. и закончилась чуть позднее середины VII в. Скифы в отличие от киммерийцев не происходили от племен — носителей срубной культуры, но часть киммерийцев была ими ассимилирована [Тереножкин, 1970, стр. 299; Тереножкин, 1971, стр. 22—23; Тереножкин, 1973, стр. 16—18; см. также: Руденко, 1951, стр. 114—116].

Однако даже оставляя в стороне дискуссионный вопрос

о характере преемственности между срубной культурой, памятниками типа Черногоровки — Новочеркасского клада и культурой скифского времени, надо отметить, что дата появления скифов в Северном Причерноморье и дата распространения там скифской археологической культуры являются не одним и тем же вопросом, как представляется сторонникам изложенной гипотезы, а двумя различными, хотя и связанными между собой.

Античная традиция в сопоставлении с данными переднеазиатских источников побуждает полагать, что проникновение скифов в Северное Причерноморье произошло не в середине VII в. до н. э., а по крайней мере на 50—80 лет раньше. В то же время завершение формирования той археологической культуры, которая носит имя скифской, действительно произошло лишь во второй половине VII в. до н. э. До этого времени скифская культура в готовом виде (но не ее отдельные элементы) неизвестна не только в Северном Причерноморье, но и в любом другом районе. В 1952 г. А. И. Тереножкин писал: «Протоскифских памятников нет ни в Южной Сибири, ни в Казахстане, ни на Алтае и Тянь-Шане, ни в Средней Азии» [Тереножкин, 1952а, стр. 5]. Таким же остается положение и в наши дни.

Тезис о том, что скифская культура сформировалась где-то в азиатской части евразийских степей еще до скифских походов в Переднюю Азию [Тереножкин, 1971, стр. 22—23], остается недоказанным. Следующий отсюда вывод лучше всего сформулирован И. М. Дьяконовым: «Материальная культура, которая была принесена в Переднюю Азию киммерийцами и скифами в VIII и начале VII в., не могла быть той культурой, которая в археологии Причерноморья называется "скифской" и которая сама уже носит недвусмысленные черты переднеазиатского влияния. Киммерийцы и скифы ассирийских и других азиатских известий VIII — начала VII в. принадлежали археологически к доскифским культурам» [Дьяконов И. М., 1956, стр. 228].

Быструю и довольно глубокую трансформацию культуры скифского этноса, совершившуюся ко второй половине VII в. до н. э., можно объяснить довольно просто. Для этого достаточно принять во внимание три события, каждое из которых имело далеко идущие последствия: переход из бронзового века в железный, завершение становления кочевых форм скотоводства и воздействие цивилизации Передней Азии.

Таким образом, из трех возможных предположений об этнической принадлежности памятников типа Новочеркасского клада наиболее вероятным в настоящее время представляется то, согласно которому они оставлены и киммерийцами и скифами [Иессен, 1954, стр. 130; Граков и Мелюкова,

1954, стр. 66; Граков, 1971, стр. 24; Лесков, 1971, стр. 91]. Подобное предположение кажется тем более вероятным, что нижний хронологический рубеж этих памятников надежно датируется не ранее середины VIII в. до н. э. — временем, очень близким к моменту появления скифов в Северном Причерноморье и не позднее, чем они появились в Приазовье и Предкавказье⁷.

В этой связи большой интерес представляет предпринятая А. М. Лесковым попытка расчленить памятники типа Черногоровки — Новочеркасского клада и выделить в них группу, в которой сильнее всего прослеживается северокавказское влияние (Новочеркасский клад и др.). Именно эту группу А. М. Лесков связывает с древнейшими скифами [Лесков, 1971б, стр. 82—83; Лесков, 1974; ср.: Археологія Української РСР, 1971, т. II, стр. 10—15; Тереножкин, 1970, стр. 296—297]. Однако скудость имеющегося в настоящее время археологического материала делает это предположение чисто гипотетическим.

Остается рассмотреть этно-лингвистический аспект проблемы. Сейчас многие специалисты в области индоевропейского языкознания признают юг Восточной Европы в качестве вероятной прародины иранских народов [Абаев, 1971, стр. 11; Абаев, 1972, стр. 30 и сл.; Грантовский, 1970, стр. 358] или вторичного центра их расселения [Гамкрелидзе, Иванов, 1972, стр. 19]. Поэтому мнение об ираноязычности киммерийцев (приобретает все больше сторонников [см., например: Harmatta, 1946—1948, стр. 131; Ghirshman, 1954, стр. 96; Дьяконов И. М., 1956, стр. 241; Абаев, 1965, стр. 125—126]. Пожалуй, в наиболее крайней форме оно выражено И. М. Дьяконовым, полагающим, что киммерийцы — конкретное племенное название одного из большой группы скифских племен, а не особое, нескифское и предшествовавшее скифам население Северного Причерноморья [Дьяконов И. М., 1956, стр. 241].

В более осторожной и, по-видимому, более приемлемой форме сходное мнение сформулировано В. И. Абаевым: «Что касается вторжения скифов из Азии в VIII в., то это было, очевидно, не первым появлением иранского элемента в Европе, а одним из передвижений кочевых североиранских племен, происходивших неоднократно и позже и означавших не' коренную смену этнического состава, а перемещения и перегруппировки родственных иранских племен на издавна занятой ими обширной территории» [Абаев, 1965, стр. 122].

Языковая и культурная близость между пришельцами-скифами и аборигенным киммерийским населением объясняет, почему появление скифов в Северном Причерноморье невозможно проследить археологически⁸. Хорошо известно, с каким трудом вообще фиксируются археологически те мигра-

ции кочевников — от гуннов до монголов, да и не только кочевников [Клейн, 1973, стр. 6 и сл.], которые надежно засвидетельствованы письменными источниками. Даже массовые переселения пастушеских и пастушеско-земледельческих племен, более медленные и постепенные, чем передвижения кочевников, редко оставляли следы в археологическом материале. Так, проникновение в Месопотамию аккадцев, амореев и арамеев археологически проследить невозможно, несмотря на то что первая и третья волны полностью сменили язык местного населения; кутийское вторжение также оставило лишь ничтожные следы [Дьяконов И. М., 1971, стр. 126, 146, прим. 16].

Применительно к скифам все это тем более понятно, если вспомнить, что, по Диодору, скифы были довольно малочисленными, и, возможно, то же имел в виду Геродот (IV, 81), заявляя, что собственно скифов мало. Слова древних историков подтверждаются данными современной антропологии. Черепа скифов совсем не отличаются от черепов людей срубной культуры; поэтому Г. Ф. Дебец считал маловероятным, чтобы в Причерноморье пришла значительная масса скифов [Дебец, 1971, стр. 9].

Совокупность рассмотренных данных позволяет предположительно реконструировать начальный период скифской истории следующим образом. В начале I тысячелетия до н. э. в евразийских степях происходили значительные миграции, вероятно связанные со становлением кочевого скотоводства, отчасти, может быть, с термическим максимумом и вызванным им усыханием степей [Гумилев, 1966, стр. 67—69; Марков, 1973, стр. 110—112]. Одним из подобных передвижений было появление в Восточной Европе скифов под давлением их восточных соседей. Вероятно, вторглось не одно, а несколько скифских племен (Pl i n., NH, VI, 22), притом в численном отношении они уступали местному населению (Diod., II, 43, 1—2). Но они составляли одно племенное объединение, поскольку античная традиция, упоминая о древнейших событиях скифской истории, как правило, знает их просто как «скифов». Успехи скифов в борьбе с киммерийцами показывают, что скифское объединение уже на заре своей истории было достаточно сильным и консолидированным, как это обычно бывало с кочевниками накануне и в процессе их экспансии.

На юге Восточной Европы скифы застали киммерийцев, также переходивших к номадизму и в культурном отношении ничем не уступавших своим будущим победителям [Иессен, 1954, стр. 130]. Судя по памятникам типа Черногоровки — Новочеркасского клада, по крайней мере часть которых принадлежала киммерийцам, их общество было достаточно дифференцированным в имущественном и социальном отношении-

ях [Лесков, 1971, стр. 90]. Киммерийцы, по мнению Б. Н. Гракова, подтвердившемуся археологическими открытиями последних лет, были конными воинами, способными совершать далекие походы [Граков, 1947, стр. 17—18; Тереножкин, 1972; Лесков, 1974].

Древнейшая греческая традиция и некоторые археологические данные позволяют датировать эти походы началом I тысячелетия до н. э., может быть, даже концом II тысячелетия до н. э. [Златковская, 1961, стр. 88—91; Лесков, 1974]. Вероятно, уже киммерийцы оказывали давление на земледельческое население лесостепи, на южной окраине которой неукрепленные поселения в чернолесское время гибнут в огне или сменяются городищами [Тереножкин, 1961, стр. 12 и сл.; Лесков, 1974].

В то же время, если видеть зерно истины в переданной Геродотом легенде о появлении скифов в Северном Причерноморье, в киммерийском обществе наблюдалось еще много архаических черт. Киммерийские басилевсы были не столько царями, сколько племенными предводителями (показательно уже то, что их много). В критический момент рядовые члены общества обладали решающим голосом в общественных делах, и басилевсы не могли принудить их следовать за собой [противоположное мнение см.: Смирнов А. П., 1966, стр. 36—37]. Даже впоследствии, в Передней Азии, киммерийцы действуют разрозненно и несогласованно.

М. И. Ростовцев видел в легендарном конфликте внутри киммерийского общества отражение борьбы между киммерийской дружиной (царями) и народом (покоренным населением) [Ростовцев, 1918, стр. 28]. Но разноэтничность населения Северного Причерноморья в киммерийское время сейчас представляется маловероятной. В целом правы те исследователи, которые полагают, что в стадильном отношении киммерийцы находились на заключительном этапе истории первобытного общества [Граков, 1947, стр. 17—18; Граков, 1954, стр. 12; Граков, 1971, стр. 24; Крушкол, 1952, стр. 101; Смирнов А. П., 1966, стр. 28].

Приблизительно на том же уровне развития должны были находиться и скифы⁹. Успех в борьбе им могли обеспечить только преимущества в организации, может быть, даже отсутствие единства среди киммерийских племен.

Первый исторически засвидетельствованный этап скифского продвижения в Европу, который, очевидно, надо датировать временем не позднее первой половины VIII в. до н. э., связан с районами Нижнего Дона и Предкавказья. По-видимому, именно там скифы встретили наиболее серьезное сопротивление. А. М. Лесков, принявший мою реконструкцию начального этапа скифской истории, полагает, что археологическим отражением этих событий являются распростране-

ние в предкавказских степях поволжского варианта поздне-срубной культуры в середине IX в. до н. э. и вытеснение оттуда киммерийцев на правобережье Дона, где последние оставили памятники кобяковского типа [Лесков, 1974].

Очевидно, там же, в Предкавказье и Нижнем Подонье, после победы скифов произошло некоторое переоформление скифской общественной структуры. Если я правильно интерпретирую смысл скифской этногонической легенды, то версия Диодора, определенно связанная с Нижним Доном — Приазовьем — Предкавказьем, свидетельствует о включении остатков побежденных в скифское объединение с последующим генеалогическим осмыслением этого события. Одно-двух поколений оказалось достаточно, чтобы побежденные сражались в рядах победителей против своих же сородичей. Удивляться этому не приходится. В эпоху Чингисхана то же самое происходило при жизни одного поколения. Впрочем, приписывать киммерийцам развитое сознание общеэтнического единства — значит заниматься ненужной модернизацией.

Киммерийцы, очевидно, двигались в Переднюю Азию двумя путями: через Кавказ и Балканы с Малой Азией, причем через последние в союзе с фракийскими племенами треров [Златковская, 1961, стр. 90—91; Артамонов, 1971, стр. 46]. Впрочем, походы киммерийцев, а возможно, и их переселение начались еще до того, как с востока усилилось давление скифов. Как бы то ни было, но между двумя волнами киммерийского движения не видно никакой связи, за исключением общей скифской угрозы. Даже если когда-либо и существовало объединение, включавшее все или большинство киммерийских племен, оно должно было распасться уже после первого серьезного удара, нанесенного ему скифами, т. е. после их утверждения на Нижнем Дону и в Предкавказье.

Возможно, дальнейшее продвижение скифов в Северном Причерноморье совершалось не столь насильственным путем. Часть киммерийцев могла к этому времени откочевать в Переднюю Азию, часть — подчиниться без кровопролитной борьбы. Может быть, поэтому возникли предания о том, что они покинули родину, не вступая в борьбу со скифами, и собственно скифская версия этногонической легенды в передаче Геродота подтверждает такое предположение.

Скифское объединение в Северном Причерноморье, предположительно утвердившееся там не позднее второй половины VIII в. до н. э., безусловно включало в свой состав и киммерийцев. Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова правы, полагая, что образование новой этнической общности скифов должно было вполне закончиться к началу VII в. до н. э. [Граков и Мелюкова, 1954, стр. 49]. Близость языка и куль-

туры победителей и побежденных облегчала слияние. Вопреки мнению Г. Ньюберга [Nyberg, 1938, стр. 253], иранцами, очевидно, были как завоеватели, так и завоеванные. Не исключено, что именно с этого времени идет различие между царскими скифами (собственно скифами) и скифами-кочевниками (которые по происхождению могли быть киммерийцами).

Какие-то формы межплеменного господства и подчинения, вероятно, существовали в скифском объединении уже в VIII—VII вв. до н. э. Можно ли считать его государством? Такое предположение в 30-х годах высказал С. П. Толстов рассматривавший войну скифов с киммерийцами как рубеж, отделявший доклассовое общество от классового [Толстов, 1934, стр. 168]. Но согласиться с ним трудно.

Скифское объединение VIII — начала VII в. до н. э. по своему составу было преимущественно кочевым. Оседлая жизнь в степи в это время заглохла. На сколько-нибудь прочное подчинение земледельцев лесостепи нет намеков ни в письменных источниках, ни в археологических. Единственное, что можно предполагать, это набеги, отчасти, вероятно, продолжавшие киммерийскую традицию. Подчиненное киммерийское население было инкорпорировано в состав скифского объединения. В таких условиях неоткуда было взяться стабильному источнику прибавочного продукта, который необходим для возникновения государства. Очевидно, именно поиски источника прибавочного продукта и являлись одной из причин, обративших внимание скифов на Переднюю Азию.

Скифское кочевое объединение VIII — начала VII в. до н. э., вероятно, очень отличалось от объединения хунну в момент прихода к власти Модэ-шаньюя и многих других аналогичных объединений кочевников в древности и средневековье. Условно этот тип объединений можно называть военно-иерархическим, потому что социальная стратификация в них зашла уже довольно далеко и основная масса рядовых членов общества была отстранена от руководства общественной жизнью. В то же время отношения эксплуатации в них не были преобладающими, а развитие внешней эксплуатации тормозилось отсутствием зависимого земледельческого и городского населения. Поэтому их нельзя считать государственными образованиями, пусть даже примитивными.

Подобные объединения создавались ради внешней экспансии и в ходе такой экспансии, и от ее дальнейшего успеха зависела их трансформация и сама судьба. Таким представляется скифское объединение к моменту, когда ассирийские владыки обнаружили в Передней Азии новую силу — северных варваров «шкуда».

Скифы в Передней Азии

Скифы впервые появляются в поле зрения ассирийцев, во всяком случае под своим собственным именем ашкуза, иш-куза или шкуда, в 70-х годах VII в. до н. э., когда они под предводительством Ишпакая выступают против Ассирии¹⁰ [Дьяконов И. М., 1951, № 68; Дьяконов И. М., 1956, стр. 245—246, 265]. Источники позволяют локализовать их в это время на территории Манну в качестве союзников последней [Дьяконов И. М., 1951, № 68; Дьяконов И. М., 1956, стр. 264—265; Пиотровский, 1959, стр. 235; Wiseman, 1958, стр. 10]. Важно отметить, что в запросах Асархаддона скифы упоминаются только как этнос или как войско, но не как население какой-либо определенной страны.

Следующий этап пребывания скифов в Передней Азии, который, по-видимому, также начался в 70-х годах VII в. до н. э. [Дьяконов И. М., 1956, стр. 260, 272—273; Sulimirski, 1954, стр. 294; Cavaignac, 1957, стр. 29; Cavaignac, 1961, стр. 158—162], связан с именем Партатуа (= Протогию Геродота). Один из запросов Асархаддона к оракулу бога Шамаша дает косвенное представление о силе Партатуа, с которой Ассирия вынуждена была считаться самым серьезным образом:

«Шамаш, великий владыка, на то, о чем я тебя вопрошаю, дай мне верный ответ.

Партатуа, царь скифов (буквально „страны Ишкуза"), который сейчас прислал [гонца] к Ашшурахиддине, царю Ассирии [в...] — если Ашшурахиддина, царь Ассирии, отдаст в жены Партатуе, царю скифов, дочь царя из „дома воспитания" [...вступит ли] с ним Партатуа, царь скифов, [в союз], слово верное, мирное, [слово дружбы (?)] скажет ли Ашшурахиддине, царю Ассирии, клятву верности Ашшурахиддине, царю Ассирии, будет ли выполнять, поистине — твоя великая »божественность знает» [Дьяконов И. М., 1961, № 68].

Приведенный источник позволяет не согласиться с мнением В. Б. Виноградова, который усматривает в действиях Ишпакая и Партатуа лишь эпизодические, рекогносцировочные акции северных кочевников непосредственно из степей Северного Причерноморья [Виноградов, 1972, стр. 13].

Партатуа, очевидно, получил в жены дочь Асархаддона и заключил с ним союз. В отличие от Ишпакая, которого ассирийские источники называют просто «вождем», Партатуа именуется «царем» (*sarru*), причем определенной страны [Дьяконов И. М., 1956, стр. 272]. С этого же времени впервые начинает упоминаться Скифское царство в Передней Азии — Ашкуз или Ашкеназ. Точная локализация его в настоящее время невозможна. К тому же его границы едва ли были

постоянными. И. М. Дьяконов проводит их по более равнинным территориям Куры в районе Кировабада до района севернее Урмии, например до гор Кара-даг и Савалан-даг [там же, стр. 281]. И. Алиев помещает Скифское царство на территории Азербайджана [Алиев, 1960, стр. 230], Б. Б. Пиотровский — в приурмийском районе [Пиотровский, 1959, стр. 245], а Р. Гиршман — в Атропатене [Ghirshman, 1954, стр. 98]. Э. Кавеньяк полагает, что в разное время оно схватывало Сакасену, Каспиану, Северную Армению и Каппадокию [Cavaignac, 1961, стр. 156].

По-видимому, центр Скифского царства находился в Восточном Закавказье — на территории современного Азербайджана с прилегающими к нему районами. Знаменитая Муганская степь с ее великолепными пастбищами привлекала кочевников и много позднее. Недаром Золотая Орда и государство Хулагуидов вели за Азербайджан длительные и ожесточенные войны.

Важно подчеркнуть, что мнение о недолгом пребывании скифов в Азербайджане [Халилов, 1971, стр. 187] не соответствует источникам. Напротив, скифы укрепились там сравнительно надолго и достаточно прочно. Ликвидация царства Ашкуз (Ашкеназ) произошла только в первом десятилетии VI в. до н. э. [Дьяконов И. М., 1956, стр. 246, 318; Белявский, 1964, стр. 125]. Еще около 594/593 г. до н. э. пророк Иеремия упоминает «царства Арарат, Минни и Ашкеназ» (Jerem., 50, 9). О длительности пребывания и господства скифов в Восточном Закавказье свидетельствуют также данные топонимики. Страбон (XI, 8, 4) и Плиний (NH, VI, 29) знают здесь область Сакасену (Σακασσηνη, Sakasani). Даже в более позднее время армянские источники зафиксировали в Восточном Закавказье такие наименования, как Шакашен (Шикашен), Шикакар, Шаке [Пиотровский, 1959, стр. 244].

Возможно, какие-то скифы жили в Азербайджане не только между 70-ми годами VII и 90-ми годами VI в. до н. э., но и позднее. По Геродоту (III, 92), в сатрапии Мидия помимо собственно мидян жили парикании и октокорибантии. Последнее имя И. М. Дьяконов переводит как «острошапочные», а его носителей отождествляет со скифами-шкуда [Дьяконов И. М., 1956, стр. 248—249, 292]. Сакесины (Σακεσῖναι) сражались в рядах мидян против Александра (A r r., Anab., III, 8, 4).

Правда, само наличие Скифского царства в Азербайджане признается не всеми. Так, Дж. А. Халилов отрицает его на том основании, что предметы «скифского» облика найдены в Азербайджане в незначительном количестве [Халилов, 1971, стр. 187]¹¹. Но этот факт еще ничего не доказывает. Удивительнее было бы, если бы дело обстояло иначе. Во-первых, скифы составляли меньшинство по отношению к

местному населению и частично могли воспринять его культуру. Во-вторых, скифская археологическая культура, известная в Северном Причерноморье, сформировалась лишь к концу VII в. до н. э., значительно позднее того времени, когда царство Ашкуз впервые появилось в ассирийских источниках. Более обоснованным представляется мнение И. М. Дьяконова, полагающего, что благодаря вхождению в состав Скифского царства местного оседлого и полуседлого населения скифы стали на более или менее длительное время постоянным политическим фактором и участником политической жизни древнего Востока [Дьяконов И. М., 1956, стр. 280].

О характере Скифского царства можно только догадываться. Утверждение скифов на новой территории, как прежде в Северном Причерноморье, очевидно, сопровождалось завоеванием и подчинением местного населения, причем теперь уже и земледельческого. Подчинение было достаточно прочным, поскольку Скифское царство просуществовало около 80 лет. Поэтому можно предположить, что Скифское царство являлось примитивным государственным образованием, основанным на подчинении земледельцев кочевникам.

Дальнейшая история Скифского царства в Восточном Закавказье не вполне ясна. После Партатуа царем стал его сын Мадий, продолжавший оставаться союзником Ассирии. Приблизительно в середине VII в. до н. э. скифы участвовали на стороне Ассирии в борьбе с киммерийцами и трерами [Hartman, 1952, стр. 25; Дьяконов И. М., 1956, стр. 284—286; Тадмор, 1962, стр. 241; Струве, 1968, стр. 91]. В одной из надписей царь умман-манды (т. е. северных варваров) Туг-дамме (=Лигдамису Страбона) назван царем Saka и Gutium. Из этого первого упоминания саков иногда делают вывод, что Тугдамме распространил свою власть на какую-то часть скифов, живших в Гутиуме (Манна, или Мидия, по И. М. Дьяконову). Но, возможно, «сака» было таким же самоназванием киммерийцев, как и других иранских племен.

Скифское царство едва ли могло находиться в зависимости от киммерийцев, так как оно локализуется в Восточном Закавказье. Напротив, Мадий одержал над ними победу (St g ab o, I, 3, 21) и, возможно, распространил свою власть над какой-то частью Малой Азии. Страбон (XI, 8, 4) утверждает, что саки «дошли вплоть до страны каппадокийцев, в частности до тех, кто живет на Эвксинском море и теперь называется понтиками». Под саками Страбон, конечно, имеет в виду скифов (ср.: Strabo, XI, 8, 4, об истреблении саков во время пира) [см. также: Пьянков, 1968, стр. 18].

Политическая обстановка в Передней Азии — ослабление Ассирии и подъем новых государств — благоприятствовала

росту скифской мощи. Своей кульминации она достигла при царе Мадии. По Геродоту (I, 103—105), Мадий разгромил мидийского царя Киаксара, когда тот осаждал Ниневию, и установил скифскую гегемонию в Азии. Скифские набеги достигали Сирии и Палестины. Египетский царь Псамметих, «выйдя к ним на встречу, дарами и просьбами отклонил их от дальнейшего движения» (Her., I, 105). Эти же события нашли отражение у Диодора (II, 43, 4), отметившего, что скифы «распространили свое владычество до египетской реки Нила». По Помпею Трогу (Just., II, 3, 14), «вторжению скифов в Египет помешали болота».

Время скифской гегемонии в Передней Азии определяется по-разному. Ученые, следующие за Дж. Камероном и И. М. Дьяконовым, относят ее приблизительно к 652—625 гг. до н. э. [Cameron, 1936, стр. 176; Ghirshman, 1954, стр. 98; Дьяконов И. М., 1956, стр. 288—289; Алиев, 1960, стр. 230—231; Черников, 1965, стр. 82 и сл.; Археология Української РСР, 1971, т. II, стр. 38—39; Фрай, 1972, стр. 107]. Те, кто старается как можно ближе держаться хронологии Геродота, датируют ее приблизительно 625—585 гг. до н. э. [Gadd, 1923; Cavaignac, 1957, стр. 29; Cavaignac, 1961, стр. 158—162; Пиотровский, 1959, стр. 236—237; Белявский, 1964, стр. 93 и сл.; Граков, 1971, стр. 19—20; Артамонов, 1972, стр. 56—57]. Я не чувствую себя достаточно компетентным в вопросах переднеазиатской хронологии, чтобы предлагать самостоятельное решение этого вопроса или уверенно присоединиться к чьей-либо точке зрения. Поэтому ограничусь рассмотрением социального аспекта проблемы скифской гегемонии в Азии.

Для этого важно установить, какая связь существовала между Скифским царством в Восточном Закавказье и скифами Мадия, нанесшими поражение Киаксару. Как уже отмечалось, существует мнение, что скифы, подчинившие себе Мидию, являлись новой волной пришельцев из Восточной Европы и со Скифским царством непосредственно связаны не были [Белявский, 1964, стр. 124—125, прим. 91; Виноградов, 1964, стр. 25 и сл.; Виноградов, 1972, стр. 12—14]¹². Однако вряд ли для него имеются достаточные основания.

Мадий являлся сыном и преемником Партатуа, при котором Скифское царство впервые стало упоминаться в ассирийских источниках. Тот же Мадий до победы над Киаксаром победил киммерийцев в Малой Азии. Таким образом, существует несомненная связь между политической историей Передней Азии с 70-х годов VII в. до н. э. и вплоть до поражения Киаксара от скифов, династией Партатуа — Мадия и Скифским царством в Закавказье. Следовательно, последнему принадлежала решающая роль в установлении скифской гегемонии в Передней Азии, хотя вполне вероятно.

что на протяжении VII в. до н. э. туда из Восточной Европы проникали новые группы скифов.

Известное представление о характере скифской гегемонии в Передней Азии дают слова Геродота (I, 106): «Скифы господствовали в Азии двадцать восемь лет и все опустошили своим буйством и излишествами. Ибо, кроме того что они вжимали с каждого народа наложенную ими на каждого дань, они кроме дани совершали набеги и грабили, что было у каждого народа». Помпей Трог (Just., II, 3, 15) придерживается несколько иной версии: «Скифы покорили Азию, сделали ее своей данницей, но обложили ее умеренной податью, скорее в знак своего владычества над ней, чем в знак вознаграждения за победы». Но в данном случае явно сказались присущая этому автору тенденция к идеализации скифов, с одной стороны, и его отрицательное отношение к завоеваниям и агрессии — с другой [Зельин, 1948, стр. 220—221; Зельин, 1954, стр. 194—195].

Библейские пророки неоднократно описывают ужасы скифских вторжений. В книге Иеремии, например, говорится: «Вот, я приведу на вас народ издалека, дом Израиля,— говорит Яхве,— народ сильный, народ древний, народ, языка которого ты не знаешь, и не будешь понимать, что он говорит. Его колчан — открытый гроб. Все они храбрецы. И съедят они твою жатву и твой хлеб. Они съедят твоих сыновей и твоих дочерей; съедят твоих овец и твоих волов; съедят твой виноград и твои смоквы. Они разрушат мечом твои укрепленные города, на которые ты надеешься» (Jerem., 5, 15—18; см. также: Deut., 28, 49—57; Zeph., 2, 4—6; Jerem., 6,22—23).

Из приведенных источников иногда заключают, что никакого государственного образования у скифов в Передней Азии не было. Более обоснованным представляется противоположный вывод, особенно если сравнить Скифское царство VII в. до н. э. со многими другими государственными образованиями кочевников. В конце концов господство гуннов Аттилы над Восточной Римской империей, или татар Золотой Орды на Руси, или монгольских ильханов по отношению к сельджукам Малой Азии тоже ограничивалось сбором дани и грабежом. В отличие от татар скифам не удалось утвердить своего господства надолго, но сами отношения были однотипными.

Надо принять во внимание еще два обстоятельства. Во-первых, кроме доходов от дани и грабежей скифы располагали определенной территорией, которую, возможно, расширили в период своего могущества. На ней жило коренное оседлое население, очевидно обложенное повинностями в пользу господствовавших в военно-политическом отношении кочевников. Во-вторых, в Передней Азии скифы, насколько

известно, за одним лишь поздним исключением, всегда выступали как единая и целенаправленная сила, что подразумевает достаточно высокий уровень организации.

Ликвидацию скифского господства в Передней Азии Геродот (I, 106) связывает с кровавым пиром Киаксара. «Большинство их (очевидно, скифских предводителей.—А.Х.) Киаксар и мидяне, пригласив на пир и напоив пьяными, перебили; таким образом мидяне спасли свое царство и овладели теми землями, которыми владели и прежде». Надо думать, что после вероломного истребления скифских вождей Киаксар предпринял какие-то военные акции, в результате которых дезорганизованные скифы потерпели поражение.

Однако эти события привели лишь к крушению скифской гегемонии в Передней Азии, но отнюдь не к гибели Скифского царства в Восточном Закавказье. Последнее, коль скоро оно упоминается в речах Иеремии, продолжало существовать еще в первом десятилетии VI в. до н. э., но в ослабленном виде — как из-за поражения, нанесенного скифам Киаксаром, так и из-за того, что часть их после него вернулась обратно в Восточную Европу (Her., IV, 1, 3, 4).

Дальнейшая судьба Скифского царства, вероятно, отражена в еще одном рассказе Геродота (I, 73, 74), в котором исторические факты переплетены с легендой. Астиаг, сын Киаксара, царя мидян, стал шурином Креза Лидийского при следующих обстоятельствах: «Толпа скифов-номадов вследствие междоусобий удалилась в мидийскую землю в то время, когда мидянами управлял Киаксар. Сначала Киаксар принял скифов благосклонно, как молящих о покровительстве; он даже высоко ценил их и поручал им мальчиков для обучения языку их и стрельбе из лука». Ходя на охоту, продолжает Геродот, скифы всегда приносили что-либо, но однажды не принесли. Киаксар оскорбил их. В отместку они зарезали одного из обучавшихся у них мальчиков, приготовили его как дичь и поднесли Киаксару, а затем удалились к Алиатту в Сарды. Алиатт не выдал скифов, из-за чего между Мидией и Лидией началась война. Она закончилась миром после затмения солнца, предсказанного Фалесом Милетским, и Алиатт выдал дочь за Астиага, сына Киаксара.

Благодаря упоминанию затмения мидийско-лидийская война точно датируется 590—585 гг. до н. э. Предшествующие ей события И. М. Дьяконов интерпретирует следующим образом. После того как Киаксар перебил скифских вождей, основная часть скифов ушла в Северное Причерноморье, однако вследствие внутренних несогласий часть их осталась в Закавказье и добровольно подчинилась мидийскому царю. В дальнейшем, после 593 г. до н. э., произошел конфликт между скифскими вождями и Киаксаром, приведший к полной ликвидации зависимого Скифского царства и к мидий-

ско-лидийской войне [Дьяконов И. М., 1956, стр. 317—318; Дьяконов И. М., 1968, стр. 179].

Возможны и иные объяснения, более близкие к тексту Геродота. Например, междоусобицы могли возникнуть в самом Скифском царстве, ослабленном и дезорганизованном предшествующими событиями. Наконец, не исключено, что имеется в виду восстание местного населения против власти скифов-завоевателей. Показательно, что именно скифы-кочевники ищут убежища у Киаксара. Как бы то ни было, но в начале VI в. до н. э. Скифское царство в Восточном Закавказье прекращает свое существование и входит в состав Мидии.

В заключение следует еще раз остановиться на характере Скифского царства в Передней Азии. Оно было создано кочевниками-завоевателями, в численном отношении всегда, по-видимому, бывшими в меньшинстве. Несмотря на то что границы его — совершенно в духе времени — не оставались неизменными, оно обладало стабильной территорией в Восточном Закавказье. Оно просуществовало не менее 80 лет — срок не малый не только для многих кочевнических, но и для иных оседло-земледельческих держав. Его цари, принадлежавшие, по крайней мере в эпоху наибольшего могущества царства, к одной династии, признавались равноправными партнерами в сложных военно-политических взаимоотношениях государств того времени. В нем преобладали внешние межэтнические формы зависимости, основанные:

- 1) на прочном подчинении местного, в том числе земледельческого, населения на территории Восточного Закавказья;
- 2) на военной эксплуатации в виде набегов и грабежей (в иные периоды вплоть до Сирии и Египта);
- 3) на взимании регулярной дани с других государств (Мидия);
- 4) на взимании дани под видом подарков (Египет);
- 5) может быть, также на получении платы за союз и военную помощь (Ассирия) и т. д.

Таким образом, в отличие от скифского племенного объединения VIII — начала VII в. до н. э. в Северном Причерноморье Скифское царство в Передней Азии располагало достаточно стабильными и разнообразными источниками дани, платежей и контрибуций, покоившимися хотя и на примитивной, но действенной и довольно суровой эксплуатации зависимых земледельческо-городских обществ.

Брак царя Партатуа с дочерью Асархаддона, вероятно, был продиктован не только внешнеполитическими целями. Одновременно он мог быть средством укрепления собственного престижа и власти и тем самым косвенно указывает на значительную стратификацию скифского общества VII в. до н. э. По тем же самым причинам позднее стремились к бракам с китайскими принцессами шаньюи хунну, гуньмо

усуней, ханы древних тюрок и уйгуров в соответствующих государственных образованиях.

Изложенные соображения позволяют предположить, что в Передней Азии у скифов впервые возникло свое государство. Это было примитивное государственное образование завоевательного типа, которое в отличие от более поздних можно условно называть Первым Скифским царством.

Передняя Азия и помимо Скифского царства знала соединение в одном государстве кочевых и оседлых племен. Наглядным примером служит почти вся средневековая история Ирана. Да и в древности Геродот (I, 125) из десяти персидских племен шесть называет земледельцами, а четыре — номадами. Позднее кочевые парфянские племена вырвали Иран из-под власти преемников Александра.

Однако в Передней Азии, и в частности в Иране, оседлое население всегда преобладало численно, а нередко и политически. На это существовали свои причины, исторические, экономические и естественно-географические, детальное рассмотрение которых могло бы явиться темой специального исследования. Правда, кочевники в Передней Азии неоднократно являлись основателями новых государств и династий, но в дальнейшем их правящая верхушка становилась господствующим классом оседлого населения или сливалась с предшествующим, а рядовая масса кочевников теряла привилегированные позиции. В различных вариантах это происходило в древности в Парфии, в средние века в государствах Сельджукидов, Османов, Сефевидов и т. д.

Неизвестно, в какой мере аналогичные процессы развивались на территории Первого Скифского царства и развивались ли они вообще. При всех обстоятельствах они не охватывали те страны, над которыми скифы осуществляли гегемонию в период своего двадцативосьмилетнего господства в Передней Азии. По-видимому, скифская знать на всем протяжении своего пребывания там оставалась кочевой, оторванной от местного населения. В Библии (Zeph., 2, 4—6). можно усмотреть намек на стремление скифов увеличить пастбища за счет обработанных земель. «Слово Яхве на вас, Ханаан, земля Филистимская! Я истреблю тебя, и не будет [у тебя] жителей. И будет приморская страна пастушьим овчарником и загоном для скота». Возможно, это и явилось одной из причин поражения скифов.

Скифия в VI—V вв. до н. э.

Для понимания событий, последовавших после падения Первого Скифского царства, важно установить наличие и характер связей, существовавших между переднеазиатскими скифами и населением Северного Причерноморья.

Как уже отмечалось, памятники скифской археологической культуры в сформировавшемся виде известны в настоящее время только с конца VII в. до н. э. Тем самым они приблизительно соответствуют времени возвращения скифов из Передней Азии в Северное Причерноморье. В то же время некоторые черты культуры скифов Передней Азии сближают их со скифами Северного Причерноморья. Поэтому вполне допустимо предположение, что окончательное оформление скифской культуры произошло под влиянием цивилизованных стран Передней Азии.

Археологические материалы свидетельствуют о наличии не прекращающихся на протяжении всего VII в. до н. э. связей между скифами Передней Азии и населением Северного Причерноморья, скорее всего выражавшихся в движении отдельных групп кочевников в обоих направлениях [Пиотровский, 1959, стр. 241 и сл.; Крупнов, 1961, стр. 355 и др.; Артамонов, 1968, стр. 42; Артамонов, 1971, стр. 55; Лесков, 1971, стр. 90] Политический аспект таких связей остается гадательным. Наиболее активная часть населения во главе с царями и вождями переместилась в VII в. до н. э. в Переднюю Азию, которая на многие десятилетия стала основной сферой скифских интересов. Учитывая это обстоятельство и расстояния, отделяющие Переднюю Азию от Северного Причерноморья, трудно думать, что между двумя областями сохранялось политическое единство, Легенда о восстании скифских рабов (Н е г., IV, 1, 3) позволяет предполагать, что Северное Причерноморье (согласно легенде — Крым, но, вероятно, и другие районы), завоеванное скифами незадолго до переднеазиатских походов, отпало, воспользовавшись благоприятной ситуацией.

Более прочные связи могли сохраняться между переднеазиатскими скифами и населением Северного Кавказа с Предкавказьем. Именно там скифы укоренились ранее всего во время своего вторжения в Восточную Европу, этот район расположен гораздо ближе к Передней Азии и особенно к Закавказью, чем причерноморские степи, наконец, через Кавказ — «скифскую дорогу», по выражению Эсхила, — шли в Переднюю Азию киммерийцы, а затем и скифы [Крупнов, 1954, стр. 186 и сл.]. Подтверждением подобного предположения служат многочисленные находки предметов скифских и скифоидных типов на Северном Кавказе [Крупнов, 1961, стр. 64 и сл.; Виноградов, 1971, стр. 178; Виноградов, 1972, стр. 77, 79].

Д. А. Мачинский полагает даже, что степи между Танаисом, Меотидой и Кавказом, «возможно, оставались во владении скифов и во время их походов за Кавказский хребет [Мачинский, 1971, стр. 33]. Конкретный характер взаимоотношений между населением Северного Кавказа — Пред-

Кавказья и переднеазиатскими скифами в период существования Первого Скифского царства остается, однако, неясным. Можно только предположить, что именно туда, на территорию, где началась скифская история в Восточной Европе, вернулись скифы после крушения своей гегемонии в Передней Азии.

В «Прикованном Прометее» Эсхила (427—440) говорится про «многолюдные племена скифов, обитающие на краю земли вокруг Меотийского озера». В связи с этим М. И. Ростовцев отмечал, что древнейшее греческое предание не ограничивает Скифию степями к западу от Дона, а локализует скифов в ближайшей связи с Кавказом и Закавказьем [Ростовцев, 1925, стр. 21].

Даже позднее Ксенофонт (Ἀπομνησ. Sokr., II, 1, 10) вкладывает в уста Сократа следующие слова: «В Европе скифы господствуют, а меоты им подвластны»¹³. Геродот (IV, 28) также утверждает, что зимой, когда замерзает море и весь Киммерийский Боспор, «скифы, живущие по эту сторону рва, предпринимают поход и на повозках переезжают на противоположную сторону в землю синдов». Имеются ли тут в виду набеги и походы [Граков, 1954, стр. 17], или стремление расположиться на хороших зимниках [Гайдукевич, 1949, стр. 33]¹⁴, или то и другое одновременно, но тесная связь скифов с Прикубаньем, сохранившаяся даже в V в. до н. э., несомненна.

Отголоски борьбы скифов с синдами, вероятно, сохранились и у Лукиана (Tox., 55). Примечательно, что даже в середине V в. до н. э. территория кочевий царских скифов находилась на востоке Скифии, до Дона и Меотиды (Her., IV, 20). Наконец, В. Б. Виноградов привел очень серьезные археологические доводы в пользу предположения о пребывании скифов в Предкавказье в период, последовавший за их гегемонией в Передней Азии [Виноградов, 1972, стр. 26, 40—42, 71—84].

О том, что Предкавказье на какое-то время вновь стало основной территорией ушедших в Восточную Европу скифов, могут свидетельствовать знаменитые прикубанские курганы первой половины VI в. до н. э.— Келермесские, Ульские, Костромской и т. д.— с человеческими жертвоприношениями, конскими гекатомбами, большим количеством художественно выполненных предметов из драгоценных металлов, вещами переднеазиатского происхождения. Этническая принадлежность этих курганов до сих пор дискуссионна. Их считают меотскими [Анфимов, 1949, стр. 259; Блаватская, 1959, стр. 92; Граков, 1971, стр. 117], киммерийскими [Артамонов, 1971, стр. 58—59], памятниками смешанного синдо-меотско-скифского населения [Граков и Мелюкова, 1954, стр. 91—92], наконец, собственно скифскими [Ростовцев, 1925,

стр. 310 и сл.; Смирнов К. Ф., 1952, стр. 7; Ильинская, 1968, стр. 64—65; Виноградов, 1972, стр. 42; Археологія Українсь-кої РСР, 1971, т. II, стр. 54—59].

Последняя точка зрения кажется наиболее убедительной. Большое количество коней (в Ульском кургане свыше 400), убитых при похоронах лиц, в честь которых были воздвигнуты эти курганы, говорит о том, что они скорее принадлежали кочевникам, чем земледельцам-меотам. Найденные в «их вещи переднеазиатского происхождения свидетельствуют о том, что эти лица были как-то связаны со скифскими походами, а прямых доказательств участия в них меотов нет. Погребальный ритуал и состав инвентаря в общем виде соответствуют тому, как хоронили скифских царей 200—250 лет спустя, и особенно описанию похорон, принадлежащему Геродоту. Многочисленные различия в деталях легко объясняются временным разрывом и культурными изменениями. Поэтому, возможно, прав С. С. Черников, предположивший, что Келермесские и Костромской курганы были насыпаны над прахом тех вождей, ближайшие родственники (я бы добавил: или непосредственные предки) которых были на пиру у Киаксара [Черников, 1965, стр. 94].

В то же время наличие подобных курганов показывает, что общество изгнанных из Азии скифов оставалось сильно стратифицированным. М. И. Артамонов совершенно справедливо заметил, что паразитическое существование за счет грабежей, разбоев и угнетения местного населения в подчиненных областях Азии не могло пройти бесследно для внутреннего строя скифов. Эксплуатация покоренного населения оттеснила на задний план непосредственное производство средств существования. Социальные отношения в скифском обществе формировались под знаком военных целей, диктовавших необходимость централизации и дисциплины [Артамонов, 1972, стр. 57]. Богатые прикубанские курганы свидетельствуют о стремлении скифской знати продолжать прежний образ жизни.

Для этого были необходимы новые завоевания обширных территорий. Одного Предкавказья, очевидно, было недостаточно. К тому же здесь со скифами могли конкурировать другие объединения кочевников [Смирнов К. Ф., 1964, стр. 268—269; Виноградов, 1971, стр. 179; Виноградов, 1972, стр. 44 и сл.; Мачинский, 1971, стр. 37 и сл.], а горные аборигенные племена уже из-за своей труднодоступности не являлись удобным объектом эксплуатации [Виноградов, 1972, стр. 84 и сл.]. Дальнейшая история скифов повторяет в какой-то мере начальный этап их истории. Из Предкавказья скифы устремились на вторичное завоевание Северного Причерноморья.

Уже неоднократно упоминавшаяся легенда о восстании

скифских рабов, по-видимому, свидетельствует, что: 1) скифы рассматривали вторичное завоевание Северного Причерноморья как законную акцию по усмирению взбунтовавшихся мятежников; 2) завоевание совершалось силой оружия; 3) сопротивление местных племен носило упорный характер— Геродот называет его войной «не меньше мидийской». К тому же сами скифы вернулись из Передней Азии сильно ослабленными.

Как бы то ни было, но в ходе завоевания возникло или окрепло новое Скифское царство, возможно управлявшееся прежней династией или династией, стремившейся связать свое происхождение с прежней (ср. скифские этногонические легенды). В отличие от Первого Скифского царства его можно называть Вторым. Оно было создано скифами, вернувшимися из Передней Азии, и не исключено, что именно эти скифы, а не скифы времен первого завоевания Северного Причерноморья явились ядром царских скифов Геродота.

Одновременно с завоеванием степной зоны Северного Причерноморья или сразу же после него скифы стали оказывать давление на земледельческие племена лесостепи, в конце концов оказавшиеся в зависимости от кочевников. Кроме того, произошло организационное оформление Второго Скифского царства. В конце VI в. до н. э. оно уже было триединым. Поэтому можно предположить, что его структура немногим отличалась от той, которая позднее была зафиксирована Геродотом.

На протяжении VI в. до н. э. Скифское царство стало достаточно сильным и консолидированным, чтобы в конце столетия успешно выдержать испытание войной с Дарием. Господство в нем кочевых элементов видно уже из того, что все военные и внешнеполитические акции во время этой войны и позднее, когда скифы безуспешно пытались организовать антиперсидскую коалицию, предпринимались только кочевниками-скифами в широком смысле слова, а конкретно, вероятно, царскими скифами [Граков, 1954, стр. 17].

Особо следует остановиться на характере взаимоотношений кочевых скифов с земледельческим населением лесостепи. В гл. IV я уже отмечал, что противоречие между утверждением Геродота о наличии в составе Скифского царства к середине V в. до н. э. ряда земледельческих племен или племенных группировок и отсутствием сколько-нибудь значительной оседлой жизни в степи в ранний период в настоящее время можно объяснить, только допустив, что население лесостепи также входило в качестве зависимого в состав Скифского царства. Только при таком допущении становится понятным, как смогло оно просуществовать несколько веков в сравнительно стабильных границах — ведь чисто кочевые объединения обычно недолговечны.

Возникновение в лесостепи в ранний период скифской истории многочисленных городищ, ориентированных на южную степную границу, рост общей вооруженности населения и появление «всаднической» аристократии нередко рассматривают как доказательство независимости лесостепных племен. Но если считать их зависимость от кочевников даннической, то подобные аргументы мало что доказывают. Напротив, они указывают на постоянный и сильный напор степняков. Не случайно на многих лесостепных городищах зафиксированы следы пожарищ, вероятно, в результате военных действий [Моруженко, 1968а, стр. 115].

Очевидно, характер устанавливавшейся зависимости во многом был обусловлен силой отпора. Наличие собственной аристократии вполне совместимо с данническими отношениями, так как данники в основном сохраняют свою социо-экономическую структуру. Об этом как раз и свидетельствуют лесостепные городища — племенные центры и убежища. За исключением периодов военных действий, кочевники никогда не стремились разрушать укрепления вокруг городов и поселений зависимых от них земледельцев.] Достаточно напомнить отношение различных номадов к городам Средней Азии и Казахстана или отношение Золотой Орды к русским городам. Впрочем, на Тясмине, на южной границе со степью, большинство городищ прекращают свое существование уже в V в. до н. э.

Показательно также, что Геродот (II, 167) называет скифов в числе тех народов, у которых презирался ремесленный труд. До конца V в. до н. э. основная масса оружия и других металлических изделий, бытовавших в степной Скифии, производилась ремесленниками лесостепных поселений, где находились основные центры добычи и обработки железа [Шрамко, 1971, стр. 95]. Едва ли эти изделия поступали к кочевникам только в результате обмена.

Даже те, кто сомневается в прочном вхождении лесостепных племен в состав Скифского царства, все же допускают такую возможность и тем более походы скифов на своих северных соседей, а в случае удачного их завершения — грабеж населения и наложение на него дани, пока побежденные не начинали опять оказывать сопротивление [Яценко, 1959, стр. 96]. По более правдоподобному мнению М. И. Артамонова, население Среднего Поднепровья, чтобы избавиться от непрерывных нападений, вынуждено было признать свою зависимость от царских скифов и выплачивать им регулярную дань. Взамен оно освобождалось от постоянной военной опасности и сохраняло внутреннюю организацию со своими вождями во главе, которые, вероятно, и следили за выполнением возложенных на земледельцев обязанностей [Артамонов, 1972, стр. 61]. Различие между обеими

точками зрения, таким образом, очень невелико (в данном случае имеются в виду не этногеография Скифии, а взаимоотношения с лесостепью, хотя оба эти вопроса взаимосвязаны) [ср.: Шрамко, 1962, стр. 146].

Хронология событий, связанных с созданием Второго Скифского царства, во многом остается гадательной. Предкавказье стало опорной территорией изгнанных из Азии скифов в конце VII или начале VI в. до н. э. Во всяком случае, в первой половине VI в. до н. э. оно еще имело для них важное значение, так как там хоронили скифских царей или вождей. Но в конце VI в. до н. э. скифы, как явствует из описания их войны с Дарием (Her., IV, 120—122), уже прочно владели степной зоной Северного Причерноморья — от Истра до Танаиса.

В Северном Причерноморье, притом не только в степи, уже с конца VII — начала VI в. до н. э. имеются богатые курганы с вещами переднеазиатского происхождения [Прицак, 1911; Манцевич, 1958, стр. 196; Манцевич, 1959]. Их владельцы или их окружение, очевидно, участвовали в передне-азиатских походах. Но какое отношение они имели к скифам, укрепившимся в Предкавказье? Эти курганы можно рассматривать и как свидетельство децентрализованности Скифии после переднеазиатской катастрофы, и как доказательство того, что вторичное завоевание Северного Причерноморья началось уже в конце VII — начале VI в. до н. э.

Еще сложнее вопрос о времени подчинения лесостепи (или каких-то ее отдельных районов). *Terminus ante quem* здесь может являться середина V в. до н. э., когда Геродот засвидетельствовал вхождение земледельческих племен или племенных группировок в состав Скифского царства. Но это могло произойти и раньше. Более или менее заметное воздействие скифской культуры начинает ощущаться в лесостепи с середины VI в. до н. э. [Петренко, 1961, стр. 96; Іллінська, 1966, стр. 59—60, 85]. Может быть, не случайно, что следы пожаров, отмеченные в валах лесостепных городищ, также относятся ко второй половине VI в. до н. э. [Моруженко, 1968а, стр. 144; Шрамко, 1973, стр. 98].

Войну с Дарием, как явствует из «Истории» Геродота, вели только кочевые скифы. Однако в составе их войска упомянута пехота (Her., IV, 134), более характерная для оседлых племен. Скифы свободно распоряжались территорией до границ с меланхленами, андрофагами, неврами и агафирсами (Her., IV, 125). В данной связи опять «возникает вопрос об этногеографии Скифии. Если помещать скифов-земледельцев и скифов-пахарей в лесостепи, то перечисленные племена или народы должны были жить в лесной зоне. Тогда можно было бы полагать, что уже в конце VI в. до н. э. лесостепь была подчинена Скифскому царству.

Но рассказ Геродота о войне скифов с Дарием насыщен легендарными подробностями, и как раз одной из таких подробностей является маршрут отступавших скифов. Поэтому слишком полагаться на это свидетельство, к тому же косвенное, не приходится. По Страбону (VII, 3, 14), опиравшемуся не на скифские предания, а на более достоверные источники, вся война с Дарием имела не столь эпические, как у Геродота, но более правдоподобные масштабы. «В промежуточной области, которая обращена к Понтийскому морю, в его части от Истра до Тираса, лежит „Пустыня гетов“ — сплошная равнина. Здесь Дарий, сын Гистаспа, перейдя во время похода на скифов через Истр, попал в западню, подвергшись опасности погибнуть со всем войском от жажды; однако царь, хотя и поздно, понял опасность и повернул назад». Поэтому попытки связать подчинение земледельческих племен (степных или лесостепных) только с усилением кочевых скифов в результате их победы над Дарием [Карасев, 1948, стр. 28—29; Яценко, 1959, стр. 111] кажутся слишком рискованными.

Трудно также согласовать реконструируемые события скифской истории VI—V вв. до н. э. с некоторыми данными археологии. Первый малопонятный факт, с которым сталкивается любой исследователь, — очень незначительное количество скифских погребений VII—V вв. до н. э. на территории степной зоны Северного Причерноморья [Яценко, 1959, стр. 36]. Это обстоятельство пытались объяснить отсталостью и ослабленностью вернувшихся из Азии скифов [там же, стр. 109], но в степи мало не только богатых, но и бедных погребений. По мнению В. А. Ильинской, скифы VI—V вв. до н. э. хоронили своих вождей и дружинников на территории лесостепи [Ильинская, 1968, стр. 177 и сл.]. Против этой гипотезы уже были выдвинуты довольно серьезные возражения [Артамонов, 1970, стр. 23 и сл.; Артамонов, 1971, стр. 57; Артамонов, 1972, стр. 59]. Кроме того, она также не объясняет малое количество в степи не только богатых, но и бедных погребений.

Частичное объяснение загадки, может быть, заключается в предположении, что скифам в VI в. до н. э. был свойствен первый тип перекочевков — без стабильных маршрутов, связанный с завоеванием и освоением новых территорий. Как уже отмечалось, археологические памятники в таком случае бывают крайне малочисленными, потому что погребения не группируются в долговременных могильниках, а разбросаны по всей территории. Подобное предположение неплохо согласуется с обстоятельствами вторичного завоевания скифами Северного Причерноморья в конце VII—VI в. до н. э. Но скифских погребений мало и в V в. до н. э., когда, судя по Геродоту, маршруты перекочевков должны были стабили-

зироваться. Очевидно, предложенного объяснения недостаточно. Может быть, наряду с курганными существовали и бескурганные захоронения. В последнее время их стали открывать в степи [Лагодовская, Сымонович, 1973]. Однако пока это даже не предположение, а лишь одно из возможных направлений поиска.

Вторая археологическая проблема — этническая принадлежность древностей VI—V вв. до н. э. лесостепного Левобережья Днепра. В VI в. до н. э. там распространяется скифообразная (по мнению В. А. Ильинской, собственно скифская) культура, связь которой с культурой предшествующего времени проследить пока не удается. Это дало В. А. Ильинской основание предполагать, что в VI в. до н. э. левобережная лесостепь была заселена скифами, причем заселение носило кратковременный и массовый характер [Іллінська, 1966а, стр. 60, 91; Ильинская, 1968, стр. 80; Іллінська, 1970, стр. 34—38].

Ее аргументы достаточно серьезны, чтобы отнестись к ним с полным вниманием, тем более что данные гидронимии свидетельствуют о значительном иранском пласте в данном районе [Vasmer, 1934, стр. 78; Топоров, Трубачев, 1962, стр. 230 и др.]. Если В. А. Ильинская права, то надо в корне изменить все представления о скифской истории VI в. до н. э. Получится, что вернувшиеся из Азии скифы не столько завоевывали степную зону Северного Причерноморья, сколько осваивали лесостепь для постоянного местожительства. Но такое допущение сразу же вызывает много недоуменных вопросов, на которые трудно найти правдоподобные ответы.

Прежде всего, зачем потребовалосьномадам перейти к земледелию, да еще не в степи, а в лесостепи? Как могло случиться, что обычно очень болезненный и затяжной переход совершился столь быстро, всего лишь за несколько десятилетий? Должны ли мы полагать, что скифы смогли одновременно вторично завоевать степную зону, покоряя отпавшие племена, и заселить обширные лесостепные пространства? Наконец, откуда взялись необходимые для этого людские ресурсы у изгнанников из Азии, которых и позднее, по Геродоту, было не так-то много?

Я не предлагаю своих решений этой сложной проблемы, но все же хочу отметить, что время проникновения иранского языка в лесостепное Левобережье твердо не установлено, а распространение элементов скифской культуры могло происходить и без полной смены этноса, как происходило оно в степной зоне со второй половины VII в. до н. э. Подобному процессу, вероятно, способствовало подчинение лесостепного Левобережья степнякам — кочевникам-скифам — и проникновение туда отдельных скифских групп. Разумеется, это

лишь одно из многих возможных предположений. В деле же оригинальное и глубокое исследование В. А. Ильинской наводит на мысль о том, что лесостепное Левобережье Днепра действительно входило в состав Скифского царства уже в середине — второй половине VI в. до н. э.

В V в. до н. э. Скифское царство продолжало существовать в основном в прежних границах. Правда, восточные пределы его теперь были ограничены Доном, приблизительно вдоль) которого проходила граница с савроматским племенным объединением (Смирнов К. Ф., 1971, стр. 191], зато на западе наметилось стремление к дальнейшей экспансии в сторону Балкан и Фракии, отчетливо проявившееся не позднее начала V в. до н. э. (Her., IV, 40; Eurip., Res, 426, 436) [Блаватская, 1952, стр. 55; Граков, 1954, стр. 16].

Характер социальных отношений в Скифском царстве и его организация на протяжении V в. до н. э., вероятно, в основном оставались такими, как они были описаны Геродотом. Намеки на возможные изменения относятся лишь к концу столетия.

Международный авторитет Скифского царства в V в. до н. э. был очень велика впрочем, были известны и его внутренние слабости. Объективный и вдумчивый Фукидид отмечает (II, 97), что даже могущественное царство одрисов во Фракии («по военной силе и количеству войска все-таки далеко уступало скифскому. С этим последним не только не могут сравниться европейские царства, но даже в Азии нет народа, который мог бы один на один противостоять скифам, если все они будут единодушны, но они не выдерживают сравнения с другими в отношении благоразумия и понимания житейских дел».

Геродот (IV, 76—80) засвидетельствовал два внутренних конфликта в Скифии V в. до н. э., связанных с именами Анахарсиса и Скила. Первый из этих конфликтов возможно, а второй определенно отражал борьбу политических группировок и тенденций среди привилегированных слоев скифского общества. Второй конфликт к тому же был связан с отношением к греческим городам Северного Причерноморья и греческой культуре вообще.

Роль, которую играли греки Северного Причерноморья в развитии Скифского царства в VI—V вв. до н. э., заслуживает специального рассмотрения, тем более что единого мнения в данном вопросе нет. Основание греческих городов-государств в этом районе датируется началом VI в. до н. э. [Гайдукевич, 1949, стр. 20—22; Блаватский, 1959а, стр. 11], т. е. тем самым временем, когда Второе Скифское царство находилось в процессе своего становления.

Много спорят о том, основывались ли они мирным или насильственным путем [ср.: Гайдукевич, 1949, стр. 41; Бла-

ватская, 1959, стр. 111, прим. 82; Блаватский, 1954, стр. 26]. Нестабильная обстановка и отсутствие крупной политической силы должны были облегчить греческую колонизацию. Вероятно, сами колонии основывались различными путями. Иордан (Get., 32) утверждает, что основать их «дозволили грекам непокоренные скифские племена, с тем чтобы греки поддерживали с ними торговлю», а Стефан Византийский (s. v. Παντικάλαιον) свидетельствует, что место для возведения Пантикапея было добровольно уступлено скифским царем Агаэтом. В то же время Афиней (Deipn., XII, 26) отмечает, что милетяне, заселяя городами Понт, побеждали скифов, а по Страбону (XI, 2, 5), эллины, обосновавшиеся на Боспоре, изгнали скифов.

Судя по археологическим данным, в VII—V вв. до н. э. наиболее активную торговлю греки вели с лесостепью, особенно правобережной [Граков, 1959; Петренко, 1961, стр. 62, 97 и др.; Шрамко, 1962, стр. 226; Онайко, 1966; Доманский, 1970, стр. 47 и сл.]. Кочевники, вероятно, непосредственно в торговлю не вмешивались [Артамонов, 1972, стр. 60], хотя уже для этого времени известны купцы (Нег., IV, 24), поддерживавшие далекую караванную торговлю [Граков, 1947б], и благодаря им в нее, возможно, были втянуты даже далекие лесные племена, обладавшие пушниной [Цалкин, 1966, стр. 86]. Начало ввоза греческих изделий в степное Приднепровье и Побужье относится ко второй половине VI в. до н. э. [Онайко, 1966, стр. 41].

Воздействие греческих городов проявилось и в том, что оседание кочевых скифов раньше всего началось в их непосредственном окружении: в VI или даже в конце VII в. до н. э. — в Побужье [Штительман, 1956, стр. 255; Славин, 1959, стр. 93; Капошина, 1956, стр. 249—254; Доманский, 1961, стр. 27 и сл.], немного позднее — в Восточном Крыму [Яковенко, 1970, стр. 134; Яковенко, 1971, стр. 164]. Нельзя не отметить также богатые нимфейские погребения V в. до н. э., оставленные смешанным эллинско-скифским населением. Однако в VI—V вв. до н. э. седентаризационные процессы среди скифов были еще невелики.

Очевидно, уже в V в. до н. э. отношение к греческим городам и к связям с ними в скифском обществе было неодинаковым. Одно течение, своего рода «староскифы», было против сближения с греками, другое, «младоскифы», и среди них Скил, а до него, возможно, Анахарсис, уже успело в какой-то мере подвергнуться обаянию эллинской культуры или вкусить выгод от торговли с греками. Скил за свое эллинофильство поплатился головой, но во второй половине V в. до н. э. уже ощущался перевес «младоскифов». Царь Ариапиф имел в Ольвии своего агента — Тимна (Нег., IV, 76). Со второй половины V в. до н. э. скифское искусство на-

чинает испытывать сильное греческое воздействие [Артамонов, 1971, стр. 31; Хазанов, Шкурко]. Впрочем, главные последствия сближения с греками сказались только в IV в. до н. э. и позднее.

Скифское царство VI—V вв. до н. э. часто рассматривают как «военную демократию», имея в виду не только определенную стадию развития, но и конкретные особенности общественного устройства, выразившиеся в триаде верховный вождь — совет старейшин — народное собрание [Артамонов, 1947а, стр. 86; Гайдукевич, 1949, стр. 36; Мелюкова, 1950, стр. 31; Соломоник, 1952, стр. 106; Граков, 1954, стр. 18; Яценко, 1959, стр. 111]. В подтверждение обычно ссылаются на эпизоды войны с Дарием и историю низвержения Скила.

Рассказ о войне с Дарием, проникнутый эпическими мотивами, не является полноценным источником. К тому же анализ его не подтверждает наличия у скифов народного собрания и, главное, его важной роли в общественных делах¹⁵.

Геродот при описании похода Дария неоднократно упоминает неопределенных «скифов», собирающихся на совет, принимающих решения или действующих в ходе войны (ср., например: IV, 102, 120, 121, 124—125, 130, 134 и др.)¹⁶. Но трудно думать, что имеется в виду народное собрание, пусть в виде военной сходки. Это явствует из следующего. Перед войной с Дарием «скифы» собрались на совет и отправили послов к соседним народам с предложением заключить оборонительный союз (Her., IV, 102). Но выслушали их ответ, а затем наметили план военных действий не совет, а просто «скифы» (Her., IV, 120). И они же постановили, что переход в наступление в будущем должен будет решить опять-таки совет. Следовательно, под анонимными «скифами» Геродот скорее всего подразумевает какой-то совет.

У Геродота имеются сведения и о его составе. Все переговоры с Дарием вели три скифских басилевса — Иданфирс, Скопасис и Таксакис — или верховный царь Иданфирс как их представитель (Her., IV, 126—128, 131). Они же, вероятно, отдавали приказание войскам (Her., IV, 133). Отсюда можно заключить, что руководивший военными и дипломатическими действиями совет состоял из басилевсов. Возможно, в него входили и другие представители скифской знати, но нет никаких оснований усматривать в нем народное собрание.

История со Скилом, как она передана Геродотом (IV, 79—80), также не содержит никаких указаний на наличие народного собрания и тем более на его важную роль. После того как «старейшины» или «начальники» скифов, находившиеся в свите царя, узнали о его вероотступничестве, они рассказали об этом остальной свите, т. е., очевидно, дружи-

не. Однако Скил благополучно возвратился восвояси, и лишь затем скифы взбунтовались и поставили царем его брата Октамасада. Как конкретно протекало низложение Скила, Геродот не рассказывает. Возможно, это произошло на собрании членов царского рода и знати, подобном монгольскому курултаю. Так это или нет, но роль рядовых воинов-скифов во всей истории чисто пассивная.

Б. Н. Граков предполагал, что уже в V в. до н. э. в Скифском царстве прослеживаются элементы деспотии [Граков, 1954, стр. 171]. Во всяком случае, власть царя кажется очень сильной, несовместимой с военной демократией. Царская власть считалась божественным установлением, а сами цари — прямыми потомками богов (ср. этногонические легенды). Пребывание в Передней Азии и в этом отношении не прошло для скифов бесследно. Отзвуки переднеазиатских влияний наблюдаются даже в царском погребальном ритуале [Камеицкий, рукопись]¹⁷.

М. И. Артамонов думал, что созданная царскими скифа-ми организация хотя и имела основные признаки государства, но еще не являлась таковым, потому что была основана на межэтнической эксплуатации [Артамонов, 1972, стр. 65—66]. Действительно, внешняя эксплуатация, по-видимому, преобладала в скифском царстве VI—V вв. до н. э., хотя известное распространение получили и различные формы внутренней. Но это не дает оснований отрицать наличие государства у скифов, пусть примитивного, раннеклассового. Завоевание с последующим превращением межэтнических противоречий в классовые является одним из хорошо известных путей возникновения государства. У кочевников он, по-видимому, был основным, но и у земледельцев отмечен неоднократно — напомним хотя бы про Спарту.

Общество, основанное на эксплуатации в любых ее формах и проявлениях, не может считаться первобытным, даже на поздних стадиях разложения первобытнообщинных отношений. Организация, созданная для поддержания любых форм эксплуатации, должна рассматриваться как государственная. Разумеется у скифов, особенно в VI—V вв. до н. э., все это выступает еще в очень неразвитом виде. Но, как справедливо отмечено Г. А. Меликишвили, «недоразвитость классовых отношений — главная отличительная черта раннеклассового этапа развития при всем многообразии его форм. Раннеклассовое общество еще во многих отношениях стоит близко к первобытнообщинному строю. Это выражается, в частности, в сохранении общины в той или иной форме, наличии широких слоев свободных, по крайней мере юридически, производителей, различных ступеней свободы (несвободы), специфическом характере функций господствующей прослойки и т. д.» [Меликишвили, 1972, стр. 61].

В итоге я прихожу к следующим выводам. Второе Скифское царство возникло в ходе вторичного завоевания Северного Причерноморья скифами, вернувшимися из Передней Азии. Это произошло еще до войны с Дарием, скорее всего в первой половине VI в. до н. э. До середины V в. до н. э. скифы смогли подчинить себе в какой-то мере земледельческие племена лесостепи, и их царство превратилось в примитивное государство, в котором политически доминировали кочевники, а преобладающей формой эксплуатации являлись даннические отношения. Когда точно это случилось, определить трудно. Но с исторической точки зрения время, близкое ко второй половине VI в. до н. э., кажется вполне подходящей эпохой.

Таким образом, я солидаризуюсь с учеными, датирующими возникновение государства у скифов еще догеродотовым временем [Ростовцев, 1918, стр. 35—36; Сергеев, 1948, стр. 132; Смирнов А. П., 1966, стр. 18, 146—147; Тереножкин, 1966, стр. 49; Археологія Української РСР, 1971, т. II, стр. 44]. (К такому же выводу в последние годы своей жизни склонялся Б. Н. Граков. Сужу об этом по неоднократным беседам с ним.) Однако существует и другая, очень распространенная точка зрения, согласно которой государство у скифов возникло лишь в IV в. до н. э. [Соломоник, 1952, стр. 108; Граков, 1954, стр. 23; Блаватский, 1954а, стр. 32; Шелов, 1956, стр. 91; Шелов, 1965, стр. 23; Шрамко, 1962, стр. 175]. В качестве доказательства обычно ссылаются на свидетельство Страбона о том, что царь Атей господствовал над большинством северопричерноморских племен, на начало городской жизни в степной Скифии и на роскошь царских курганов. Все эти аргументы достаточно серьезны. Но они могут свидетельствовать о новом этапе государственной жизни, а не о ее начале.

Скифия в конце V—III в. до н. э.

Своего наивысшего расцвета Скифское царство достигло в IV в. до н. э., в царствование Атея. В социальной истории Скифии в это время наблюдается ряд новых явлений, прослеживающихся как во внешней политике, так и во внутренней жизни. Исократ (*Paneg.*, § 67) полагает, что скифы, а также фракийцы и персы — «самые способные к власти и обладающие наибольшим могуществом народы». По Страбону (VII, 3, 18), «Атей... кажется, господствовал над большинством здешних (т. е. северопричерноморских.— А. Х.) варваров»¹⁸.

Если судить по письменным источникам, экспансия Скифского царства в IV в. до н. э. совершалась преимущественно в западном направлении. В этом отношении Атей являлся

продолжателем политики своих предшественников в V в. до н. э. Очевидно, именно в ходе осуществления западной экспансии Атей воевал с трибаллами (Polyaen, *Strateg.*, VII, 44, 1). В результате деятельности могущественного царя часть фракийцев была покорена и обложена суровыми повинностями, которые Клеарх Солийский (*Athen.*, XII, 27) сравнивал с рабским служением.

При Атее скифы прочно утвердились в Добрудже и стали важным фактором политической игры на Балканах [Momigliano, 1933, стр. 346 и сл.; Блаватская, 1948, стр. 207 и сл., Блаватская. 1952. стр. 80 и сл.; Шелов, 1970, стр. 56 и сл.] Примечательно, что в Поднестровье в это время отмечается увеличение скифского населения, как кочевого, так и земледельческого [Мелюкова, 1962, стр. 164; Мелюкова, 1971, стр. 53; Мелюкова. 1975: Гудкова, 1970, стр. 240—241; Шмаглий, Черняков, 1970, стр. 114]. Сфера главных интересов скифов явно перемещалась на запад, ближе к основным центрам греческой цивилизации. В то же время война с Боспорским царством, предпринятая в правление Перисада I (*Demosth.*, *adv. Phorm.*, 8), знаменует усилившееся давление скифов на греческие города Северного Причерноморья.

К новым тенденциям во внутренней жизни Скифии или к тем, которые, начавшись раньше, в IV в. до н. э. проявились более отчетливо, относятся:

1. Интенсификация седентаризационного процесса. Об этом может свидетельствовать даже появление многочисленных курганных могильников в степной зоне Северного Причерноморья. Некоторые из них возникли еще в конце V в. до н. э. [Яценко, 1959, стр. 77—78], но большинство погребений относится к IV или IV—III вв. до н. э. и отчасти отражает установление твердых маршрутов перекочевков. Возможно, что это, в свою очередь, было связано с переходом к третьему, четвертому или даже пятому типам кочевания, т. е. к полукочевому хозяйству.

Более наглядно седентаризация проявляется в возникновении поселений на Нижнем Днепре (в большинстве не укрепленных) [Граков, 1954, стр. 156, 164; Погребова, 1958, стр. 234] и в увеличении численности земледельческого населения Крыма [Соломоник, 1952, стр. 115; Кругликова, 1957, стр. 226—227; Кругликова, 1970, стр. 143; Дашевская, 1957, стр. 108; Щеглов, 1968, стр. 339] и Западной Скифии [Мелюкова, 1971, стр. 44, 53]. В днепровских поселениях сколько-нибудь значительные слои предшествующего времени не зафиксированы. Правда, кое-где там найдены фрагменты ранней керамики, но они указывают лишь на то, что поселения возникли на месте стоянок (зимников?) кочевников предшествующего времени.

2. Усиление имущественного и социального неравенства, идеологическое обособление знати, дальнейшее расслоение среди свободных кочевников-скифов. Об этом свидетельствуют материалы, приведенные в гл. V. Именно IV веком до н. э. датируется большинство царских курганов. Богатства скифской аристократии ни до, ни после никогда не достигали таких размеров, как в это время.

Об углублении разрыва между аристократией и рядовым населением свидетельствуют также данные акрополя Каменского городища. Его знатные обитатели жили в каменных домах, обособленно от рядового населения, не занимаясь ни земледелием, ни ремеслом, но сохраняя традиции кочевого скотоводства и уделяя внимание охоте — своего рода спорту [Граков, 1954, стр. 53—57; Цалкин, 1966, стр. 91—92, 96].

3. Усиление зависимости лесостепного населения, прослеживающееся на различных археологических материалах. В IV в. до н. э. в лесостепном Поднепровье появляются погребения степных типов [Граков и Мелюкова, 1954, стр. 75, 78; Петренко, 1961, стр. 64—65, 82, 96—97; Ильинская, 1966, стр. 152 и сл.; Ильинская, 1968, стр. 173]. Очевидно, они связаны с продвижением кочевников на север в поисках новых пастбищ, но одновременно свидетельствуют об усилении давления на земледельцев лесостепи. Едва ли случайно, что Бориспольские курганы почти сплошь принадлежат воинам, иногда даже воительницам.

Одновременно с расцветом степной Скифии наблюдается некоторый упадок лесостепи. Многие городища, особенно в Правобережье, прекращают свое существование, общее число их уменьшается [Петренко, 1961, стр. 59; Моруженко, 1968а, стр. 61, 226]. Со второй половины V в. до н. э. сокращается ввоз античных товаров в Среднее Поднепровье, что отчасти, может быть, было связано с обеднением зависимых земледельцев [Онайко, 1966, стр. 52]. Курганы IV в. до н. э. в лесостепи в целом беднее, чем в предшествующее время. Количество греческого импорта в них меньше, чем в степном Поднепровье [Онайко, 1970, стр. 69]. В то же время отмечается усиление культурного воздействия степи [Граков и Мелюкова, 1954, стр. 80, 87; Граков, 1954, стр. 150; Петренко, 1961, стр. 83, 96—97]. Вероятно, все это взаимосвязанные явления.

О результатах, может быть, свидетельствуют Сеньковские курганы в Киевской области, оставленные местным земледельческим населением, — невысокие, содержащие бедные женские погребения и безынвентарные мужские [Покровська, 1965]. Разительный контраст, особенно в сравнении с расположенными неподалеку и, вероятно, одновременными Бориспольскими курганами, оставленными завоевателями-степняками.

4. Начало городской жизни в Скифии. Геродот (IV, 46) отмечает, что в степной Скифии не было ни городов, ни укреплений. Но в конце V в. до н. э. возникло Каменское городище на Днепре, по вероятному предположению Б. Н. Гракова столица царства Атея [Граков, 1971, стр. 31]. Очевидно, оно было главным административным, ремесленным и торговым центром всей Скифии, и едва ли случайно, что в сравнительной близости от него расположены многие царские курганы. Примечательно также, что Каменское городище существовало тогда, когда прекратили или заканчивали свое существование крупнейшие городища лесостепной Скифии. По всем основным показателям: значительным размерам (около 12 кв. км), численности населения, обособлению ремесла (металлургии), наличию особого аппарата управления (акрополь), сравнительно мощным укреплениям — Каменское городище являлось настоящим городом.

Одновременно с Каменским городищем в степной Скифии существовало еще одно укрепленное поселение — Белозерское городище близ Херсона. По мнению Б. Н. Гракова, оно являлось перевалочным пунктом на торговом пути из Ольвии в глубь днепровских степей ([Граков, 1954, стр. 145].

5. Рост торговли с греческими городами Северного Причерноморья и усиление эллинизации скифской знати. В этом процессе существенную роль играла специфика греческих городов как торгово-ремесленных центров и конъюнктура, сложившаяся на средиземноморском рынке со второй половины V в. до н. э., особенно с конца его [Гайдукевич. 1949. стр. 51—53. 64—70; Блаватский, 1954, стр. 801. После поражения Афин в Пелопоннесской войне сельское хозяйство Аттики было разорено, а доступ к средиземноморским хлебным рынкам затруднен. Вывоз хлеба из Северного Причерноморья приобрел очень важное значение для обеспечения Афин недостающими продуктами питания, и понтийские греки не только производили его сами, но и увеличили закупки у местного населения. По свидетельству Демосфена (Demosth. adv. Lept., 32), при Левконе I из Боспора в Афины ежегодно поступало около 400 000 медимнов (примерно 1 млн. пудов) хлеба.

В результате возросли богатства не только греческих городов на северном побережье Понта, но и скифской кочевой аристократии, которая, вероятно, взяла на себя посредническую роль и сама торговала хлебом, полученным от зависимых земледельцев [Онайко, 1970, стр. 81, 86; Граков 1971, стр., 53; Артамонов, 1972, стр. 62], а также и другими товарами. Несколько позднее город Танаис, по Страбону (XI, 2, 3), «служил общим торговым местом для азиатских и европейских кочевников и для приезжающих по озеру (т.е. по Азовскому морю.— А. Х.) из Боспора; первые доставляли

рабов, шкуры и разные другие товары кочевников, а другие взамен привозили на судах платье, вино и прочие предметы, свойственные цивилизованному образу жизни». Но тот же Страбон (VII, 4, 5) отмечает, что еще большим торговым центром для варваров был Пантикапей.

Вместе с тем у скифской знати появилось желание взять в свои руки непосредственную торговлю со Средиземноморьем или установить контроль над ней. Уже с IV в. до н. э. началось давление на Херсонес и Боспорское царство, особенно сильно сказавшееся в следующий период [Жебелев, 1953, стр. 234; Граков, 1954, стр. 24—25]. Показательно и письмо, которое Атей отправил демосу города Византия: «Не вредите моим доходам, чтобы мои кобылицы не пили вашей воды» (Clem. Al., Strom., V, 5, 31). Подобное же стремление могло явиться одним из стимулов к экспансии Атея в сторону Балкан.

Курганы скифской знати IV—III вв. до н. э. изобилуют греческими изделиями, в том числе высокохудожественными произведениями искусства из драгоценных металлов, выполненными специально на заказ. В скифское искусство широкой волной хлынули греческие мотивы и сюжеты [Хазанов, Шкурко], а в скифской аристократической среде уже появились люди, знакомые с греческой мифологией. Они были потребителями горитов со сценами из жизни Ахилла, серег с изображением Афины Паллады и других предметов с чисто греческими сюжетами.

Геродот (IV, 76) еще отмечал, что «скифы (подобно другим варварам) избегают заимствований чужеземных обычаев, притом не только от других народов, но и в особенности от эллинов». Но в IV в. до н. э. среди приближенных Атея уже нашлись люди, которые получали удовольствие от игры взятого в плен знаменитого греческого флейтиста Исмения, и исключением был лишь сам царь, заявивший, что предпочитает ржание боевого коня (Plut., Reg. et imp. apophth. Ateas; Plut., De Alex., or. H, 1). «Младоскифы» в среде скифской знати решительно взяли верх.

Отражением установившейся торговли и усилившихся контактов с греками является начало чеканки скифской монеты, правда, в очень ограниченном количестве — в IV в. до н. э. Атеем [Рогалски, 1961; Анохин, 1965, стр. 3 и сл.; Анохин, 1973; Шелов, 1965], а до него, еще в конце V в. до н. э. или даже еще раньше, неким Эминаком, возможно скифским царем, неизвестным из других источников. На монетах Эминака изображена сцена из скифской этногонической легенды — Геракл, показывающий способ натягивания лука [Карышковский, 1960, стр. 179 и сл.; Сальников, 1960, стр. 85—87]. Впрочем, вопрос об Эминаке требует большой осторожности. Последний вполне мог быть не скифским ца-

рем, а ольвийским монетарием негреческого происхождения— монеты его не донативные, а реально обращавшиеся в Ольвии и ее хоре (и, по-видимому, только в них).

Рядовые кочевники-скифы не извлекали особых выгод от торговли с греками. Мало коснулось их и начавшееся сближение двух культур. Греческие изделия в рядовых погребениях встречаются не так уж часто, а сравнительно дешевая чернолаковая посуда иногда имеет следы починки — следовательно, ею дорожили и ее берегли. Даже амфорная тара использовалась вторично: судя по сцене, изображенной на золотой пекторали из Толстой могилы, в ней хранили молоко [Мозолевский, 1972, рис. 161].

Вместе с тем одно негативное последствие усилившихся контактов с греками бросается в глаза. Фрагменты амфор в IV—III вв. до н. э. встречаются в степной Скифии повсюду в гораздо больших количествах, чем прежде. Фрагменты амфор, содержащих вино, выпитое «а тризне, находят почти во всех скифских погребениях, даже самых бедных. Если добавить, что молва о склонности скифов к пьянству и раньше была широко распространена по всему греческому миру (Her., IV, 84), то приходится констатировать, что в IV в., до н.э. происходило в полном смысле слова спаивание скифов как много позднее торговцы спаивали индейцев Северной Америки и другие колониальные племена.

В целом интенсификация контактов с греческими городами привела к углублению социальной и имущественной дифференциации в скифском обществе, что было довольно верно, хотя и в морализующем плане, подмечено Страбоном (VII, 3, 7), писавшим: «Надо сказать, что наш образ жизни почти у всех произвел перемену к худшему, внося роскошь, страсть к удовольствиям и для удовлетворения этих страстей множество безнравственных средств к обогащению. Такая испорченность нравов в значительной степени проникла и к варварам, между прочим, и кномадам. Последние со времени знакомства с морем сразу сделались хуже: стали разбойничать, убивать иностранцев и, вступая в сношения со многими народами, перенимают от них роскошь и торгашество; хотя это, по-видимому, и способствует смягчению дикости, однако портит нравы и на место простодушия... вводит коварство».

6. Усиление центральной власти. Во многом такой вывод вытекает из уже разобранных особенностей исторического развития Скифии в IV в. до н. э. Активная и целенаправленная внешняя политика, рост эксплуатации населения собственного царства, возникновение столицы городского типа, чеканка собственной монеты, отчасти, вероятно, из престижных соображений,— все это проявления одной и той же тенденции. Не исключено, что даже установившиеся твер-

дые маршруты перекочевков были отчасти связаны с регламентирующей деятельностью центральной власти. Во время войны с Дарием у скифов еще сохранился какой-то совет, по крайней мере басилевсов. Атей же во всех дошедших до нас источниках действует единолично.

Идеологическим отражением усиления царской власти явились распространившиеся в скифском искусстве IV в. до н. э. сюжеты на тему ее божественного происхождения [Граков, 1950а, стр. 12 и сл.]. Поэтому слова Страбона о господстве Атея над большинством племен Северного Причерноморья вполне заслуживают доверия.

Разобранные тенденции развития Скифии позволяют обосновать нижний рубеж исследуемого периода концом V в. до н. э. Именно тогда резко возросла потребность в северопричерноморском хлебе, и тогда же в Скифии появились компактные курганные могильники, возникло Каменское городище на Днепре. Со свойственным ему историческим чутьем Б. Н. Граков верно уловил переломный момент в социальной истории скифов [Граков, 1954, стр. 24], хотя, по-видимому, он знаменовал собой не рождение нового государства, а его кульминацию. И тем более трудно согласиться с теми, кто полагает, что даже в IV в. до н. э. у скифов государство еще не возникло [Гайдукевич, 1949, стр. 5; Каллистов, 1949, стр. 149; Артамонов, 1947а, стр. 86—87; Артамонов, 1972, стр. 66; Черников, 1960, стр. 20—21].

Итак, главными особенностями социального развития Скифии в конце V—IV в. до н. э. были вовлечение ее привилегированного слоя в мировую торговлю и частично явившееся результатом этого усиление эксплуатации зависимого земледельческого населения, а отчасти, возможно, и рядовых кочевников. Торговля с греками стимулировала также седентаризационные процессы в кочевой среде. Во всяком случае, скифская аристократия в сложившейся обстановке едва ли стремилась им воспрепятствовать. Активная внешняя политика должна была удовлетворить возросшие аппетиты кочевой аристократии и по возможности сглаживать внутренние противоречия.

Скифское государство и в IV в. до н. э. оставалось раннеклассовым, но достигшим теперь своего зенита. Дальнейшая судьба подобных государственных образований, основанных на завоевании и политическом господстве кочевников над земледельцами, во многом зависит от успешного продолжения экспансионистской политики или же от способности кочевой аристократии стать господствующим классом земледельческого населения.

Для Скифии IV в. до н. э. оба пути не были исключены. Имеются даже основания полагать, что развитие совершалось по обоим из них. Войны Атея говорят сами за себя.

В то же время развитие седентаризации и появление скифских погребений на территории лесостепи, возможно, указывают на второй путь. Правда, он был затруднен тем, что зависимые племена лесостепи в своем внутреннем развитии еще не вышли за пределы эпохи классового образования. Это не препятствовало установлению даннических отношений, но мешало их эволюции в более развитые формы эксплуатации. Может быть, одна из причин упорного стремления скифов продвинуться на Балканы как раз и объясняется тем, что население их по уровню своего развития превосходило земледельцев лесостепной зоны Восточной Европы. Но соотношение сил в Восточной Европе менялось уже не в пользу скифов.

339 год до н. э., вероятно, был годом наивысшего могущества Второго Скифского царства, и он же ознаменовал начало его заката. Война с Филиппом Македонским, вызвавшая такой интерес у древних (Trog., Prol., IX; Just., IX, 1, 9; IX, 2, 1 — 16; IX, 3, 1—3; Aesc h., In Ctesyph., § 128; Strabo, VII, 3, 18; Plut., Reg. et imp. apophth. Ateas; Luc, Macrob., 10; Ого s., III, 13, 4—7) и современных авторов [Kaerst, 1896; Nicorescu, 1925; Блаватская, 1948; Блаватская, 1952; Анохин, 1965; Шелов, 1965; Шелов, 1972], окончилась победой отца Александра. Совсем немного не дожив до ста лет, Атей пал в битве.

Иногда полагают, что Скифское царство распалось с его гибелью [Блаватский, 1964, стр. 99; Анохин, 1973, стр. 41]. Однако особых оснований для такого предположения нет. Многие царские курганы (Чертомлык, Куль-Оба, Александропольский, Краснокутский) датируются послеекатевианским временем — концом IV — первой половиной III в. до н. э. [Брашинский, 1965, стр. 99 и сл.]¹⁹, продолжая традиции предшествующего времени и одновременно свидетельствуя о том, что продолжали существовать породившие их социальные причины. Не прекратилась жизнь и на поселениях Западной Скифии [Мелюкова, 1971, стр. 53—54; Мелюкова, 1975]. Правда, античные авторы почти ничего не сообщают о Скифии этого времени, но по вполне понятной причине — все их внимание было привлечено грандиозной борьбой греко-македонского мира с державой Ахеменидов.

Когда же в 331 г. до н. э. [Жебелев, 1953, стр. 46] наместник Александра во Фракии, Зопирион, «не желая оставаться в бездействии», вторгся в Скифию и осадил Ольвию, он потерпел сокрушительное поражение от скифов и сам сложил голову (Just., XII, 1, 4; XII, 2, 16; XXXVII, 3, 2; Macrob., Saturn., I, 11, 33; Ог о s., III, 18, 1, 4; ср.: Curt, X, 2, 44).

Гибель Второго Скифского царства произошла позднее, вероятно, где-то во второй половине III в. до н. э., когда с

запада усилился натиск кельтов и фракийцев, а с востока в решительное наступление перешли сарматы, уже ранее оказывавшие давление на Скифию и постепенно захватывавшие ее восточные территории. Теперь они, «сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» (D i o d., II, 43, 7).

Роль зависимых племен лесостепи в этих событиях неизвестна, но нетрудно предположить, что, подвергаясь все более сильной эксплуатации, они отпали при первой же благоприятной ситуации. М. И. Ростовцев был совершенно прав, отмечая, что Приднепровье и Прибужье, хотя и были под властью скифов, но скифскими не сделались. Они, как и раньше, жили своей самобытной и чуждой скифскому укладу жизнью [Ростовцев, 1918, стр. 76]²⁰. Может быть их отпадение способствовало поражению скифов. Начиная с III в. до н. э. исторические судьбы степной и лесостепной зон Северного Причерноморья разошлись на много веков. Даже материальная культура их населения быстро утратила общие черты. А в степи как символическое отражение всех этих событий и конца гегемонии кочевников в скифском обществе прекратилось сооружение царских курганов.

Позднейшая история Скифии связана с преобладанием в ней оседло-земледельческого и даже городского элемента и поэтому, строго говоря, выходит за рамки моей темы. И если я коснусь ее, то лишь постольку, поскольку она связана с дальнейшей эволюцией кочевого общества и его конечной судьбой.

Скифия в последние века до нашей эры и первые века нашей эры

Основная тенденция многовекового экономического и социального развития скифского общества отражена в истории его взаимоотношений с греческими государствами Северного Причерноморья. При этом бросается в глаза одно, на первый взгляд парадоксальное обстоятельство: чем сильнее оно было охвачено эллинизацией, тем враждебнее становились отношения с греками.

В конце VII—V в. до н. э. отношения были по преимуществу мирными. Торговля в основном велась с земледельцами лесостепи, и кочевники активно в нее не вмешивались. Оседание их происходило лишь в ближайшем окружении греческих городов. В IV—III вв. до н. э. кочевники уже выступали в роли торговых посредников, и одновременно у них появилось стремление поставить торговлю под свой контроль. Седентаризация протекала более интенсивно, а отношения

с греками явно ухудшились. В последние века до нашей эры — первые века нашей эры, когда кочевое скотоводство в ослабленной и утратившей большую часть своей территории Скифии уступало »первенство земледелию, они достигли апогея враждебности. Греческие города Северного Причерноморья стали казаться скифам ненужными соперниками в торговле со Средиземноморьем, а перспектива захвата их хоры открывала дополнительные возможности для развития земледелия в скифской среде. В то же время упадок греческих полисов, особенно заметно сказавшийся со II в. до н.э., делал борьбу с ними даже для ослабленной Скифии вполне осуществимой.

Политическая история поздней и позднейшей Скифии изучена достаточно хорошо, конечно, насколько это позволяют источники. Поэтому нет смысла останавливаться на ней подробно. Важнее подчеркнуть различия между Скифией конца V — первой половины III в. до н. э. и Скифией последних веков до нашей эры — первых веков нашей эры, между Скифией Атея и его ближайших преемников и Скифией Скилура, Палака и Фарзоя.

За сто с небольшим лет, истекших после гибели Атея, экономические и социальные условия в Скифии изменились очень сильно. Страбон (VII, 4, 5) отмечает существование двух Малых Скифии, очевидно названных так по сравнению с Большой Скифией эпохи Атея [Граков, 1954, стр. 25].

Одна Малая Скифия находилась за Тирасом и Петром — в Добрудже (Di od., XIX; 73; P s. -Scymn., 756; Plin., NH, IV, 41; IV, 44). «Из-за того что множество людей из Малой Скифии переправлялось через Тирас и Истр и поселялось в той стране, значительная часть Фракии была также названа Малой Скифией, тем более что фракийцы уступили пришельцам, отчасти подчиняясь силе, отчасти из-за плохой земли, так как большая часть страны болотиста» (S trab o, VII, 4, 5)²¹. От остальной Скифии Малая Скифия за Дунаем была отрезана гетами и развивалась самостоятельно. Скифское население Добруджи, очевидно, всегда составляло меньшинство среди местных племен [Мелюкова, 1965; Шелов, 1965, стр. 28 и сл.]. Во многих районах Западного Причерноморья скифы жили попеременно с фракийцами. Аполлоний Родосский (Argon., IV, 320) упоминает близ устьев Истра «смешанных с фракийцами скифов».

Вместе с тем эпиграфические памятники [Карышковский, 1971, стр. 51], чеканка с конца III по начало I в. до н. э. собственной монеты [Gerasimov, 1938, стр. 213; Герасимов, 1953, стр. 53 и сл.; Canarache, 1950, стр. 213; Мирчев, 1961, стр. 132; Карышковский, 1962, стр. 55 и сл.; Фролова, 1964, стр. 50 и сл.], имена царей на этих монетах, иранский характер которых был установлен сравнительно давно [Орешни-

ков, 1915, стр. 9—10] и подтвержден в одном исследовании 50-х годов, наконец, общеполитическая обстановка в данном районе свидетельствуют о существовании в Добрудже государства, управлявшегося царями скифского происхождения.

Земледельческий характер этого государства проявляется достаточно отчетливо. На монетах царя Канита в отличие от его великих предшественников изображен не Геракл, натягивающий лук, а колос пшеницы. Плиний (NH, IV, 44) отмечает, что скифы Добруджи занимаются хлебопашеством и имеют свои города (см. также: S t e p h. В у ζ., s. v. Αφροδ ῑσιαιξ). Итак, бывшие кочевники, точнее, их знать сохранили власть над земледельческим населением, но при этом забросили кочевой образ жизни, став господствующим классом земледельцев или слившись с прежним. Какая-то часть кочевых скифов до конца прошла по одному из путей, наметившихся уже во времена Атея.

Развитие второй Малой Скифии, охватывавшей Крым и Нижнее Поднепровье, происходило более сложными путями.

Не позднее конца III — начала II в. до н. э. после ряда военных поражений и сарматского вторжения возможности кочевого хозяйства на оставшейся у скифов территории оказались резко ограниченными. Степные кочевья были утрачены или находились под угрозой сарматских набегов. Оседание на землю приобрело массовый характер, причем на Нижнем Днепре новые поселения иногда основывались на месте поселений, селищ или зимников предшествующего времени [Погребова, 1958, стр. 215; Елагина, 1958, стр. 54; Вязь-мітіна, 1962, стр. 228; Археологія, Української РСР, 1971, Т. II, стр. 215—244]. Значительное увеличение оседлого скифского населения прослеживается также в Западном Крыму. В то же время становятся малочисленными курганы. Может быть, за номадами осталась только Таврическая степь — район не очень большой и далеко не богатый по своим природным условиям [Шульц, 1971, стр. 129].

Много спорят о том, принадлежали ли новые поселения исконным земледельцам или перешедшим к земледелию кочевникам, был ли отток населения из причерноморских степей в Крым и если был, то за счет кого и каким образом [Артамонов, 1948а, стр. 56 и сл.; Дашевская, 1958, стр. 270—271; Дашевская, 1971а, стр. 153; Елагина, 1958, стр. 53—54; Вязьмітіна, 1962, стр. 227—228; Вязьмитина, 1972, стр. 3; Щеглов, 1968, стр. 339; Щеглов, 1970, стр. 24; Граков, 1971, стр. 72 и сл.]. Учитывая историческую обстановку, однозначные ответы на эти вопросы кажутся маловероятными. Что случилось с кочевниками-скифами после сарматского нашествия? Одни были просто истреблены (по Диодору, даже все целиком, но это маловероятно); другие могли быть инкор-

порированы в состав сарматских племен — явление, распространенное у кочевников чрезвычайно широко; третьи, вероятно, осели в нижнеднепровских поселениях. В последние века до нашей эры — первые века нашей эры число нижнеднепровских городищ заметно увеличивается. Их известно не менее 16, а кроме них существовали неукрепленные селища. Сомнительно, чтобы это могло произойти только за счет роста населения редких поселений предшествующего периода. Наконец, четвертые могли отступить в Крым и в дальнейшем осесть на землю уже там. Вероятно, под давлением общей обстановки оседали на землю и кочевники Крыма.

Седентаризационный процесс в Крыму обладал некоторой спецификой по сравнению с тем, что происходило на Нижнем Днепре. Скифы не только осваивали целинные земли, но и стремились захватить издавна обрабатываемую и окультуренную греками территорию вместе с находившимися на ней поселениями [Щеглов, 1968, стр. 339; Щеглов, 1970, стр. 19 и сл.; Дашевская, 1971а, стр. 151 и сл.]. Позднее, в VIII—IX вв. н. э., аналогичный путь развития в известной мере повторили в Крыму болгары и еще позднее, в XVI—XVIII вв. — крымские татары [Якобсон, 1973, стр. 37—38, 142—143].

К концу II в. до н. э. Скифия в какой-то мере смогла оправиться от потрясений предшествующего времени. Но она вышла из них совершенно обновленной, став по преимуществу земледельческой страной. Поэтому Скифское царство в Крыму, в которое, по-видимому входило и Нижнее Поднепровье, я называю Третьим Скифским царством.

Н. Г. Елагина правильно предположила, что, сдав позиции на внешнеполитической арене, скифские правители пытались поправить дела за счет внутренних ресурсов, а межэтнический метод эксплуатации в поздней Скифии уступил место эксплуатации внутри собственного общества [Елагина, 1958, стр. 52, 57]. Неизвестно, насколько преобладал в ней политически все еще сохранявшийся кочевой элемент. Скифские цари могли быть отпрысками прежней династии, могли ими и не быть. Главное в том, что они перестали быть выразителями интересов только кочевой аристократии — теперь они строили города и опорные пункты (Strabo, VII, 4, 7), в которых жили сами и жила их знать, и в расположенных здесь же гробницах, а не в открытой степи они находили свой последний покой. Мавзолей Неаполя скифского, очевидно, усыпальница царской семьи или рода. Но только отдельные черты погребального обряда в нем намекают на уходящие в прошлое кочевые традиции [Погребова, 1961, стр. 179—180]. Переход к земледелию и городской жизни открыл новые возможности эллинизации скифской культуры, которая теперь ощущалась значительно сильнее, чем раньше.

Состояла ли новая знать, образ жизни и социальные позиции которой прослеживаются, кстати, очень плохо, из бывших номадов, сумевших приспособиться к новым условиям, или из верхушки прежде угнетенных и неполноправных земледельцев, или из тех и других, но теперь она в значительной степени стала выразителем оседло-земледельческой тенденции развития. Деятельность царей Скилура и Палака свидетельствует об этом достаточно наглядно.

На монетах Скилура помимо типичной для кочевников повозки изображены Гермес и Деметра как символы торговли и земледелия — главных источников доходов аристократии Третьего Скифского царства [Граков, 1954, стр. 28]. Борьба с пиратами, которую вели скифские цари, свидетельствует о значении, придававшемся беспрепятственному вывозу хлеба.

Внешняя политика скифов была теперь ориентирована главным образом на устранение ненужных посредников во все той же торговле. Ольвия находилась в зависимости от скифов, чеканила монеты Скилура, а в одной из эпитафий даже названа скифским городом [IOSPE, I², № 226], что, возможно, является намеком на какие-то формы протектората Скифского царства над полисом. Херсонес был спасен лишь активными действиями Диофанта — полководца Митридата VI Эвпатора. Боспор также испытывал давление скифов.

В I—II вв. н. э., в период последнего и весьма ограниченного усиления Скифии, кочевой элемент ощущается в ней еще слабее, чем во II—I вв. до н. э. Скилур и Палак, может быть, еще считали себя кочевниками, Фарзой и Инисмей (Иненсимей) — едва ли. Преобладание земледельческого элемента, довольно эллинизированного и сильно смешанного в этническом отношении, в первые века нашей эры, возможно, проявлялось уже не только в экономической, но и в политической сфере.

Пошло ли социальное развитие скифского общества в последние века до нашей эры — первые века нашей эры дальше отношений раннеклассового типа, сказать невозможно. Часто позднюю Скифию считают рабовладельческим государством. Но, как справедливо отметил Б. Н. Граков, «напрасно мы стали бы искать в известиях авторов и тем более в современных нам литературных данных доказательств рабовладельческого строя этого государства» [Граков, 1954, стр. 30]. Возможным представляется и развитие скифского общества в феодальном (протофеодальном) направлении. Наконец, не исключено его развитие по теоретически еще недостаточно осмысленному пути, который, видимо, характеризуется тем, что господствующий класс получает посредством внеэкономической эксплуатации прибавочный продукт

от объединенных в общины производителей, не отделенных от средств производства, а затем перераспределяет его в своей среде. Однако это всего лишь возможные пути развития. Для какого-либо позитивного решения вопроса данных явно недостаточно.

В то же время ясно, что груз многих веков предшествующей истории бывших кочевников не исчез бесследно и в поздней Скифии. И в культурном и, очевидно, в социальных отношениях она выглядит значительно менее развитой, чем греческие государства Северного Причерноморья. То, что было силой в кочевом обществе, обернулось слабостью в земледельческом. Не случайно в первых веках нашей эры скифов теснят кочевники-сарматы — на это время приходится гибель многих нижнеднепровских городищ [Щукин, 1970, стр. 65—67] — и ряд побед над скифами одерживает Боспорское царство [IOSPE, II, № 26, 27, 433; Шкорпил, 1917, стр. 111 и сл.; Блаватский, 1959а, стр. 34; Блаватский, 1964, стр. 149 и сл.; Раевский Д. С., 1973, стр. 114 и сл.]. Не случайно и то, что Скифия была первым государством Северного Причерноморья, рухнувшим в результате начавшегося Великого переселения народов.

О характере государственных образований у кочевников евразийских степей

На протяжении тысячелетий своего господства в евразийских степях кочевники неоднократно создавали различные государственные образования, более или менее длительные и стабильные. Иногда они превращались в империи, охватывавшие огромные территории с населявшими их племенами и народами, резко отличными и в хозяйственном и в культурном отношениях и по уровню своего развития.

Возможно ли возникновение государства на чисто кочевой основе и являются ли созданные кочевниками государственные образования только лишь результатом их собственного внутреннего развития? Какие социально-экономические отношения господствуют в таких государствах? Эти вопросы являются ключевыми, и для их решения необходимо вновь обратиться к социальной специфике кочевых обществ. Она определялась существовавшими у кочевников условиями производства, а также частично их взаимоотношениями с оседло-земледельческими и городскими областями. Ограниченные возможности экстенсивного кочевого хозяйства ставили предел социальному развитию. Прежде всего следует назвать уже отмеченную нестабильность кочевнической экономики и постоянную угрозу массового падежа скота в результате джута, засухи, эпизоотии, утраты его из-за вра-

жеских набегов и т. д. Важным обстоятельством представляется также экономическая потребность в кочевании небольшими группами из-за невозможности прокормить и напоить всю массу скота на ограниченной территории.

Особенность скота как быстро аккумулируемого и легко отчуждаемого имущества первоначально определила быстрый рост имущественной и социальной дифференциации у кочевников. Все известные науке кочевые общества евразийских степей по уровню своего развития находились никак не ниже эпохи классовобразования. Но та же особенность была одной из причин, по которым темпы дальнейшей классовой дифференциации в кочевых обществах резко снижались. Кроме того, ограниченность пастбищной территории в условиях экстенсивного скотоводства ограничивала и возможный рост произведенного продукта.

Нестабильность хозяйства и отсутствие емкой сферы применения рабочей силы, постоянные войны за скот и пастбища, а также специфика взаимоотношений с внешним миром тормозили окончательное оформление классов у кочевников, делали необходимым сохранение определенных форм взаимопомощи и кооперации.

Социально-экономические–отношения, существовавшие в кочевых обществах, были далеки от эгалитаризма. В них наблюдалась социальная стратификация подчас весьма значительная. Представители высших социальных слоев эксплуатировали обедневших членов общества, нередко используя их в качестве пастухов и работников в своих хозяйствах. С рядовых кочевников взимались различные поборы и внешние добровольные подношения. Во многих случаях их можно рассматривать как нефиксированную ренту.

И все же эксплуатация основной массы населения в кочевых обществах нередко была сравнительно слабой, носила косвенный характер–прикрывалась традициями родо-племенной солидарности, потребность в сохранении военно-политической организации, основанной на родо-племенной структуре и участии в военных действиях большинства боеспособного населения, наряду с другими причинами сильно ограничивала возможность ее интенсификации.

Кроме того, слишком большие притеснения всегда вызывали опасность откочевки от непопулярного правителя. Чайдер Рази описывает ситуацию, сложившуюся в Дешт-и-Кыпчаке после смерти Касим-хана в 1521/22 г.: «После него в том государстве началось большое несогласие, султаны Дешт-и-Кыпчака, которые известны под именем казаков, много воевали друг с другом. В конце концов Тахир-хан, сын Узбек-хана, был провозглашен ханом. Так как Тахир имел крайне грубый характер, большинство эмиров и воинов стали обижены на него и разошлись. Во время [начала]

правления ему помогали около 40 000 человек, в это время с ним осталось не более тысячи человек. Поневоле он ушел к киргизам и проводил там время в крайнем расстройстве, пока не умер в 930 г. (1523/24 г. н. э.). Бараш-хан, брат Тахир-хана, после Тахир-хана собрал в Могулистане и Деш-те 30 000 человек. Вследствие несогласия между братьями эта группа также разбрелась. Иль и улус Касим-хана составлял около миллиона человек, они так расстроились, что в 944 г. (1537/38 г. н. э.) в местах их жительства не осталось и одного телохранителя» [Тизенгаузен, 1941, стр. 215].

У казахов в XIX в. также известны случаи, когда кочевые коллективы, недовольные своим предводителем, отказывались признавать его власть или откочевывали от него [Зиманов, 1958, стр. 192].

Поэтому нажим на рядовых кочевников не мог быть слишком большим. В Казахстане попытки регулярного налогообложения кочевников со стороны ханской власти (зякет) предпринимались "еще в конце XVII в. [Сабырханов, 1969, стр. 154] но вплоть до присоединения к России они так и не вылилась в сколько-нибудь прочные и устойчивые формы. А. Левшин писал, что хотя «повелители киргизов (т. е. казахов.— А. Х.) и получают с них плату скотом и разного рода вещами, но приношения сии делаются без всякого порядка и по большей части в случаях особенной нужды в покровительстве; определенной же подати народ киргиз-казачий вообще не платит... Аблай-хан и Худайменды—султан в Средней орде и Арунгазы в Меньшей пытались приучить своих подвластных к правильному платежу определенной подати, но успех не соответствовал желаниям их...» [Левшин, 1832, ч. III, стр. 161].

Налогообложение по-прежнему приходилось прикрывать потребностями общественной взаимопомощи. «Целью ханского зякета,— говорилось в обычном праве,— служит вспомоществование бедным или неимущим киргизам (т. е. казахам.— А. Х.) и на содержание мулл» [Материалы по казахскому обычному праву, 1948, стр. 137].

Много спорят о наличии частной (феодальной) собственности на землю в кочевых обществах как основе эксплуатации рядовых кочевников. Действительно, попытки присвоить отдельные пастбища и урочища или взимать налог за пользование ими предпринимались кочевой знатью с глубокой древности. Уже усуньский гуньо приказал, чтобы никто не смел пасти скот на его пастбищах [Бичурин, 1950, т. II, стр. 197]. Однако сколько-нибудь успешными эти попытки были только в периоды усиления центральной власти, и то лишь в ограниченном размере²². Юридического оформления частной собственности на землю у кочевников евразийских

степей так и не произошло. Дело здесь не только в том, что право отставало от фиксации экономических отношений. Сами эти отношения применительно к земле и пастбищам были еще весьма неразвитыми. Поэтому вряд ли можно говорить о феодальной собственности на землю у кочевников, во всяком случае у большинства из них. Если отдельные исключения и встречались, то, по-видимому, только в новое время, в результате воздействия оседло-земледельческих государств. В целом же существовала лишь определенная тенденция к ее оформлению, на практике так до конца и не реализовавшаяся.

Неравенство в отношении к земле и пастбищам у кочевников выражалось в иных экономических категориях в пользовании и владении. Во-первых богатый скотовладелец кочевал больше и дальше и, следовательно, использовал большее количество пастбищной земли, чем его бедный сородич и соплеменник.²³ Во-вторых, кочевая аристократия осуществляла контроль над использованием и распределением пастбищ, водных ресурсов и земли, определяла маршруты и сроки перекочевки и т. д., и при этом, с одной стороны-оставляла за собой лучшие участки, а с другой — получала нефиксированную ренту, рассматривавшуюся обычным правом как компенсация за организационно-управленческую деятельность. По существу, здесь имел место вскрытый Ф. Энгельсом процесс превращения общественно полезной функции в свою противоположность — в источник богатства и власти руководящего слоя населения [Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 183—186]. Этот процесс, генетически уходящий еще в недра первобытного общества, получает свое завершение на раннеклассовой ступени [Khanov, 1971, стр. 71 и сл.], на той самой, которая, по-видимому, является пределом для кочевников в их самостоятельном развитии.

По изложенным причинам возможности возникновения сколько-нибудь прочной и длительной государственности в чисто кочевых обществах и даже в тех, в которых существовал оседло-земледельческий уклад, но кочевой над ним решительно превалировал, представляются очень ограниченными

В качестве примера можно привести монголов XII — XIII вв. Примитивные государственные образования, кажется, возникали у них не один раз и до Чингисхана [Сандаг, 1970, стр. 24—25]. Но они распадались так же быстро, как возникали. Только в ходе широкой внешней экспансии монгольская государственность отлилась в сравнительно прочные и устойчивые формы.

Государство кочевых узбеков, образовавшееся в 20-х годах XV в., не смогло осуществить широкого завоевания земледельческих областей и распалось сразу же после смер-

ти его основателя — Абу-л-Хайр-хана [Ахмедов, 1965, стр.5, 149—150].

В то же время история казахов и отдельных групп туркмен в XVII—XIX вв., возможно, демонстрирует обратимость некоторых социальных процессов у тех кочевников, которые знали в прошлом, и даже неоднократно, периоды государственной жизни, но в силу превратностей исторических судеб вновь стали жить чисто кочевым бытом, без объединения с оседло-земледельческими областями. С того времени как присырдарьинские города с земледельческой округой стали выходить из-под власти казахских ханов, а войны с Джунгарией обернулись поражениями, стали расшатываться основы единого, но непрочного казахского государственного объединения, которое М. Бижанов датирует XV — серединой XVII в. [Бижанов, 1969, стр. 170]. Центробежные процессы в нем оказались доминирующими.

Таким образом, для возникновения сравнительно прочной государственности у кочевников помимо внутренних предпосылок требуются так же и внешние. Поэтому основные устремления их аристократической верхушки направлены на завоевание и эксплуатацию других обществ, в первую очередь земледельческих. Успешная экспансия в свою очередь могла на время приводить к смягчению или разрешению внутренних конфликтов, как бы вынося их вне общества и тем самым способствуя его внутренней консолидации.

Показательно обращение к войску вождя чжурчжэней Агуды: «Если вы будете храбро сражаться, то рабы станут свободными, свободные — вождями, вожди повысятся в ранге [Воробьев, 1967, стр. 64].

Помимо социального фактора, связанного с внутренними процессами в кочевых обществах, на их взаимоотношения с внешним миром сильное воздействие оказывал экономический фактор. Вопреки довольно распространенному мнению [Myres 1941, стр. 19; Васон, 1954, стр. 46 и др.], хозяйство полукочевников и тем более чистых кочевников, как правило, менее автаркично, чем комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство, каковым чаще всего является хозяйство оседлых земледельцев. Кочевникам трудно обойтись без земледельческих продуктов и ремесленных изделий, в то время как земледельцы в принципе могут и во многих регионах земного шара обходиться без продуктов, традиционно поставляемых на обмен кочевниками.

Конечно, земледельцы и горожане также извлекали иногда значительные выгоды от торговли с кочевниками. «Товары и предметы их [кочевников],— говорилось в указе сельджукского султана Санджара,— дающие прибыль, являются причиной увеличения благоденствия, довольства и пользы оседлых людей» [Материалы по истории туркмен и

Туркмении, 1939, стр. 314]. И все же кочевники евразийских степей всегда значительно сильнее стремились к торговле с земледельцами, чем те — с кочевниками. В отличие от многих земледельческих обществ занятие торговлей у них было престижным делом. Когда земледельцы по тем или иным причинам ограничивали или прерывали торговлю с кочевниками, те нередко отстаивали право на нее вооруженным путем.

Так, например, поступали по отношению к Китаю кочевники Центральной Азии — от хунну до монголов. По словам Сыма Цяня, «отличаясь алчностью, сюнну ценили рынки на пограничных пропускных пунктах и любили китайские изделия, а Хань тоже была заинтересована в существовании рынков на пограничных пропускных пунктах, чтобы удовлетворять их желания» [Таскин, 1968а, стр. 51]. В одной из китайских хроник откровенно говорится, что рынки для торговли с кочевниками в начале династии Мин были организованы «для упрочения границ и ради сокращения расходов на оборону» [Мартынов, 1970, стр. 235]. Когда же кочевники чувствовали себя достаточно сильными, они стремились к завоеванию и подчинению земледельческих обществ, потому что помимо всего прочего это был лучший способ обеспечить бесперебойное поступление сельскохозяйственных продуктов и ремесленных изделий.

После гетского разгрома ольвиополиты снова заселили город «по желанию скифов, нуждавшихся в торговле и посещениях эллинов» (D i o Chrvs., Or. Voysthy, XXXVI, 11,48).

В договоре, который европейские гунны заключили с Восточной Римской империей в 434 г., было специально оговорено, что будут открыты рынки для торговли с гуннами (Prise. Pan., fr. 1).

Любопытно, что набеги кочевых узбеков и казахов на земледельческие области Мавераннахра совершались почти исключительно в зимние месяцы, когда кочевники испытывали наибольшие трудности из-за недостатка кормов для скота [Ахмедов, 1965, стр. 82]. По свидетельству Рузбехана, казахи устраивали набеги на подчиненные Шайбани-хану города «вследствие острой нужды в платье и хлопчатобумажной одежде» [там же, стр. 110].

Все эти причины объясняют подчас агрессивный характер кочевых обществ. Поскольку в своем самостоятельном развитии они не шли дальше раннеклассовых отношений, а целый ряд обстоятельств не благоприятствовал развитию классовых отношений вглубь, государственные образования у кочевников по общему правилу возникали лишь накануне завоевания земледельческих областей, в процессе такого завоевания или вскоре после него. Именно в этих случаях на

смену обычной децентрализованности кочевников приходила сильная и централизованная организация. Именно так рождались кочевые империи.

Характер государственных образований, возникших в результате завоеваний кочевниками земель сельскохозяйственных областей, во многом зависел от взаимоотношений, складывавшихся между победителями и побежденными. К. Маркс писал «При всех завоеваниях возможен тройкий исход. Народ-завоеватель навязывает побежденным собственный способ производства (например, англичане в этом столетии в Ирландии, отчасти в Индии); или он оставляет старый способ производства и довольствуется данью (например, турки и римляне); или происходит взаимодействие, из которого возникает новое, синтез (отчасти (при германских завоеваниях)» [Маркс, Из рукописного наследия К. Маркса, стр. 723—724].

Применительно к кочевникам в теоретическом анализе, следующем за этим высказыванием К. Маркса, можно выделить две наиболее распространенные тенденции. Правда, на практике они нередко встречались одновременно в одних и тех же государственных образованиях, но все же преобладающей в каждом из этих образований, как правило, являлась лишь одна.

В первом случае кочевники эксплуатировали подчиненное оседло-земледельческое население на основе даннических отношений. И кочевники и земледельцы с горожанами входили в состав одного и того же государства, но их взаимодействие происходило преимущественно в политической сфере. Они жили бок о бок, но не вместе. Эксплуатация, сколь бы хищнической она ни была, не затрагивала основ социоэкономической структуры земледельцев и не интегрировала их с кочевниками в одно общество.

Еще В. Григорьев отмечал, что кочевая знать нередко устранялась от непосредственного управления завоеванными земельными областями и «даже от труда собирать подати с покоренных, что достигалось посредством оставления страны в руках туземных владельцев, с обращением их в данников, то есть в орудия для выжимания из покоренных в пользу победителей всего, что первые могли доставить последним» [Григорьев, 1875, стр. 4].

С. А. Плетнева полагает, что государство у кочевников возникало лишь в том случае, если часть населения переходила к земледелию [Плетнева, 1967, стр. 189—190]. Подобное утверждение кажется слишком категоричным, так как не учитывает роли завоевания в возникновении некоторых государственных образований кочевников. Необходимые земледельческие и ремесленные продукты кочевники могли получать, не только оседая на землю, но и путем внеэкономического принуждения земледельцев и горожан.

При таких обстоятельствах характер социально-экономических отношений у кочевников не претерпевал кардинальных изменений. Их общество оставалось раннеклассовым. Кочевые области в подобных государствах, будучи господствующими в политическом отношении, в социально-экономическом всегда были самыми отсталыми.

Правда, вхождение в состав одних государственных образований с земледельцами всегда оказывало ускоряющее воздействие на развитие кочевников. Хунну говорили, что они «создают государство, сражаясь на коне, и поэтому пользуются влиянием и славятся среди всех народов» [Таскин, 1973, стр. 34]. Но Елюй Чу-цай повторил Угэдею старый афоризм: «Хотя [вы] получили Поднебесную, сидя на коне, но нельзя управлять [ею], сидя на коне» [Мункуев, 1965, стр. 73]. В степи возникали города — центры политической власти, торговли и ремесла [Егоров, 1969]. Среди рядовой массы кочевников усиливалась тенденция к вынужденной седентаризации. Однако в рассматриваемых государственных образованиях подобные явления не были необратимыми, они лишь служили предпосылками дальнейшего развития, но уже на основе перехода кочевников к оседло-земледельческой жизни.

Для тех созданных кочевниками государственных образований, в которых данничество длительное время оставалось ведущей формой эксплуатации, можно наметить два варианта развития после того, как из-за изменившегося соотношения сил или из-за иных причин возможности примитивной даннической эксплуатации земледельческого населения сокращались или прекращались вообще. Первый был связан с распадом государства, уменьшением удельного веса земледелия как уклада внутри кочевого общества, гибелью городов. И Каракорум, и Сарай-Бату, и Сарай-Берке прекратили свое существование, как только погибли вызвавшие их к жизни и созданные кочевниками государственные образования. Второй вариант развития был обусловлен дальнейшим усилением и конечным возобладанием седентаризационного процесса. В результате кочевое общество переставало быть таковым, становясь преимущественно земледельческо-городским и развиваясь уже совсем в другом русле, хотя и сохраняя нередко при этом значительный коневой уклад.

По-иному совершалось развитие в тех государствах, в которых кочевники, земледельцы и горожане оказывались интегрированы в рамках одной социально-экономической структуры. В них происходил синтез раннеклассовых отношений завоевателей с более развитыми классовыми отношениями завоеванных. Это нередко оказывало отрицательное воздействие на развитие оседло-земледельческих обществ, но ус-

коряло развитие кочевников [Новосельцев, Пашуто, Черепнин, 1972, стр. 109—110, 124).

О бедствиях, которые приносили земледельцам и горожанам нашествия кочевников, написано достаточно и древними, и средневековыми, и современными историками. Может быть, короче и лучше других сказал Ибн-ал-Асир про нашествие татаро-монголов: «Это событие, искры которого разлетелись [во все стороны] и зло которого простерлось на всех; оно шло по весям, как туча, которую гонит ветер» [Тизенгаузен, 1884, стр. 2].

Но в дальнейшем правящий слой кочевников быстро превращался в господствующий класс оседлого населения, зачастую сливаясь со своим предшественником. Остальные кочевники могли еще некоторое время сохранять особое положение в качестве поставщика военных контингентов, опоры династии и т. п., но эксплуатация их обычно усиливалась. Соответственно ухудшались их социальное положение и общественный престиж. Хотя подобные государства своим созданием бывали обязаны кочевникам, характер господствовавших в них социально-экономических отношений в конечном счете определялся уже уровнем развития земледельческих областей. К тому же именно в подобных государствах седентаризационные процессы развивались обычно более интенсивно.

Все перечисленные тенденции и варианты развития известны как в древности, так и в средневековье.

И Первое и Второе Скифские царства являлись раннеклассовыми государственными образованиями, основанными преимущественно на завоевании и даннической эксплуатации кочевниками оседло-земледельческого населения. Но оседание кочевников на землю, начавшееся в период Второго Скифского царства, способствовало тому, что возникшее после исчезновения (или по крайней мере резкого сокращения) возможностей даннической эксплуатации покоренного населения Третье Скифское царство стало развиваться как земледельческо-городское общество, а внутренняя эксплуатация в нем возобладала над внешней.

Подобному развитию, вероятно, способствовали также длительные контакты с греческими городами, которым, как и античной цивилизации вообще, было присуще наивысшее для древности развитие товарного хозяйства. В условиях соседства с ними занятие земледелием с выгодной продажей зерна на экспорт приобретало дополнительные стимулы.

Общество хунну долгое время развивалось в том же направлении, что и скифское. Государственное образование у них, очевидно, возникло при Модэ-шаньюе, когда были покорены многие земледельческие и кочевые племена, а Китай был вынужден выплачивать регулярную дань. Но общество

хунну до самого конца так и осталось раннеклассовым, основанным на даннической эксплуатации, и начавшиеся были седентаризационные процессы оказались недостаточно интенсивными, чтобы способствовать его трансформации. Возможно, соседство с Китаем с его подчеркнутым стремлением к автаркии и нежеланием торговать с кочевниками, к тому же не испытывавшим потребности в импорте земледельческой продукции, сыграло здесь отрицательную роль.

Раннеклассовым, основанным на данничестве представляется также сильное, но рыхлое и неустойчивое государственное образование, созданное европейскими гуннами.

Вполне вероятно, что и многие другие кочевые образования древности, например сиракское на Северном Кавказе и язигское на Дунае, Кангюй и Усунь в Средней Азии, также достигли уровня примитивной государственности. Имеются основания полагать, что и в них преобладающей формой эксплуатации являлись даннические отношения. Однако скудость имеющихся источников не позволяет остановиться на этих образованиях подробнее.

В то же время уже в древности наблюдается и второй путь развития кочевых государств. Среднеазиатские кочевники-парфяне, отнявшие Иран у Селевкидов, довольно быстро осели на землю. Их знать слилась со старой иранской знатью в один класс, господствовавший как над земледельческим, так и над кочевым населением страны, социально-экономические отношения которой не претерпели серьезных изменений. В этом же направлении совершалось и развитие в Кушанском государстве.

Государственные образования средневековых кочевников евразийских степей демонстрируют значительное сходство с древними. Держава древних тюрков была основана на даннических отношениях, установившихся в результате подчинения множества земледельческих и кочевых племен и народов. И рядовые тюрки, и их знать оставались по-прежнему кочевниками, и как только соотношение сил изменилось, их государство распалось.

Каракитай, завоевав Туркестан и Мавераннахр, «тяжело попирали их народы», но, по-видимому, ограничивались данническими формами зависимости. «У них в каждом городе [есть] наместник, который доставляет им деньги, а они проживают в кибитках по своему обычаю» [Материалы по истории киргизов и Киргизии, 1973, стр. 73].

Хазарский каганат тоже был основан на данничестве, а также на пошлинах, которые он мог взимать из-за исключительно благоприятной торговой конъюнктуры. Но седентаризационные процессы в нем получили значительное развитие [Плетнева, 1967, стр. 181 и сл.; Гадло, 1971, стр. 61 — 62, 74]. Хазария явно развивалась по пути превращения в

оседло-земледельческое государство, но военные поражения и вторжения в Восточную Европу новых масс кочевников прервали этот процесс.

Напротив, у уйгуров он возобладал, и их государство к началу XIII в. превратилось в оседло-земледельческое с сильным кочевым укладом, в котором решающую роль приобрела внутренняя эксплуатация [Тихонов, 1966, стр. 68 и сл.].

Значительно позже взаимоотношения казахских ханств с присырдарьинской земледельческо-городской областью были однотипными с весьма архаическим данничеством [Пищулина, 1969]. Отсюда, вероятно, вытекала одна из причин их неустойчивости и слабости как примитивных государственных образований.

Иной путь развития прослеживается на примере держав Караханидов, Сельджукидов и некоторых других. Караханидское завоевание не вызвало никаких принципиальных изменений в социальной структуре Мавераннахра — лишь состав господствующего класса пополнился тюркской военно-кочевой аристократией. Очень скоро, однако, началось ее сближение с местной землевладельческой верхушкой, тесно связанной с аппаратом государственного управления. Недавние кочевники стремились обзавестись земельной собственностью и недвижимым имуществом, а караханидские ханы заботились об экономическом процветании городов. Противоречия в составе господствующего класса теряли этнический и хозяйственно-культурный характер. Кочевые беки, недовольные ориентацией ханов на горожан, блокировались с городским же духовенством [Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, стр. 348—349].

В результате завоевания Ирана и Малой Азии кочевники-огузы оказались в гуще земледельческого населения с прочно устоявшимися социальными и политическими порядками, с тысячелетними традициями государственной жизни. В ожидании сельджукского нашествия земля в Хорасане обесценилась [Байхаки, 1959, стр. 739—741]. Но Сельджукиды не изменили, да и не могли изменить местных порядков, они лишь несколько их модифицировали. Например, большее распространение, чем при Бундах, получил институт икта, позволивший сельджукской знати взимать налоги и повинности с крестьян, не порывая сразу с кочевым бытом [Кар-рыев, Мошкова, Насонов, Якубовский, 1954, стр. 112].

Сельджукские и турецкие султаны и их знать долгое время придерживались многих традиций кочевого образа жизни, но они возглавляли государства, социально-экономические отношения которых, а во многом даже политическая организация определялись не кочевниками, а земледельцами и горожанами. Опираясь на новую социальную базу, они усиливали эксплуатацию рядовых кочевников, ко-

которые втягивались в сферу действия социальных отношений, господствовавших в завоеванных странах.

Опасаясь беспокойного кочевого элемента в своих государствах, Сельджукиды и Османы сознательно дробили, разъединяли территориально и разбрасывали кочевые племена, превращали их в обычных эксплуатируемых подданных, отправляли в пограничные районы, поощряли оседание на землю. Дело дошло до того, что кочевники в завоеванных их предками государствах превратились в приниженный слой населения, а слово «тюрок» в смысле «кочевник», некогда произносившееся с гордостью или страхом, превратилось чуть ли не в презрительную кличку, синоним плебея, причем по иронии судьбы эта кличка нередко звучала в устах потомков тех же самых тюрок, только утративших связь с кочевничеством [Каррыев, Мошкова, Насонов, Якубовский, 1954, стр. 121 и сл.; Гордлевский, 1960; Агаджанов, 1969, стр. 46—48, 264—265; Агаджанов, 1973, стр. 97—99; Еремеев, 1971, стр. 77 и сл.].

Династия по своему происхождению могла быть кочевой, но общественное развитие определял уже не кочевой, а оседлый элемент, (после того как он оправлялся от потрясений, связанных с завоеванием.

Тот же самый процесс, правда, менее последовательно в борьбе с иными тенденциями происходил в Иране при монгольском завоевании [Петрушевский, 1960; ср.: Schurmann, 1956]. Основная масса кочевников не переходила к оседлости, так как положение воина-кочевника было несравненно лучше, чем земледельца-ра'ийата. Но в отличие от Руси они кочевали непосредственно среди оседлого населения, и государство ильханов являло собой соединение раннеклассовых монгольских институтов с развитыми государственными и классовыми традициями иранского общества. Реформы Газан-хана и его министра Рашид ад-дина, этого иракского Елюй Чу-цая, не привели к значительному оседанию кочевников, но означали решительный поворот в сторону сближения с верхушкой местной знати завоеванных стран, принятию их государственных институтов, идеологии и культурных традиций.

Кочевая знать, даже не порывая полностью со старым бытом, становилась теперь владельцами икта, и у монгольских воинов появилось «страстное желание» владеть поместьями и «завести земледелие» [Рашид ад-дин, 1946, стр. 60]. Показательно, что после распада государства Хулагуидов реакция Чобанидов, пытавшихся устранить местную оседлую знать, длилась очень недолго. Пришедшие им на смену Джелаириды стремились управлять в духе политической линии Газан-хана.

Различные вариации того же процесса, который, есте-

ственно, рассматривается здесь только в самых общих чертах, прослеживаются в созданных кочевниками государствах в Средней Азии, Афганистане, Индии и Китае.

Уже не раз отмечалось, что при Чингисхане и его преемниках происходили столкновения различных группировок монгольской знати по вопросу о способах эксплуатации завоеванного земледельческого населения [Бартольд, 1963, стр. 263; Якубовский, 1946, стр. 48—52; Толстов, 1948, стр. 344; Петрушевский, 1952, стр. 12—15; Петрушевский, 1960, стр. 32; Мункуев, 1965, стр. 18, 45]. Борьба шла не только за то, должна ли эта эксплуатация вылиться в хищнические, но по существу контрибуционные и даннические формы или принять более регламентированный вид, должны ли были монголы остаться кочевниками или осесть на землю. Осознанной или неосознанной ставкой было и иное — должна ли была кочевая знать сблизиться со знатью покоренных стран или же остаться враждебной ей завоевателем, опирающимся только на военную силу.

Подобная борьба в различной форме происходила и во многих других государствах, созданных кочевниками. Ее исход наряду с другими причинами нередко определял их конечные судьбы. Именно эта борьба явилась одной из причин распада Чагатайского государства на Могулистан и Мавераннахр. В Могулистане возобладали тенденции к обособлению кочевников от земледельцев и горожан. Согласно Мирзе Хайдару, «когда [Йунус-]хан вновь утвердился на ханском троне, могульский народ и эмиры взяли у хана обязательство, что впредь он не будет принуждать их [жить] в городах и населенных, культурных местах, потому что именно это было причиной смуты среди могулов и их обиды на хана" [Материалы по истории казахских ханств, 1969, стр. 200—201]. Дальнейшая история Могулистана весьма показательна. Это кочевое объединение распалось, с ним вместе прекратилось формирование могульского этноса, а могулы вошли в состав казахского и некоторых других народов.

Таким образом, условия возникновения и основные пути развития государственных образований, созданных кочевниками древности и средневековья, демонстрируют если не полную однотипность, то существенное сходство. Причины этого явления, очевидно, коренятся в специфике кочевого хозяйства и основанной на нем социальной структуры. Правда, имелись некоторые различия в уровне развития государств, созданных кочевниками. Но этот уровень в первую очередь определялся не самими кочевниками, а завоеванными ими земледельческими областями. Несколько подробнее на этом вопросе я остановлюсь в заключении.

**ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ
РАЗВИТИИ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
И ПРИНЦИПЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИХ ИСТОРИИ**

«Понятия, которые оказались полезными в упорядочивании вещей, легко приобретают над нами такую власть, что мы забываем об их человеческом происхождении и принимаем их за неизменно данное... Такими заблуждениями путь научного прогресса часто преграждается на долгое время. Поэтому, если мы настаиваем на необходимости проанализировать давно установленные понятия и указать, от каких условий зависит их оправданность и возможность употребления, как они, в частности, возникают из данного опыта, то это не праздная забава. Этим самым забывается их преувеличенная власть».

А. Эйнштейн

Исследование социальной истории скифов приводит к: выводу, что скифское общество вплоть до последних веков нашей эры было раннеклассовым, основанным преимущественно на даннической эксплуатации кочевниками подчиненного земледельческого населения. Структурную основу его составляла многоступенчатая родо-племенная организация, в низших своих звеньях покоившаяся на узах реального кровного родства, а в высших — на чисто фиктивном генеалогическом родстве, являвшемся средством общественной интеграции, идеологическим обоснованием существующих социальных отношений и одновременно облегчавшем инкорпорацию неродственных групп.

В собственно скифском кочевом обществе выделились следующие основные социальные слои: правящий царский род, родо-племенная и отчасти служилая аристократия, жречество, рядовые свободные кочевники, эксплуатация которых, носила лишь косвенный и ограниченный характер, неполно-

правный слой обедневших и зависимых кочевников, эксплуатировавшихся более интенсивно. На низшей ступени социальной лестницы находились рабы, роль которых в производстве была, однако, невелика.

Сравнение скифского общества с обществами других кочевников евразийских степей демонстрирует не только их принципиальную однотипность, но и сходство многих конкретных форм социальной организации, общественных институтов и культурных элементов. Это сходство доходит иногда до почти полного тождества. Имеющиеся различия связаны отчасти с разными этнокультурными традициями и различными источниками внешних влияний, отчасти с различиями в уровне развития. В некоторых отношениях скифское общество было ближе к обществу хунну, чем к обществу своих ближайших соседей и сородичей — сарматов, несколько отстававших от скифов в своем развитии.

Подобное сходство в первую очередь надо объяснять однотипностью экологии и хозяйства кочевников евразийских степей, определявших параметры их социального развития, и лишь затем несомненными культурными и этническими взаимовлияниями. Не случайно различия более заметно проявляются в тех сферах, которые не связаны непосредственно ни с хозяйством, ни со структурными основами общества и его определяющими социальными категориями, ни, наконец, с уровнем общественного развития. Примером может служить вероятная матрилейность сарматов в сравнении со скифской патрилейностью.

В то же время по основным социально-экономическим структурам и формам эксплуатации, равно как и по основным тенденциям общественного развития, древние кочевники евразийских степей были весьма близки к кочевникам средневековья и даже нового времени. Об этом уже много писалось в предыдущих главах. Л. Крэдер, исследовавший социальную организацию тюрко-монгольских кочевников, пришел к выводу, что «принципы — единые, существуют вариации в деталях» [Kradner, 1963, стр. 4]. В более ограниченном виде этот вывод, по-видимому, можно распространить на всех кочевников евразийских степей, в том числе и древние.

Причины этого явления коренятся опять-таки в специфике экстенсивной кочевой экономики, мало менявшейся с течением времени, и ее ограниченных возможностях. Численность хунну, живших на территории современной Монголии, и количество скота у них почти полностью совпадали с теми цифрами, которые имеются для монголов накануне 1921 г. Так, у хунну в среднем приходилось 19 голов скота на душу населения, в Автономной Монголии в 1918 г. — 17,8 головы [Таскин, 1968, стр. 41 и сл.].

Тем самым подтверждается предположение И. М. Майского, высказанное им более полувека назад: «Я не решаюсь высказывать вполне категоричного мнения, ибо в подтверждение его невозможно привести какие-либо достоверные статистические данные, но общее впечатление мое таково, что при системе первобытного скотоводства Автономная Монголия не в состоянии прокормить количество скота, значительно превышающее его теперешнее число. Быть может, при строгой экономии ее травяных ресурсов хватило бы для полуторного против нынешнего количества скота... но не больше» [Майский, 1921, стр. 134]. Л. Н. Гумилев усматривает в тысячелетиями стабильной и численности народонаселения у кочевников «оригинальный способ этнического существования, непохожий на привычные нам, но отвечавший потребностям самих кочевников» [Гумилев, 1971, стр. 9]. Я же вижу в этой стабильности еще одно "доказательство тупикового и застойного характера кочевнической экономики.

Единообразная и неизменная экономика имела своим естественным следствием тенденцию к возникновению однотипных форм социальной организации⁷⁾И все же было бы преувеличением утверждать абсолютную неизменность кочевых обществ. Определенная эволюция имела место. Но она была связана не столько с ограниченными возможностями внутреннего развития, сколько с характером взаимоотношений кочевников с внешним миром в различные исторические эпохи. В этой связи возникает проблема периодизации истории кочевников евразийских степей?

Вполне понятно стремление различных исследователей не только вскрыть закономерности функционирования кочевых обществ, но также установить основные этапы их исторического развития и выработать периодизацию истории кочевников евразийских степей. Однако все предложенные к настоящему времени периодизации сильно отличаются друг от друга. Дело не только в том, что в основу их положены различные принципы. Само различие лишь еще раз отражает дискуссионность основных проблем кочевниковедения.

Некоторым исследователям развитие кочевых обществ в евразийских степях представляется *непрерывным* поступательным процессом от первобытно-общинного строя к раннефеодальным (прафеодальным), а затем к развитым феодальным отношениям и даже к зарождению капиталистических отношений. Ясно, что в таком случае задачи периодизации сводятся лишь к установлению хронологии того или иного этапа социально-экономического развития, якобы пройденного кочевниками. При этом общества «ранних кочевников» — I тысячелетия до н. э. — обычно рассматриваются как догосударственные (в лучшем случае у них констатируются

лишь зачатки государственности), а создание государства и классового общества приписывается лишь кочевникам средневековья [Лашук, 1967; Златкин, 1971а, стр. 172—175].

Трудно согласиться с таким решением проблемы. Во-первых, общества скифов, хунну и, вероятно, некоторых других древних кочевников имеют все основные признаки раннеклассовых, а созданные ими объединения вполне можно считать государственными образованиями. Во-вторых, поскольку это касается самих кочевников, их государственные образования в I тысячелетии до н. э. возникают практически на той же основе, что и в более позднее время. Не случайно многие исследователи констатируют сейчас сходство или даже тождество социально-экономической структуры как древних, так и средневековых кочевников. В-третьих, тот предельный уровень, который способны достичь кочевые общества в своем самостоятельном развитии, отнюдь не ясен. В гл. I уже отмечалось, что, в то время как одни специалисты усматривают его в развитом феодализме, другие не допускают ничего большего, чем «военную демократию».

Гете писал, что между двумя противоположными мнениями лежит не истина, а проблема. Но в данном случае истина, возможно, находится где-то посередине. По-моему, в своем самостоятельном развитии кочевники, как правило, не идут далее раннеклассовых отношений и в этом отношении между кочевниками древности и средневековья не наблюдается существенных различий.

Однако дело не только в пределе развития, который ставит кочевая экономика. Предложенная периодизация находится в отрыве от реальной истории кочевников евразийских степей, так как не учитывает обратимости социальных процессов у них и отсутствия сколько-нибудь прочной и длительной этнической и исторической преемственности. Любая периодизация истории рассматриваемого региона может основываться только на данных, относящихся к различным этносам. Но в таком случае картина непрерывного поступательного процесса представляется весьма сомнительной.

Например, в древности в степях Северного Причерноморья у скифов завершился переход от первобытных к раннеклассовым отношениям и возникло государство. Но уже в III—II вв. до н. э. на смену скифам туда пришли сарматы, еще не вышедшие из эпохи классового образования. В IV в. н. э. гунны одолели сармато-аланские племена и на короткий срок создали сильное, но непрочное государственное образование, распавшееся вскоре после смерти Аттилы. В V—VIII вв. в Северном Причерноморье кочевали различные тюркские и иранские племена, находившиеся на стадии классового образования. В VIII—X вв. у них развивались классовые отношения, и, войдя в состав Хазарского каганата, они

оказались вовлеченными в русло государственной жизни. С его падением и вторжением печенегов, торков и половцев начался новый цикл классовообразования, так и не завершившийся к середине XIII в. Вновь государственность и классовое общество в степях Северного Причерноморья возникли лишь после монгольского нашествия. Затем последовали события, связанные «с распадом Золотой Орды, переселением калмыков и т. д. Примерно так же обстояло дело и в других районах евразийских степей.

Другими исследователями история кочевничества в евразийских степях подразделяется на две эпохи: эпоху «ранних кочевников» (приблизительно до середины I тысячелетия н. э.) и эпоху «поздних кочевников». В основу этой периодизации кладутся не только, а иногда даже не столько различия в уровне социального развития, но в первую очередь хозяйственные и культурные различия, якобы существовавшие между «ранними» и «поздними» кочевниками. Было даже высказано мнение, что они относятся к различным хозяйственно-культурным типам, или же, что эпоха «ранних кочевников» — это время формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов евразийских степей, а эпоха «поздних кочевников» — время функционирования его в сформировавшемся виде [Вайнштейн, 1971; Вайнштейн, 1973, стр. 9—10].

Если суммировать мнение исследователей, придерживающихся подобной периодизации, то различия между «ранними» и «поздними» кочевниками в основном сводятся к следующему [Артамонов, 1947, стр. 70; Грязнов, 1955; Черников, 1960; Смирнов К. Ф., 1964].

1. Для «ранних кочевников» было характерно кочевание большой ордой (племенем), находящейся в непрерывном, медленном, круглогодичном движении. Соответственно жилищем служили «дома на колесах», т. е. помещенные на телеги кибитки. Для «поздних кочевников» характерно кочевание мелкими группами, а основным видом жилища являются юрты.

2. У «ранних кочевников» отсутствовали те элементы материальной культуры, которые были распространены у «поздних»: разборная юрта, утварь из легких и прочных материалов, почти вытеснившая керамику, жесткое седло со стременами.

3. «Ранние кочевники» в отличие от «поздних» не вышли за пределы заключительной стадии первобытнообщинного строя. Эпоха «ранних кочевников» была эпохой разложения родового строя, до установления господства патриархально-феодалных отношений.

Все эти аргументы фактами, однако, не подтверждаются.

Во-первых, представление о том, что «ранние кочевники»

передвигались всей ордой или племенем, не имея стабильных маршрутов и нигде подолгу не задерживаясь по-видимому, отчасти является дальнейшим развитием взглядов Б. Я. Владимирцова, полагавшего, что в XI—XII вв. монголы кочевали как куренями, т. е. большими группами, так и отдельными аилами, а затем, с образованием державы Чингисхана, перешли исключительно к аильному кочеванию, т. е. к кочеванию небольшими группами [Владимирцов, 1934, стр. 37—38, 45—46; ср.: Гребнев, 1960, стр. 107].

Ученый опирался на свидетельство Рашид ад-Дина: «В древние времена, когда какое-либо племя останавливалось в какой-либо местности, оно [располагалось] наподобие кольца, а его старейшина находился в середине [этого круга], подобно центральной точке; это и называли курень» [Рашид ад-дин, т. I, кн. 2, стр. 86]. Однако эти слова едва ли следует понимать буквально и тем более придавать им расширительное значение [Руденко, 1961а, стр. 7; Марков, 1967, стр. 9; Tomio Goto, 1968, стр. 95; Вайнштейн, 1972, стр. 74—77]. Положение дел, описанное средневековым историком, скорее всего явилось следствием неустойчивости и частых междоусобных войн в монгольском обществе в эпоху, предшествующую деятельности Чингисхана.

Круглогодичное кочевание по относительно неустойчивым маршрутам (второй тип) в исследуемом регионе уже по природно-климатическим условиям было возможно только в наиболее засушливых, пустынных районах. Потребность в кочевании большую часть года небольшими группами вызывалась экономическими причинами — невозможностью прокормить и напоить всю массу скота на ограниченной территории.

Численно значительные группы могли кочевать вместе только непродолжительное время в году, к зиме они обычно распадались [Сабырханов, 1969, стр. 151; Вайнштейн, 1972, стр. 72—77]. Исключения бывали в периоды стихийных бедствий, войн и переселений и у «поздних кочевников» встречались не реже, чем у «ранних». Не случайно сам Рашид ад-Дин добавляет: «И в настоящее время, когда вблизи находится вражеское войско, они [монголы] тоже располагаются в таком же виде (т. е. в виде куреня.— А. Х.) для того, чтобы враги и чужие не проникли внутрь стана» [Рашид ад-дин, 1952, т. I, кн. 2, стр. 87].

По сообщению одного из средневековых историков, туркмены Сирии во время переходов на яйлу подвергались нападению курдов. «Тогда туркмены решили объединиться во время своих переходов, чтобы охранять свое имущество» [Агаджанов, 1969, стр. 117].

Иосафат Барбаро в следующих словах описывает движение хана Кичик-Мехмеда и его войска с Нижней Волги

на Нижний Дон: «Сначала шли табуны лошадей по шестьдесят, сто, двести и более голов в табуне, потом появились верблюды и волы, а позади них стада мелкого скота. Это длилось в течение шести дней, когда в продолжение целого дня — насколько мог видеть глаз — со всех сторон степь была полна людьми с животными: одни проходили мимо, другие прибывали. Поперечник равнины, занятой массами этих людей и скота, равнялся 120 милям» [Барбаро и Контарини о России, 1971, стр. 142—143].

В период казахских ханств из-за напряженной политической обстановки значительное число аулов также предпочитало передвигаться сообща [Толыбеков, 1959, стр. 206]. В 40-х годах XVIII в. султан Нурали и его братья, боровшиеся с враждебными им султанами Бараком и Батыром, старались держаться ближе к своей матери ханше Попай и даже зимовали вместе [Сабырханов, 1969, стр. 156]. Один из наблюдателей верно подметил, что казахов «опасность заставляла кочевать большими аулами» [Костенко, 1886, стр. 341]. Но подобные объединения нескольких кочевых групп имели временный характер и распадались с окончанием конфликтов и наступлением затишья [Зиманов, 1958, стр. 70—71].

Во-вторых, вряд ли правомерно основывать историческую периодизацию на различиях в отдельных элементах материальной культуры. К тому же обоснование таких различий во многом сомнительно.

Кибитки на повозках, использовавшиеся под жилье, были распространены не только у древних номадов, но и у кочевников средневековья и еще более позднего времени. Они многократно описаны различными писателями и путешественниками [Тизенгаузен, 1884, стр. 281; Путешествия Платона Карпини и Рубрука, 1957, стр. 27—28, 91—92; Книга Марко Поло, 1955, стр. 88; Барбаро и Контарини о России, 1971, стр. 144]. Про чжурчжэней X в. источники сообщают, что они «жили в повозках, запряженных лошадьми» [Воробьев, 1965, стр. 17]. В XV в. Шериф ад-Дин Йезди отмечал: «Жилищем степняков... являются шатры „кутарме", которые делают так, что их не разбирают, и ставят и снимают целиком, а во время передвижений и перекочевков едут, ставя их на телеги» [Тизенгаузен, 1941, стр. 172—173].

Передвижения крымских татар в XIX в. мало чем отличались от скифских. По словам Герберштейна, «странив пастбища в одном месте, они переселяются в другое со стадами, женами и детьми, которых везут с собой на повозках» [Герберштейн, 1908, стр. 144]. У запорожских казаков даже в XVIII в. жилищем на кочевьях и полях служил кош — крытая повозка, генетически, возможно, восходящая к передвижному жилищу кочевников [Шенников, 1971, стр. 85].

Наконец, ногайцы бывшей Таврической губернии употребляли телеги как средство массового передвижения при перекочевках еще в начале XIX в., когда они были сожжены по приказу русской администрации, стремившейся ускорить оседание ногайцев [Иванов П. П., 1958, стр. 43; Шенников, 1973, стр. 52]. Среди их жилищ отмечены как съёмные кибитки, так и кибитки, постоянно укрепленные на повозках, с очагом внутри. У северокавказских ногайцев они дожили до начала XX в. Между тем северопричерноморские ногайцы совершенно не пользовались разборной юртой [Шенников, 1973, стр. 52—54].

В то же время юрта определено была известна уже древним кочевникам. Ее изображение имеется среди росписей одного из керченских склепов [Ростовцев, 1913, стр. 170 и сл., табл. С I]. Остатки нескольких юртообразных жилищ первых веков нашей эры обнаружены в Крыму [Шульц, 1937, стр. 252—254; Шульц, 1941, стр. 273 и сл.; Дашевская, 1967, стр. 69 и сл., рис. 20]. Описание юрты хунну, относящееся к 81 г., свидетельствует о том, что последняя мало чем отличалась от хорошо известной монгольской юрты XIII в. [Таскин, 1968, стр. 27—28].

Не исключено, что жесткое седло и стремяна (или по крайней мере их прототипы) также появились еще в древности, а не в начале средневековья [Скрипкин, 1970, стр. 207, рис. 3; Кызласов, 1973],

Было бы нелепо отрицать, что материальная культура и даже некоторые формы хозяйства евразийских кочевников, как и любых других обществ, с течением времени претерпевали определенные изменения. Однако эти изменения недостаточно велики, чтобы можно было говорить о каких-то качественных различиях. Хозяйственно-культурный тип кочевников евразийских степей по всем своим основным определяющим признакам сформировался не позднее первой половины I тысячелетия до н. э. и просуществовал кое-где вплоть до XX в. Модификации не меняли его сущности, а инновациям подвергались лишь его второстепенные признаки.

В-третьих, надо снова повторить, что историческое развитие кочевников евразийских степей не представляло собой непрерывного поступательного процесса. И в I тысячелетии до н. э., и в I тысячелетии н. э. бок о бок с кочевниками, создавшими свои государственные образования, существовали такие, которые еще не вышли из эпохи классового образования. «Ранние кочевники» — хунну и скифы — опережали в своем развитии «поздних» — печенегов, половцев и многих других. Наконец, сама структура кочевых обществ оставалась однотипной и в древности и в средневековье.

Таким образом, все рассмотренные периодизации истории кочевых обществ евразийских степей представляются не-

удовлетворительными. Очевидно, внутреннее развитие кочевников, будь то в сфере социально-политических отношений, в области экономики или в материальной культуре, не дает для них достаточных оснований и критериев. Поэтому я предложил взять за основу периодизации твердо установленный факт тесной и детерминированной связи, всегда существовавшей между кочевыми и оседло-земледельческими обществами [Хазанов, 1973].

История кочевников евразийских степей — неотъемлемая часть общеисторического процесса. Кочевники не только принимали активное участие в событиях мировой истории; сами эти события оказывали существенное воздействие на все стороны их жизни. Поэтому представляется допустимым разделить их историю на три эпохи — «эпоху древних кочевников», «эпоху средневековых кочевников» и «эпоху кочевников нового времени» — в соответствии с общей периодизацией всемирной истории. Как известно, ведущие социально-экономические тенденции, присущие каждой из этих эпох и определявшиеся способом производства, господствовавшим в наиболее развитых обществах, оказывали определенное воздействие на всю ойкумену.

Изложенный принцип в какой-то мере молчаливо принимался и раньше авторами некоторых из предложенных периодизаций. Иначе непонятно, почему рубежом, отделяющим «ранних кочевников» от «поздних», признается середина I тысячелетия н. э. — время, не отмеченное в степи никакими другими изменениями, кроме этнических. Трудно отделаться от мысли, что над учеными невольно довлел факт отсылки Одоакром именно в это время инсигний императорской власти в Константинополь — событие, положившее конец существованию Западной Римской империи. Для истории евразийских кочевников событие это сколько-нибудь существенного значения не имело. Но зато оно признается в качестве условной даты, знаменующей наступление средневековья.

Однако, подчеркиваю, исторические и этнические (в древности ведущую роль в евразийских степях играли ираноязычные кочевники, в средние века и новое время — тюркоязычные и монголоязычные) различия между эпохами выступают значительно более отчетливо, чем хозяйственно-культурные. Что касается социально-политических различий — а их полностью все же нельзя сбрасывать со счетов, — то они в очень большой мере связаны с воздействием, которое оказывали на кочевников оседло-земледельческие общества Старого Света, и с уровнем развития последних. Надо ли напоминать, что именно на основе этих обществ и была в свое время выработана общепринятая ныне, несмотря на все ее очевидные изъяны, периодизация всемирной истории?

Не следует отрицать определенных различий, существовавших между древними и средневековыми кочевниками, взятыми в целом. Однако эти различия носят не качественный, а количественный характер. К тому же в первую очередь они опять-таки связаны с ролью оседло-земледельческих и городских обществ в социальном развитии номадов. Общий уровень развития земледельческих обществ, с которыми кочевники контактировали, возрос по сравнению с древностью. Это открывало несколько большие возможности и для развития кочевников, особенно для становления и развития их государственности по второму из намеченных нами путей.

Несколько слов об эпохе кочевников нового времени. Она была временем кризиса кочевого хозяйства и базировавшихся на нем обществ. Изменившееся соотношение сил привело к тому, что кочевники все больше вовлекались в сферу влияния своих оседлых соседей, но теперь уже в качестве подчиненной и эксплуатируемой стороны. В результате в их обществе развивались феодальный и капиталистический уклады, своеобразно сочетавшиеся с остатками и пережитками прежних социальных отношений. Следует также отметить, что в средние века территория, занятая кочевниками, максимально расширилась в результате их военного преобладания а в новое время, наоборот, сузилась.

В целом же кочевым обществам присущи застойный и тупиковый характер, обусловленный спецификой экстенсивного скотоводческого хозяйства, отсутствие достаточных возможностей для внутреннего развития, известная обратимость социальных процессов. Одни и те же этносы и этнические группы мы видим то вступившими в эпоху классового образования, то достигшими раннеклассовой ступени развития, то завоевателями земледельческих областей и создателями очередного государственного образования, подчас обширной империи, то после его распада (вновь отброшенными на более низкую ступень развития. На протяжении почти трех тысяч лет в кочевом мире евразийских степей движение по кругу явно превалировало над поступательным развитием, и если последнее все же имело место, то главным образом под влиянием стимулов, исходивших из земледельческих областей. Даже в сфере материальной культуры традиции преобладали над инновациями. Освоение огромных, практически не использовавшихся степных пространств и вовлечение их в сферу производящей экономики древними скотоводами было важным моментом в историческом развитии Евразии. До известного времени кочевое скотоводство являлось наиболее эффективным способом их хозяйственного использования. Но всякая медаль имеет две стороны. Обратная сторона кочевничества как ре-

зультата пассивной адаптации обществ с производящей экономикой в определенных экологических нишах заключается в социальном застое. До сих пор из него известен только один выход — переход к оседлости и комплексному хозяйству, в котором в соответствии с экологией конкретных районов и причинами экономического и политического порядка может преобладать отгонно-пастбищное скотоводство.

Введение

¹ К сожалению, полнота статистических данных в этом вопросе оставляет желать лучшего. Про калмыков см., например: [Костенков, 1870, стр. 125—126; Очиров, 1925, стр. 60—67; Эрдниев, 1964, стр. 21 и сл.]; про тувинцев: [Вайнштейн, 1972, стр. 14 и сл.]; про монголов: [Майский, 1921, стр. 123; Шульженко, 1954, стр. 39 и сл.].

² В последнее время вновь высказывается мнение, что к кочевому скотоводству в евразийских степях могли переходить и охотники, заимствовавшие скот и соответствующие навыки у своих более развитых соседей [Васон, 1954, стр. 51; Вайнштейн, 1973, стр. 4]. Не отрицая в принципе такой возможности, хочу обратить внимание на необходимость более развернутых доказательств этого положения. Впрочем, при всех обстоятельствах подобный путь не был и не мог быть основным.

Глава I

¹ Почти полную сводку материала с переводами и параллельными греческими и латинскими текстами см.: [Латышев, 1900; Латышев, 1906]. Второе издание с комментариями, но без оригинальных текстов см.: [Латышев, 1947—1949]. Общие издания см.: [Müller, 1841—1870; Jacoby, 1923—1930].

² Об этом, впрочем, писал и М. И. Ростовцев [Ростовцев, 1925, стр. 19].

³ Литература о логографах огромна. Лучшая работа: [Pearson, 1939].

⁴ Сводку китайского материала о древних и отчасти средневековых кочевниках Центральной и Средней Азии см.: [Бичурин, 1950; Бичурин, 1953; Кюннер, 1961]; новейшие комментированные переводы см.: [Таскин, 1968а; Таскин, 1973].

⁵ Посмертная монография М. И. Артамонова «Киммерийцы и скифы (от появления их на исторической арене до конца IV в. до н. э.)» (Л, 1974) вышла в свет уже после того, как моя книга была сдана в набор. Поэтому я лишен возможности дать ее развернутую оценку. К тому же взгляды автора на общественный строй скифов не претерпели существенных изменений по сравнению с его последними работами. Примечательно, что М. И. Артамонов тоже пришел к мысли о вхождении лесостепи в Скифское царство. Однако я никак не могу согласиться с его новой этнической картой Скифии.

⁶ В своей последней работе (Класи і класові відносини у Скіфії,—Археолгія, № 15, 1975) А. И. Тереножкин в третий раз за последние годы изменил свои взгляды. Теперь общественный строй скифов представляется исследователю не рабовладельческим и не патриархально-феодальным, а раннеклассовым с ведущей ролью рабовладения. А. И. Тереножкин неоднократно отмечает, что расходится со мною в трактовке некоторых источников. Я не имею уже возможности вступить в специальную полемику соим уважаемым оппонентом в данной работе, но аргументацию моих взглядов на рабовладение у скифов читатель найдет далее в тексте (см.

стр. 133 и сл.). В то же время не могу не отметить с удовлетворением, что А. И. Тереножкин признает теперь важную роль данничества и эксплуатации рядовых общинников в скифском обществе, хотя он напрасно вслед за Б. Н. Граковым сближает эти виды эксплуатации с рабством.

Глава II

¹ О переводе этого слова см. стр. 277, прим. 17.

² И в эллинской версии легенды Геродота (IV, 9), и в той, которая передана Диодором (II, 43, 3), на этот счет недомолвок нет.

³ В эллинской версии (H e r., IV, 10) и этот момент не обойден. В ней змееногая богиня играет роль своего рода регентши до возмужания ее сыновей и испытания их.

⁴ Для сравнения напомним, что в эллинской версии (H e r., IV, 10) старшие братья, вынужденные уступить Скифу владение страной, удаляются из нее.

⁵ Ж. Дюмезиль [Dumézil, 1962, стр. 187, прим. 1] отмечает, что трактовка священных даров как символов социального членения скифского общества принята сейчас всеми исследователями, кроме некоторых советских.

⁶ В. Бранденштайн [Brandenstein, 1953, стр. 184] и разделяющий его мнение Г. Коте [Kothe, 1967, стр. 62] полагают, что если точно следовать тексту Геродота, то надо переводить «плуг с ярмом», а не «плуг и ярмо», как обычно переводят это место, поскольку в греческом тексте «ярмо» и «плуг» связаны через τε .su, в то время как остальные дары лишь через χαί.

⁷ Их приводили и другие авторы. См., например: [Bonnel, 1882, стр. 177; Миллер, 1887, стр. 127; Толстов, 1948, стр. 295].

⁸ Эту аналогию приводил уже Э. Боннель [Bonnel, 1882, стр. 178].

⁹ Ж. Дюмезиль переводит «iugum boum» как «ярмо для плуга».

¹⁰ Таково мнение М. Ф. Болтенко [Болтенко, 1960, стр. 41], В. Бранденштайна [Brandenstein, 1953, стр. 190 и сл.] и Г. Коте [Kothe, 1967, стр. 64—65]. Оба последних автора относят всю рассматриваемую версию к бронзовому веку, с чем нельзя согласиться. По их мнению, плуг символизирует земледельцев трипольской культуры, секира—пастухов-воинов катакомбной культуры (или заключительной стадии Триполья), чаша — завоевателей, царских скифов (или «царское» племя срубной культуры). Едва ли надо напоминать, что хронология смены археологических культур в Северном Причерноморье ни в коей мере не подтверждает возможности подобной трактовки мифа, которая и независимо от нее выглядит крайне произвольной.

¹¹ Это обстоятельство уже отмечалось — см.: [Петров, Макаревич, 1963, стр. 22].

¹² Отмечено во многих его работах. См., например: [Dumézil, 1962, стр. 188].

¹³ Такого же мнения придерживались М. И. Артамонов [Артамонов, 1949, стр. 166—170; Артамонов, 1972, стр. 64] и М. Ф. Болтенко [Болтенко, 1960, стр. 47 и сл.], а еще раньше А. И. Соболевский [Соболевский, 1923, стр. 6]. Однако, по их мнению, как и в эллинской версии, речь здесь идет о происхождении соседних (по существу, даже не всегда соседних) со

скифами народов. Подобные взгляды основаны лишь на крайне сомнительных этимологических сопоставлениях и противоречат прямому свидетельству Геродота [ср.: Kothe, 1968, стр. 101]. В XIX в. этнического понимания γένη придерживались В. Томашек [Tomaschek, 1888, стр. 72], отождествлявший со скифами-пахарями катиаров и траспиев, и Куно [Cuno, 1871, стр. 82] и А. Гутшмид [Gutschmid, 1892, стр. 429], возводившие скифов-пахарей к авхатам.

¹⁴ В подтверждение своих взглядов Э. А. Грантовский приводит данные Валерия Флакка. Однако, как показал Ж. Дюмезиль [Dumézil, 1962, стр. 191—194], а до него М. И. Ростовцев и др. [Ростовцев, 1925, стр. 57—

62], в произведении Флакка реальные этнографические черты переплетаются с поэтической фантазией. К тому же в интересующем нас месте его источники неоригинальны и в конечном счете восходят к тому же Геродоту.

¹⁵ Такие же значительные различия наблюдаются в работах всех ученых, пытавшихся истолковать имена трех братьев и их отца Таргитая. Споры ведутся даже о том, можно ли их вообще считать иранскими, не говоря уже об их этимологии [Müllenhof, 1867, стр. 562; Миллер, 1887, стр. 126; Соболевский, 1923, стр. 33; Абаев, 1949, стр. 242—243; Brandenstein, 1953, стр. 196 и сл.; Граков и Мелюкова, 1954, стр. 40; Болтенко, 1960, стр. 40; Kothe, 1967, стр. 63, и др.].

¹⁶ В конечном счете и В. Бранденштайн и Г. Коте также придерживаются социально-этнического понимания легенды, однако, как уже упоминалось, их исходные посылки во многом кажутся неприемлемыми [ср.: Brandenstein, 1953; Kothe, 1967].

¹⁷ Ф. Г. Мищенко [Геродот, 1888, стр. 306] и Е. К. Бессмертный [Латышев, 1947, № 2, стр. 258—259] переводили в данном случае γένος как «род», Г. А. Стратановский [Геродот, 1972, стр. 188] — как «племя». При этом Ф. Г. Мищенко [Мищенко, 1886] настаивал на том, что легенда о происхождении скифов относится только к скифам царским, а авхаты, катиары, траспии и паралаты являются родами этого племени. Правомерность такого предположения вызывает сомнения, несколько же родов на весь скифский этнос явно мало. Показательно, что такой тонкий знаток древнегреческого языка, как Б. Н. Граков, колебался, переводя γένος то как «роды», то как «племена или племенные группы» [ср.: Граков, 1950а, стр. 9; Граков, 1971, стр. 21; Граков и Мелюкова, 1954, стр. 42].

¹⁸ Колаксия знает уже Алкман, источником которого, очевидно, была «Аримаспея» Аристея Проконесского. Дж. Болтон полагает, что в этой поэме упоминался не только Колаксай, но и разделение Скифии между его сыновьями [Bolton, 1962, стр. 43—44, 178, 180; см. также: Devereux, 1965, стр. 183; West, 1965, стр. 192—193].

¹⁹ Э. А. Грантовский [Грантовский, 1960, стр. 4] оспаривает правильность переводов того места у Геродота, где говорится, что от Колаксия произошли скифы, называемые царскими (другой вариант перевода: от Колаксия произошли царские скифы, называемые паралатами). Он указывает, что такие переводы основаны на исправлениях, внесенных в текст в XIX в. [на самом деле еще раньше — см.: Kothe, 1967, стр. 71]: вместо τούς βασιλέας стали читать τούς βασιλήϊους или του Βασιλέος. Исследователь предлагает переводить непосредственно по тексту: от Колаксия произошли «цари, называемые паралатами». Но и в этом случае трудно принять отстаиваемое им чисто социальное понимание паралатов, так как тогда в троичной социальной системе скифов не остается места для аристократии. Не случайно сам Э. А. Грантовский считает паралатов кастой «военной аристократии и царей». В то же время в допущении того, что герой-родоначальник всего племени одновременно являлся легендарным, основателем его царской династии, нет ничего невероятного. В иранском эпосе первый человек Гайомард выступает и как первый царь. В связи с этим можно упомянуть, что многие исследователи возводят самоназвание скифов — «сколоты» — к имени все того же Колаксия. Наконец, при всех обстоятельствах царская династия у скифов происходила именно из среды скифов царских.

²⁰ Такого же мнения придерживались и многие другие исследователи [см., например: Самоквасов, 1884, стр. 17; Артамонов, 1949, стр. 169; Петров, 1963, стр. 22; Ельницкий, 1970, стр. 66]. Противоположное мнение см.: [Minns, 1913, стр. 44].

²¹ В. Бранденштайн [Brandenstein, 1953, стр. 185] полагает, что в соответствующем месте «Истории» Геродота катиары отождествляются с траспиями. «Οι κατίαιοί τε τ,αί τράσπιδες» (как и в случае с плугом и ярмом, опять τε τ,αί, а не просто *чмл.* — *А. Х.*) он переводит как «катиары, они же траспии» или «катиары, одновременно траспии».

²² Н. Г. Елагина [Елагина, 1963, стр. 80] также полагает, что «реальное соотношение этих первоначальных групп было, конечно, нарушено».

²³ В таком случае вторая часть имен Липоксая и Арпоксая, содержащая иранское хсауа — «царь», «властитель», может отражать более древний пласт легенды или же титул, обозначающий принадлежность к царскому роду.

Глава III

¹ Ввиду отсутствия в этнографической литературе общепринятой терминологии для обозначения различных типов и вариантов семьи я считаю необходимым оговорить употребляемые в работе термины. *Малая нуклеарная семья* — семья, состоящая из родителей и их малолетних детей. *Малая полигиническая семья* — семья, состоящая из мужа с несколькими женами и их малолетних детей. *Малая обособленная семья* — семья, состоящая из родителей и их малолетних детей, входящая как составная часть в расширенную семью. *Расширенная семья* — любая семья, отличающаяся по своему составу от малой нуклеарной, при условии что число взрослых мужчин в ней будет больше, чем в последней. *Ограниченно-расширенная семья* — семья, состоящая из родителей, их малолетних детей и одного из женатых сыновей с женой (или одной из замужних дочерей с мужем) и детьми. *Неразделенная расширенная семья* — семья, состоящая из родителей и их женатых сыновей (или замужних дочерей) с малолетним потомством. *Большая расширенная семья* — семья, состоящая из нескольких поколений родственников по нисходящей и боковым линиям, ведущих свое происхождение от одного мужского или женского предка, а также из их жен или мужей и детей.

² В данной связи рассматриваются только памятники степной Скифии. Этническая принадлежность населения лесостепной полосы окончательно еще не установлена. Кроме того, в отличие от степняков оно жило оседло.

³ Последнюю сводку см.: [Ильинская, 1968, стр. 174—175]. Сейчас их известно несколько больше, но не намного.

⁴ Например, в кургане № 24 могильника у с. Кут было обнаружено три погребения: одно — раннескифского времени, два других — IV—III вв. до н. э. [Березовец, 1960, стр. 71—72]. В кургане № 22 того же могильника [там же, стр. 67—69], в кургане № 19/1 группы II Никопольского могильника, в кургане № 15 группы II могильника у с. Любимовка [Архив ИА АН УССР, инв. № 1968/15], в кургане № 12 могильника Красный Перекоп-4 [там же, инв. № 1969/22], в кургане № 8 могильника Красный Перекоп Р-1/III; [там же, инв. № 1970/36] при сооружении более поздних погребений некоторые ранние оказались разрушенными.

⁵ Могильник Солоха, II подгруппа, курган № 10/31/1 [Архив ИА АН УССР, инв. № 1962/44]; с. Беленькое, группа Толстая могила, курган № 5 [Тереножкин, Ильинская, Черненко, Лозолевский, 1973, стр. 181]; могильник Гайманова могила, курганы № 5, 7, 10, 11, 12, 34 [Архив ИА АН УССР, инв. № 1968/16]; могильник Красный Перекоп Р-1/III, курганы № 3, 7, 8, 44 [там же, инв. № 1970/36]; Никопольский могильник, группа II, курган № 4/1/2 [Граков, 1962, стр. 61]; могильник у с. Кирово, курган № 1 [Черненко, 1967, стр. 189].

⁶ Могильник Широкое-II, курган № 57 [Архив ИА АН УССР, инв. № 1970/46]; могильник Красный Перекоп-4, курган № 23 [там же, инв. № 1970/36]; могильник Красный Перекоп Р-1/III, курган № 25 [там же]; Любимовский могильник, группа II, курган № 46 [там же, инв. № 1968/15]; Кутский могильник, курган № 9/1 [Березовец, 1960, стр. 58—59].

⁷ Из подсчетов исключались погребения, между которыми существовал значительный хронологический разрыв. Но некоторые из оставшихся также могли принадлежать различным семейно-родственным и другим группам. Поэтому, чтобы уменьшить возможную ошибку, из подсчетов исключались также погребения, значительно отличавшиеся друг от друга

конструкцией погребальных сооружений или же погребальным обрядом, хотя подобные различия могли существовать и внутри семейно-родственных групп.

⁸ В данном случае можно привести аналогию с грунтовыми погребениями Николаевского могильника, где было обнаружено сравнительно небольшое количество могил с последовательными захоронениями. По мнению А. И. Мелюковой [Мелюкова, 1976], подобные могилы не были усыпальницами всей семьи, а использовались для погребения лишь какой-то ее части, в то время как остальные члены семьи были похоронены в индивидуальных могилах.

⁹ Косвенно это подтверждается тем, что на Николаевском поселении открыты большие жилища, достаточно вместительные для подобных семей,— см. об этом стр. 70.

¹⁰ Сам Д. С. Раевский [Раевский, 1971, стр. 65, прим. 29] отмечает, что «особенности грунта некрополя вызвали частые обвалы могил, которые в таких условиях не всегда могли служить усыпальницей даже для, всей малой семьи».

¹² Обычай хоронить детей отдельно, иногда даже прямо на поселении, прослеживается в Скифии почти повсеместно начиная с IV в. до н. э. [см.: Граков, 1954, стр. 56; Синицин, 1959а, стр. 48—49; Сымонович, 1971, стр. 69; Вязьмитина, 1972, стр. 101; Мелюкова, 1976]. Этнографии так же хорошо известно, что во многих обществах умерших детей хоронили по-иному, чем взрослых [см.: Hertz, 1960, стр. 92 и сл.].

¹² Д. С. Раевский допускает такую возможность, но в конкретном анализе материала он исходит только из представления о «неразделенной семье», ограниченной двумя поколениями брачных пар [Раевский Д. С, 1971, ср. различные высказывания на стр. 63].

¹³ Анализ инвентаря и датировка курганов даны Т. Н. Троицком [Троицкая, 1954, стр. 146].

¹⁴ Более подробную критику этого мнения см.: [Хазанов, 1960, стр. 33—34].

¹⁵ Так как мои подсчеты почему-то расходятся с подсчетами М. И. Вязьмитиной, хотя и незначительно [ср.: Вязьмитина, 1972, стр. 101], считаю нужным оговорить, что я руководствовался антропологическими, определениями, приведенными в том разделе указанной работы, который, посвящен публикации памятника.

¹⁶ Такое предположение подтверждается также большими размерами жилых комплексов на поселении Золотая балка — см. стр. 71.

¹⁷ Любезные сообщения Н. Л. Жуковской и С. И. Вайнштейна.

¹⁸ Непонятно, почему Д. Б. Шелов [Шелов, 1972, стр. 70] считает эти сооружения производственными постройками. Некоторые из них имеют все признаки жилых.

¹⁹ Пользуюсь случаем выразить благодарность А. Н. Щеглову за информацию о крымских жилищах скифского времени.

²⁰ Ученый неоднократно отмечает наличие у средневековых кочевников малых ядерных семей (conjugal family) и даже описывает их функции, но воспринимает их как малые обособленные, входящие в состав расширенных семей (extended family). По существу, он смешивает два разных, уровня организации — семью и семейно-родственную группу.

²¹ См. об этом стр. 95 и сл.

²² Любезное сообщение Б. Х. Кармышевой.

²³ К сожалению, из публикации не ясно, какие факты дают основание полагать, что в данном случае мы имеем дело именно с насильственной смертью.

²⁴ Ср., например, индийскую практику, давшую название обычаю, или яркое описание Ибн-Фадланом добровольной смерти наложницы, вызвавшей ее сопровождать на тот свет своего господина — богатого руса [Ковалевский А. П., 1956, стр. 143].

²⁵ В качестве нормы это верно. Однако и здесь имеются исключения. Персидский сатрап Сизимитр прижил двух детей от родной матери (Curt., VIII, 2, 19).

²⁶ «После смерти отца берут в жены мачех, после смерти старшего или младшего брата женятся на их женах» [Таскин, 1968а, стр. 35, см. также стр. 46]. Модэ (Маодунь)-шаньюй после убийства отца «женится на матерях» [там же, стр. 71]. В. С. Таскин полагает, что обычай жениться на мачехе означает сохранение у хунну пережитков матриархата [там же, стр. 117]. Не вижу никаких оснований для такого предположения.

²⁷ «В обычай введено жениться на мачехах, брать жен после братьев; по смерти мужа они возвращаются в дом прежних мужей» [Бичурин, 1950, т. I, стр. 143]. «Когда отец и старший брат умирают, женятся на мачехе, содержат жену старшего брата. Если кто не содержит жены старшего брата, то, отстранив его сына, чтобы [сохранить ее в] роду, выдают замуж за дядю по отцу; когда тот умирает, то она возвращается [в дом] покойного мужа» [Кюнер, 1961, стр. 135].

²⁸ «Когда отец и старший брат умирают, то женятся на мачехе и же не старшего брата» [там же, стр. 163].

²⁹ «По смерти отца, старших братьев и дядей по отцу женятся на мачехах, невестках и тетках» [Бичурин, 1950, т. I, стр. 230, см. также стр. 247, 279].

³⁰ «Когда умирает отец, то женятся на своей матери, после смерти старшего брата женятся на невестках, а когда умирает дядя, то племянники поступают таким же образом» [Кычанов, 1966, стр. 201; см. также: Воробьев, 1968, стр. 44—45].

³¹ «На женах отца после его смерти они могут жениться. А на жене брата другой брат, младший, после смерти первого или иной младший из родства обязан даже жениться... По смерти мужей жены не легко вступают во второй брак, разве только кто пожелает взять в жены свою мачеху» [Путешествия Плано Карпини и Рубрука, 1957, стр. 27]. «О вдове они верят, что она всегда вернется после смерти к первому мужу. От этого среди них случается позорный обычай, именно, что сын берет иногда всех жен своего отца, за исключением матери» [там же, стр. 101]. «Умрет отец, старший сын женится на отцовской жене, коли она ему не мать; по смерти брата на его жене» [Книга Марко Поло, 1955, стр. 88; см. также: Козин, 1941, стр. 80, § 18].

³² В кургане № 14/2 могильника Красный Перекоп-4 [Архив ИА АН УССР, инв. № 1969/22], в кургане № 48/2 могильника Широкое II [там же, инв. № 1969/24] и в кургане № 13/1 курганной группы близ Богдановской обогатительной фабрики в г. Орджоникидзе [там же, инв. № 1964/7] вооруженные женщины погребены вместе с малолетними детьми. В кургане № 4 группы Три кургана могильника у с. Беленькое [там же, инв. № 1966/18] и в кургане № 3 Кичкасского могильника [Рудинский, 1929, стр. 52—54] оружие обнаружено в погребениях женщин 30—40-летнего возраста.

³³ Нередко у кочевников обе эти формы собственности сосуществовали и переплетались [см.: Абрамзон, 1973].

³⁴ Пользуюсь случаем выразить свою благодарность А. И. Карагодину, ознакомившему меня с этим материалом.

³⁵ Правда, в другом месте своей работы (стр. 145—146) Е. М. Мелетинский несколько непоследовательно относит скифскую этногоническую легенду к числу тех произведений, в которых тема младшего брата могла возникнуть в качестве отражения реального минората.

Глава IV

¹ Существует мнение, что семью нельзя включать в общественную структуру, так как она не принадлежит к числу устойчивых групп [Evans-Pritchard, 1940, стр. 262]. Но социальные функции семьи наряду со многи-

ми другими бесспорны. Неустойчивость же ее компенсируется способностью к регенерации, самовоспроизведению в однотипных формах.

² С. А. Семенов-Зусер [Семенов-Зусер, 1931, стр. 15] также предполагал, что за упомянутыми Геродотом конфликтами стоит кровная месть.

³ Каким был род у скифов, неизвестно. Но в Иране сильная тенденция к эндогамии прослеживается уже с авестийских времен.

⁴ Подробнее об этом см.: [Хазанов, 1972а].

⁵ Ср. слова Токсариса (Тох., 1) о том, что скифы приносят жертвы Оресту и Пиладу, но считают их не богами, а просто хорошими людьми.

⁶ Известно, что главные сюжеты греческих трагедии почерпнуты из сказаний троянского цикла [см.: Тренчени-Вальдапфель, 1959, стр. 348].

⁷ См., например, описание дружин древних германцев у Тацита (Germ., XIII—XIV).

⁸ Приведенное выше замечание Овидия в данном случае в счет не идет. Греки тоже почитали Ореста и Пилада долгое время после того, как само побратимство стало для них уже пройденным этапом.

⁹ Ср. сходный обычай у хунну [Гаскин, 1968а, стр. 41].

¹⁰ Страбон (XII, 3, 12) засвидетельствовал, что помимо Геродота каллипидов и алазонов упоминали также Гелланик и Евдокс.

¹² Конечно, царские скифы могли быть союзом или объединением нескольких племен. Но по отношению к остальным скифам они всегда выступали как единое целое.

¹² Например, скифы-земледельцы занимали территорию, простиравшуюся на 11 дней пути вверх вдоль Днепра и на 3 дня — к востоку от него (Her., IV, 18). По Геродоту (IV, 101), дневной путь равнялся 200 стадиям, т. е. приблизительно 35 км. Следовательно, территория, занятая скифами-земледельцами, составляла многие тысячи квадратных километров.

¹³ Ср. территорию, которую отводят скифам-пахарям и скифам-земледельцам Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова [Граков и Мелюкова, 1954, стр. 50] или И. В. Яценко [Яценко, 1959, стр. 97—100], с одной стороны, и В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин [Археологія Української РСР, 1971, т. II, стр. 33—35] — с другой.

¹⁴ Здесь и далее термин «культура» по отношению к ним употребляется чисто условно, за неимением лучшего.

¹⁵ Исключение составляет поворсклинский вариант лесостепного Левобережья, в культурном и генетическом отношении примыкающий к культуре Правобережья. Это связано с переселением в конце VIII — начале VII в. до н. э. какой-то части носителей чернолесской культуры с Правобережья на Среднюю Ворсклу [см.: Ковпаненко, 1967].

¹⁶ Когда Геродот (I, 125) перечисляет персидские племена времен Кира II, он также употребляет слово γένη.

¹⁷ Термин «племя» применительно к ним употребляется условно, так как на самом деле они могли быть не племенами, а племенными группировками или объединениями.

¹⁸ В своей последней работе М. И. Артамонов предположил, что переделам подвергалась лишь возделанная земля [Артамонов, 1972]. Тогда тем более непонятно, как могла одна семья, пусть знатная и богатая, управиться с участком, по размерам сравнимым с римскими латифундиями, участком, который она получала, по мнению ученого, всего на один год и, следовательно, не могла приспособить к долговременному использованию.

Глава V

¹ Впрочем, и в наши дни некоторые исследователи воспринимают утверждение Геродота об ослеплении всех рабов буквально [см.: Каллистов, 1968, стр. 197; Артамонов, 1972, стр. 63].

² Например, покупное рабство было известно у алеутов [Вениаминов,

1840, стр. 165], индейцев Северной и Южной Америки [Аверкиева, 1941; Steward, Faron, 1959, стр. 243—244], в Меланезии [Народы Австралии и Океании, 1956, стр. 444] и т. д.

³ Например, в кургане № 25/3 группы II Никопольского могильника в скорченном положении, но по скифскому обряду, головой на запад, был погребен покойник, рядом с которым находилась заупокойная пища и около 20 наконечников стрел [Граков, 1962, стр. 69]. В кургане № 68/2 могильника Широкое II погребены три ребенка по одному обряду, но два вытянуто, а один скорченно [Архив ИА АН УССР, инв. № 1970/46].

⁴ Тесные контакты с кочевниками при прочих благоприятных условиях иногда даже способствовали распространению рабства у оседло-земледельческих народов, например в Китае в эпоху северных династий [Wang Yi-t'ung, 1953, стр. 293 и сл.] или в Передней Азии после завоеваний арабов, сельджуков и монголов [Петрушевский, 1960; Петрушевский, 1971].

⁵ Известно, что у тоба рабов иногда освобождали и делали воинами [Бичурин, 1950, т. I, стр. 184]. У европейских гуннов рабы, как уже отмечалось, иногда также привлекались к участию в войнах.

⁶ О дани, которую Боспорское царство выплачивало скифам, см.: [Reinach, 1890, стр. 65; Гайдукевич, 1949, стр. 72; Соломоник, 1952, стр. 113—114; иное мнение см.: Блаватская, 1959, стр. 142, 150—152; Блаватский, 1964, стр. 127].

⁷ Лимиганты делились на амиценсов и пиценсов (A m m. Marc, XVII, 13, 19).

⁸ Термин «жречество» употребляется здесь в широком смысле — для обозначения не только особой общественной группы, сосредоточившей в своих руках монопольное управление культа, но и всех профессиональных и полупрофессиональных специалистов по сверхъестественному — колдунов, шаманов, гадателей и т. п.

⁹ Сыном Гнура Анахарсис назван также у D i o g. L a e g t, I, 8, 101 и в Schol. Plat Rep., X, 600A. По Лукиану (Scyth., 4), Анахарсис был сыном Давкета.

¹⁰ Ср. известие Геродота (IV, 67) о том, что гадатели иногда оправдывали обвиняемых в клятвопреступлении.

¹¹ Принимаю толкование Г. Штейна и В. В. Латышева [Stein, 1901; Латышев, 1887, стр. 41, прим. 8].

¹² У древних персов царский род также происходил из среды наиболее «аристократического», господствующего племени (Her., I, 125).

¹³ О последовательности правления скифских царей VII—V вв. до н. э. см.: [Граков, 1968, стр. 102].

¹⁴ Классическим примером подобной структуры в этнографии считается «коницкий клан», в котором стратификация, по крайней мере в теории, основывается на строгом проведении принципа генеалогического старшинства [см., например: Sahlins, 1958, стр. 132—142 и др.].

¹⁵ Богатые скифские курганы более раннего времени в степи насчитываются единицами. Этническая принадлежность очень богатых прикубанских курганов VI—V вв. до н. э. вызывает споры.

¹⁶ За исключением Каменского городища. Но само появление там ремесленников связано отчасти с седентаризационным процессом, отчасти с политическими факторами.

Глава VI

¹ Однако не исключено, что Гекатой тоже пользовался сведениями Аристея [см.: Nag-matta, 1941, стр. 57].

² Любопытно, что почти тем же самым был порядок завоевания различных областей и во время гуннского вторжения в Восточную Европу: сперва продвижение из Азии и завоевание Приазовья, затем захват территории до Днестра и проникновение далее на запад до Дуная, затем

походы в Переднюю Азию и, наконец, завоевание земель между Дунаем и Тиссой [Бернштам, 1951, стр. 150; Заецкая, 1971, стр. 5—6].

³ Авхетов упоминает также Солин (Col. her. mem., XIV, 1), автор первой половины III в. н. э., но он просто компилирует данные Плиния (ср.: P lin., NH, IV, 88).

⁴ Оставляю открытым вопрос о возможности отождествления авхетов и палеев (= палам Диодора).

⁵ И. М. Дьяконов [Дьяконов И. М., 1956, стр. 264—265] полагает, что под именем киммерийцев в данном случае выступают скифы, но допускает и иную возможность: что имеются в виду действительные киммерийцы, а письмо содержит намек на переданную впоследствии Геродотом легенду об их бегстве от скифов.

⁶ Пользуюсь случаем выразить свою признательность А. М. Лескову, ознакомившему меня с рукописью своей работы.

⁷ Нижняя дата памятников типа Новочеркасского клада основывается на находке в кургане у с. Носачево бронзовых украшений от конской сбруи, аналогичных изображенным на рельефах Саргона II и Ашшурбанипала :[см.: Ковпаненко, 1966, стр. 174 и сл.].

⁸ Особенно, если правы те, кто полагает, что под Араксом Геродот имел в виду Волгу [Ebert, 1921, стр. 82; Bolton, 1962, стр. 59; Граков, 1971, стр. 26], а скифы были такими же носителями срубной культуры, как и киммерийцы; но даже и в том случае, если скифы первоначально обитали в более глубинных районах Азии. К тому же, где бы ни локализовать прародину скифов, нет ничего невероятного в возможности заимствования ими многих элементов культуры, характерной для населения Северного Причерноморья.

⁹ Я намеренно избегаю применительно к скифам чрезвычайно распространенного в литературе термина «военная демократия». Для характеристики скифского общества как военно-демократического, имея в виду конкретные особенности общественной структуры, никаких данных нет. Рассматривать же «военную демократию» как стадийное понятие нельзя, так как она не универсальна [см.: Хазанов, 1968]. В полемике со мной С. М. Абрамзон [Абрамзон, 1970] отстаивает универсальность стадии «военной демократии» у кочевников. Однако он не смог привести ни одно го конкретного примера, ограничившись общими рассуждениями о том что должно было быть, а чего быть не могло.

¹⁰ Иногда предлагаются значительно более ранние даты [см., например: Sulimirski, 1954, стр. 283, 294; Руденко, 1961, стр. 7; Ghirshman, 1964, стр. 26—29 и др.]. Однако строго они не обоснованы. Критику мнения» раннем появлении скифов в Передней Азии см.: [Грантовский, 1970, стр. 370—372].

¹¹ Однако он допускает, что на территории Азербайджана скифы «имели какую-то опорную базу, где после очередного похода они приводили в порядок свое войско и готовились к следующим набегам», и даже «что скифы имели здесь гарнизоны для охраны военной добычи и дани» [Халилов, 1971, стр. 187]. В. Б. Виноградов [Виноградов, 1964, стр. 23, 27] также полагает, что скифы закрепились на равнинах куро-аракского междуречья. Трудно представить, как все это можно было осуществить, не обладая политическим господством.

¹² В. Б. Виноградов считает даже бесспорным, что Мадий со своим войском прибыл в Переднюю Азию для оказания помощи Ассирии во исполнение договора о союзе, заключенного его отцом, Партатуа, царство которого находилось в западной части Северного Причерноморья. В таком случае надо предполагать наличие регулярных дипломатических отношений между Ассирией и скифским объединением в Северном Причерноморье, что, учитывая отделявшее их расстояние, весьма сомнительно.

¹³ Надо, однако, отметить, что самому Ксенофону в «Киропедии» (I, 1, 4) принадлежат и иные слова: «Скиф, хотя скифов очень много, не мог бы подчинить себе никакого другого племени, но довольствовался, если бы правил только своим племенем».

¹⁴ Приазовские лиманы и болота, заросшие камышом, еще в XIX в. привлекали калмыков в качестве зимников [см.: Дуброва, 1898, стр. 187].

¹⁵ Кстати, наличие совета старейшин (знати) и даже народного собрания в виде сходки воинов вполне совместимо у кочевников (и не только у них) с наличием государства. Можно сослаться на пример огузов, монголов, кочевых узбеков и т. д.

¹⁶ Неопределенное «скифы» (Σχόθαι) Геродот неоднократно употребляет и в других частях своей «Истории» (см., например, IV, 1—5, 7, 8 и т. д.).

¹⁷ Пользуюсь случаем поблагодарить И. С. Каменецкого, ознакомившего меня со своей неопубликованной работой.

¹⁸ Д. П. Каллистов это отрицает на том основании, что Страбон добавил к своему утверждению слово σοεῖ — «кажется» [Каллистов, 1968, стр. 127; Каллистов, 1969, стр. 204 и сл.]. Но одного этого слова, делающего честь добросовестному отношению Страбона к своим источникам, недостаточно, чтобы полностью отрицать само известие.

¹⁹ Пользуюсь случаем поблагодарить И. Б. Брашинского за любезное сообщение об уточненных датировках некоторых курганов.

²⁰ В этой связи показательно, что Правобережная Украина в отличие от Левобережной оказывается свободной от иранских следов в гидронимии [см.: Трубочев, 1968, стр. 276, 288].

²¹ События эти датируют по-разному: одни — IV в. до н. э. [Блаватская, 1952, стр. 81; Граков, 1954, стр. 20; Шелов, 1971, стр. 58], другие — концом III или началом II в. до н. э. [Карышковецкий, 1971, стр. 49].

²² К тому же в данной связи нельзя не отметить мнения В. В. Бартольда [Бартольд, 1963а, стр. 29], сравнивавшего пастбища гуньмо Цылими с куруками — запретными пастбищами у тюрков и монголов [Наршахи, 1897, стр. 40], своего рода общественным фондом на случай войн и стихийных бедствий.

²³ Сведения о большом количестве скота, находившемся в собственности кочевой аристократии, имеются с глубокой древности. Усуньские богачи имели от 4 тыс. до 5 тыс. голов лошадей [Бичурин, 1950, т. II, стр. 190]. Жуаньжуаньский правитель только в награду подарил одному человеку 3 тыс. быков, лошадей и овец [там же, т. I, стр. 197]. Ибн-Фадлан утверждает, что «видел среди гуззов таких, которые владели десятью тысячами лошадей и ста тысячами голов овец» [Ковалевский А. П., 1956, стр. 130]. По свидетельству Ибн-Батуты, в Золотой Орде были лица, владевшие 10 тыс. лошадей и больше [Тизенгаузен, 1884, стр. 286]. Среди казахов встречались владельцы 5 тыс. и более лошадей и соответствующего числа другого скота [Георги, 1799, стр. 126].

Заключение

¹ Таково мнение М. П. Грязнова и С. С. Черникова. К. Ф. Смирнов придерживается диаметрально противоположного мнения. В обоих случаях локально-историческая специфика принята за стадиальную.

БИБЛИОГРАФИЯ

Произведения основоположников марксизма-ленинизма

- Маркс К., Из рукописного наследства К. Маркса,—К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12.
Маркс К., наброски ответа на письмо В. И. Засулич,—К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 19.
Маркс К., Капитал, т. III,—К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 25, ч. 2.
Энгельс Ф., Анти-Дюринг,—К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 20.
Энгельс Ф. Письмо К. Марксу,—К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 35.

Литература

- Абаев В. И., 1949, Осетинский язык и фольклор, т. I, М.
Абаев В. И., 1965, Скифо-европейские изоглоссы, М.
Абаев В. И., 1971, О некоторых лингвистических аспектах скифо-сар-матской проблемы,—МИА, № 177, М.
Абаев В. И., 1972, К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов,—«Древний Восток и античный мир», М.
Абрамзон С. М., 1951, Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии,—ТИЭ, н. сер., т. XIX, М.
Абрамзон С. М., 1961, О некоторых типах погребальных сооружений у киргизов,—КСИА, вып. 86, М.
Абрамзон С. М., 1968, О пережитках ранних форм брака у киргизов (К вопросу о генезисе институтов левирата и суррата),—«История, археология и этнография Средней Азии», М.
Абрамзон С. М., 1970, Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ,—СЭ, № 6.
Абрамзон С. М., 1971, Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, Л.
Абрамзон С. М., 1973, Категории семейно-групповой, семейной и индивидуальной собственности у кочевников (казахи, киргизы, алтайцы, тувинцы, монголы),—«IX МКАЭН. Доклады советской делегации», М.
Аверкиева Ю. П., 1941, Рабство у индейцев Северной Америки, М.
Агаджанов С. Г., 1969, Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., Ашхабад.
Агаджанов С. Г., 1973, Сельджукиды и Туркмения в XI—XII вв., Ашхабад.
Акишев К. А., 1969, Зимовки-поселения и жилища древних усуней,—«Известия АН КазССР», сер. обществ, наук, № 1.
Акишев К. А., 1970, О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья,—«По следам древних культур Казахстана», Алма-Ата.

- Акишев К. А., 1972, К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана, — «Поиски и раскопки в Казахстане», Алма-Ата.
- Акишев К. А., Кушаев Г. А., 1963, Древняя культура саков и усуней реки Или, Алма-Ата.
- Алиев И., 1960, История Мидии, Баку.
- Амброз А. К., 1971, Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы, — СА, № 2.
- Андреев Н. П., 1929, Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, Л.
- Андрианов Б. В., Мурзаев Э. М., 1964, Некоторые проблемы этнографии аридной зоны, — СЭ, № 4.
- Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н., 1972, Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования, — СЭ, № 2.
- Аннинский С. А., 1940, Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе, — «Исторический архив», вып. III, М.-Л.
- Анохин В. А., 1965, Монеты скифского царя Атея, — НС, вып. II, Киев.
- Анохин В. А., 1973, Монеты Атея, — Скифские древности, Киев.
- Анфимов Н. В., 1949, К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху, — СА, вып. XI, М.—Л.
- Аполлова Н. Г., 1960, Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в., М.
- Аристов Н. А., 1896, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, — «Живая старина», вып. III и IV, СПб.
- Артамонов М. И., 1947, Вопросы истории скифов в советской науке, — ВДИ, № 3.
- Артамонов М. И., 1947а, Общественный строй у скифов, — ВЛУ, № 9.
- Артамонов М. И., 1948, О землевладении и земледельческом празднике у скифов (Геродот, кн. IV, гл. 7), — «Ученые записки ЛГУ», № 95, сер. ист. наук, вып. 15.
- Артамонов М. И., 1948а, Скифское царство в Крыму, — ВЛУ, № 8.
- Артамонов М. И., 1949, Этногеография Скифии, — «Ученые записки ЛГУ», № 85, сер. ист. наук, вып. 13.
- Артамонов М. И., 1964, Антропоморфные божества в религии скифов, — АСГЭ, вып. 2, Л.
- Артамонов М. И., 1966, Сокровища скифских курганов, Прага—Л.
- Артамонов М. И., 1968, Куль-обский олень, — «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», Л.
- Артамонов М. И., 1968а, Происхождение скифского искусства, — СА, № 4.
- Артамонов М. И., 1970, Загадки скифской археологии, — УИЖ, № 1.
- Артамонов М. И., 1971, Роль климатических изменений VIII—VII веков в переселении киммерийцев и скифов в Азию и возвращение их в степи Восточной Европы в начале VI в. до н. э., — «Этнография народов СССР», ГО СССР ОЭ, Л.
- Артамонов М. И., 1971а, Скифо-сибирское искусство звериного стиля (основные этапы и направления), — МИА, т. 177, М.
- Артамонов М. И. 1972, Скифское царство, — СА, № 3.
- Археологія Української РСР, 1971, тт. I—II, Київ.
- Ахмедов Б. А., 1965, Государство кочевых узбеков, М.
- Атаев К., 1963, Некоторые данные по этнографии туркмен-шихов, — ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. VII, Ашхабад.
- Бабенчиков В. П., 1957, Некрополь Неаполя скифского, — «История и археология древнего Крыма», Киев.
- Багалей Д. П., 1909, Русская история, Харьков.
- Байхаки Абу-л-Фазл, 1969, История Мас'уда, М.
- Барамидзе А. А., 1955, К вопросу о датировке проникновения киммерийцев в Переднюю Азию, — «Сообщения АГН Грузии», т. XVI, № 8.
- Барбаро и Контарини о России, 1971, Л.

- Бартольд В. В., 1963, История культурной жизни Туркестана,— Сочинения, т. II, ч. I, М.
- Бартольд В. В., 1963а, Очерк истории Семиречья,— Сочинения, т. II, ч. 1, М.
- Бартольд В. В., 1964, Улугбек и его время,— Сочинения, т. II, ч. 2, М.
- Бартольд В. В., 1968, Образование империи Чингиз-хана,— Сочинения, т. V, М.
- Бартольд В. В., 1968а, Реп. на книгу: Н. А. Аристов, Заметки (об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности [1897]),— Сочинения, т. V, М.
- Баруздин Ю. Д., 1961, Карабулакский могильник,— «Известия АН КиргССР», сер. обществ, наук, т. III, вып. 3.
- Басеева К. Д., 1972, Семья и брак у западных бурят. Канд. дисс, М.
- Батраков В. С., 1947, Особенности феодализма у кочевых народов,— «Научная сессия АН УзбССР 9—14 июля 1947 г.», Ташкент.
- Батраков В. С., 1949, О воспроизводстве родовых отношений у кочевых народов Средней Азии,— «Известия АН УзбССР», вып. 3.
- Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г., 1973, Средневековый город Средней Азии, Л.
- Белявский В. А., 1964, Война Вавилонии за независимость (627— 605 гг. до н. э.) и гегемония скифов в Передней Азии,— «Исследования по истории стран Востока», Л.
- Бекмаханов Е., 1947, О зависимых феодальных категориях — рабах и тюленгутах (первая половина XIX века),— «Вестник АН КазССР», №6 (27).
- Берг Л. С., 1947, Географические зоны Советского Союза, М.
- Берг Л. С., 1955, Природа СССР, М.
- Березовец Д. Т., 1960, Розкопки курганного могильника снoхи брон-зи та скіфського часу в с. Кут,— АП УРСР, IX, Київ.
- Безин Э. О., 1966, Некоторые вопросы возникновения раннеклассовых формаций,— «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока», М.
- Бернштам А. Н., 1934, Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии,— СЭ, № 6.
- Бернштам А. Н., 1946, Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок, Л.
- Бернштам А. Н., 1951, Очерк истории гуннов, Л.
- Бибикова В. И., 1972, О domestикации лошади на юго-востоке Европы,— «Матеріали XIII Конференції Інституту археології АН УРСР», Київ.
- Бижанов М., 1969, Социальные категории казахского общества XVIII века в трудах русских ученых,— «Казахстан XV—XVIII веках», Алма-Ата.
- Бикбулатов Н. В., 1971, К вопросу о происхождении минората,— «Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 г. Тезисы докладов», Тбилиси.
- Бичурин Н. Я., 1950, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, тт. I—II, М.—Л.
- Бичурин Н. Я., 1953, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. III, М.—Л.
- Блаватская Т. В., 1948 Греки и скифы в Западном Причерноморье,—
- Блаватская Т. В., 1952, Западнопontiиские города в VII—I веках до нашей эры, М.
- Блаватская Т. В., 1959, Очерки политической истории Боспора в V— IV в. до нашей эры, М.
- Блаватский В. Д., 1950 О стратегии и тактике скифов,— КСИИМК, вып. XXXIV, М— Л.

- Б л а в а т с к и й В. Д., 1954, Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья, М.
- Б л а в а т с к и й В. Д., 1954а, Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья,— СА, вып. XX, М.
- Б л а в а т с к и й В. Д., 1959, Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье,—«Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М.
- Б л а в а т с к и й В. Д., 1964, Пантикапей. Очерки истории столицы Боспо-ра, М.
- Б л а в а т с к и й В. Д., 1969, О рабах-меотах,—КСИА, вып. 116, М.
- Б л а в а т с к и й В. Д., 1969а, О северной окраине Скифии Геродота,— МИ А, № 169, М.
- Б л а в а т с к и й В. Д., 1974, Сцена инвеституры на Карагодеуашском ритоне,— СА, № 1.
- Б о г о р а з В. Г., 1934, Чукчи, ч. 1, Л.
- Б о л т е н к о М. Ф., 1960, Herodoteanea,— МАПП, вип. III, Одеса.
- Б о н г а р д - Л е в и н Г. М., И л ь и н Г. Ф., 1969, Древняя Индия, М.
- Б о р и с о в А. А., 1967, Климаты СССР, М.
- Б р а у н Ф. А., 1899, Разыскания в области готто-славянских отношений, 1 СПб.
- Б р а ш и н с к и й И. Б., 1965, Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья,— «Eirene», IV, Praha.
- Б р е д е К. А., 1960, Розкопки Гаврилівського городища рубежу нашей эры,— АП УРСР, т. IX, Київ.
- Б р ю с о в А. Я., 1957, О характере и влиянии на общественный строй обмена и торговли в доклассовом обществе,— СА, вып. XXVII, М.
- В а й н ш т е й н С. И., 1971, Проблема формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии,— «Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых исследований 1970 г. Тезисы докладов», Тбилиси.
- В а й н ш т е й н С. И., 1972, Историческая этнография тувинцев, М. В а й н ш т е й н С. И., 1973, Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых народов умеренного пояса Евразии,— «IX МКАЭН. Доклады советской делегации», М.
- В а м б е р и А., 1884, Введение к соч. «Первобытная культура тюрко-та-тарских народов»,— «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. IV, Омск.
- В а р н е к е Б. В., 1928, Легенди про походження скіфів,—«Записки Історично-філологічного відділу АН УРСР», № 76.
- В д о в и н И. С., 1965, Очерки истории и этнографии чукчей, М.—Л.
- В е л к о в В. И., 1967, Рабы-фракийцы в античных полисах Греции VIII вв. до н. э.,—ВДИ, №4.
- В е н и а м и н о в И., 1840, Записки об островах Уналашкинского отдела, ч. II, СПб.
- Византийские историки, 1860, СПб.
- В и н о г р а д о в В. Б., 1964, О скифских походах через Кавказ,— ГЧИННИИ, т. IX, Грозный.
- В и н о г р а д о в В. Б., 1971, Связи Центрального и Восточного Предкавказья со скифо-сарматским миром,— МИА, № 177, М.
- В и н о г р а д о в В. Б., 1972, Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII—IV века до н. э.), Грозный.
- В л а д и м и р ц о в Б. Я., 1934, Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, Л.
- В о р о б ь е в М. В., 1965, Хозяйство и быт чжурчжэней до образования династии Цзинь,—«ГО СССР ОЭ. Доклады по этнографии», вып. 1 (4), Л.
- В о р о б ь е в М. В., 1967, Этнос в средние века (на материале этногенеза чжурчжэней),— «Доклады ГО СССР», Л.
- В о р о б ь е в М. В., 1968, О происхождении некоторых обычаев чжурчжэней,— «ГО СССР ОЭ. Доклады по этнографии», вып. 6, Л.

- Высотская Т. Н., 1971, Поздние скифы в Юго-Западном Крыму,— МИ А, № 177, М.
- Высотская Т. Н., 1972, Поздние скифы - Юго-Западном Крыму, Киев.
- Вязьмитина М. И., 1962, Золота Балка, Київ.
- Вязьмитина М. И., 1972, Золотобалковский могильник, Киев.
- Вяткин В. П., 1947, Батыр Срым, М.—Л.
- Вяткина К. В., 1960, Монголы Монгольской Народной Республики,— ТИЭ, н. сер., т. IX, М.—Л.
- Гадло А. В., 1971, Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII—X веков),— «Этнография народов СССР», ГО СССР ОЭ, Л.
- Гайдукевич В. Ф., 1949, Боспорское царство, М.—Л.
- Галеркина Б. Л., 1959, Скифские новеллы Лукиана,— «Классическая филология», Л.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В., 1972, Проблема первоначальной территории обитания и путей миграции носителей диалектов общиндоевропейского языка,— «Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Предварительные материалы», М.
- Ганина О. Д., 1958, До питання про жіночі поховання зі зброєю скіфсь-кого часу,— «Прац Київського державного вторичного музею», вип. I, Київ.
- Ганина О. Д., 1960, О женских захоронениях в парных погребениях скифского времени,— ЗОАО. т. I (34), Одесса.
- Георги И. Т., 1799, Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. II, СПб.
- Герасимов Т., 1938, Съкровище отъ бронзови стрели-монети,— «Известия на Българския археологически институтъ», т. XII, св. 2, София.
- Герасимов Т., 1953, Монети от Канит, Тануза, Харасп, Акроза и Са-риа,—ИВАД, IX.
- Герберштейн С., 1908, Записки о Московитских делах, СПб.
- Геродот, 1888, История в девяти книгах. Перевод Ф. Г. Мищенко, т. I, М.
- Геродот, 1972, История в девяти книгах. Перевод и примечания Г. А. Стратановского, Л.
- Герценберг Л. Г., 1972, Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках, Л.
- Голобуцкий В. А., 1956, Черноморское казачество, Киев.
- Голобуцкий В. А., 1957, Запорожское казачество, Киев.
- Гольденберг В. А., 1953, Северное Причерноморье как рынок рабов для средиземноморского мира,— ВДИ, № 1.
- Гордлевский В. А., 1960, Государство Сельджукидов Малой Азии,— Избранные сочинения, т. I, М.
- Готье Ю. В., 1925, Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до образования первого русского государства, Л.
- Гошкевич В. И., 1913, Древние городища по берегам низового Днепра,— ИАК, вып. 47, СПб.
- Граков Б. Н., 1939, Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии,— ВДИ, № 3 (8).
- Граков Б. М., 1947, Скіфи, Київ.
- Граков Б. М., 1947а, Чи мала Ольвії Я торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи?,— «Археологія», вип. I, Київ.
- Граков Б. Н., 1947б, Термин Σχόθαι и его производные в надписях Северного Причерноморья,— КСИИМК, вып. XVI, М.—Л.
- Граков Б. Н., 1947в, Пережитки матриархата у сарматов,— ВДИ, № 3.
- Граков Б. Н., 1948, Литейное и кузнечное ремесло у скифов,— КСИИМК, вып. XXII, М.—Л.
- Граков Б. Н., 1950, Очередные задачи археологии в изучении скифо-сарматского периода,— КСИИМК, вып. XXXIV, М.—Л.

- Граков Б. Н., 1950а, Скифский Геракл,— КСИИМК, вып. XXXIV, М.—Л.
- Граков Б. Н., 1954, Каменное городище на Днепре,— МИА, № 36, М.
- Граков Б. Н., 1959, Греческое граффито из Немировского городища,— СА, № 1.
- Граков Б. Н., 1964, Погребальные сооружения и ритуал рядовых общинников степной Скифии,— АСГЭ, вып. 6, Л.
- Граков Б. Н., 1968, Легенда о скифском царе Арианте (Геродот, кн. IV, гл. 81),— «История, археология и этнография Средней Азии», М.
- Граков Б. Н., 1971, Скифы, М.
- Граков Б. Н., 1971а, Еще раз о монетах-стрелках,— ВДИ, № 3.
- Граков Б. Н. и Мелюкова А. И., 1954, Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время,— ВССА, М.
- Грантовский Э. А., 1960, Индо-иранские касты у скифов,— «XXV МКВ. Доклады делегации СССР», М.
- Грантовский Э. А., 1970, Ранняя история иранских племен Передней Азии, М.
- Грантовский Э. А., 1971, О распространении иранских племен на территории Ирана,— «История иранского государства и культуры», М.
- Гребнев Л. В., 1960, Тувинский героический эпос, М.
- Григорьев В. В., 1875, Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами,— ЖМНП, ч. CLXXVIII, СПб.
- Гродеков Н. И., 1889, Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, I. Юридический быт, Ташкент.
- Грязнов М. П., 1947, Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае,— КСИИМК, вып. XVIII, М.—Л.
- Грязнов М. П., 1955, Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири,— КСИЭ, вып. XXIV, М.
- Грязнов М. П., 1957, Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы,— КСИЭ, вып. XXVI, М.
- Гудкова А. В., 1970, Скифское погребение с конем из Нижнего Поду-навья,— АО 1969 года, М.
- Гумилев Л. Н., 1959, Удельно-лествиничная система у тюрок в VI— VIII веках,— СЭ, № 3.
- Гумилев Л. Н., 1960, Хунну, М.
- Гумилев Л. Н., 1966, Гетерохронность увлажнения Евразии в древности« (ландшафт и этнос), IV—ВЛУ, № 6, сер. геологии и географии, вып. 1.
- Гумилев Л. Н., 1967, Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии,— «История СССР», № 1.
- Гумилев Л. Н., 1967а, Древние тюрки, М.
- Гумилев Л. Н., 1970, Место исторической географии в востоковедческих исследованиях,— НАА, № 1.
- Гумилев Л. Н., 1971, С. И. Руденко и современная этногеография аридной зоны Евразийского континента,— «Этнография народов СССР», ГО СССР ОЭ, Л.
- Гуревич А. Я., 1970, Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе, М.
- Гуревич А. Я., 1972, История и сага, М.
- Гуревич А. Я., 1972а, Категории средневековой культуры, М.
- Дарбакова В. П., 1968, Традиционное западномонгольское жилище и его эволюция в условиях социалистического быта,— «Проблемы этногеографии и этнической истории народов Азии», М.
- Дашевская О. Д., 1957, Скифское городище Красное (Кермен-Кыр),— КСИИМК, вып. 70, М.
- Дашевская О. Д., 1958, Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма,— МИА, № 64, М.
- Дашевская О. Д., 1960, Четвертая надпись Посидея из Неаполя скифского,— СА, № 1.

- Дашевская О. Д., 1967, Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963—1965 гг.,— КСИА, вып. 109, М.
- Дашевская О. Д., 1969, Два склепа Беляусского могильника,— КСИА, вып. 119, М.
- Дашевская О. Д., 1969а, Исследования в Северо-Западном Крыму,— АО 1968 года, М.
- Дашевская О. Д., 1971, Раскопки памятников античной эпохи в Северо-Западном Крыму,—АО 1970 года, М.
- Дашевская О. Д., 1971а, Скифы на северо-западном побережье Крыма в свете новых открытий,— МИА, № 177, М.
- Дашевская О. Д., 1972, Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1966—1969 гг.,— КСИА, вып. 130, М.
- Дворецкий И. Х., 1958, Древнегреческо-русский словарь, т. I—II, М.
- Дебец Г. Ф., 1971, О физических типах людей скифского времени,— МИА, № 177, М.
- Джигиев А., 1972, Этнографический очерк населения Юго-Восточного Туркменистана, Ашхабад.
- Дмитров Л. Д., Зуц В. Л., Копилов Ф. Б., 1961, Любимівське городище рубежу нашої ери,— АП УРСР, т. X, Київ.
- Добровольский А. В., 1950, Землеробське поселення перших століть нашої ери на р. Інгулії,— «Археологія», т. III, Київ
- Добросмыслов А. И., 1900, Материалы по истории России, т. II, Оренбург
- Добросмыслов А., 1912, Города Сыр-Дарьинской области, Ташкент.
- Доватур А. И., 1957, Повествовательный и научный стиль Геродота, Л.
- Доманский Я. В., 1961, Из истории населения Нижнего Побужья в VII—IV вв. до н. э.— АСГЭ, вып. 2, Л.
- Доманский Я. В., 1970, Заметки о характере торговых связей греков с туземным миром Северного Причерноморья в VII в. до н. э.,— АСГЭ, вып. 12, Л.
- Дуброва Я. П., 1898, Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 года, Казань.
- Думан Л. И., 1968, Общественный строй сяньби и тоба в III—IV вв. н. э.,— «Вопросы истории и этнографии Китая», М.
- Дьяконов И. М., 1951, Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту,— ВДИ, № 2—3.
- Дьяконов И. М., 1956, История Мидии, М.—Л.
- Дьяконов И. М., 1968, Предыстория армянского народа, Ереван.
- Дьяконов И. М., 1971, Восточный Иран до Кира (к возможности новых постановок вопроса),— «История иранского государства и культуры», М.
- Дьяконов М. М., 1961, Очерки истории древнего Ирана, М.
- Дьяконова В. П., 1974, Роль шамана в погребальном обряде тувинцев,— «Бартольдовские чтения. Тезисы докладов и сообщений», М.
- Егоров В. Л., 1969, Причины возникновения городов у монголов в XIII— XIV веках,—«История СССР», № 4.
- Елагина Н. Г., 1958, Нижнее Поднепровье в эпоху позднего Скифского царства,— ВМУ, ист.-филол. сер., № 4.
- Елагина Н. Г., 1962, Письменные источники о социальных категориях в Скифии VI—V вв. до н. э.,— «Историко-филологический сборник», М.
- Елагина Н. Г., 1963, О родоплеменной структуре скифского общества по материалам четвертой книги Геродота,— СЭ, № 3.
- Елагина Н. Г. Погребов а Н. Н., 1959, Археологическая разведка по берегам Ингула,— КСИ-ИМК, вып. 77, М.
- Ельницкии Л. А., 1948, Некоторые проблемы истории скифской культуры (О книге Б. Н. Гракова «Скифы», Київ, 1947),—ВДИ, № 2.
- Ельницкии Л. А., 1960, Из истории древнескифских культов,— СА, № 4.
- Ельницкии Л. А., 1961, Знания древних о северных странах, М.

- Ельницкий Л. А., 1970, Скифские легенды как культурно-исторический материал,— СА, № 2.
- Еремеев Д. Е., 1971, Этногенез турок, М.
- Еренов А. Е., 1961, Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов, Алма-Ата.
- Жданко Т. А., 1952, Каракалпаки Хорезмского оазиса,— ТХАЭЭ, т. 1, М.
- Жданко Т. А., 1961, Проблема полуседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана,— СЭ, № 2.
- Жданко Т. А., 1968, Номадизм в Средней Азии и Казахстане (некоторые исторические и этнографические проблемы),— «История, археология и этнография Средней Азии», М.
- Жебелев С. А., 1953, Северное Причерноморье, М.—Л.
- Житецкий И. А., 1892, Астраханские калмыки (наблюдения и заметки), Астрахань.
- Завадский-Краснопольский А. К., 1874, Русское царство. При-аральский край, СПб.
- Засецкая И. П., 1971, Гунны в южнорусских степях, конец IV—первая половина V в. н. э. (по археологическим данным), автореф. канд. дисс., Л.
- Зельин К. К., 1948, Основные черты исторической концепции Помпея Трога,— ВДИ, № 4.
- Зельин К. К., 1954, Помпей Трог и его произведение «Historiae Philip-picae»,— ВДИ, № 2.
- Зиманов С. З., 1958, Общественный строй казахов первой половины XIX в., Алма-Ата.
- Златкин И. Я., 1955, К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов,— ВИ, № 4.
- Златкин И. Я., 1971, А. Тойнби об историческом прошлом и современном положении кочевых народов,— ВИ, № 2.
- Златкин И. Я., 1971а, Концепция истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность,— «Современная историография стран зарубежного Востока», М.
- Златкин И. Я., 1973, Некоторые проблемы социально-экономической истории кочевых народов,— НАА, № 1.
- Златковская Т. Д., 1961, К вопросу об этногенезе фракийских племен,— СЭ, № 6.
- Златковская Т. Д., 1968, О формах эксплуатации в европейских раннеклассовых обществах. Фракия,— ВИ, № 7.
- Златковская Т. Д., 1970, К вопросу об общинном землевладении в период становления классового общества (по фракийским материалам),— СЭ, № 5.
- Златковская Т. Д., 1971, Возникновение государства у фракийцев, М.
- Зобнин Ф., 1901, К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в киргизской степи,— «Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 г.», вып. VI, Семипалатинск.
- Зограф А. Н., 1951, Античные монеты,—МИА, № 16, М.—Л.
- Зуц В. Л., 1969, Територія Ольвійської держави,— «Археологія», т. XXII, Київ.
- Зуц В. Л., Допитання про утверєння Ольвійської держави,— «Археологія», т. XXI, Київ, Пітухівка
- Ибрагимов Ш., 1874, О муллах в киргизской степи,— «Материалы для статистики Туркестанского края». Ежегодник под ред. Н. А. Маева, вып. III, СПб.
- Иванов В. В., 1965, Роль семиотики в кибернетическом исследовании человека и коллектива,— «Логическая структура научного знания», М.
- Иванов В. В., 1969, Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии,— ТЗС, IV («Ученые записки ТГУ», вып. 236).
- Иванов В. В., Топоров В. Н., 1965, Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период), М.

- Иванов Вяч. Вс, Топоров В. Н., 1966, Постановка задачи реконструкции текста и реконструкции знаковой системы,— «Структурная типология языков», М.
- Иванов Н. А., 1963, Свободные и податные племена Северной Африки в XIV в.,— «Арабские страны. История», М.
- Иванов П. П., 1958, Очерки по истории Средней Азии.
- Иессен А. А., 1953, К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР,— СА, вып. XVIII, М.
- Иессен А. А., 1954, Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе,— ВССА, М.
- Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Восточные тексты, 1947,—ВДИ, № 1.
- Ильинская В. А., 1951, О скифах-пахарях и будинах Геродота,— КСИИМК, вып. XI, М.
- Іллінська В. А., 1951а, Курган Старша могила — пам'ятка архаїчної Скифи,— «Археологія», т. V, Київ.
- Ильинская В. А., 1953, К вопросу о развитии общественных отношений в Скифии,— КСИА АН УССР, вып. 2, Киев.
- Іллінська В. А., 1961, Скіфські сокири,— «Археологія», т. XX, Київ.
- Ильинская В. А., 1965, Культовые жезлы скифского и предскифского времени,—МИА, № 130, М.
- Ильинская В. А., 1966, Скифские курганы около г. Борисполя,— СА, №3.
- Іллінська В. А., 1966а, Про походження та етнічн зв'язки племен скіфської культури Посульсько-Донецкого лісостепу,— «Археологія», т. XX, Київ.
- Ильинская В. А., 1968, Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (Курганы Посулья), Киев.
- Іллінська В. А., 1968а, Из неопублікованих матеріалів скіфського часу в левобережному Лесостепу,— «Археологія», т. XXI, Київ.
- Іллінська В. А., 1970, Андрофаги, меланхлени, будини або скіфи?,— «Археологія», т. XXIII, Київ.
- Ильинская В. А., 1973, Скифская узда IV в. до н. э.,— «Скифские древности», Киев.
- Ильясов С. И., 1955, О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Киргизии,— «Материалы объединенной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент.
- Ильясов С. И., 1963, Земельные отношения в Киргизии в конце XIX — начале XX в., Фрунзе.
- История Казахской ССР, 1957, т. I, Алма-Ата.
- История Сибири, 1968, т. I, Л.
- История таджикского народа, 1963, т. I, М.
- Кабор., 1934, Очерки истории и экономики Тувы, ч. I, М.—Л.
- Каллистов Д. П., 1945, Античная литературная традиция о Северном Причерноморье,— «Исторические записки», вып. 16.
- Каллистов Д. П., 1949, Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи, Л.
- Каллистов Д. П., 1952, Северное Причерноморье в античную эпоху, Л.
- Каллистов Д. П., 1968 Рабство в Северном Причерноморье в V— III вв. до н. э.,— «Рабство на периферии античного мира», Л.
- Каллистов Д. П., 1969, Свидетельство Страбона о скифском царе Атее ВДИ, № 1.
- Камеицкий И. С, рукопись, О бальзамировании умерших царей у скифов.
- Капошина С. И., 1956, Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья,— МИА, № 50, М.—Л.
- Карасев А. Н., 1948, Оборонительные сооружения Ольвии,— КСИИМК, вып. XXII, М.—Л.

- Карасев А. Н., 1953, Раскопки Неаполя Скифского в 1950 г.,— КСИИМК, вып. XLIX, М.
- Карасев В., 1969, Известия древнегреческих авторов о Северном Причерноморье времен Митридатовых войн,— «Ученые записки МОПИ», т. 332 (Всеобщая история, вып. II).
- Каргалов В. В., 1968, Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники, М.
- Карриев А., Мошкова В. Г., Насонов А. Н., Якубовский А. Ю., 1954, Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв., Ашхабад.
- Карышковский П. О., 1960, О монетах с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ, —СА, №17
- Карышковский П. О. 1962, Монеты западнопонтийских династов, найденные в Северном Причерноморье,— СА, № 4.
- Каришковський П. И., 1968, До питання про дату ольвівського декрету на честь Протогена,— «Археологія», т. XXI, Київ.
- Карышковский П. О., 1971, Истрия и ее соседи на рубеже III—II вв. до н. э.,— ВДИ, № 2.
- Карышковский П. О., 1972, О времени появления сарматских племен в степях Северного Причерноморья,— «XV Наукова конференція Інституту археології, Тези», Одеса.
- Киселев С. В., 1965, Бронзовый век СССР,—МИА, № 130, М.
- Кисляков Н. А., 1969, Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, Л.
- Кларк Дж. Г., 1953, Доисторическая Европа, М.
- Клейн Л. С., 1973, Археологические признаки миграции,— «IX МКАЭН, Доклады советской делегации», М.
- Кленгель Х., 1963, Экономические основы кочевничества в древней Месопотамии (в особенности II тыс. до н. э.),— ВДИ, № 4.
- Клингер В., 1903, Сказочные мотивы в истории Геродота, Киев.
- Кляшторныи С. Г., 1964, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М.
- Книга Марко Поло, 1955, М.
- Книга моего деда Коркута, 1962, М.—Л.
- Книпович Т. Н., 1966, К вопросу о датировке Ольвийского декрета в честь Протогена,— ВДИ, № 2.
- Кобищанов Ю. М., 1970, К вопросу о социально-экономических отношениях в средневековой Нубии,— «Социальные структуры доколониальной Африки», М.
- Ковалевский А. П., 1956, Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг., Харьков.
- Ковалевский М., 1886, Современный обычай и древний закон, т. I, М.
- Ковалевский М., 1914, Происхождение рабства,— в кн.: «Итоги науки в теории и практике», т. X, М.
- Ковалевский М., 1939, Очерк происхождения и развития семьи и собственности, М.
- Ковпаненко Г. Т., 1961, Пам'ятки скіфського часу в басейні р. Ворск-ли,— «Археологія», т. XIII,.
- Ковпаненко Г. Т., 1966, Носачівський курган VIII—VII ст. до н. е.— «Археологія», т. XX, Київ .
- Ковпаненко Г. Т., 1967, Племена скіфського часу на Вороніі, Київ.
- Ковпаненко Г. Т., 1970, Кургани поблизу с. Мачухи на Полтавщині. (За матеріалами М. Я. Рудинського),— «Археологія», т. XXIV, Київ.
- Ковпаненко Г. Т., 1971, Памятники раннескифского времени Канев-щины,— МИА, № 177, М.
- Кожин П. М., 1970, О псалях из афанасьевских могил,—СА, № 4.
- Козин С. А., 1941, Сокровенное сказание, М.—Л.
- Козьмин Н. Н., 1934, К вопросу о турецко-монгольском феодализме, М.—Иркутск.

- Колобова К. И., 1957, Войкеи на Крите,— ВДИ, № 2.
- Кон И. С., 1967, Социология личности, М.
- Корпус боспорских надписей, 1965, М.—Л.
- Косвен М. О., 1963, Семейная община и патронимия, М.
- Костенко Л. Ф., 1886, Туркестанский край, т. I, СПб.
- Костенков К., 1870, Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии, СПб.
- Краснов Ю. А., 1971, Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы,— МИА, № 174, М.
- Крис Х. И. и Веимарн Е. В., 1958, Курган эпохи бронзы близ Бахчисарая,— КСИИМК, вып. 71, М.
- Кругликова И. Т., 1952, Памятники эпохи бронзы из Киммерика,— КСИИМК, вып. XLIII, М.
- Кругликова И. Т., 1957, Исследование сельской территории европейского Боспора (по материалам работ Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции в 1953—1956 гг.),— СА, № 1.
- Кругликова И. Т., 1970, Марксистско-ленинское учение об общественно-экономической формации и проблема истории аграрных отношений Боспорского царства,— «Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма», М.
- Крупнов Е. И., 1954, О походах скифов через Кавказ,— ВССА, М.
- Крупнов Е. И., 1961, Древняя история Северного Кавказа, М.
- Крушельницкая Л. И., 1971, Памятники скифского времени на Верхнем Поднестровье,— МИА, № 177, М.
- Крушкол Ю. С., 1952, К вопросу о киммерийцах,— «Археология и история Боспора», I, Симферополь.
- Крюков М. В., 1967, О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации,— СЭ, № 6.
- Крюков М. В., 1968, Типы систем родства и их историческое соотношение,— ПИДО, кн. I, М.
- Кузеев Р. Г., 1973, Роль исторической стратификации родо-племенных названий в изучении этногенеза тюркских народов Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии,— «IX МКАЭН. Доклады советской делегации», М.
- Кузьмина Е. Е., 1973, Навершие со всадниками из Дагестана,— СА, № 2.
- Куikliна И. В., 1970, Трактат «О воздухе, водах и местностях» как источник по истории скифов,— «Вспомогательные исторические дисциплины», сб III, Л.
- Куikliна И. В., 1971 Анахарсис,— ВДИ, № 3.
- Куikliна И. В., 1971а, Античная литературная традиция о древнейших племенах на территории СССР, канд. дисс, Л.
- Кумеков Б. Е., 1972, Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам, Алма-Ата.
- Куник А. и Розен В., 1878, Известия Ал-Бекри и других древних авторов о Руси и славянах, ч. I, СПб.
- Кушнер [Кнышев] П., 1924, Очерк развития общественных форм, М.
- Кушнер [Кнышев] П., 1929, Горная Киргизия (социологическая разведка), М.
- Кызласов И. Л., 1973, О происхождении стремян,— СА, № 3.
- Кычанов Е. И., 1966, Чжурчжэни в XI в. (Материалы для этнографического исследования),— «Сибирский археологический сборник», вып. 2, Новосибирск.
- Кюнер Н. В., 1961, Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М.
- Лагодовская Е. Ф., Симонович Э. А., 1973, Скифский могильник у с. Михайловка на Нижнем Днепре,— «Скифские древности», Киев.
- Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Л., 1962, Михайлівське поселення, Київ.

- Лаппо - Данилевский А. С., 1887, Скифские древности,—ЗОРСА. т. IV, СПб.
- Латынин Б. А., 1957, К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы,—КСИИМК, вып. 70, М.
- Латышев В. В., 1887, Исследования об истории и государственном строе города Ольвии, СПб.
- Латышев В. В., 1900, Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I. Греческие писатели, СПб.
- Латышев В. В., 1906, Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. II. Латинские писатели, СПб.
- Латышев В. В., 1947—1949, Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, изд. 2,—ВДИ, № 1—4.
- Латышев В. В., 1952, Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, изд. 2,—ВДИ, № 2.
- Лашук Л. П., 1967, Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников,—СЭ, № 4.
- Лашук Л. П., 1967а, О характере классовобразования в обществах ранних кочевников,—ВИ, № 7.
- Лашук Л. П., 1968, Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов,—СЭ, № 1.
- Лашук Л. П., 1973, Кочевничество и общие закономерности истории,—СЭ, № 2.
- Леви Е. И., 1951, Итоги Ольвийской экспедиции,—КСИИМК вып. XXXVII, М.—Л.
- Левин Е. И. и Карасев А. Н., 1955, Дома античных городов Северного Причерноморья,—«Античные города Северного Причерноморья», М.—Л.
- Левин М. Г. и Чебоксаров Н. Н., 1955, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке вопроса),—СЭ, № 4.
- Левшин А., 1832, Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. I—III, СПб.
- Лесков А. М., 1967, Раскопки курганов на юге Херсонщины и некоторые вопросы истории племен бронзового века Северного Причерноморья,—«Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР», Киев.
- Лесков А. М., 1967а, О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы,—«Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР», Киев.
- Лесков А. М., 1970, Кировское поселение,—«Древности Восточного Крыма», Киев.
- Лесков А. М., 1971, Предскифский период в степях Северного Причерноморья,—МИА, № 177, М.
- Лесков А. М., 1971а, Каховская экспедиция,—«Археологические исследования на Украине», вып. III, Киев.
- Лесков А. М., 1971б, Погребения конных воинов VIII—VII веков до нашей эры в степях Причерноморья,—«Третья Всесоюзная конференция историков оружия. Тезисы докладов и сообщений», Л.
- Лесков А., 1972, Новые сокровища курганов Украины, Л.
- Лесков А. М., 1974, Предскифский период Юга Украины, рукопись, Киев.
- Либеров П. Д., 1950, К вопросу о связи культуры полей погребений с культурой скифского времени на Кившине,—КСИИМК, вып. XXXIV, М.—Л.
- Либеров П. Д., 1954, Хронология памятников Поднепровья скифского времени,—ВССА, М.
- Либеров П. Д., 1960, К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа (IX в. до н. э.—V в. н. э.),—МИА, №53, М.
- Либеров П. Д., 1962, Памятники скифского времени бассейна Северного Донца,—МИА, № 113, М.

- Л и с т о в а Н. М., 1968, Крестьянское жилище Германии, Австрии и Швейцарии в XIX в.,— «Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы», М. Л и т в и н с к и й Б. А., 1972, Древние кочевники «Крыши мира», М.
- Л и т в и н е к и й Б. А., 1972а, Курганы и курумы Западной Ферганы, М.
- Л о с е в А. Ф., 1957, Античная мифология в ее историческом развитии, М.
- Л у р ь е С. Я., 1947, Геродот, М.—Л.
- Л я п у ш к и н И. И., 1968, Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.),— МИА, № 152, Л. М а й с к и й И., 1921, Современная Монголия, Иркутск.
- М а й с к и й И. М., 1959, Монголия накануне революции, М.
- М а н ц е в и ч А. П., 1958, Головка быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калитве,— СА, № 2.
- М а н ц е в и ч А. П., 1959, Золотой венец из кургана на р. Калитве,— «Известия на археологический институт», вып. XXII, София.
- М а р г у л а н А. Х., А к и ш е в К. А., К а д ы р б а е в М. К., О р а з б а е в А. М., 1966, Древняя культура Центрального Казахстана, Алма-Ата.
- М а р к о в Г. Е., 1967, Кочевники Азии (Хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества), автореф. докт. дисс, М.
- М а р к о в Г. Е., 1971, Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии,— СЭ, № 1.
- М а р к о в Г. Е., 1973, Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии,— СЭ, № 1.
- М а р к о в Г. Е., 1973, Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии,— «IX МКАЭН. Доклады советской делегации», М.
- М а р т ы н о в А. С., 1970, О некоторых особенностях торговли чаем и лошадьми в эпоху Мин,— «Китай и соседи», М.
- М а с а о Мори, 1970, Политическая структура древнего государства кочевников Монголии,— «XIII МКИН», М.
- М а с с о н В. М., 1964, Средняя Азия и Древний Восток, М.—Л.
- М а с с о н В. М., 1970, Неолит Средней Азии,— МИА, № 168, М.
- Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, 1955, Ташкент.
- Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков, 1969, Алма-Ата.
- Материалы по истории киргизов и Киргизии, 1973, вып. I, М.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении, 1939, т. I, М.—Л.
- Материалы по казахскому обычному праву, 1948, Алма-Ата.
- М а ч и н с к и й Д. А., 1971, О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников,— АСГЭ, вып. 13, Л.
- М е л е т и н с к и й Е. М., 1958, Герой волшебной сказки, М.
- М е л е т и н с к и й Е. М., 1963, Происхождение героического эпоса, М.
- М е л е т и н с к и й Е. М., 1964, О древнейшем типе героя в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири,— «Проблемы сравнительной филологии», М.-Л.
- М е л е т и н с к и й Е. М., 1968, «Эдда» и ранние формы эпоса, М.
- М е л и к и ш в и л и Г. А., 1972, Характер социально-экономического строя на Древнем Востоке (Опыт стадиально-типологической классификации классовых обществ),— НАА, № 4.
- М е л ь о в а А. И., 1950, Войско и военное искусство скифов,— КСИИМК, вып. XXXIV, М.—Л.
- М е л ь о в а А. И., 1958, Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья,— МИА, № 64, М.
- М е л ь о в а А. И., 1962, Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И. Я- и Л. П. Стемпковских),— МИА, № 115, М.

- Мелюкова А. И., 1963, Исследование гетских памятников в степном Поднестровье,— КСИА, вып. 94, М.
- Мелюкова А. И., 1964, Вооружение скифов (САИ, вып. Д1—4), М.
- Мелюкова А. И., 1965, Скифские элементы в гетской культуре,— КСИА, вып. 105, М.
- Мелюкова А. И., 1966, Могильник IV—III зв. до н. э. у с. Николаевка,—АО 1965 года, М.
- Мелюкова А. И., 1967, Поселение IV—III вв. до н. э. у с. Николаевка Одесской области,— КСИА, вып. 109, М.
- Мелюкова А. И., 1967а, Раскопки на могильнике и поселении IV—III вв. до н. э. у с. Николаевка,— АО 1966 года, М.
- Мелюкова А. И., 1969, Раскопки скифских могильников IV—III вв. до н. э.,— АО 1968 года, М.
- Мелюкова А. И., 1971, Население Нижнего Поднепровья в IV—III вв. до н. э.,— МИА, № 177, М.
- Мелюкова А. И., 1976, Поселение и могильник IV—III вв. до н. э. у с. Николаевка Одесской области (в печати).
- Мерперт Н. Я., 1968, Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — начало II тыс. до н. э.), докт. дисс, М.
- Мерперт Н. Я., 1974, Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья, М.
- Меховский М., 1936, Трактат о двух Сарматиях, М.—Л.
- Миллер В. И., 1887, Осетинские этюды, вып. III, М.
- Мирчев М., 1961, Към въпроса за мястото на сечането на скитские монета,—ИВАД, кн. XII.
- Мищенко Ф. Г., 1886, Легенды о царских скифах у Геродота,— ЖМНП, ч. ССХLIII, СПб.
- Мищенко Ф. Г., 1900, Слепые рабы у скифов,—«Филологическое обозрение», т. XVIII, кн. 2, М.
- Мозольский Б. Н., 1972, Курган Толстая могила близ г. Орджоникидзе на Украине,— СА, № 3.
- Момзен Т., 1937, История Рима, т. I, М.
- Морган Л. Г., 1934, Древнее общество, Л.
- Моруженко А. А., 1968, Жилища лесостепной Скифии VII—III вв. до н. э.,— «Донецкий университет. Научная конференция кафедр исторических наук, 1967. Материалы», Харьков—Донецк.
- Моруженко А. А., 1968а, Городища лесостепной Скифии (история строительства оборонительных сооружений, жилищ и хозяйственных построек в VII—III вв. до н. э.), канд. дисс, Харьков.
- Мошкова В. Г., 1950, Некоторые общие элементы в родоплеменном составе узбеков, каракалпаков и туркмен,—ТИИАЭ АН УзССР, т. II, Ташкент.
- Мукминова Р. Г., 1954, О некоторых источниках по истории Узбекистана начала XVI в.,—ТИВ АН УзССР, вып. III, Ташкент.
- Мункуев Н. Ц., 1965, Китайский источник о первых монгольских ханах, М.
- Надирадзе Л. И., 1960, К вопросу о рабстве в Аравии в VII в.,—«Вопросы истории и литературы стран зарубежного Востока», М.
- Надписи Ольвии (1917—1965), 1968, Л.
- Назаревский О. Р., 1973, Современные формы пастбищного животноводства в пустынных и горных районах Казахстана и республик Средней Азии,—ТИЭ, н. сер., т. ХCVIII, Л.
- Народы Австралии и Океании, 1956, М.
- Народы Средней Азии и Казахстана, 1962, т. I, М.
- Народы Средней Азии и Казахстана, 1963, т. II, М.
- Нарты. Эпос осетинского народа, 1955, М.
- Наршахи М., 1897, История Бухары, Ташкент.
- Небольсин П., 1852, Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса, СПб.
- Нейхард А. А., 1968, Рабство в греческих городах южного побережья Понта,— «Рабство на периферии античного мира», Л.

- Н и б у р Г., 1907, Рабство как система хозяйства, М.
- Новосельцев А. П., Паш у то В. Т., Черепнин Л. В., 1972, Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика), М.
- ОАК за 1889 г.
- ОАК за 1895 г.
- ОАК за 1897 г.
- Онайко Н. А., 1966, Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V веках до н. э. (САИ Д1-27), М.
- Онайко Н. А., 1970, Античный импорт в Поднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. (САИ Д1-27), М.
- Оразов А., 1970, Хозяйство и основные черты общественной организации у скотоводов Западной Туркмении в конце XIX — начале XX в.,— «Труды VII МКАЭН», т. 10, М.
- Оразов А., 1973, Некоторые формы скотоводства в дореволюционной Туркмении—ТИЭ, н. сер., т. ХСVIII, Л.
- Орешников А. В., 1890, Монеты скифских царей с именем Ольвии,— ЗРАО, т. IV.
- Орешников А. В., 1915, Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья, М.
- Очилов Н., 1925, Астраханские калмыки и их экономическое состояние в 1915 г., Астрахань.
- Паллас П. С., 1773, Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. I, СПб.
- Паллас П. С., 1776, Собрание исторических сведений о монгольских народах, СПб.
- Пальмов Н. Н., 1926, Этюды по истории приволжских калмыков, ч. I, Астрахань.
- Пальмов Н. Н., 1927, Этюды по истории приволжских калмыков, ч. II, Астрахань.
- Пальмов Н. Н., 1929, Этюды по истории приволжских калмыков, ч. III и IV, Астрахань.
- Пассек Т. С., Черныш Е. К., 1970, Неолит Северного Причерноморья,— МИА, № 168, М.
- Периханян А. Г., 1968, Агнатические группы в древнем Иране,— ВДИ, №3.
- Першиц А. И., 1955, О сущности патриархально-феодалных отношений у кочевников-скотоводов,— ВИ, № 11.
- Першиц А. И., 1961, Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в.,— ТИЭ, н. сер., т. LXIX, М.
- Першиц А. И., 1968, Общественный строй туарегов Сахары в XIX в.,— «Разложение родового строя и формирование классового общества», М.
- Першиц А. И., 1971, Оседлое и кочевое общество Северной Аравии в новое время, автореф. докт. дисс, М.
- Першиц А. И., 1973, К вопросу о саунных отношениях,— «Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология», М.
- Петренко В. Г., 1961, Культура племен Правобережного Среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э.,— МИА, № 96, М.
- Петренко В. Г., 1967, Правобережье Среднего Приднепровья в V— III вв. до н. э. (САИ Д1-4), М.
- Петров В. П., 1962, Из этнонимии и топонимии Северного Причерноморья,— МАСП, вып. 4, Одесса.
- Петров В. П., 1968, Скифи. Мова і етнос, Київ.
- Петров В. П., Макаревич М. Л., 1963, Скифская этногонимическая легенда,— СА, № 1.
- Петровська Б. О., 1968, Курган VI ст. до н. э. бшя с. Мала Офірна на Київщині,— «Археологія», т. XXI, Київ.
- Петрушевский И. П., 1952, Рашид ад-дин и его исторический труд,— Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 1, М.—Л.

- Петрушевский И. П., 1960, Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков, М.—Л.
- Петрушевский И. П., 1960а, Применение рабского труда в Иране и сопредельных странах в позднее средневековье (К проблеме рабовладельческого уклада в феодальных обществах Передней и Средней Азии),— «XXV МКВ. Доклады делегации СССР», М.
- Петрушевский И. П., 1970, Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия,— «Татаро-монголы в Азии и Европе», М.
- Петрушевский И. П., 1971, К истории рабства в халифате VII—X веков,— НАА, № 3.
- Пиотровский Б. Б., 1944, История и культура Урарту, Ереван.
- Пиотровский Б. Б., 1959, Ванское царство, М.
- Пищулина К. А., 1969, Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII веках,— «Казахстан в XV—XVIII веках», Алма-Ата.
- Плетнева С. А., 1958, Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях,— МИА, № 62, М.
- Плетнева С. А., 1967, От кочевий к городам,— МИА, № 142, М.
- Погорельский П. и Батраков В., 1930, Экономика кочевого аула Киргизстана, М.
- Погребов А. Н., 1954, Состояние проблем скифо-сарматской археологии к конференции ИИМК АН СССР 1952 г.,— ВССА, М.
- Погребов А. Н., 1956, Погребение на земляном валу акрополя Каменского городища,— КСИИМК, вып. 63, М.
- Погребов А. Н., 1957, Золотые лицевые пластины из погребений мавзолея Неаполя Скифского,— «История и археология древнего Крыма», Киев.
- Погребов А. Н., 1958, Позднескифские городища на Нижнем Днепре (Городища Знаменское и Гавриловское),— МИА, № 64, М.
- Погребов А. Н., 1961, Погребения в мавзолее Неаполя Скифского,— МИА, № 96, М.
- Погребов А. Н. и Кондрацкий Л. В., 1960, Археологическая разведка в степях Тилигуло-Березанского района Николаевской области,— КСИИМК, вып. 78, М.
- Покровская Е. Ф., 1953, К вопросу о сложении культуры раннего железного века в лесостепном правобережном Поднепровье,— КСИА АН УССР, вып. 2, Киев.
- Покровська С. Ф., 1957, Кургани IV ст. до н. е. біля Холодного Яру поблизу м. Сміли,— «Археологія», т. X, Київ.
- Покровська С. Ф., 1965, Кургани біля с. Сеньківки,— «Археологія», т. XVIII, Київ.
- Полное собрание русских летописей, 1885, т. X, СПб.
- Поляков С. П., 1973, Этническая история Северо-Западной Туркмении, М.
- Поплинский Ю. К., 1973, К истории возникновения термина «этнос»,— СЭ, № 1.
- Попова Т. Б., 1955, Племена катакомбной культуры Северного Причерноморья во втором тысячелетии до нашей эры, М.
- Потанин Г. Н., 1883, Очерки северо-западной Монголии, вып. I—IV, СПб.
- Потапов Л. П., 1933, Очерк истории Ойротии, Новосибирск.
- Потапов Л. П., 1947, К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у кочевников,— КСИЭ, вып. 3.
- Потапов Л. П., 1947а, Ранние формы феодальных отношений у кочевников,— «Записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. I, Абакан.
- Потапов Л. П., 1953, Очерки по истории алтайцев, М.—Л.
- Потапов Л. П., 1955, О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана,— ВИ, № 6.
- Придик Е. М., 1911, Мельгуновский клад 1763 г.,— МАР, № 31, СПб.

- Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, 1957, М.
- Пьянков И. В., 1968, «Саки» (Содержание понятия),— «Известия отделения общественных наук АН ТаджССР», № 3(53), Душанбе.
- Пюрвеев Д., 1971, Солнце, пространство и жилище, Элиста.
- Рабичкин Б. М., 1951, Поселение у Широкой балки,—КСИИМК, вып. XI, М.
- Равдоникас В. И., 1932, Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья,— ИГАИМК, т. XII, вып. 1—8, Л.
- Раевский Д. С., 1970 Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея,— СА, № 3.
- Раевский Д. С., 1971, Скифо-авестийские мифологические параллели и некоторые сюжеты скифского искусства,— «Искусство и археология Ирана», М.
- Раевский Д. С., 1971а, Позднескифская семья по археологическим данным,— СЭ, № 2.
- Раевский Д. С., 1971б, Этнический и социальный состав населения Неаполя скифского (по материалам некрополя), автореф. канд. дисс, М.
- Раевский Д. С., 1971в, Этнический и социальный состав населения Неаполя скифского (по материалам некрополя), канд. дисс, М.
- Раевский Д. С., 1973, К истории греко-скифских отношений (II в. до н. э.— II в. н. э.),— ВДИ, № 2.
- Раевский К. А., 1939, Научно-исследовательская работа Одесского исторического музея (Археологические раскопки),— ВДИ, № 2.
- Рашид ад-дин, 1946, Сборник летописей, т. III, М.—Л.
- Рашид ад-дин, 1952, Сборник летописей, т. I, кн. 1—2, М.—Л.
- Рашид ад-дин, 1960, Сборник летописей, т. II, М.—Л.
- Ригведа, 1972, Избранные гимны, М.
- Рикман Э. А., 1962, К вопросу о «больших домах» на селищах Черняховского типа,— СЭ, № 3.
- Рогалски А., 1961, Монета на имено на скифския цар Атей,— ИВАД, кн. XII.
- Ростовцев М. И., 1913, Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре — ИАК, вып. 49, СПб.
- Ростовцев М. И., 1913а, Античная декоративная живопись на юге России, СПб.
- Ростовцев М. И., 1914, Воронежский серебряный сосуд,—МАР, № 34, СПб.
- Ростовцев М. И. 1914а Страбон как источник для истории Боспора,— «Сборник статей в честь В. П. Бузескула», Харьков.
- Ростовцев М. И., 1918, Эллинизм и иранство на юге России, Пг.
- Ростовцев М. И., 1918а, Новая книга о Белом острове и Таврике,— ИАК, вып. 65, Пг.
- Ростовцев М. И., 1925, Скифия и Боспор, Пг.
- Рощин С.К. 1971, Сельское хозяйство МНР на социалистическом пути, М.
- Руденко С. И., 1951, Пятый пазырыкский курган,—КСИИМК, вып. XXXVII, М.—Л.
- Руденко С. И., 1953, Культура населения Горного Алтая в скифское время, М.—Л.
- Руденко С. И., 1960, Культура населения Центрального Алтая в скифское время, М.—Л.
- Руденко С. И., 1961, Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тысячелетия до н. э.), М.
- Руденко С. И., 1961а, К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках,— «Материалы по этнографии», вып. I, ГО СССР ОЭ, Л.
- Руденко С. И., 1962, Культура хуннов и Ноинулинские курганы, М.—Л.
- Рудинский М., 1923, Археолопчна розвщка на Дншрельсташ,— Днш-ропетровський краєвий к'торично-археолопчний музей. Зборник, т. I, Дніпропетровськ.

- Рудинський М., 1949, Мачухська експедиція інституту археологи в 1946 р.,— АП УРСР, т. II, Київ.
- Рудык Ф., 1957, Древнее поселение Викторовка I (VI—III вв; до н. э.),— МАСП, вып. 1, Одесса.
- Русяева Г. С., 1968, Поселения Птихівка і біля Ольви,— «Археологія», т. XXI, Київ.
- Сабырханов А., 1969, К истории земельных отношении Казахстана в XVIII веке (на материалах Младшего жуза),— «Казахстан в XV—XVIII веках», Алма-Ата.
- Нальников А. Г., 1960, Монеты скифских царей, чеканенные в Ольвии,— ЗОАО, т. I (34), Одесса.
- Самоковасов Г., 1884, История русского права, Варшава.
- Сандаг Ш., 1970, Образование единого монгольского государства и Чингисхан,— «Татаро-монголы в Азии и Европе», М.
- Сафаргалиев М. Г., 1960, Распад Золотой Орды, Саранск.
- Свенцицкая И. С., 1971, К вопросу о положении ЛАОI в царстве Се-левкидов,— ВДИ, № 1.
- Семенов А. А., 1954, Первые шейбаниды и борьба за Мавераннахр,— ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XXV.
- Семенов С. А., 1968, Развитие техники в каменном веке, Л.
- Семенов-Зусер С. А., 1931, Родовая организация у скифов Геродота,— ИГАИМК, т. 9, вып. 1, Л.
- Семенов-Зусер С. А., 1939, Скифо-кочевники на территории північного Причорномор'я,— «Наукові записки Харківського держ. педагогічного інституту», Харків, т. 1.
- Семенов-Зусер С. А., 1947, Скифская проблема в отечественной науке. 1692—1947, Харьков.
- Семенюк Г. И., 1959, Рабство в Казахстане в XV—XIX вв.,—ТИИАЭ АН КазССР, т. 6, Алма-Ата.
- Семенюк Г. И., 1969, О некоторых особенностях перехода к феодализму кочевых племен и народов (на материалах Казахстана),— «Проблемы возникновения феодализма у народов СССР», М.
- Сергеев В. С., 1948, История древней Греции, изд. 2.
- Синицын М. С., 1952, Городище у хутора Петуховки, Очаковского района по раскопкам 1940, 1949 и 1950 гг.,— ВДИ, № 2.
- Синицын М. С., 1957, Древнее поселение в Лузановке (по раскопкам 1929—1930 и 1937—1939 гг.),—МАСП, вып. I, Одесса.
- Синици М. С., 1959, Петухівські городище. Праці Одеського державного університету, т. 149, сер. Іст. наук, вип. 7, археологічний збірник, ч. I, Одеса.
- Синици М. С., 1959а, Поселения в с. Варварівка за раскопками 1938 р.,— «Праці Одеського державного університету», т. 149, сер. Іст. наук, вип. 7, археологічний збірник, ч. I, Одеса.
- Синици М. С., 1960, Про суспільний розвиток осілого населення Дніст-ро-Бузького Прічорномор'я сарматського часу,— МАПІ, вип. III, Одеса.
- Синицын М. С., 1962, Погребальные обряды племен Днестровско-Буг-ского Причерноморья в скифо-сарматское время,—МАСП, вып. 4, Одесса.
- Скржинская Е. Ч., 1971, История Таны (XIV—XV вв.),—«Барбаро и Контарини о России», Л.
- Скрипкин А. С., 1970, Случайные находки сарматских котлов на территории Волгоградской области,— СА, № 4.
- Скудно ва В. М., 1956, Монеты-стрелки из Ольвии,—СГЭ, вып. X, Л.
- Славин Л. М., 1955, Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників ольвського оточення у 1949—1950 рр.,— АП УРСР, т. V, Київ.
- Славин Л. М., 1959, Периодизация исторического развития Ольвии,— «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М.

- С л о в ц о в И., 1881, Путевые записки, веденные во время поездки в Кок-четавский уезд Акмолинской области в 1878 г., Омск.
- С л ю с а р е н к о Ф., 1925, Грецько-скифсью взаємощносини II ст. пер. Хр.,— «Науковий юбілейний збірник на пошану Т. Г. Масарика», ч. I, Прага.
- С м и р н о в А. П., 1934, Рабовладельческий строй у скифов-кочевников, М.
- С м и р н о в А. П., 1966, Скифы, М.
- С м и р н о в А. П., 1970, Происхождение рабовладения,— «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма», М.
- С м и р н о в К. Ф., 1952, Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья,— К.СИИМК, вып. XLVI, М.
- С м и р н о в К. Ф., 1961, Археологические данные о древних всадниках По-волжско-Уральских степей,— СА, № 1.
- С м и р н о в К. Ф., 1964, Савроматы, М.
- С м и р н о в К. Ф., 1964а, Производство и характер хозяйства ранних сарматов,— СА, № 3.
- С м и р н о в К. Ф., 1971, О начале проникновения сарматов в Скифию,— МИА, № 177, М.
- С м и р н о в К. Ф., 1973, О коллективных (семейных) захоронениях у ранних кочевников Южного Приуралья,— «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года», Ташкент.
- С о б о л е в с к и й А. И., 1923, Русско-скифские этюды,— ИОРЯС РАН, т. XXVI, Пг.
- С о к о л о в с к и й А., 1926, Казахский аул, Ташкент.
- С о к о л о в с к и й Н. И. и Ш е л о в Д. Б., 1959, Историческая роль античных государств Северного Причерноморья,— «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М.
- Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина (1081—1118)., 1859, Труд Анны Комниной, ч. I, СПб.
- С о л о м о н и к Э. И. 1952. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья,— «Археология и история Боспора», I, Симферополь.
- С о л о м о н и к Э. И., 1964, Новые эпиграфические памятники Херсонеса, Киев.
- С о р о к и н В. С, 1959, Новые археологические данные к вопросу о развитии древней семьи,— СА, № 4.
- С о р о к и н С. С, 1961, Древние скотоводы ферганских предгорий,— «Материалы по этнографии», вып. 1, ГО СССР ОЭ, Л.
- С п и ц ы н А. А., 1918, Курганы скифов-пахарей,— ИАК, вып. 65.
- С п и ц ы н А. А., 1918а, Скифо-сарматские курганы Крымской степи,— ИТУАК, вып. 54, Симферополь.
- С т р о е в а Л. В., 1958, Борьба кочевой и оседлой знати в Чагатайском государстве в первой половине XIV в.,— «Памяти И. Ю. Крачковского», Л.
- С т р у в е В. В., 1968, Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии, Л.
- С ы м о н о в и ч Э. А., 1963, Итоги новых работ на могильнике Неаполя скифского в Крыму,— «Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея за 1961 г.», Одесса.
- С ы м о н о в и ч Э. А., 1967, Погребения I—III вв. н. э. Николаевского могильника на Нижнем Днепре,— АО 1966 года, М.
- С ы м о н о в и ч Э. А., 1971, Культура поздних скифов и Черняховские памятники в Нижнем Поднепровье,— МИА, № 177, М.
- С ы р к и н А. Я., Т о п о р о в В. Н., 1968, О триаде и тетраде,— «Семиотика. Тезисы и доклады на третьей летней школе по вторичным моделирующим системам», Тарту.
- Т а д м о р Х. . . 1962, Три последних десятилетия Ассирии,— «Труды XXV МКВ», т. I, М.

- Таскин В. С., 1968, Скотоводство у сюнну по китайским источникам,— «Вопросы истории и историографии Китая», М.
- Таскин В. С., 1968а, Материалы по истории сюнну (по китайским источникам), вып. 1, М.
- Таскин В. С., 1973, Материалы по истории сюнну (по китайским источникам), вып. 2, М.
- Телегин Д. Я., Питання відносної хронології пам'яток пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я (За матеріалами розкопок в с. Ушкал-ка),— «Археологія», т. XII, Київ.
- Тереножкин А. И., 1952, Поселения и городища в бассейне реки Тяс-мина,— КСИИМК, вып. XLIII, М.
- Тереножкин А. И., 1952а, Памятники предскифского периода на Украине,— КСИИМК, вып. XLVII, М.
- Тереножкин О. И., 1954, Курган біля с. Глеваха,— «Археологія», т. IX, Київ.
- Тереножкин А. И., 1961, Предскифский период на Днепровском Правобережье, Киев.
- Тереножкин А. И., 1965, Основы хронологии предскифского периода,— СА, № 1.
- Тереножкин О. И., 1965а, Памятники скифів-орачів в Південному Поліссі,— «Археологія», т. XIX, Київ.
- Тереножкин А. И., 1966, Об общественном строе скифов,—СА, №2.
- Тереножкин А. И., 1970, Киммерийцы,—«Труды VII МКАЭН», т. 5, М. Тереножкин А. И., 1971, Скифская культура,—МИА, № 177, М.
- Тереножкин А. И., 1972, Начало железного века на Юге Европейской «части СССР»,— «XV Наукова конференция Института археології. Те-зи», Одеса.
- Тереножкин А. И., 1973, К истории изучения предскифского периода,— «Скифские древности», Киев.
- Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н., 1973, Скифские курганы Никопольщины,— «Скифские древности», Киев.
- Тизенгаузен В., 1884, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб.
- Тизенгаузен В., 1941, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, М.—Л.
- Тихонов Д. И., 1966, Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X—XIV вв., М.—Л.
- Токарев С. А., 1936, Докапиталистические пережитки в Ойротии, Л.
- Токарев С. А., 1964, Ранние формы религии, М.
- Толль Н. П., 1928, Скифы и гунны, Прага.
- Толстов С. П., 1934, Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах,— ИГАИМК, вып. 103, М.—Л.
- Толстов С. П., 1938, Тирания Абря, —«Исторические записки», № 3.
- Толстов С. П., 1948, Древний Хорезм, М.
- Толстой И. и Кондаков Н., 1889, Русские древности в памятниках искусства, вып. 2, СПб.
- Толыбеков С. Е., 1959, Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX веках, Алма-Ата.
- Толыбеков С. Е., 1971, Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. Политико-экономический анализ, Алма-Ата.
- Топоров В. Н., Трубачев О. Н., 1962, Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Приднепровья, М.
- Тренчени-Вальдапфель И., 1959, Мифология, М.
- Троицкая Т. К., 1951, Скифские курганы Крыма,— «Известия Крымского отдела ГО СССР», вып. 1, Симферополь.
- Троицкая Т. Н., 1954, Скифские погребения в курганах Крыма, канд. дисс, Симферополь.
- Троицкая Т. Н., 1957, К вопросу о локальных особенностях скифской

культуры в Центральном Крыму и на Керченском полуострове,— «Известия Крымского отделения ГО СССР», *вып.* 4, Симферополь.

Т р о ф и м о в а М. К., 1959, О некоторых источниковедческих проблемах XXXVI (Борисфенитской) речи Диона Хризостома,— ВДИ, № 3.

Т р у б а ч е в О. Н., 1968, Названия рек Правобережной Украины, М.

Т у р а е в Б. А., 1936, История древнего Востока, т. I, Л.

Фабрициус I., 1930, Любимівське городище (Розкопування 1926, 1927, 1929),— «Вісник Одеського Університету краєзнавства», ч. 4—5, Одеса.

Федоров-Давыдов Г. А., 1966, Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов, М.

Федоров-Давыдов Г. А., 1973, Общественный строй Золотой Орды, М.

Федянович Б. А., 1973, Природные условия аридных зон СССР и пути развития в них животноводства,— ТИЭ, н. сер., т. ХСVIII, Л.

Ф и е л ь с т р у п Ф., 1927, Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана,— «Казаки. Антропологические очерки», сб. II, Л.

Ф и р д о у с и, 1957, Шахнамэ, т. I, М.

Ф р а й Р., 1972, Наследие Ирана, М.

Ф р о л о в а Н. А., 1964, Монеты скифского царя Скилура,— СА, № 1.

Х а з а н о в А. М., 1960, Скифские коллективные погребения в Крыму,— «Сборник студенческих докладов на V Всесоюзной археологической конференции», М.

Х а з а н о в А. М., 1968, Загадочная кувата,— СЭ, № 3.

Х а з а н о в А. М., 1968а, «Военная демократия» и эпоха классовообразования,— ВИ, № 12.

Х а з а н о в А. М., 1970, Материнский род у сарматов,— ВДИ, № 2.

Х а з а н о в А. М., 1970а, 3 соціальної історії Скіфії,— УІЖ, № 9.

Х а з а н о в А. М., 1971, Очерки военного дела сарматов, М.

Х а з а н о в А. М. 1972, О характере рабовладения у скифов,— ВДИ, № 1.

Х а з а н о в А. М., 1972а, Обычай побратимства у скифов,— СА, № 3.

Хазанов А. М., 1972б, Сармато-калмыцкие параллели (К вопросу об однотипности кочевого хозяйства в одинаковом экологическом окружении),— «Проблемы алтаистики и монголоведения. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной конференции», Элиста.

Х а з а н о в А. М., 1973, О периодизации истории кочевников евразийских степей,— «Проблемы этнографии Востока», М.

Х а з а н о в А. М., 1973а, Характерные черты кочевых обществ евразийских степей,— «IX МКАЭН. Доклады советской делегации», М.

Х а з а н о в А. М., 1973, Скифское жречество,— СЭ, № 6.

Х а з а н о в А. М., 1974, Скифское общество в трудах Ж. Дюмезня,— ВДИ, № 3.

Х а з а н о в А. М., 1975, Разложение родового строя и возникновение классового общества,— «Первобытное общество», М.

Х а з а н о в А. М., 1975а, Золото скифов, М.

Х а з а н о в А. М., Ш к у р к о А. И., Социальные и религиозные основы скифского искусства (в печати).

Х а л и л о в Дж. А., 1971, Археологические находки «скифского» облика и вопрос о «скифском царстве» на территории Азербайджана,— МИА, № 177, М.

Х а р у з и н Н., 1896, История жилища у тюркских и монгольских народов,— «Этнографическое обозрение», кн. XXXVIII.

Х а р у з и н А. Н., 1883, Киргизы Букеевской орды. Антропологические очерки, вып. I, М.

Х л о б ы с т и н Л. П., 1972, Проблемы социологии неолита Северной Евразии,— «Охотники, собиратели, рыболовы», Л.

Ц а л к и н В. И., 1966, Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии,— МИА, № 135, М.

Ц а л к и н В. И., 1968, Фауна из раскопок Кара-Корума,— КСИА, вып. 114, М.

- Цалкин В. П., 1970, Древнейшие, домашние животные Восточной Европы,— МИА, № 161, М.
- Чайлд Г., 1949, Прогресс и археология, М.
- Черненко Е. В., 1967, Скифские курганы на Никопольине (раскопки 1961 года),— ЗОАО, т. II (35), Одесса.
- Черненко Е. В., 1968, Скифский доспех, Киев.
- Черников С. С., 1953, Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане,— КСИИМК, вып. 53, М.
- Черников С. С., 1960, О термине «ранние кочевники»,— КСИИМК, вып. 80, М.
- Черников С. С., 1965, Загадка Золотого кургана, М.
- Чиковани М. Я., 1960, Амираниани. Грузинский эпос, Тбилиси.
- Чиковани М. Я., 1966, Народный грузинский эпос о прикованном Ами-рани, М.
- Членова Н. Л., 1967, Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры, М.
- Членова Н. Л., 1971, Памятники I тысячелетия до н. э. Северного и Западного Ирана в проблеме киммерийско-карасукской общности,— «Искусство и археология Ирана», М.
- Чулошников А. П., 1924, Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен, ч. I, Оренбург.
- Чулошников А. П., 1936, К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII—XVIII вв.,—ИАН СССР, сер. обществ. наук, № 3.
- Шапошникова О. Г., 1970, Погребение скифского воина на р. Ингул (предварительная публикация),— СА, № 3.
- Шаревская Б. И., 1964, Старые и новые религии Тропической и Южной Африки, М.
- Шафранская И. В., 1951, К вопросу о кризисе Ольвии в III в.,— ВДИ, № 3.
- Шафранская Н. В., 1956, О миксэллинах,— ВДИ, № 3.
- Шахматов В. Ф., 1964, Казахская пастбищно-кочевая община, Алма-Ата.
- Шашко в С. С., 1872, Рабство в Сибири,— «Исторические этюды», т. II, СПб.
- Шелов Д. Б., 1956, Античный мир в Северном Причерноморье, М.
- Шелов Д. Б., 1965., Царь Атей,— НС вып 2 Киев
- Шелов Д. Б., 1970, Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э., М.
- Шелов Д. Б., 1971, Скифо-македонский конфликт в истории античного мира,—МИА, № 177, М.
- Шелов Д. Б., 1972, Социальное развитие скифского общества,— ВИ, № 3.
- Шенников А. А., 1971, Земледельческая неполная оседлость и «теория бродяжничества»,— «Этнография народов СССР». ГО СССР ОЭ, Л.
- Шенников А. А., 1973, Жилые дома ногайцев Северного Причерноморья,— «Славяно-русская этнография (Сборник статей)», ГО СССР, Л.
- Шилов В. П., 1964, Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы,—АСГЭ, вып. 6, Л.
- Шилов В. П., 1970, Походження кочивого скотарства у Східній Європі,— УІЖ, № 7.
- Шилов В. П., 1973, К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху,— КСИА, вып. 138, М.
- Ширинский С. С., 1970, Объективные закономерности и субъективный фактор в становлении древнерусского государства,— «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма», М.
- Шшкин К. В., 1966, Применение аэрофотосъемки для исследования археологических памятников,— СА, № 3.

- Шкорпил В. В., 1917, Новонайденные боспорские надписи,—ИАК, вып. 63, Пг.
- Шаглый Н. М., Черняков И. Т., 1970, Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964—1966 гг.),—МАСП, вып. 6, Одесса.
- Шнитников А. В., 1957, Изменение общей увлажненности материков Северного полушария,— «Записки ГО СССР», н. сер., выи. 16, М.—Л.
- Шрамко Б. А., 1961, К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе,— СА, № 1.
- Шрамко Б. А., 1962, Древности Северского Донца, Харьков.
- Шрамко Б. А., 1964, Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника,— СА, № 4.
- Шрамко Б. А., 1971, К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии,— МИЛ, № 177, М.
- Штейнберг Е., 1934, Очерки истории Туркмении, М.—Л.
- Штительман Ф. М., 1956, Поселения античного периода на побережье Бугского лимана,— МИА, № 50, М.—Л.
- Штительман Ф. М., 1958, Поселения біля Закисово! балки,— АП УРСР, т. VII, Київ.
- Шульженко И. Ф., 1954, Животноводство Монгольской Народной Республики,—ТМК, т. 61, М.—Л.
- Шульц П. Н., 1937, О работах Евпаторийской экспедиции,— СА, вып. III, М.—Л.
- Шульц П. Н., 1940, Ямы-жилища в скифском поселении близ г. Николаева,— КСИИМК, вып. V, М.—Л.
- Шульц П. Н., 1941, Евпаторийский район,— «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», М.—Л.
- Шульц П. Н., 1946, Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака,— КСИИМК, вып. XII, М.—Л.
- Шульц П. Н., 1949, Розкопки Неаполя Скіфського в 1946 р.,— АП УРСР, т. II, Київ.
- Шульц П. Н., 1953, Мавзолей Неаполя скифского, М.
- Шульц П. Н., 1957, Исследования Неаполя скифского (1945—1950 гг.),— «История и археология древнего Крыма», Киев.
- Шульц П. Н., 1971, Позднескифская культура и ее варианты на Днестре и в Крыму (постановка проблемы),—МИА, № 177, М.
- Щапов А. П., 1875, Бурятская улусная родовая община,— «Известия Сибирского отдела РГО», т. V, № 3—4, Иркутск.
- Щеглов А. Н., 1965, Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг.,— КСИА, вып. 103, М.
- Щеглов А. Н., 1968, Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху,— «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», Л.
- Щеглов А. Н., 1970, Поселения Северо-Западного Крыма в античную эпоху,— КСИА, вып. 124, М.
- Щеглов А. Н., 1971, Северо-Западный Крым в античную эпоху, автореф. канд. дисс, Л.
- Щепинский А. И., 1962, Погребение начала железного века у Симферополя,— КСИА АН УССР, вып. 12, Киев.
- Щепинский А. А., Черепанова Е. Н., 1967, Исследования в Северном Крыму,— АО 1966 года, М.
- Щукин М. Б., 1970, К истории Нижнего Поднепровья в первые века нашей эры,— АСГЭ, вып. 12, Л.
- Эрдниева У. Э., 1964, Скотоводство у калмыков в XIX — начале XX в. (историко-этнографический очерк),— «Записки Калмыцкого НИИЯЛИ», вып. 4, сер. ист., Элиста.
- Эрдниева У. Э., 1970, Калмыки (конец XIX — начало XX в.). Историко-этнографические очерки, Элиста.
- Юдин В. П., 1965, О родоплеменном составе могулов Могулистана и Мо-гулии и их этнических связях с казахскими и другими соседними народами,— «Известия АН КазССР», сер. обществ. наук, № 3.

- Юшков С., 1944, Учебное пособие по истории государства и права СССР, вып. 1—2, М.
- Юшков С. В., 1947, История государства и права СССР, т. I, М.
- Юшков С. В., 1961, История государства и права СССР, т. I, М.
- Якобсон А. Л., 1973, Крым в средние века, М.
- Яковенко Е. В., 1965, Некрополь скифского часу біля м. Боріспіль,— «Археологія», т. XVIII, Київ.
- Яковенко Е. В., 1969, Про соціальні стрій місцевого населення європейського Боспору в V—III ст. до н. е.,— ВІЖ, № II.
- Яковенко Э. В., 1970, Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма,— «Древности Восточного Крыма», Киев.
- Яковенко Э. В., 1971, Скифские погребения на Керченском полуострове,— МИА, № 177, М.
- Яковенко Е. В., 1972, Про «сктетр» цариц з Куль-Оби,— «Материали XIII конференци Інституту археології», Київ.
- Якубовский А. Ю., 1946, Тимур,— ВИ, № 8—9.
- Яценко И. В., 1959, Скифия VII—V веков до нашей эры, М.
- Яценко И. В., 1970, Исследование сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории (1964—1967),—КСИА, вып. 124, М.
- Абаев В., 1963, Le cheval de Troie,— «Annales», № 3.
- Аly W., 1921, Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen, Göttingen.
- Аly W., 1929, Formprobleme der frühen griechischen Prosa,— «Philologus», Supplementband XXI, H. III.
- Аly W., 1957, Strabon von Ameseia, München.
- Васон Е. Е., 1954, Types of Pastoral Nomadism in Central and Southwestern Asia,— SJA, vol. 10, № 1.
- Васон Е. Е., 1958, Obok. A Study of Social Structure in Eurasia, New York.
- Варкоци Л., 1959, Transplantations of Sarmatians and Roxolans in the Danube Basin,— «Acta Antiqua», Budapest, VII, 2.
- Васон W. R., 1948, Ponapean Prestige Economy,— SJA, vol. IV, № 2.
- Венданн Е., 1930, Death Customs. An Analitical Study of Burial Rites, London.
- Венвенисте Е., 1932, Les classes sociales dans la tradition avestique,— JA, vol. 221, fasc. I.
- Венвенисте Е., 1938, Traditions indo-iraniennes sur les classes sociales,— JA, vol. 230.
- Венвенисте Е., 1966, Don et échange dans le vocabulaire indo-européen,— «Problèmes de linguistique générale», Paris.
- Вернардн В., 1952, The Age-System of the Nilo-Hamitic Peoples,—«Africa», № 122.
- Бинфорд Л. В., 1971, Mortuary Practices. Their Study and Their Potential,—«Memoirs of the Society for American Archeology», № 25.
- Блох Р., 1946, Origines de Rome, Paris.
- Болтон J. D. P., 1962, Aristes of Proconnesus, Oxford.
- Боннел Е., 1882, Beiträge zur Altertumskunde Russlands, Bd I, SPb.
- Бойсе М., 1970, Zoroaster the Priest,—BSOASUL, vol. XXXIII, pt 1.
- Бранденштейн В., 1953, Die Abstammungssagen der Skythen,— «Wiener Zeitschrift für die Kunde der Morgenlandes», Bd 52, H. 1—2.
- Брангуернон С., 1955, Le Hoggar, Paris.
- Бриггс Л. С., 1960, Tribes of the Sahara, Cambridge.
- Брауни Дж., 1959, The Tripartite Ideology of the Indo-Europeans: an Experiment in Method,— BSOASUL, vol. XXII, pt 1.
- Салан Л., 1896, Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols, des. origines jusqu'à 1405, Paris.
- Самерсон Г., 1936, History of Early Iran, Chicago.
- Санараче В., 1950, Monetele scitilor din Dobrodgea,—SCIV, I.

- Cavaignac E., 1957, Sur un passage de la tablette BM 25127,—«Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale», t. 51.
- Cavaignac E., 1961, A propos de début de l'histoire des Mèdes,—JA, t 249.
- Ceska J., 1964, Об истреблении лимигантов,— «Mnema Vladimir Groh», Praha.
- Childe V. G., 1951, Social Evolution, London.
- Christensen A., 1918, Le premier homme et le premier roi dans l'histoire légendaire des Iraniens. 1, Uppsala. Cuno J. G., 1871, Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde. T. 1. Die Skythen, Berlin.
- Dalton M. O., 1964, The Treasure of the Oxus, 3d ed., London.
- Dawson W. R., 1929, The Custom of Couvade, Manchester. Deguignes J., 1756—1758, Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tatares occidentaux, ouvrage tiré des livres chinois, Paris.
- Devereux G., 1965, The Koloxain Horse of Alkman's Partheneion,— «The Classical Quarterly», new ser., vol. XV, № 2, London.
- Devereux G., 1972, Quelques traces de la succession par ultimogeniture en Scythie,— «Inter-Nord», № 12, Paris.
- Dhorme E., 1949, Les religions de Babylonie et d'Assyrie, Paris. Di Hler H., 1934, Wanderarzt und Aitiologe. Studien zur Hippokratischen Schrift ~επι αέρων ύδατων, τόπων—«Philologus», Supplementband XXVI, H. 3, Leipzig.
- Dissand R., 1949, Les religions des Hittites et des Hourites, des Phéniciens et des Syriens, Paris.
- Dumézil G., 1930, La préhistoire indo-iranienne des castes,— JA, vol. 216.
- Dumézil G., 1941, Jupiter, Mars, Quirinus: essai sur dieux indo-européens de la société et sur les origines de Rome, vol. I, Paris.
- Dumézil G., 1946, Les «enarées» scythiques et la grossesse du Narte Hamyc,— «Latomus», t. V, fasc. 3—4, Bruxelles.
- Dumézil G., 1952, Les Dieux des Indo-Européens, Paris.
- Dumézil G., 1954, Rituels indo-européens à Rome, Paris.
- Dumézil G., 1956, Aspects de la fonction guerrière chez les Indo-Européens,— «Bibliothèque de l'Ecole des Hautes Etudes, Section Religieuse», vol. 68, Paris.
- Dumézil G., 1958, L'idéologie tripartite des Indo-Européens, Bruxelles.
- Dumézil G., 1960, Les trois trésors des ancêtres dans l'épopée narte,— «Revue de l'histoire des religions», CLVII, avril—juin.
- Dumézil G., 1962, La société scythique avait-elle des classes fonctionnelles?,— III, vol. 5, № 3.
- Dumézil G., 1968, Mythe et Epopée, vol. I, Paris.
- Dumézil G., 1971, Mythe et Epopée, vol. II, Paris.
- Duveyrier H., 1864, Les Touareg du Nord, Paris. Ebert M., 1913, Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouv. Cherson (Südrubland) — PZ, Bd V, H. 1/2.
- Ebert M., 1913a, Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nicolajewka» am Dnjepr, Gouv. Cherson,— PZ, Bd V, H. 1/2.
- Ebert M., 1921, Südrubland im Altertum, Bonn — Leipzig. Elton C., 1882, Origin of English History, London.
- Evans-Pritchard E. E., 1940, The Nuer, Oxford. Fiηley M. L., 1962, The Black Sea and Danubian Regions and the Slave Trade in Antiquity,— «KHo», Bd XL.
- Frazer J. G., 1910, Totemism and Exogamy, vol. IV, London.
- Frazer J. G., 1919, Folklore in the Old Testament, vol. I—II, London.
- Frazer J. G., 1922, The Golden Bough, pt IV, vol. I—II, London.
- Frye R. N., 1960, Georges Dumézil and the Translators of the Avesta,— «Numen», vol. VII, fasc. 2—3.
- Gadd C. J., 1923, The Fall of Nineveh, London — Oxford.

- Gerasiomov T., 1938, Aelis, un roi scythe en Dobroudja,— «Studia Serdicensia», I, Serdicae.
- Gerschel L., 1956, Sur un schéma trifonctionnel dans une famille de légendes germaniques,— «Revue de l'Histoire des Religions», vol. 150.
- Ghirshman R., 1954, Iran, Harmondsworth.
- Ghirshman R., 1964, Persia from the Origins to Alexander the Great, London.
- Grimm I., 1881, Deutsche Rechtsaltertümer, Göttingen.
- Grousset R., 1948, L'empire des steppes. Attila, Gengis-Khan, Tamerlan, Paris.
- Gutschmid A. von, 1892, Kleine Schriften, Bd 3, Leipzig.
- Halliday W. R., 1911, A Note on the $\theta\eta\lambda\acute{\epsilon}\chi\ \nu\omicron\delta\omicron\sigma\omicron$ of the Scythians,— «The Annual of the British School at Athens», № XVII, session 1910—1911, London.
- Harmatta J., 1941, Quellenstudien zu den Skythica des Herodot, Budapest.
- Harmatta J., 1946—1948, Le problème cimmérien,—AE, № 7—9.
- Harmatta J., 1970, Studies on the History and Language of the Sarmatians, Szeged.
- Hartman L. F., 1952, The Date of the Cimmerian Threat against Ashurbanipal according to ABZ 1391,— «Journal of Near Eastern Studies», vol. XXI, K4 1.
- Henle P. S., 1959, Cattle Kingdom in the Ohio Valley 1783—1860, Lexington.
- Hérodote, 1949, Histoires, Livre IV. Texte établi et traduit par Ph.-E. Le-grand, Paris.
- Herodot, 1955, Historien. Übersetzt von A. Hornefier, neu herausgegeben und erläutert von H. W. Haussig, Stuttgart.
- Herskovits M. J., 1952, Economic Anthropology, New York.
- Hertz R., 1960, Death and the Right Hand, Glencoe.
- Hogbin L. H., 1938, Social Advancement in Guadalcanal, Solomon Islands,— «Oceania», vol. VIII.
- How W. W. and Wells J. M., 1912, A Commentary on Herodotus, vol. I—II, Oxford.
- Howorth H. H., 1876—1927, History of the Mongols from 9th to the 19th Century, vol. I—IV, London.
- Jacoby F., 1923—1930, Fragmente der griechischen Historiker, vol. I—V, Berlin.
- Jellmar K., 1966, Die Entstehung der Reiternomaden,— «Saeculum», Bd 17, H. 1—2.
- Kerst J., 1896, Ateas,— RE, II.
- Kagwa A., 1934, The Customs of the Baganda, New York.
- Khazanov A., 1971, Les grandes lignes de la formation des classes dans la société primitive,— «Problèmes théoriques de l'ethnographie», Moscou.
- Kincl J., 1955, Sarmatae Limigantes,— «Universitas Carolina, Iuridica», I, Praha.
- Kirchoff P., 1955, The Principles of Clanship in Human Society,— «Davidson Journal of Anthropology», Seattle.
- Klingel H., 1968, Halbnomadischer Bodenbau im Königreich von Mari,— «Das Verhältnis von Bodenbauern und Viehzüchtern in historischer Sicht», Berlin.
- Kien gel H., 1972, Zwischen Zelt und Palast. D'm Begegnung von Nomaden und Sesshaften im alten Vorderasien, Leipzig.
- Kothe H., 1967, Pseudoskythen,— «Klio», Bd 48.
- Kothe H., 1968, Die königlichen Skythen und ihre blinden Knechte,— «Das Verhältnis von Bodenbauern und Viehzüchtern in historischer Sicht», Berlin.
- Krader L., 1955, Ecology of Central Asian Pastoralism,—SJA, vol. II, №4.
- Krader L., 1959, The Ecology of Nomadic Pastoralism,—«International Social Journal», vol. XI, № 4.

- K r a d e r L., 1963, Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads, The Hague.
- K r a d e r L., 1968, Pastoral Nomadism in Eurasia: as Evolution and as History,—«Proceedings VIIth ICAES», vol. III, Tokyo and Kyoto.
- K r e t s c h m e r K., 1923, Scythae,— RE, IIA.
- K r o e b e r A. L., 1927, Disposal of the Dead,—AA, vol. 29, № 3.
- L a t t i m o r e O., 1935, Prince, Priest and Herdsmen in Mongolia,— «Pacific Affairs», vol. 8, № 1.
- L a t t i m o r e O., 1951, Inner Asian Frontiers of China,— «American Geographical Society. Research Series», № 21, New York.
- L a t t i m o r e O., 1957, The Social History of Mongol Nomadism, London.
- L h o t e H. L., 1955, Les Touareg du Hoggar (Ahaggar), Paris.
- L i d d e l l H. G., and S c o t t R. A., 1925—1932, Greek-English Lexicon, Oxford.
- L i n t o n R., 1936, The Study of Man, New York.
- L i t t l e t o n C. S., 1966, The New Comparative Mythology. An Anthropological Assessment of the Theories of Georges Dumézil, Berkeley and Los Angeles.
- L o w i e R. H., 1947, Primitive Society, New York.
- M a c C u l l o c h J. A., 1905, The Childhood of Fiction: a Study of Folk Tales and Primitive Thought, New York.
- M a e n c h e n - H e l f e n J. O., 1973, The World of the Huns, Berkeley — Los Angeles — London.
- M a l i n o w s k y B., 1922, Argonauts of the Western Pacific, London.
- M a u s s M., 1950, Essai sur le don. Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques,— «Sociologie et anthropologie», Paris.
- M e a d M., 1937, Cooperation and Competition among Primitive Peoples, New York.
- M e t r a u x A., 1940, Ethnology of Eastern Island,—«B. P. Bishop Museum Bulletin», № 160.
- M e y e n d o r f f G., de, 1826, Voyage d'Orenbourg à Boukhara *fait* en 1820, Paris.
- M e y e r E d., 1892, Forschungen zur alten Geschichte, I, Halle a. S.
- M i n n s E. H., 1913, Scythians and Greeks, Cambridge.
- M i n o r s k y V., 1937, Hudud al-Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A. H.— 982 A. D., Oxford.
- M i n o r s k y V., 1948, Tamim ibn Bahr's Journey to the Uyghurs,— BSOS, vol. XII, pt 2.
- M o l e M., 1952, Le partage du monde dans la tradition iranienne,— JA, vol. 140, №3.
- M o m i g l i a n o A., 1933, Dalla spedizione scitica di Filippo alla spedizione scitica di Dario,— «Athenaeum», XI, Pavia.
- M u r d o c k G. P., 1959, Africa. Its Peoples and Their Culture History, New York.
- M u r d o c k G. P., 1965, Social Structure, New York.
- M u r p h y R. F., 1967, Tuareg Kinship,— AA, vol. 69, № 2.
- M ü l l e n h o f f K., 1867, Ueber die Herkunft und Sprache der pontischen Scythen und Sarmaten,— «Monatsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1866», Berlin.
- M ü l l e r K. et Th., 1841 — 1870, Fragmenta Historicorum Graecorum, vol. I— V, Paris.
- M y r e s J. L., 1941, Nomadism,— «Journal of Royal Anthropological Institute», vol. 71, № 1.
- M y r e s J. L., 1953, Herodotus, Father of History, Oxford.
- N a m i o E g a m i, 1968, On the Origin of Nomadism in Mongolia,— «Proceedings VIII ICAES», vol. III, Tokyo and Kyoto.
- N e u m a n n K., 1855, Die Hellenen im Skythenlande, Bd 1, Berlin.
- N i c o l a i s e n J., 1958, Slavery among the Tuareg in the Sahara. A Preliminary Analysis of the Structure,— «Kuml».

- Nicolaïsen J., 1963, Ecology and Culture of the Pastoral Tuareg, København.
- Nicorescu P., 1925, La campagne de Philippe en 339,—«Dacia», vol. 11.
- Niese B., 1907, Herodotstudien besonders zur spartanischen Geschichte,— «Hermes», Bd 42.
- d'Ohsson C, 1834—1835, Histoire des Mongols depuis Tchiguiz-Khan jusqu'à Timour bey ou Tamerlan, t. I—IV, La Hay et Amsterdam.
- Olshiki L., 1946, Guillaume Boucher, a French Artist at the Court of the Khans, Baltimore, England.
- Patai R., 1951, Nomadism: Middle Eastern and Central Asian,—SJA vol. 7, №4.
- Patsch C, 1925, Banater Sarmaten,—«Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-historische Klasse», 62 Jahrgang, Wien und Leipzig.
- Patsch C, 1932, Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa,— «Sitzungsberichte Wiener Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse», t. 214, № 1.
- Pearson L., 1938, Apollonius of Rhodes and the Old Geographers,—«American Journal of Philology», vol. LIX, № 4.
- Pearson L., 1939, Early Ionian Historians, Oxford.
- Piassart A., 1913, Les archers d'Athènes,— «Revue des Etudes Grecques», t. XXVI, № 117, Paris.
- Pleziã M., 1959/60, Hekataios über die Völker am Nordrand des skythi-schen Schwarzmeergebietes,— «Eos», vol. L, fasc. 1. Wroclaw.
- Poucha P., 1968, Bodenbauern und Nomaden im alten Mittel- und Zentral-asien,— «Das Verhältnis von Bodenbauern und Viehzüchtern in historischer Sicht», Berlin.
- Powell J. E., 1938, A Lexicon to Herodotus, Cambridge.
- Prins A. H. J., 1953, East African Age-Class System, Groningen.
- Pritsak O., 1952, Stammennamen und Titulaturen der altaischen Völker,— «Ural-Altaiisch Jahrbücher», Bd XXIV, № 1—2, Wiesbaden.
- Les Prolégomènes d'Ibn Khaldoun, 1863, trad. M. de Slane, Paris.
- Radig W., 1958, Frühformen des Hausentwicklung in Deutschland, Berlin.
- Radloff W., 1884, Aus Sibirien, Bd I, Leipzig.
- Reinach Th., 1890, Mithridate Eupator roi de Pont, Paris.
- Roscoe J., 1911, The Baganda, London.
- Rostovtzeff M., 1922, Iranians and Greeks in South Russia, Oxford.
- Rostovtzeff M., 1941, The Social and Economic History of the Hellenistic World, vol. I, Oxford.
- Rostovtzeff M., 1954, Bosporan Kingdom,—CAH, vol. VIII.
- Sahlins M. D., 1958, Social Stratification in Polynesia, Seattle.
- Sahlins M. D., 1968, Tribesmen, Englewood Cliffs.
- Schäperclaus J., 1956, Government and Politics in Tribal Societies, London.
- Schmidt W. S., 1835—1836, Das olbische Psephisma zu Ehren des Proto-genes,— «Rheinisches Museum für Philologie», IV, München.
- Schurmann H. F., 1956, Mongolian Tributary Practices of the Thirteenth Century,— «Harvard Journal of Asiatic Studies», № 4.
- Schurtz H., 1902, Alterklassen und Männerbünde, Berlin.
- Sellnow L, 1968, Vorwort,—«Das Verhältnis von Bodenbauern und Viehzüchtern in historischer Sicht», Berlin.
- Severeano G., 1926, Sur les monnaies primitives de Scythes. Legots monnaies en forme de pointe de flèche,—«Bulletin Societati Numis-matice Romane», Anul. XXXI, № 57—58, Bucuresti.
- Spuler B., 1955, Die Mongolen in Iran, Berlin.
- Spuler B., 1961, Les Mongols dans l'histoire, Paris.
- Stein H., 1901, Herodotus erklärt, T. II, Berlin.
- Steward J. H., Faron L. C., 1959, Native Peoples of South America, New York — Toronto — London.
- Strickon A., 1965, The Euro-American Ranching Complex,— «Man, Culture and Animals». Ed. by A. Leeds and A. P. Vayda, Washington.

- Sulimirski T., 1954, Scythian Antiquities in Western Asia,— «Artibus Asiae», vol. XVII, № 3/4.
- Sulimirski T., 1959, The Cimmerian Problem,—«Bulletin of the Institute of Archaeology. University of London», № 2.
- Sweet L. E., 1965, Camel Pastoralism in North Arabia and the Minimal Camping Unit,— «Man, Culture and Animals». Ed. by A. Leeds and A. P. Vayda, Washington.
- Thompson S., 1932—1936, Motif-Index of Folk-Literature, vol. I—V, Helsinki («Folklore Fellows Communications», № 106—109, 116, 117).
- Thomson W. Y., 1889, Te Pito Te Henua, or Easter Island,—«United States National Museum, Annual Report».
- Tomaschek W., 1888, Kritik der ältesten Nachrichten über den skythi-schen Norden,—«Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse», t. 116.
- Tomio Goto, 1968, On the Nomadic Unit-Groups of the East Mongols in the Recent Times,—«Proceedings VIII ICAES», vol. II, Tokyo and Kyoto.
- Toynebee A., 1934, A Study of History, vol. III, London.
- Turan O., 1948, Le droit terrien sous les Seldjoukides de Turquie, Paris.
- Tylore E., 1889, On a Method of Investigating the Development of Institutions; applied to Laws of Marriage and Descent,— «Journal of the Anthropological Institute», vol. XVIII, № 3, London.
- Ucko P. J., 1969, Ethnography and Archaeological Interpretation of Funerary Remains,— «World Archaeology», vol. I, № 2.
- Vasmer M., 1923, Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Sla-ven, I. Die Iranier in Südrussland, Leipzig.
- Vendryes M., 1934, La Couvade chez les Scythes,—«Comptes-rendus de l'Académie des Inscriptions».
- Vernardsky G., 1943, Ancient Russia, New Haven.
- Vérnardsky G., 1959, The Origins of Russia, Oxford.
- Vogel W., 1917, Pflugbau-Skythen und Hackbau-Skythen,—«Festschrift Eduard Hahn zum LX. Geburtstag», Stuttgart.
- Vulien., 1929/30, Konstantes' Sarmatenkrieg im J. 358 und 359,—«Byzantinische Zeitschrift», Bd XXX.
- Wang Yi - t'ung, 1953, Slaves and Other Comparable Social Groups during the Northern Dynasties (386—616),—HJAS, vol. 16, № 3—4.
- Werner J., 1961, Bronzenes Pferdekopfszepter der Hallstattzeit aus Pfed-mefice bei Hradec Krâlové,— «Památky archeologické», LU, cislo 2.
- West M. L., 1965, Alkmanica,— «The Classical Quarterly», new ser., vol. XV, № 2, London.
- Whitnif J. W. M., Ayres B., 1968, Inferences from the Shape of Dwelling,— «Settlement Archeology», Palo Alto.
- Widengren G., -И959, The Sacral Kingship of Iran,— «The Sacral Kingship». Contributions to the Central Theme of the VIIIth International Congress for the History of Religions (Rome, April 1955), Leiden.
- Wiseman D. J., 1958, The Vassal-Treaties of Esarhaddon,— «Iraq», vol. XX, ptl.
- Yadin Y., 1963, The Art of Warfare in Biblical Lands, vol. I, Jerusalem — Ramat Gan.
- Zajaczkowski A., 1968, Das Verhältnis der nomadischen Bevölkerung zu den sesshaften Bodenbauern in der Kiptschakischen Steppe (Dest-i Kipcak) bis zum 15 Jahrhundert,—«Das Verhältnis von Bodenbauern und Viehzüchtern in historischer Sicht», Berlin.
- Zeuner F. E., 1963, A History of Domesticated Animals, London.
- Zeuss K., 1837, Die Deutschen und die Nachbarstämme, München.

Архивные материалы

- Архив ИА АН СССР, р. 1, д. № 1182. Карасев А. Н. Отчет о работе Крымской скифской экспедиции ИИМК на городище Неаполя Скифского в 1955 г.
- Архив ИА АН СССР, р. 1, д. № 1364. Карасев А. Н. Отчет о работе Скифского отряда Крымской экспедиции ИИМК и Государственного Исторического музея, 1956.
- Архив ИА АН СССР, р. 1, д. № 1667. Отчет Скифского отряда Крымской экспедиции ИИМК АН СССР (раскопки Неаполя Скифского), 1957.
- Архив ИА АН УССР, инв. № 1958/30. Граков Б. Н. Отчет о раскопках Скифской экспедиции Исторического факультета МГУ на Вельском городище в 1958 г.
- Архив ИА АН УССР, инв. № 1959/70. Граков Б. Н. Отчет о раскопках Скифской экспедиции Исторического факультета МГУ на Вельском городище в 1959 г.
- Архив ИА АН УССР, инв. № 1961/30. Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Отчет о работе Западнскифской экспедиции 1961 г.
- Архив ИА АН УССР, инв. № 1962/44. Граков Б. Н., Мелюкова А. И., Елагина Н. Г. Отчет о раскопках курганов у Солохи в 1962 г.
- Архив ИА АН УССР, инв. № 1963/8. Ильинская В. А., Тереновская А. И. Отчет о работе Среднеднепровской археологической экспедиции 1963 г.
- Архив ИА АН УССР, инв. № 1962/8. Ильинская В. А., Тереновская А. И., Корпусова В. Н. Отчет о работе Среднеднепровской экспедиции Института археологии АН УССР.
- Архив ИА АН УССР, инв. № 1970/36. Лесков А. М., Кубышев А. И., Болдин Я. И., Зарайская Н. П., Румянцев А. П., Чередниченко Н. Н., Ястребова С. Б. Отчет о работе Каховской экспедиции Института археологии АН УССР в 1970 г.
- Архив ИА АН УССР, инв. № 1969/22. Лесков А. М., Кубышев А. И., Черненко Е. В., Тереновская А. И., Ильинская В. А., Болдин Я. И., Зарайская Н. П., Ястребова С. Б., Отрощенко В. В., Отчет о работе Каховской экспедиции Института археологии АН УССР в 1969 г.
- Архив ИА АН УССР, инв. № 1968/15. Лесков А. М., Черненко Е. В., Болтрик Ю. В., Болдин Я. И., Зарайская Н. П., Ястребова С. Б., Отрощенко В. В. Отчет о раскопках Каховской экспедиции в 1968 г.
- Архив ИА АН УССР, инв. № 1968/16. Тереновская А. И., Ильинская В. А. Отчет о работе Северо-Рогачикской экспедиции Института археологии АН УССР. Архив ИА АН УССР, инв. № 1970/46. Черненко Е. В., Бунятин Е. П.
- Отчет о работе Краснознаменной экспедиции в 1970 г. Архив ИА АН УССР, инв. № 1968/17. Черненко Е. В. и Корпусова В. Н. Отчет о раскопках курганских могильников у с. Широкое Скадовского района Херсонской области, Архив ИА АН УССР, инв. № 1968/22.
- Шапошников О. Г., Шарафудинова И. Н. Отчет о работе Ингульского отряда в 1968 г.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АО	—Археологические открытия
АП УРСР	—Археологічні пам'ятки УРСР
АСГЭ	—Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ	—Вестник древней истории
ВИ	—Вопросы истории
ВЛУ	—Вестник Ленинградского университета
ВМУ	—Вестник Московского университета
ВССА	—Вопросы скифо-сарматской археологии
ГО СССР	—Географическое общество СССР
ГО СССР ОЭ	—Географическое общество СССР. Отделение этнографии
ЖМНП	—Журнал Министерства народного просвещения
ЗІФЕГ	—Записки Исторично-філологічного відділу АН УРСР
ЗОАО	—Записки Одесского археологического общества
ЗОРСА	—Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО	—Записки Русского археологического общества
ИА АН СССР	—Институт археологии Академии наук СССР
ИА АН УССР	—Институт археологии Академии наук Украинской ССР
ИАК	—Известия Археологической комиссии
ИАН СССР	—Известия Академии наук СССР
ИВАД	—Известия на Варненско археологическо дружество
ИГАИМК	—Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИОРЯС РАН	—Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук
ИТУАК	—Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА	—Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР	—Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК	—Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ КСПАИОГАМ	—Краткие сообщения Института этнографии
МАР	—Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея за 1961 г.
МАПП	—Материалы по археологии России
МАСП	—Матеріали по археології Північного Причорномор'я
МИА	—Материалы по археологии Северного Причерноморья
МКАЭН	—Материалы и исследования по археологии СССР
МКВ	—Международный конгресс антропологических и этнографических наук
МКИН	—Международный конгресс востоковедов
МОПИ	—Международный конгресс исторических наук
НАА	—Московский областной педагогический институт
НИИЯЛИ	—Народы Азии и Африки
	—Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

НС	—Нумизматика и сфрагистика
ОАК	—Отчеты Археологической комиссии
ПИДО	—Проблемы истории докапиталистических обществ
ПОДУ	—Праці Одеського державного університету
РГО	—Российское географическое общество
СА	—Советская археология
САИ	—Свод археологических источников
СГЭ	—Сообщения Государственного Эрмитажа
СЭ	—Советская этнография
ТГУ	—Тартуский государственный университет
ТЗС ТИВ	—Труды по знаковым системам
	—Труды Института востоковедения
ТИИАЭ	—Труды Института истории, археологии и этнографии
	—Труды Института этнографии
ТИЭ ТМК	—Труды Монгольской комиссии
ТХАЭЭ	—Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ТЧИННИИ	—Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института
УДЖ	—Український Історичний журнал
ЦГА КАССР	—Центральный государственный архив Калмыцкой АССР
AA	—American Anthropologist
AE BSOASUL	—Archaeologiai Ertesio
	—Bulletin of the School of Oriental and African Studies University of London
BSOS	—Bulletin of the School of Oriental Society
САН	—Cambridge Ancient History
FHG	—Müller K- et Th., Fragmenta Historicorum Graecorum
ICAES	—International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences
ИИ	—Indo-Iranian Journal
IOSPE	—Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini, t. I, II, IV, СПб., 1884—1901
IOSPE, F	—Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini, изд. 2, t. I, Пг., 1916
JA	—Journal Asiatique
HJAS	—Harvard Journal of Asiatic Studies
RE	—Realencyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft, herg. von Pauly — Wissowa — Kroll
PZ	—Praehistorische Zeitschrift
SCIV	—Studii si cercetări istorii veeche
SJA	—Southwestern Journal of Anthropology

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Агамия 106
Агнаты 104
Административно-политическая организация 105, 112 у кочевников 127, 128 -у скифов 43, 52, 111—123, 127, 128, 182, 185—187, 189, 229, 241, 244
Аймак калмыцкий 95
Аксиология (система ценностей) у скифов 79, 110, 154, 160, 181
Амгиды 147
Античная цивилизация 10, 15, 16, 22, С2, 68, 259
Антропологическая школа в фольклористике 97
Аристократия (знать) у кочевников 33, 56, 74, 92, 128, 138, 144, 145, 151, 157, 161, 163, 181, 182, 185, 186, 190, 191, 200, 225, 252—255, 257, 259, 263, 269
Аристократия (знать) у скифов 19, 26, 28, 49, 58—62, 79, 89, 103, 107, 110, 112, 120, 124, 128, 138, 154, 156, -158, 160, 164, 170, 176, 179—191, 193, 198, 200—202, 223, 225, 228, 230, 232, 234, 237, 240—242, 244, 249, 250, 264, 277, 281
Архэ (области, провинции) скифские 112—114, 120—122, 1(27, 183, 189, 198
Ассоциативные организации 58, 60, 102
Ахагары 147
- Басилевсы** см. цари
Басилеи (подразделения Скифского царства) 37, 39, 52, 111, 112, 114, 121—125, 127, 128, 197, 198, 229
«Белая кость» у казахов 178, 193
Билатеральность 87
Брак 55, 56, 76—82, 84, 106, 107, 145, 280
 групповой 76, 77, 80, 87
 левиратный 79—82
 моногамный (моногамия) 77 полигиниче-
 ский (многоженство) 77—79
Брахманы 177, 201
Брачная резиденция см. локальность
Великое переселение народов 251
Верблюды 6—11, 165, 270
- Взаимоотношения кочевников с земледельца-**
ми 5, 9, 13, 26, 31 — 33, 35, 129, 143, 144,
160—164, 190, 191, 197, 200, 201, 215, 217,
222, 225, 244, 251, 254—263, 266, 272
Взаимоотношения кочевников с земледельца-
ми в Скифии 26, 28—31, 48, ИЗ, 120, 121,
123, 125, 127, 129, 148, 151—156, 158—161,
188, 189, 200, 217, 220, 222, 224, 225, 229,
231—239, 248, 250, 254, 264
Взаимоотношения скифов с греками 137—139,
142, 157, 158, 176, 180, 202, 234—236, 239,
244, 246, 247, 250, 259
Вирилокальность 86, 87
Военная демократия 28—30, 35, 236, 237, 267,
283
Военная организация у кочевников 26, 35,
83—85, 128, 129, 140, 144—147, 151, 158,
161, 187, 188, 202, 252, 262, 284
Военная организация у скифов 26,
43, 49, 66, 84, 92, 100, 106, 111, 112, 120, 122,
128, 165—167, 179, 180, 183, 186, 189,
191, 198, 199,
228, 231, 236, 240, 277
Возникновение кочевого скотоводства (ко-
чевничества) 8—10, 14, 93, 212, 214
Возрастные классы 66, 85, 108, 109 **Войкеи**
159
Война скифов с Дарием I 40, 47, 52, 83, 112,
122, 158, 175, 197,
229, 231, 232, 236, 238, 244
Вокативная система 88

- «Восьминогие», социальная прослойка в Скифии 68, 164—166
- Всадничество 6, 7, 9, 43, 84, 92, 141, 148, 164—166, 180, 189, 199, 215, 230
- Выпас скота 6, 83, 92, 142, 145—147, 152, 252
- Гадатели см. жречество Генеалогическая ассимиляция 50, 54, 216
- Генеалогическое старшинство 105, 196, 282
- Геиос скифский 37, 48—52, 104, 118—120, 122, 276—277
- Гимнеты 160
- Государственность у кочевников 32—35, 122, 140, 162—164, 167, 188, 190, 193, 199, 203, 217, 222, 224, 225, 237, 244, 251, 254—263, 267, 268, 271, 273, 284
- Государственность у скифов 25, 27—31, 111, 203, 217, 220, 222—225, 237, 238, 244, 245, 248, 250, 259, 267
- Данничество 159, 160, 200, 230, 257 у кочевников 26, 130, 140, 143, 144, 160—164, 190, 200, 201, 222, 257, 259—263
- у скифов 26, 27, 30, 120, 121, 137, 153—160, 179, 183, 188, 200, 201, 222, 224, 230, 232, 238, 245, 257, 264, 276
- Дружина 110, 144, 145, 154, 185, 186, 189, 226, 281
- у скифов 107, 154, 158, 185, 186, 189, 236
- Жилище кочевников 11, 12, 67—69, 71, 74, 83, 91, 92, 96, 147—148, 164—166, 201, 268, 270, 271, 279
- Жречество 44, 124, 168—179, 200, 202
- у кочевников 86, 178, 179, 200, 253
- у скифов 20, 43, 86, 89, 91, 124, 168—178, 181, 200—202, 264
- Зайсанги 95
- Земледелие 9, 11—13, 43, 46, 117, 124, 141, 144, 150, 151, 156, 166, 240, 247, 250, 258, 259
- ирригационное 9, 131, 142
- мотыжное 118
- плужное (пашенное) 43, 46, 118, 142, 248
- Зимники 11, 13, 68, 95, 125, 227, 239, 248, 270, 284
- Илоты 30, 96, 109, 132, 188 Имущественная дифференциация 93, 96, 109, 132, 188 у кочевников 9, 33, 35, 92, 148—
- 151, 164, 214 у скифов 20, 26, 28, 89, 92, 93, 148—154, 164—166, 180, 232, 240, 243, 252 Инициации 108 Инцест 80, 280
- Искусство скифское 165, 166, 180, 181, 235, 236, 242, 244
- Категории зависимого населения 164
- в античном мире 138, 159—160
- у кочевников 139—147, 149—151, 154, 262
- у скифов 20, 45, 48, 50, 52, 53, 133, 135, 148—160, 217, 222, 224, 229, 230, 232, 240, 241
- Киники 16, 88
- Клан 31, 101, 105
- генеалогический 105
- конический 105, 114
- Клароты 160
- Климат 10, 12, 14, 20, 214, 269
- Коза 6, 7, 141, 165
- Колесно-упряжный транспорт 6, 9, 69, 83, 91, 92, 131, 164, 165, 227, 250, 258, 270, 271
- Конь (лошадь) 6—8, 49, 92, 101, 112, 125, 133, 141, 143, 148, 149, 151, 153, 164—166, 180, 207, 227, 228, 242, 258, 270, 284
- Кооперация в кочевом хозяйстве 76, 101, 141, 252 Коринефоры 160
- Кочевники евразийских степей
- древности (ранние кочевники) 3, 4, 11, 12, 15, 24, 32, 35, 74, 75, 82, 92, 93, 126, 129, 137, 140, 142, 160, 161, 167, 187, 189, 199, 200, 217, 259, 260, 263, 265—273, 275
- средневековья 3, 11, 12, 15, 31, 32, 35, 81, 82, 93, 95, 126, 128, 129, 142, 154, 160, 163, 178, 197, 199, 200, 217, 225, 259, 260, 263, 265—273, 275, 279
- нового времени 4, 7, 8, 11, 12, 15, 35, 81, 82, 93, 95, 125, 128, 142, 154, 178, 179, 254, 265, 268—270, 272, 273
- Кочевничество (кочевое скотоводство, номадизм) как род хозяй-

ственной деятельности 5—14, 93, 150, 151, 200, 251, 255, 264, 265—267, 269, 271, 273, 274

Кочевой феодализм см. феодализм и феодальные отношения у кочевников

Крупный рогатый скот 6—8, 49, 69, 92, 112, 141, 151, 164, 105, 222, 270, 284

Кувада 88—90

Кшатрии 177

Левират 79—82, 95, 96, 280

Линейность 83, 84, 86, 93

Линия 58, 87

Логографы 17, 18, 21, 36, 175, 275

Локальность (брачная резиденция) 86

Маги в древнем Иране 109, 170, 177, 197, 201

Майорат 96, 97

Мариандины 159, 160

Матриархат 84, 91, 280

Матрилинейность 83, 84, 86, 88—91, 265

Мелкий рогатый скот 7, 112» 141

(см. также коза, овца) Минорат 50, 94—98, 280

Мифология 36—54, 97, 98, 176, 277

Мноиты 159, 160

Налогообложение 167 у кочевников 253, 254, 257 у скифов 167 у хунну 167. 190

Наложницы 78—80, 136, 145, 153, 279 Наследование 91, 93—98, 103, 185, 196, 197

власти 50, 82, 93, 95, 96, 187, 188, 190, 195, 196

имущества у скифов 56, 80, 93, 96-98, 103

царской власти у кочевников 56, 82, 96, 195, 196

царской власти у скифов 36—38, 47, 48, 50—52, 93, 96-98, 195, 197, 277

порядок наследования 80—82, 93-98, 195, 196

Неолокальность 87

Номадизация (переход к кочеванию) 3, 10, 13, 14, 46, 105, 132, 151, 168, 208

Номархи скифские 112, 120—122, 127,

183—186, 198, 199

Номы египетские 112

Номы иранские 112

Номы скифские 112—114, 120—122, 171, 183, 189, 199

Обедневшие и неполноправные прослойки населения у кочевников 13, 141—143, 146, 147, 149—151, 165, 185, 200, 252 267 у скифов 20, 148—153, 164, 166, 188, 200, 265

Обок 105

Общественное разделение труда 9, 12, 255, 256, 273

Община 112, 123—127, 132, 237, 251 большесемейная 68, 69 кочевая о4, 101, 102, 129, 141 родовая 28

соседская 109, 124—127 у кочевых скифов 123—128 у оседлых скифов 29, 124, 125

Овца (баран) 6, 91, 92, 141, 165, 222, 284

Олень 6, 7

Оседание см. седентаризация

Осел 151

Отгонно-пастбищное (пастушеское) скотоводство 6, 9, 10, 274

Охотники и собиратели 5, 14, 240

Пастбища 5, М, 13, 34, 92, 111, 126, 129, 225, 240, 252—254, 270, 284

Пастухи 34, 35, 141, 142, 150—154, 252 Патриархальность 28, 33, 55, 84, 88, 90, 91, 104 Патрилинейность 84, 86, 88, 91, 265 Патрилокальность 86, 87

Патронимия 101, 104, 106

Пенесты 30, 159, 160

Пережитки 91, 109

матрилинейности (матриархата) 84, 88—91, 280

Периодизация истории кочевников евразийских степей 266—274

Пилофоры 177

Пиры престижные 184, 185 Племенные объединения (группы) 104, 114

у кочевников 103, 129, 161, 162, 182, 216, 217, 228, 234

у скифов 27—29, 50, 51, 115—118,

120—122, 128, 183, 185, 189, 190, 198, 217, 229, 231, 278, 281

Племенные подразделения у скифов 112, 119, 169

Племя, племенная организация 105, 114, 169, 172, 184, 191, 197,

- 206, 209, 214, 225, 238, 244, 251
у иранцев 104, 105, 281, 282
у кочевников 33, 35, 60, 86, 105, 106, 119, 129, 142, 150, 161 — 163, 185, 188, 196, 198, 262, 268, 269
у скифов 25, 29, 49, 51—54, 87, 90, 112, 115—121, 123, 128, 155, 156, 158, 162, 182, 183, 185, 188, 189, 199, 206, 213, 214, 229— 231, 235, 264, 276, 277, 281
- Побратимство 107—111
у скифов 100, 102, 107—111, 281
- Положение женщин
у кочевников 83—86, 106
у скифов 77—79, 83—86, 88, 94, 240
у сарматов 20, 84—86
- Полукочевое (скотоводческо-земледельческое) хозяйство 11, 12, 58, 132, 239, 255
- Право первой ночи 77
- Присваивающее хозяйство 7
- Производительность труда в кочевом хозяйстве 93, 141
- Производящее хозяйство (экономика) 6, 8, 9, 93, 131, 274
- Рабство 27, 33, 80, 132—139, 159, 160, 164, 200, 282
у кочевников 26, 33, 130, 139—150, 161, 162, 200, 255, 282
у скифов 20, 26—31, 48, 52, 77— 79, 133-142, 152-157, 159, 160, 200, 226, 229, 239, 242, 250, 265, 275, 281
у туарегов 147
- Раздача имущества 184
- Разложение первобытнообщинных отношений 9, 26, 108, 134, 159, 171, 172, 184, 237, 268
- Раннеклассовое общество и государство 74, 109, 172, 177, 184, 200, 237
- Раннеклассовые отношения у кочевников 33, 35, 130, 163, 184, 190, 244, 245, 254, 256, 258—262, 267, 273
у скифов 27, 29—31, 35, 163, 237, 244, 245, 250, 259, 264, 267
- Ранчо капиталистическое 6, 141, 148
- Религия скифов 36—42, 47, 53, 88, 91, 108, 110, 112, 120, 126, 130, 169—171, 176, 177, 180, 181
- Ремесло (ремесленники) у кочевников 140, 144, 146, 201, 255, 257, 258
- Ремесло (ремесленники) у скифов 139, 201, 230, 241, 256, 282
- Референтивная система 88
- Род, родовая организация 49, 58, 81, 82, 102, 103, 105, 106, 172
- генеалогический 105
у иранцев 56, 104, 105
у кочевников 32—34, 82, 105, 119, 129, 130, 142, 150, 162, 178, 185, 187, 196, 197
у скифов 28, 58, 65, 104—107, 111, 128, 194, 264, 277, 281
- Родовые подразделения у скифов 62, 101-106, 122, 123, 181, 183
- Родство, родственные отношения 57, 60, 61, 76, 81, 82, 87, 90, 93, 99—103, 105—107, 109—111, 127, 128, 188
- генеалогическое 41, 81, 82, 99, 100, 103, 105, 106, 127
кровное 41, 81, 82, 99, 100, 103, 105, 106, 127
фиктивное 51, 54, 103, 105, 106, 127, 207, 264
- Рядовые свободные кочевники 24, 56, 143, 163, 167, 178, 200, 217, 225, 252, 253, 258, 261
- У скифов 43, 49, 56, 57, 68, 101, 104, 135, 136, 152, 164—167, 179, 181, 183, 185, 186, 188, 191, 194, 200—202, 237, 240, 243, 244, 264, 276
- Сати 79, 279
- Сатрапии персидские 112
- Саун 33, 150
- Седентаризация (оседание) кочевников 11, 13—14, 76, 127, 129, 139, 150, 151, 233, 257—260, 262, 263
- Седентаризация скифов 11, 28, 62, 67, 72, 73, 101, 123, 150, 188, 199, 233, 235, 239, 244—249, 259, 282
- Семейно-родственные группы 68, 82, 100, 101, 103, 104, 278, 279
у кочевников 59, 82, 100, 101, 103
у скифов 61, 62, 64, 103, 123, 127
- Семья 55—68, 82, 93—95, 100, 101, 103-106, 109, 130, 135, 146, 150, 164, 165, 184, 196, 278, 279
большая расширенная 62, 82, 94, 95, 278
малая 55, 56, 59, 62—66, 72—74, 76, 82, 95, 100, 278, 279
малая нуклеарная 56, 59, 67, 73, 76, 278, 279
малая обособленная 59, 69, 74, 278, 279
малая полигамическая 67, 278
неразделенная 63, 64, 278, 279
неразделенная расширенная 278

ограниченно-расширенная 64, 74,
76, 94, 95, 278 парная 67
патриархальная 28, 55, 65, 66, 72 полигамическая 55,
96 расширенная 62, 64—68. 72—74, 76, 82, 87, 95,
100, 278, 279 Системы родства 32, 87 малайская
(гавайская) 87 типа омаха 87 Скептухи (социальная
прослойка в
Скифии) 181, 182, 187 Скотоводство 5—14, 93,
95, 131, 132, 139, 145, 147—150, 164—166, 240,
247, 252, 254, 265, 266, 269, 273 Собственность
91—93, 125, 280 на движимое имущество у ко-
чевников 91—93, 100, 280 на землю (пастбища)
у кочевников 33—35, 91, 106, 125, 126, 128—130,
253, 254, 284 на скот у кочевников 9, 33—35,
92, 93, 139, 141, 280, 284 у скифов 25, 55,
91—94, 100, 106, 125—127 Сословия общественные
44, 45, 50, 114, 200, 201 в индоевропейцев 49,
132, 164,
168, 200, 201
у кочевников 33, 35, 150, 151,
178, 179, 189, 192, 193, 197, 198,
200, 252, 262
у скифов 20, 43—47, 49, 53, 132,
148—154, 164—109, 249, 250,
277
Социальная дифференциация
(стратификация) 12, 13, 22, 26, 28, 32, 33, 43—45,
49—51, 53, 98, 109, 131—202, 214, 217, 224, 228,
240, 243, 248, 252, 276, 281, 282 Социальный статус
93, 96, ПО, 165,
182, 184, 193, 196 Стихийные бедствия у кочев-
ников
149, 150, 251, 269 Стойки 16, 21, 88 Счет род-
ства 86, 87, 90, 93
Таборное кочевание 10—12, 232 Тебеневка 8
Тернарные (троичные) структуры 43, 49, 128,
129, 132, 170 Территориальные связи в кочевни-
ков 106, 120, 123, 127, 129, 130
Типология кочевничества и типы
кочевания 6, 7, 10—13, 232, 239,
244, 252, 268, 269 Торговля (купцы, купечество)
131,
235
у кочевников 178, 201, 256, 258, 260
21 Зак. 880

у скифов 201, 240—244, 246, 250, 259 Травестизм 89,
91 Троичная социальная организация
43, 49—51, 98, 131, 200, 201, 277
Уксорилокальность 87 Улусная система 122,
196—199
Ульtimoгенитурa см. минорат
Феодализм и феодальные отношения у кочевников
(кочевой феодализм) 25, 27, 31, 33—35, 253, 254,
266—268, 273 Формы эксплуатации
131—164, 167, 200, 237, 245, 254, 255 у кочевников
26, 27, 35, 130, 137—148, 150, 151, 160,
164, 167, 190, 191, 200—202, 252—255,
257—259, 261—263 у скифов 26—29, 31, 131
— 142, 148—160, 167, 188, 200, 222,
224—228, 237—239, 243—245, 248, 249, 259,
264, 265 Функциональная школа в этнографии 91
Хозяйственно-культурные типы у кочевников 6, 7,
142, 268, 271, 272
Хотон калмыцкий 112
Цари (басилевсы) киммерийские 198, 203, 215
Цари (басилевсы) скифские 25, 27, 37, 39, 44, 47, 52,
53, 77, 78, 89, 90. 100, 103, 107, 109, 112—114, 122,
124, 127, 128, 151, 153, 154, 157, 158, 167,
170—172, 174—178, 181, 182, 185—187, 192—195.
197—199, 204—206, 209, 218, 221, 224, 226, 228,
231, 235—238, 242, 244, 247, 277, 282
Царский род у кочевников 96, 104, 122, 187, 188,
192—197, 199, 200, 224, 262, 264
Царский род у скифов 42, 44, 46, 49, 52, 53, 56, 91,
94, 96, 104, 113, 122, 164, 168, 175, 191—202, 205,
224, 229, 237, 249, 277
Человеческие жертвоприношения 134—137,
173, 174 у кочевников 79, 146, 194 у скифов 78.
79, 112. 134—136, 139, 186. 193, 227, 279
«Черная кость» у казахов 193
Эволюционизм 25

Эвпатриды 179
 Экзогамия 106
 Экология кочевничества 5—14, 32,
 141, 147, 265, 266, 269, 274
 Энареи 20, 89, 91, 168, 169, 175—177, 201 Эндо-
 гамия 106, 281
 Эпос 15, 41—46, 49, 50, 53, 55, 77, 181, 281
 древнеиранский 41, 42, 44—46, 49, 50, 52, 54,
 277
 осетинский (нартский) 44, 40, 50, 53, 89, 90
 огузский (Деде-Коркут) 142, 145, 181, 184, 186
 скандинавский 42
 скифский 24, 36—54, 88, 93, 94, 96—98, 104,
 106, 110, 111, 113, 118, 123—125, 127, 168,
 180, 192, 197, 204, 205, 207, 215, 216, 1229, 232,
 236, 237, 242, 276—278, 280
 тюрко-монгольский 41, 53
 Эпоха классообразования 74, 109, 110, 136, 177,
 215, 245, 252, 267, 268, 271, 273
 Этногеография Скифии 52, 113,
 114, 231, 233
 Юниорат см. минорат

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абавх 55, 56, 77
 Абаев В. И. 213
 Аблай 253
 Абрамзон С. М. 105, 283
 Абу-л-Хайр 255
 Агар 199
 Агафигрс 37. 48
 Агаэт 235
 Агни 44
 Агуда 255
 Адам 106
 Адонис 176
 Адриан 161
 Алагата 49
 Алан-Гоа 195
 Ал-АйНИ 149
 Ал-Бекри 145
 Ал-Макризи 149
 Ал-Омари 149
 Александр Македонский 20, 45, 219, 225,
 245 Ал-иатт 223
 Алиев И. 219
 Алкман 192, 277
 Амага 195
 Амагерасу 88
 Амизок 111, 123
 Аммиан Марцеллин 129, 143, 162, 173, 190
 Анахарсис 87, 89, 174—177, 181, 183, 192
 195, 202, 234, 235
 Анахита 176
 Андокид 87, 138 Анна Иоанновна 96
 Анна Комнин 145
 Аполлодор 21, 176
 Аполло Нид 77, 198
 Аполлоний Родосский 247
 Аргимпаса 168, 177
 Арес 112, 134, 171
 Ариант 167
 Ариапиф 77, 78, 80, 96, 167, 187, 195, 235 Ариа-
 рамн 195
 Аристей Проконесский 18, 204, 205, 207, 277, 282
 Аристов Н. А. 33
 Аристотель 20, 89, 156, 175
 Аристофан 20, 138, 148
 Арпоксай 36—38, 47, 48, 50, 52, 198, 278
 Арсаком 92, 186
 Артамонов М.И. 28, 43, 68, 80, 103, 124, 125, 154,
 162, 205, 228, 230, 237, 275, 276, 281
 Артемидор Эфесский 21
 Арунгазы 253
 Арутюнов С. А. 4
 Аршакиды 197
 Асархаддон (Ашшурахиддина) 207. 209,
 218, 224 Астиаг 223
 Атей 21, 123, 139, 151, 152, 102, 193, 195, 238, 2.30,
 241, 242, 244, 245, 247
 Аттила 190, 197, 222, 267
 Атгис 176
 Афина Паллада 88, 242
 Афинеи 21, 156, 235 Афродита 88—90, 168, 176, 177
 Ахемениды 49, 246
 Ахилл 242
 Ахсартакката 49
 Ахура Мазда 44
 Ашина 193
 Ашшурбанипал 283
 Аюка 96

- Багале́й Д. И. 25
 Барак 270
 Бараш 253
 Бартольд В. В. 33, 284
 Батрадз 89, 90
 Батыр 270
 Белушезиб 209
 Белявский В. А. 208, 209
 Бенвенист Э. 43, 44, 48, 50, 51, 184
 Берзин Э. О. 136
 Бессмертный Е. К. 277
 Бижанов М. 255
 Бируни 50
 Бицента 80
 Блаватская Т. В. 22, 192
 Блаватский В. Д. 148, 154, 160, 164
 Болтенко М. Ф. 276
 Болтон Дж. 207, 277
 Боннель Э. 276
 Бората 49
 Борей 143
 Бранденштайн В. 122, 276, 277
 Брашинский И. Б. 284
 Брюсов А. Я. 30
 Бунды 261
 Бэкон Е. 105
Вайнштейн С. И. 69, 279
 Вегерд 49
 Великая богиня-мать 176
 Вернардский Г. 31
 Виноградов В. Б. 218, 227, 283
 Виноградов Ю. Г. 4
 Владимирцов Б. Я. 33, 34, 269
 Вэй Люй 190
 Вязьмитина М. И. 65, 279
 Газан-хан 262
 Ганина О. Д. 84
 Гекатей Милетский 18, 23, 204, 205, 282
 Гелланияк 17, 18, 281
 Гелсш 38, 48
 Геракл 38, 41, 94, 192, 242, 248
 Герион 37
 Гермес 250
 Геродот 17—20, 22, 23, 28, 36, 3&— 41, 45, 49, 51, 52, 55, 56, 76—78, 80, 83, 86, 88, 92—94, 99—104, 106, 107, ПО, 111, 113-126, 133, 134, 138, 153—155, 158, 166—172, 174—181, 183—187, 192-194, 197, 198, 200—202, 203—209, 214— 216, 219, 221—225, 227—234, 236, 237, 241, 242, 276, 277, 281—283
 Гесиод 207
 Гете 267
 Гиппократ 20
 Гиршман Р. 219
 Гнур 175, 192, 202
 Гомер 87, 207
 Гордлевский В. А. 3
 Готье Ю. В. 26, 27
 Граков Б. Н. 4, 22, 29, 30, 39—41, 43, 58, 61, 88, 94, 123, 124, 138, 167, 176, 192, 207, 211, 215, 216, 237, 238, 241, 244, 250, 277, 281
 Грантовский Э. А. 49, 276, 277
 Григорьев В. 157, 257
 Гримм Я. 96
 Грязнов М. П. 284
 Гумилев Л. Н. 266
 Гутшмид А. 276

 Давкет 282
 Дамаст 18
 Дандамис 111, 123, 150
 Дарий I 40, 47, 52, 83, 87, 112, 122, 158, 175, 197, 229, 231, 232, 236, 238, 244
 Дебец Г. Ф. 214
 Деметра 250
 Демодам 23
 Демосфен 241
 Деркетто 176, 177
 Джелаириды 262
 Джемшид см. Йима
 Диллер Г. 20
 Дин он 170
 Диодор 21, 36, 37, 42, 53, 54, 158, 198, 204—209, 214, 216, 221, 248, 283
 Дион Хрисостом 137
 Дионисий Галикарнаокий 17
 Диофант 250
 Доватур А. И. 17, 175
 Дурис 21
 Дьяконов И. М. 112, 201, 205, 212, 213, 219—221, 223, 283
 Дюмезиль Ж. 23, 31, 39, 43—45, 48, 49, 52, 54, 89—91, 131, 132, 168, 180, 181, 200, 201, 202, 276

 Евбйот 22
 Евдокс 17, 18, 160
 Евмел 199
 Елагина Н. Г. 76, 101—103, 249, 278
 Ельницкий Л. А. 53, 169, 176
 Елюй Чу-цай 145, 258, 262
 Ехидна 36, 37, 39, 42, 92, 177, 192

Житецкий И. А. 150 **Жичжо** 190
 Жуковская Н. Л. 279
 Зевс 36, 37, 47, 98
 Златкин И. Я. 35
 Зопирион 245
 Зороастр 50
Ибн-ал-Асир 163, 259
 Ибн-Бату́та 284

Ибн-Фадлан 279, 284
Иванов В. В. 131
Иданфирс 47, 52, 175, 192, 197, 236
Иеремия 219, 222, 223
Иессен А. А. 210
Ильинская В. А. 30, 79, 207, 211, 232—234, 281
Иниомей (Иненсимей) 192, 250
Иордан 235
Иосафат Барбаро 269
Иредж 50 Исюда 176 Иомений 242 Исократ
20, 238 Ишпакай 207, 208, 218 Иштар 176
Йима (Джемшид) 44, 181
Йунус 263
Кавеньяк Э. 219
Каллимах 207
Калл истов Д. П. 17, 18, 20, 29, 284
Каменецкий И. С. 273
Камерон Дж. 221
Канит 248
Карагодин А. И. 280
Караханиды 261
Кармышева Б. Х. 279
Касим 8, 252, 253
Кеюмарс 42, 57
Киаксар 209, 221, 223, 224, 228
Кибела 175—177
Кир II 281
Кирхофф П. 105
Кичик-Мехмед 269
Клеарх Солийский 20, 156, 179, 183, 239
Климент Александрийский
89, 175—177 Кляшторный С. Г. 4
Кокочу 178
Колаксай 36, 37, 43, 47, 48, 50—53, 94, 111,
127, 128, 192, 195, 198, 206, 277
Кораки 108
Косвен М. О. 101
Коте Г. 276
Крез 223
Кречмер К. 31, 89
Кристенсен А. 38, 43, 44, 49
Кронос 98
Крэдер Л. 105, 265
Крюков М. В. 101
Ксенофонт 206, 227, 283
Ксеркс 177
Ктесий 195
Куклина И. В. 4, 20
Куно Й. 276
Курций Руф, Квинт 45

Лань 187
Лаошань-шаньюй 167
Л аппо-Данилевский А. С. 25, 26, 55, 102
Латышев В. В. 192, 282
Лашук Л. П. 30, 35
Левкон I 241
Левшин А. 253
Лесков А. М. 4, 65, 210, 211, 213, 215, 283
Ли Лин 190
Лик 192
Линтон Р. 80
Липоксай 36—38, 47, 48, 50, 52, 198, 278
Литвинский Б. А. 58
Лоихат 186
Лоуи Р. 80
Луаньти (Сюйляньти) 192
Лукиан 22, 43, 55, 56, 68, 78, 92, 100, 102, 104,
106—108, ПО, 111, 123, 137, 157, 164, 165,
171, 179, 181, 183, 191, 200, 202, 227
Мадий 192, 195, 208, 209, 220, 221, 283
Майский И. М. 165, 266
Марин 17
Марков Г. Е. 35
Маркс К. 141, 257
Марсагет 195
Махмуд Кашгарский 151
Мачинский Д. А. 56, 208, 226
Мелетинский Е. М. 4, 97, 280
Меликишвили Г. А. 237
Мелкокоа А. И. 61, 62, 216, 279, 281
Мин 256
Мирза Хайдар 263
Митридат VI Эвпатор 17, 21, 157, 198, 250
Мищенко Ф. Г. 277
Модэ (Маодунь)-шаньюй 129, 168, 190,
217, 259, 280
Мюлэ М. 49, 50, 54
Морган Л. Г. 72, 87
Моруженко А. А. 72, 189
Мухаммед 178
Мэрдок Дж. 87, 101
Надирадзе Л. И. 148
Нап 38, 54, 205, 206
Нибур Г. 139
Низе Б. 19
Никандр 170
Николай Дамасский 21, 87, 88
Нурали 270
Нюберг Г. 217
Овидий 21, 108, 142
Одиссей 84, 130

Одоакр 272
 Октамасад 77, 78, 195, 237
 Опия 77, 78, 80, 83, 96
 Орест 108, 130, 171
 Орик 77, 80, 96
 Оросий 21
 Осирис 176
 Османы 225, 262
 Пал 38, 54, 205, 206
 Палак 96, 192, 195, 198, 247, 250
 Паллас П. С. 164
 Папай 192
 Пенелопа 84
 Перисад I 239
 Перисад V 158
 Перисад, сын Сатира 199
 Першиц А. И. 145
 Петров В. П. 43
 Пилад 108, 130, 171
 Пиндар 20, 92, 148, 149, 184
 Пиотровский Б. Б. 219
 Плано Карпини 12, 69
 Плезя М. 23
 Плетнева С. А. 145, 257
 Плиний Старший 17, 23, 119, 156, 198, 205—207, 219, 248, 283
 Плутарх 77, 143, 195, 205, 207
 Полибий 137
 Полиен 21, 128, 151, 152, 154, 195
 Помпей Трог 21, 77, 221, 222
 Помпоний Мела 17
 Попай 270
 Посидей 187
 Посидоний 21, 77, 197, 198
 Приск Панийский 144
 Протоген 23, 115, 119, 157, 181, 182, 187
 Прототий (Партатуа) 192, 195, 208, 209, 218, 220, 221, 224, 283
 Псамметих 221
 Псевдо-Гиппократ 19, 20, 78, 83, 89, 92, 133, 148, 164, 168, 169, 179
 Птолемей 17, 119, 169
 Пьянков И. В. 23, 161
 Пюрвеев Д. 69
 Равдоникас В. И. 25, 26
 Радлов В. 95
 Раевский Д. С. 4, 54, 63, 64, 94, 181, 192, 279
 Рашид-ад-Дин 5, 95, 262, 269
 Рея 176
 Ростовцев М. И. 16, 17, 21—23, 25, 26, 31, 180, 189, 206, 215, 227, 246, 275, 277
 Рубрук 95
 Руденко С. И. 7, 92, 165
 Рузбехан 146, 256
 Руса I 208
 Руссо Ж.-Ж. 175
 Савлий 168, 175, 192, 196
 Сайтафарн 157, 187
 Саллюстий 23
 Санджар 255
 Саргон II 283
 Сатир 199
 Селевкиды 260
 Сельджукиды 197, 225, 255, 261, 262
 Сельм 50
 Семенов-Зусер С. А. 25, 89, 112, 281
 Сефевиды 225
 Сизимитр 280
 Скил 77, 78, 80, 86, 96, 158, 186, 195
 234»—237
 Скилур 77, 96, 187, 192, 195, 198, 247, 251
 Скиф 37, 42, 94, 192, 276
 Скифарб 195
 Скопасис 52, 197, 236
 Словцов И. 164
 Смирнов А. П. 27, 30, 89
 Смирнов К. Ф. 59, 92, 264
 Соболевский А. И. 276
 Сократ 227
 Солин 283
 Софония 15
 Спаргапиф 192
 Спенсер Г. 25
 Стемпковская Л. П. 61
 Стемпковский И. Я. 61
 Стефан Византийский 235
 Страбон 12, 17, 36, 41, 77, 87, 90, 130, 137, 155, 157, 169, 170, 182, 197, 198, 219, 220, 232, 238, 241-244, 247, 284
 Стратановский Г. А. 277
 Струве В. В. 18, 21, 199
 Сыма Цянь 126, 128, 167, 187, 256
 Сырдон 90
 Сюиту 187
 Тагимасад 181
 Таксакис 52, 197, 236
 Тамим ибн Бахр 11
 Таммуз 176
 Таньшихуай 128
 Таргитай 36, 38—42, 47, 53, 88, 103, 106, 18, 277
 Таскин В. С. 92, 129, 187, 197, 280
 Тахир 252, 253
 Тацит 26, 162, 173, 182, 281
 Терей 77
 Тереножкин А. И. 30, 207, 210-212, 275, 281
 Тимн 175, 177, 187, 235
 Тобо-хан 163
 Токсарис 78, 107, 165, 281
 Толль Н. П. 31
 Толстов С. П. 27, 33, 139, 140, 217

- Толыбеков С. Е. 34, 165
Томашек В. 276
Троицкая Т. Н. 65, 279
Тугдамме (Лигдамис) 220
Тур 50
Тэйлор Э. 25, 80, 90
Угэдей 258
Узбек 252
Уран 98
Фалес Милетский 223
Фань Е 74, 149, 187
Фарзой 192, 247, 250
Федоров-Давыдов Г. А. 35
Феодосии II 161
Феопомп 21
Феофан Митиленский 21
Ферекид Лерийский 46
Феридун 50
Филипп Македонский 20, 21, 243
Филон Иудей 80
Флакк, Валерий 276
Фронтин 21, 151, 152
Фрэзер Д. 80, 95, 124
Фукидид 17, 30, 234
Хазанова И. А. 4
Хайдер Рази 252
Халилов Дж. А. 219
Хамыщ 89, 90
Худайменды 253
Хулагуиды 219, 262
Хушенг 40, 50
Хуянь 187
Цезарь, Гай Юлий 25, 173
Цылими 284
Цюлинь 187
Чайлд Г. 194
Чеби-хан 144
Черненко Е. В. 4, 79
Черников С. С. 228, 284
Чжунхан Юэ 82, 167
Чиковани М. Я. 44
Чингисхан 122, 129, 178, 193, 195-197, 216, 254, 263, 260
Членов М. А. 4
Членов а Н. Л. 30
Чобаниды 262
Чуло-хан 144
Чэуну 92
Шамаш 218
Шафранская Н. В. 115
Шейбани (Шайбанш) 181, 256
Шелов Д. Б. 31, 138, 160, 279 .
Шериф ад-Дин йезди 270
Шкурко А. И. 4
Штейн Г. 282
Шульц П. Н. 70, 96
Щеглов А. Н. 71, 279
Эберт М. 31
Эврипид 108
Эйнштейн А. 264
Эмннак 242
Энгельс Ф. 160, 254
Эней 40
Эрасистрат 149, 150
Эратосфен 21
Эсхил 226, 227
Эфор 16, 17, 21, 87, 88
Юстин 77
Юшков С. В. 26, 27
Яхве 222, 225
Яценко И. В. 60, 94, 103, 208, 281

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ

- Австралия 108, 141
Адмиралтейства о-ва 136
Азербайджан 219, 283
Азия 41, 169, 203—205, 212, 221, 222, 228, 231—234
 Малая 7, 131, 138, 208, 216, 221- 222, 261
 Северная 6, 7
 Средняя 24, 75, 82, 143, 161, 212, 230, 260, 262, 275
 Центральная 256, 275
Азовское море (Меотида, Меотидское озеро) 13, 37, 56, 155, 204—206, 226, 227, 241
Акмолинская область, адм., бывш. 164
Албания кавказская, ист. 169
Алтай 12, 193
Америка 148
 Северная 202, 243
 Южная 202
Амударья 170, 204, 206
Аньян, гор. 194
Аравия 148
Араке 203—206, 283
Арат, ист. 219 Аргентина 141 Армен-
ния 219

Аскалон, гор. 88, 176
 Ассирия 207, 218, 220, 224, 283
 Атропатена, ист. 219
 Аттика, ист. 241
 Афганистан 262
 Афины, гор., ист. 16, 88, 138, 241
 Африка 7, 110, 147, 173
 Северная 6—8
 Ашкуз (Ашкеназ) см. Первое Скифское царство
 Балканский п-ов (Балканы) 216, 234, 239, 242, 245
 Березанский лиман 70
 Бин-чжеу, гор. 144
 Ближний Восток см. Передняя Азия
 Болгария Волжская, ист. 190
 Борисфен см. Днепр
 Боспор см. Боспорское царство
 Боспор Киммерийский (Керченский пролив) 227
 Боспорское царство (Боспор) 19-22, 186, 192, 199, 205, 230, 240, 242, 250, 251, 282
 Буг 26, 71, 115, 206, 246
 Бугский лиман 70
 Византии, гор. 242
 Византия 157
 Волга 204, 269, 283
 Ворскла 281
 Восточное Цзюйми, ист. 75
 Гераклея Понтийская, гор. 159
 Германия 96
 Герры, местность в Скифии 114, 194
 Гилея, местность в Скифии 37, 158, 175
 Гиланис ом. Буг Главный Кавказский хребет 205, 206, 226
 Греция 17, 20, 28, 89, 108, 138, 174, 175
 Грузия 44
 Гуаньду 75
 Гутиум, ист. 160
 Давань, ист. 160
 Дагомея 136
 Дахя, ист. 161
 Дешт-и-Кыпчак, геогр., ист. 11, 119, 252, 253
 Джунгария 255
 Днепр 26, 36, 39, 42, 65, 70, 71, 113, 126, 139, 239, 244, 248, 249, 281
 Днестр 61, 71, 203, 239, 247, 282
 Днестровский лиман 70
 Добруджа, геогр. 192, 239, 247, 248
 Дон 22, 56, 114, 122, 204—208, 215, 216, 226, 227, 231—233, 270
 Донец 189
 Дунай 14, 114, 122, 143, 162, 185, 231, 232, 247, 260, 282
 Евразийские степи, полупустыни и пустыни 6—14, 34, 59, 74, 76, 85, 92, 128, 144, 163, 164, 178, 189, 212, 214, 251, 266—268, 272, 273 (см. также Дешт-и-Кыпчак)
 Евразия 8, 11, 13, 273
 Европа 16, 72, 97, 132, 162, 213, 215, 227
 Восточная 43, 116, 118, 119, 131, 182, 189, 204, 213, 214, 221—223, 226, 227, 245, 261, 282
 Египет 112, 221, 224
 Жокян, ист. 75
 Закавказье 205, 219—221, 223, 227
 Золотая Орда, ист. 12, 13, 25, 26, 31, 81, 143, 146, 149, 163, 196, 219, 222, 230, 268, 284
 Израиль, ист. 169, 222
 Инай (Ингасар), ист. 169, 222
 Индия 46, 170, 177, 201, 257, 262
 Иран (Персия) 18, 32, 44, 50, 56, 105, 112, 130, 170, 177, 194, 196, 197, 201, 225, 260—262
 Ирландия 257
 Истр см. Дунай Истрия, гор. 77
 Ичжи, ист. 75
 Йемен 50
 Кавказ 204, 216, 226, 227
 Северный 206, 208, 226, 260
 Казахские ханства 34, 261, 270
 Казахстан 11, 24, 146, 150, 194, 212, 230, 253
 Кангюй, ист. 75, 161, 190, 260
 Каппадокия, ист. 219
 Кара-даг, горы 219
 Каракалпакия 12
 Каракорум, гор. 12, 258
 Каспиана, ист. 219
 Каспийское море 169
 Кентукки, штат 148
 Керченский п-ов 152, 199
 Киевская обл., адм. 240
 Кизик, гор. 174
 Кировабад, гор. 219
 Китай (Хань) 7, 14, 50, 74, 142, 143, 145, 157, 160, 163, 202, 256, 258-260, 262
 Киш, ист. 194
 Константинополь, гор. 202, 272

- Кремны, торг. пункт в Скифии 55, 56
Крит 159
Крым 26, 63—65, 71, 72, 108, 123, 126, 130, 155, 156, 185, 188, 190, 192, 206, 226, 235, 239, 248, 249
Кура 219
Кура-Аракское междуречье 283
Левобережье Днепра 117, 118, 130, 233, 234
Лесостепная зона Восточной Европы (лесостепь) 28, 43, 67, 72, 73, 79, 84, 101, 116—(Ив, 121, 137, 139, 182, 189, 215, 217, 229, 235, 238, 240, 241, 244—246, 278, 281
Лидия, ист. 223
Мавераннахр, «ст. 256, 260, 261, 263
Малая (Меньшая) орда, казахская 253
Манна, ист. 207, 218, 220
Маныч 13
Мари, ист. 194
Меланезия 136, 172, 202
Меотидское озеро см. Азовское море
Месопотамия, ист. 214
Мидия, ист. 155, 170, 219—221, 223, 224
Микены, ист., гор. 194
Минни, ист. 219
Могулистан, ист. 253, 263
Монголия 7, 11, 12, 141, 145, 150, 194, 265 Автономная Монголия 265, 266
Муганская степь 219
Неаполь скифский, гор. 63, 64, 66
Никополь, гор. 60, 79
Нил 205, 221
Ниневия, гор. 2121
Новая Британия, о. 136
Новая Ирландия, о. 90
Нубия, ист. 194
Одесса, гор. 70
Ольвия, гор. 24, 55, 69, 77, 113—115, 118, 137, 152, 157, 158, 167, 175, 186, 187, 235, 241, 243, 245, 250
Орджоникидзе, гор. 79, 280
Ордос 82, 178
Палестина 221, 225
Памир 6
Пантикапей, гор. 185, 199, 235, 242
Парфия см. Иран
Побужье 188, 189, 235
Поволжье 149, 210
Поворсклье 189
Поднегтровье см. Приднепровье
Полинезия 173
Понт см. Черное море
Посулье 189
Правобережье Днепра 117, 118, 189, 235, 240, 281, 284
Предкавказье 12, 37, 42, 53, 206, 207, 213, 215, 216, 226—228, 231
Приазовье 207, 213, 216, 282, 284
Приднепровье 40—42, 53, 56, 63, 123, 152, 230, 235, 240, 246, 248, 249
Прикубанье 227
Псел 189
Пули (Сырлык), ист. 75
Пулэй, ист. 75
Рим, ист. 28, 50, 134
Восточная Римская империя 222, 256
Западная Римская империя 272
Россия (Русь) 11, 17, 31, 190, 200, 222, 253, 262
Рум, ист. 50
Савалан-даг, горы 219
Сакасея, ист. 219
Саламин, о. 138
Сарай-Бату, гор. 258
Сарай-Берке, гор. 258
Сарды, гор. 223
Саттон Ху, геогр. 194
Сахара 6, 7, 86, 147
Северное Причерноморье 9, И, 13, 15—17, 19, 20, 23, 24, 28, 30, 29—41, 46, 108, 116, 117, 119, 137, 138, 154, 155, 157, 164, 171, 192, 204, 205, 207—216, 218, 220, 223—226, 228, 229, 231—234, 238, 239, 241, 244, 246—248, 251, 263, 267, 268, 276, 283
Сибирь 53
Южная 179, 212
Сийе (Юльэрея) 75
Симферополь, гор. 64, 66, 96
Сирия 89, 138, 221, 224, 260
Скифия 16, 19—22, 25—31, 36, 41, 43, 44, 48, 49, 51—53, 55, 63, 68, 72, 94, 102, 104, 107, 108, ПО— 116, 118, 119, 122, 123, 127, 128, 137—139, 148, 152, 154, 165, 167, 170, 171, 177, 179, 181, 188, 191—195, 197—199, 201, 227, 230, 231, 234, 238—241, 243—248, 250, 251, 275, 277—279
Малая Скифия в Добрудже 157, 192, 247, 248
Малая Скифия в Крыму и Нижнем Поднепровье 247—249

Скифское племенное объединение (Скифский племенной союз) 28, 29, 41, 51, 53, 54, 106, 118, 119, 156, 207, 214, 216, 217, 224, 283
Скифское царство 25—20, 38, 39, 42, 47, 52, 53, 113, 114, 116, 119-123, 125, 127, 153, 158, 167, 183, 187, 189, 197—199, 206, 275
Первое Скифское царство (Аш-куз, Ашкеназ, Скифское царство в Азербайджане, Скифское царство в Передней Азии) 218-225, 227, 229, 259
Второе Скифское царство 229-246, 259
Третье Скифское царство (Скифское царство в Крыму, Позднескифское царство) 28, 30, 128, 139, 187, 191, 192, 248—251, 259 (см. также Малая Скифия в Крыму и Нижнем Поднепровье)
Спарта, ист. 159, 237
Средиземноморье 242, 247
Средняя орда, казахская 253
Ставрополье, геогр. 149
Старый Крым, гор. 65
Степная зона Восточной Европы (степь) 23, 43, 62, 67, 68, 72, 73, 79, 84, 116, 117, 139, 152, 182, 188, 189, 192, 229—233, 238—241, 243, 246, 268, 273, 282
Судак, гор. 163
Сула 189
США 41

Таврида см. Крым
Таврическая губ., адм., бывш. 271
Таврическая степь 248
Таджикистан 76
Таяаис, гор. 137, 241
Танаис, р. см. Дон
Термодонт, р. 56
Тибет 6
Тирас см. Днестр
Тисса 283
Тмутаракань, гор. 163
Тробриан, о-ва 173
Троя, гор. 208
Тува 7, 12, 69, 150

Туран, ист. 50
Туркестан, ист. 11, 50, 163, 260
Тюркский каганат 27, 144
Тянь-Шань 212
Тясмин 189, 230

Украина 284 Ур, гор., ист. 194
Урарту, ист. 208 Урмия, оз. 219
Успа, гор. 162 У сунь, ист. 260

Фат, р. 158
Фате, о. 136
Фессалия, ист. 159
Фиджи, о. 136, 173
Фракия 138, 205, 206, 234, 245, 247
Хагас, ист. 190
Хазарский каганат 13, 25, 26, 31, 260, 267
Ханаан см. Палестина
Херсон, гор. 241
Херсонес, гор. 242, 250
Хорасан, ист. 261
Хотан, ист. 160
Хэнань, ист. 142
Хюсюнь, ист. 75

Ци, ист. 163

Черное море (Понт) 16, 137, 138, 204, 220, 232, 235, 242, 247
Чжоу, ист. 163

Шакашен (Шикашен), геогр. 219
Шаке, геогр. 219
Шаныпань (Лэулань), ист. 75
Шикакар, геогр. 219
Шумер, ист. 136

Эксампей, местность в Скифии 167
Эллада см. Греция

Юйту (Уш), ист. 75

Яксарт см. Амударья Янь, ист. 161

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ

Авары 11
Авхаты 23, 37, 39, 48, 49, 51, 118, 119, 206, 276, 277
Авхеты 206, 283
Агафирсы 54, 76, 231

Аккадцы 214
Алазоны 113, 115, 116, 118, 130
Аланы 22, 129, 143, 162, 267
Алеуты 281
Амиценсы 282

Амореи 214
 Анареи 169
 Анариаки 169
 Англичане 257
 Андрофаги 231
 Арабы 106, 282
 Араваки 90 Арамеи 214
 Арии 41
 Аримаспы 204, 206
 Асампаты 206
 Ассинобойны 110
 Ассирийцы 218
 Ата 178
 Атернеи 206
 Афиняне 20
Баганда 110, 173
 Байян 190
 Банту 174, 184
 Башкиры 119
 Болгары 249
 Бургунды 173
 Буряты 67, 96, 178
Венгры 11
Галаты 115
 Гелоны 54
 Германцы древние 72, 130, 161, 173
 Герры 114, 115, 116
 Геты 138, 247
 Гипербореи 204
 Греки древние (эллины) 17, 19, 37, 56, 77, 98, 115, 130, 132, 155—157, 160, 168, 170—172, 175, 176, 204, 205, 234, 236, 241—244, 247—249
 Грузины 15
 Гунны европейские 13, 24, 144, 161, 197, 202, 214, 222, 256, 260, 267
 царские гунны 161
 Даги 206
 Даки 138
 Динлины 190
Евреи древние (иудеи) 80, 106
 Египтяне древние 83
Жуаньжуани 140, 163
Инапеи 206
Индейцы 202, 243
 Индоарийцы см. индоиранцы
 Индоевропейская этническая общность (индоевропейцы) 41, 98, 131, 132, 168, 184, 196, 201, 202
 Индоиранская этническая общность (индоиранцы) 41, 46, 131, 132, 168, 196, 201, 202, 214, 254, 256, 268, 265, 269, 272, 284
 Ираноязычные кочевники 41, 46, 213, 217, 220, 267, 272 Иранская этническая общность
 (иранцы) 46, 53, 104, 132, 201 Ирокезы 30 Исседоны 83, 99, 101, 204
Казахи 7, 11, 13, 74, 81, 95, 119, 146, 164, 178, 185, 193, 200, 202, 253, 255, 256, 263, 284 Каллипиды (эллино-скифы) 69, 70, 113, 115, 116, 118, 120 Калмыки 11—14, 68, 69, 81, 82, 95, 96, 141, 147, 149, 150, 164, 178, 185, 265, 284 Каппадокийцы 220 Каракалпаки 81, 119 Каракитаи 163, 260 Катиары 23, 28, 39, 48, 49, 51, 118, 119, 206, 260, 276, 277 Кельты 90, 173, 246 Кимаки 12, 190 Киммерийцы 15, 41, 46, 203—205, 207—211, 213—217, 220, 221, 226, 283 Киргизы 6, 7, 81, 96, 119, 162, 163, 178, 253 Китайцы 74, 143, 144, 188, 192 Кومانчи 111 Коряки 7 Котиеры 206 Курды 269 Кутии 214 Кушаны 260 Кыпчак 119
 Лауфань 190 Ливийцы-адярмахиды 77 Ливийцы-гиндане 77 Ливийцы-махлии 77 Ливийцы-насамоны 76 Лидийцы 76 Ликийцы 83
Майя 136
 Макуши 90
 Маньчжуры 106
 Массagetы 76, 77, 83, 99, 101, 203, 206
 Махтум 178
 Меланезийцы 90
 Меланхлены 231
 Меоты 83, 137, 138, 227, 228
 Мидийцы 180, 219, 223
 Миксэллины 115
 Милетяне 235
 Могулы 263
 Монголы 3, 11, 13, 14, 34, 68, 80—82, 84, 85, 88, 95, 106, 145, 146, 149, 162, 165, 178, 179, 185, 190,

- Напей** 206
Напы 38, 206, 207
Нгуни 174
Невры 231
Ногайцы 119,271
Огузы 11, 12, 145, 151, 162, 178, 184, 185, 261, 284
(см. также торки)
Одрисы 77, 234
Октокорибантии 219
Олвиополиты 19, 70, 114, 137, 172, 186, 256
Осетины 200
Османы 262
- Палеи** 206, 207, 283
Палы 39, 206, 283
Паралаты 37, 39, 48, 49, 118, 119,
277 **Парикании** 219
Парфяне (парны) 196, 197, 225, 260 **Персы древние**
138, 171, 180, 225,
238, 282 **Печенеги** 13, 145, 268, 271 **Пищеюсы** 282
Полинезийцы 136 **Половцы** 13, 145, 162, 163, 190,
268,271
Понтики 220
- Римляне** 17, 40, 143, 161, 162, 257
Роксоланы 161
Русские (русы) 26, 279
- Савроматы** 20, 22, 40, 55, 56, 77,
78, 84, 85, 92, 143, 234
Саи 23, 157
Сакасины 219
Саки 46, 83, 129, 206, 220
царские саки 161
Саксы 194
Санареи 160
Сарматы 3, 12, 13, 22—24, 75, 83, 85, 129, 137,
138, 142, 143, 161,182, 202, 246, 251, 265, 267
(см.
также аланы, савроматы, сираки, роксоланы,
язиги) **сарматы-аркараганты** 162, 190
сарматы-лимиганты 162, 190, 282
царские сарматы 161
Сеид 178
Сельджуки 222, 261, 262, 282 (см.также огузы)
Синды 22, 137, 227
Сираки 140, 162, 260
Скандинавы древние 136
- Скиры** 115
Скифы, племя в окрестностях Ольвии 115
Скифы-галактофаги (млекоеды) 87
Скифы-земледельцы 29, 43, 49, 51,113, 115—118,
121, 231, 281
Скифы-кочевники 43, 49, 51, 113, 115—118,
121 **Скифы-пахари** 27, 28, 43, 49, 51, 113,
115—118, 121, 125, 231, 276, 281
Скифы-троглодиты 156
Скифы царские (царские скифы) 23, 26—28, 30,
42, 46, 48, 51—54,114—116, 118, 121, 122, 125, 148,
149, 153, 156, 158, 161, 181, 191, 217, 227, 229, 230,
237, 276—277,281
Сюнну см. хунну Сяньби 128
- Танаиты** 206
Татаро-монголы 11, 259
Татары 26, 81, 85, 117, 143, 146, 149, 222, 249,
270
Тлинкиты 436
Тоба 128, 282
Торки 11, 162, 268
Траспии 37, 39, 48, 49, 51, 118, 119, 276, 277
Треры 216, 220
Трибаллы 138, 151, 239
Туареги 86, 147
Тувинцы 14
Тугухуньцы 81
Турки 257
Туркмены 59, 81, 140, 141, 145, 178,255, 269
Тюрки древние (тугю) 81, 144, 162, 163, 196, 197,
225, 260
Тюркские народы 3, 88, 95, 106, 179, 184, 265,
267, 272, 284
- Узбеки** 76, 81, 119, 146, 178, 185, 254 256
Усуни 12, 75, 92, 140, 161, 190, 197,225
Утигуры 162 **Ухуани** 81, 92, 160, 190
- Фракийцы** 54, 72, 90, 137, 156, 167,
180,216,238,239,246,247
- Хазары** 26, 163, 178
Ходжа 178
Хунну (сюнну) 3, 7, 12, 24, 74, 81, 82/84, 92, 122,
126, 128, 129, 140, 143, 144, 149, 160, 163, 167, 187,
188, 190, 192—194, 196, 197, 200, 202, 217, 224, 256,
258, 259, 265, 267,271, 280,281

Черкесы 31, 200
Чжурчжэни 81, 196, 270
Чукчи 7

Шихи 179

Эвхаты 206
Эллины см. греки древние

Эллино-скифы см. каллипиды
Эфталиты 143

Юэчжи 74, 161

Язиги 143, 161, 162, 260
царские язиги 161
Японцы 88

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Александропольский курган 84, 136, 153, 245
Амударьинский клад 170

Басовское городище 189
Белозерский этап срубной культуры 210
Белозерское городище 241
Бельское городище 241
Беляусский могильник 66, 67
Бешатырские курганы 194
Бориспольские курганы 61
Боярище, могильник 61, 78

Варваровское поселение 70
Викторовка I, поселение 69, 70, 71

Гавриловское городище 71, 72
Гайманова могила, курган 136, 153, 186
Гайманова могила, могильник 57, 278
Городище у с. Городище 189

Дидова хата, поселение 71

Женские погребения с оружием 84, 85, 240, 280

Закисова балка, поселение 69
Заячье городище 126
Знаменское городище 71, 191
Золотая балка, городище 71, 72, 279
Золотобалковский могильник 65, 66, 279

Каменское городище 70, 101, 139, 240, 242, 244, 279, 282
Кара-Гобе, городище 71
Каратуйское городище 189
Катакомбная культура 210, 276
Келермесские курганы 227, 228
Керма, археологическая культура 194

Кировский могильник 60, 79, 278
Кичкасский могильник 280
Козацкое городище 71
Костромские курганы 227, 228
Красное городище 71
Краснокутский курган 245
Красный Перекоп-4, могильник 57, 61, 166, 278
Красный перекоп Р-I/III, могильник 278
Куль-Оба, курган 84, 108, 111, 182, 186, 199, 245
Курган № 1 в бывшем имении Пастака 64
Курган № 2 в бывшем имении Черкеса 64
Курган 1889 г. близ Симферополя 66
Курган 1949 г. близ Симферополя 66
Курган у с. Крыничка 65
Курган у с. Новая Розановка 166
Кугский могильник 134, 278
Лузановское поселение 70
Любарецкий могильник 79
Любимовский могильник 60, 61, 162-166, 278
Любимовское поселение 71

Мавзолей Неаполя скифского 84, 139, 192, 194, 249
Матронинское городище 189
Мелитопольский курган 136
Могильник у с. Беленькое 135, 278, 280
Могильник у рудника Орджоникидзе 79, 280
Могильник у с. Чобручи 61
Мордвиновские курганы 1941
Мордвиновский курган 78

Неаполь скифский, городище 71
Некрополь Неаполя скифского 63, 64, 66, 191, 279
Немировское городище 71

Неолит 8, 9
Николаевский могильник, Одесская обл. 62, 279
Николаевское поселение, Одесская обл. 62, 70, 279
Никопольский могильник 58, 61, 101, 278, 282
Нимфейский могильник 235
Ноинулинские курганы 194
Носачевский курган 283

Отбедо-Васильевское поселение 71

Памятники типа Новочеркаесского клада — Черногоровки 210—214, 283

Петуховка I, поселение 70

Петуховка II, поселение 71

Погребальный обряд 56—67, 78 79, 83, 84, 104, 106, 153, 158, 188, 189, 191, 193, 194, 228, 237, 243, 249, 278—280

Поселение у совхоза «Радсад» 71

Сабатиновский этап срубной культуры 210

Сеньковские курганы 240

Скифская археологическая культура 117, 118, 211, 212, 219, 220, 225, 231, 233, 281

Солоха, курган 84, 108, 111, 136, 153, 182, 186

Солоха, могильник 57, 61, 152, 278

Срубная культура 56, 210—212, 214, 216, 276

Старинский могильник 57, 78, 134, 135

Тавельские курганы 64

Тарпанчи, городище 71

Толстая могила, курган 78, 136, 153, 243

Трахтемировское городище 189

Трипольская культура 276

Ульские курганы 227, 228

Усть-Альминский могильник 66

Чайка, городище 71

Чернолесская культура 215, 281

Черняховская культура 72

Чертоватое, поселение 70

Чертомлык, курган 136, 153, 189, 194, 245

Шевченко-III, могильник 57

Широкая балка, поселение 69, 70

Широкое-II, могильник 57, 278, 280, 282

Широкое-III, могильник 61

Эпоха бронзы (бронзовый век) 9, 41, 45, 46, 57, 60, 92, 117, 132, 209, 212, 276

Южно-Донузлавское городище 71

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Введение. Некоторые аспекты экологии номадизма в евразийских степях.....	5
Глава I. Источники и литература	15
Источники	15
История изучения социальной организации скифов.....	24
История изучения социальной организации кочевников евразийских степей и некоторые дискуссионные проблемы кочевниковедения	32
Глава II. Скифские этногонические легенды как исторический источник	36
Источники	36
Анализ.....	38
Выводы.....	53
Глава III. Семья и брак	55
Формы и численность семьи	55
Особенности семьи у кочевников евразийских степей.....	73
Брак	76
Положение женщин	83
Линейность, локальность и счет родства.....	86
Вопрос о пережитках матрилинейности	88
Формы собственности и порядок наследования	91
Глава IV. Формы социальной организации	99
Низшие звенья социальной организации	99
Род.....	104
Высшие звенья социальной организации.....	111
Вопрос об общине	123
Социальная организация скифов и ее место среди общественных структур евразийских кочевников	127
Глава V Социальная стратификация и формы эксплуатации....	131
Рабы	133
Категории зависимого населения	148
Рядовое свободное население.....	164
Жречество.....	168
Аристократия	179
Царский род.....	191
Выводы	200
Глава VI Скифская государственность и ее место среди государственных образований кочевников евразийских степей	203
Начальный период скифской истории	203
Скифы в Передней Азии.....	218
Скифия в VI—V вв. до н. э.....	225
Скифия в конце V—III в. до н.э.....	238
Скифия в последние века до нашей эры — первые века нашей эры.....	246

О характере государственных образований у кочевников евразийских степей.....	251
Заключение. Общее и особенное в историческом развитии кочевников евразийских степей и принципы периодизации их истории	264
Примечания.....	275
Библиография	285
Список условных сокращений.....	315
Предметный указатель	317
Именной указатель	322
Указатель географических и политических наименований.....	326
Указатель этнических наименований.....	329
Археологический указатель	332
Summary.....	334